

ПОЛИТИКА.

Январь 1861.

РАСТОРЖЕНІЕ СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКАГО СОЮЗА. — ЕВРОПЕЙСКІЯ ДѢЛА.

Крайняя плантаторская партія, или такъ-называемая партія сепаратистовъ (secession—выступленіе, то есть изъ Союза) ведетъ свои дѣла въ хлопчато-бумажныхъ штатахъ Сѣверо-американскаго Союза гораздо успѣшнѣе, чѣмъ сама надѣялась и даже хотѣла бы. Южная Каролина, какъ читатель знаетъ изъ газетъ, уже объявила, что она отторглась отъ Союза; конвенты четырехъ или пяти другихъ хлопчато-бумажныхъ штатовъ въ настоящую минуту вѣроятно уже рѣшили также отторгнуться отъ Союза: въ теченіе января, по новому стилю, должны были для этого собраться конвенты въ Алабамѣ, Флоридѣ, Миссиссиппи и Луизианѣ; Арканзасъ, Сѣверная Каролина, Георгія и Техасъ вѣроятно послѣдуютъ этому примѣру. Сепаратисты надѣются увлечь за собою и такъ-называемые пограничные невольническіе штаты (Border Slave States) Мерилендъ, Виргинію, Кентукки, Теннесси и Миссури. Почему знать? Быть-можетъ этотъ расчетъ исполнится; но если невольническіе пограничные штаты и не будутъ увлечены хлопчато-бумажными, часть, или отдѣлившаяся или уже отдѣляющаяся отъ Союза, составляетъ около третьей доли всего населеннаго пространства Соединенныхъ Штатовъ, занимаетъ всю огромную страну на югъ отъ линіи $36^{\circ} 30'$ сѣверной широты и на западъ отъ линіи 76° западной долготы, отъ Озарскаго хребта до Пимплекской бухты, Мексиканскаго залива и Сабинской рѣки; этотъ громадный четырехугольникъ пространствомъ своимъ равенъ всей Франціи съ цѣлымъ Пиринейскимъ полуостровомъ, составляя около 20,000 квадр. географ. миль; а его населеніе въ 1850 г. составляло болѣе 5,500,000 человѣкъ изъ 23,000,000 населенія всего Союза,—около четвертой части всего числа жителей Соединенныхъ Штатовъ. Такая потеря громадна въ матеріальномъ отношеніи; но еще важнѣе нравственное вліяніе этой катастрофы: если она совершится, весь цивилизованный міръ долженъ подумать, что принципы Сѣверо-американскаго Союза несостоятельны, что Вашингтонъ, Франклинъ и Джефферсонъ мечтали о химерахъ, работали понапрасну. Сама Сѣверная Америка должна будетъ увидѣть это. А катастрофа представляется теперь слишкомъ вѣроятною, чуть ли не неизбежною. Какъ поражены должны быть благородные люди въ Соединенныхъ Штатахъ! Вѣроятно всѣ патріоты новой Англіи, Нью-Йорка, Пенсильваніи и «Великаго Запада» отъ Огайо до Айовы и Миннесоты упали духомъ, стонутъ, рошщутъ

на судьбу и на южных плантаторов, винять друг друга в неосторожности за выбор Линкольна, раздраживший южные штаты? Намъ представляется вѣрный случай узнать расположеніе ихъ духа: 23 декабря долженъ былъ сказать рѣчь на одномъ политическомъ обѣдѣ въ Нью-Йоркѣ Сьюардъ, предводитель партіи, которая выборомъ Линкольна поставила себя въ тяжелую необходимость оплакивать свою бѣду, возникшую по ея неуступчивости. Городъ Нью-Йоркъ больше всѣхъ другихъ свободныхъ городовъ долженъ потерять отъ гнѣва хлопчато-бумажныхъ штатовъ; потому нью-йоркскіе негоціанты всегда держали сторону южныхъ штатовъ. Если гдѣ, то уже навѣрное въ Нью-Йоркѣ «черные республиканцы» (такъ называютъ плантаторы противниковъ невольничества) должны держать себя запуганными, признавать великость бѣды, выражать готовность къ уступкамъ. Послушаемъ же Сьюарда, навѣрное смущеннаго и уступчиваго. — Что за чудо? — Онъ говоритъ совершенно инымъ тономъ, чѣмъ слѣдовало ожидать: вмѣсто того, чтобы упивать, онъ даже подшучиваетъ надъ замыслами сецессионистовъ. Вотъ нѣкоторые отрывки изъ его рѣчи.

«Надобно сказать два-три слова о ненормальномъ положеніи нашихъ дѣлъ, произведенномъ мыслью нѣкоторыхъ штатовъ отложиться отъ Союза. Это намѣреніе — сюрпризъ для американскаго народа и цѣлаго свѣта. Отчего же оно сюрпризъ намъ? — Оттого, что оно не умно и не натурально. А впрочемъ и слѣдовало намъ ждать такихъ попытокъ. Не существовало никогда въ мірѣ механизма, столь многосложнаго, громаднаго, новаго, какъ наша федеративная система. Слѣдуетъ ли удивляться, что иной разъ выпадаетъ какой нибудь винтикъ изъ такой машины и нужно бываетъ поправлять ее? Слѣдовало ли намъ ожидать, что мы и семьдесятъ лѣтъ просуществоуемъ безъ надобности въ поправкахъ нашей политической системы? Каждый штатъ въ нашемъ Союзѣ точно такая же республика, какъ цѣлый Союзъ; каждый имѣетъ свою конституцію; нѣтъ ни одного штата старше 70 лѣтъ, и ни въ одномъ штатѣ нѣтъ конституціи, которая была бы старше 25 лѣтъ; что ни одинъ штатъ не можетъ обойтись больше 25 лѣтъ безъ надобности въ поправкахъ своей конституціи, — это стало такъ ясно для насъ, что, напримѣръ, въ нашемъ нью-йоркскомъ штатѣ долженъ въ слѣдующемъ году собраться конвентъ для поресмотра конституціи, — не по какому нибудь волненію, а по правилу, постановленному 20 лѣтъ назадъ, когда составлялась нынѣшняя конституція. Удивительно ли послѣ этого, что многосложная система нашего союзнаго правительства въ 70 лѣтъ нѣсколько поразвинтилась и надобно машинисту осмотрѣть механизмъ, приладить расшатавшіяся колеса? Ребенокъ можетъ вынуть какой нибудь винтикъ изъ огромнѣйшей машины и разстроить ея движеніе, и машинистъ не можетъ замѣтить, какъ ребенокъ сдѣлаетъ это. Но если машина устроена хорошо и прочно, машинисту стоитъ лишь увидѣть, что выпалъ винтикъ, вставить новый, и машина пойдетъ лучше прежняго. У насъ семья изъ 33 штатовъ, а на дняхъ будетъ изъ 34 штатовъ *). Удивительно было бы, если бы въ семьѣ изъ 34 членовъ каждые три-четыре года не являлось неудовольствіе въ одномъ или двухъ, трехъ, даже четырехъ, пяти членахъ, не являлась бы мысль — отдѣлиться и попробовать, не лучше ли имъ будетъ жить самимъ по себѣ. По моему тутъ ничего удивительнаго. Я дивлюсь лишь тому, что давно не было такихъ попытокъ. Но только вотъ что: ни въ географическихъ учеб-

*) Сьюардъ говоритъ о принятіи Канзаса въ число штатовъ.

никахъ, ни въ разсудкѣ, ни въ натурѣ не можетъ быть на сѣверо-американскомъ материкѣ штата, существующаго въ Американскаго Союза. Я не могу повѣрить, что возможна такая вещь, и на то у меня много основательныхъ причинъ,—между прочимъ та причина, что никто не можетъ указать основательной причины для такой отдѣльности. Главной причиной выставляютъ, что нѣкоторые южные штаты ненавидятъ насъ, людей свободныхъ штатовъ, и говорятъ, будто мы ненавидимъ ихъ и пропала любовь между нами.—Это чистые пустяки. Есть между нами споры о разныхъ вещахъ — о полученіи должностей, о свободѣ и рабствѣ — но все это семейные споры, въ которыхъ мы не призовемъ къ участию постороннихъ *). За предѣлами Американскаго Союза нѣтъ страны, которую я любилъ бы хоть на половину такъ, какъ Южную Каролину; и я имѣю тщеславіе и наглость полагать, что сама себѣ Южная Каролина втихомолку признается, что порядочно-таки любить насъ. Если бы завтра кто нибудь, все равно: Луи-Наполеонъ, или принцъ уэльскій, или его матушка, или императоръ австрійскій, или кто нибудь послалъ армію на Нью-Йоркъ, со всѣхъ холмовъ Южной Каролины двинулось бы населеніе на помощь Нью-Йорку,—такъ ли, я не знаю, я только полагаю. Но вотъ что я знаю: если бы пошла чужая армія на Южную Каролину, то я знаю, кто пошелъ бы на помощь Южной Каролинѣ (крикъ: «всѣ пойдемъ!»)—всѣ до одного мы пойдемъ; потому не обмануть меня они своею комедіею объ отложеніи; полагаю, не обмануть и васъ; а если не обмануть васъ и меня, то не успѣютъ долго обманывать и самихъ себя. Вотъ въ этомъ и вся сущность дѣла. Наши штаты должны быть нераздѣльны, и вѣчно будутъ нераздѣльны. Попробуйте вырвать звѣзду изъ созвѣздія **), — это невозможная вещь. Звѣздъ нынѣ не меньше, чѣмъ было прежде, и будутъ онѣ размножаться. Спрашивается теперь: что же намъ дѣлать, чтобы удержать въ Союзѣ людей, которые страдаютъ галлюцинаціей, будто бы они выходятъ изъ Союза и станутъ жить отдѣльно? По моему нѣтъ лучше того правила, котораго держится каждый хорошій глава семьи. Если человѣкъ хочетъ разрознить свою семью, нѣтъ ничего легче ему, какъ разрознить ее. Если онъ недоволенъ сыномъ, пусть онъ начнетъ бранить его, жаловаться на него, грозить ему, стѣснять его—и дѣло сразу будетъ покончено,—вотъ способъ разогнать изъ своего дома всю семью. Но если вы хотите, чтобы семья не разрознивалась, у васъ есть другой способъ: будьте терпѣливы, ласковы, снисходительны и ждите, пока люди сами одумаются. Если мы станемъ держать себя хладнокровно, спокойно, кротко, споръ будетъ мягокъ и скоро окажется или что мы виноваты,—и мы уступимъ обиженнымъ братьямъ,—или что мы правы, и они должны успокоиться и возвратиться въ дружескія отношенія къ намъ. Я не хочу предсказывать никакого рѣшенія. У насъ много государственныхъ людей, прямо спрашивающихъ, что намъ рѣнъ дѣлать съ югомъ сѣверъ, что намъ рѣнъ дѣлать правительство,—думаемъ ли мы принуждать нашихъ южныхъ братьевъ къ возвращенію въ Союзъ? Они спрашиваютъ, и разумѣется, имѣютъ право спрашивать, хорошо ли будетъ братство, вынужденное силой? Я могу сказать на это только вотъ что: уже очень давно жилъ Томасъ Морусъ, но и онъ замѣтилъ и записалъ въ своихъ книгахъ, что учителей на свѣтѣ очень много и что очень мало изъ нихъ такихъ, которые умѣютъ учить дѣтей, зато очень много такихъ, которые умѣютъ сѣчь ихъ.

*) Сьюардъ намекаетъ на нелѣпое намѣреніе крайнихъ сецессіонистовъ отдаться подъ покровительство французскаго императора или Англіи.

**) Намекъ на флагъ Соединенныхъ Штатовъ, усеянный звѣздами.

Я предлагаю не спрашивать, что мы хотимъ дѣлать; но я желаю слышать, въ чемъ обиженъ югъ, чтобы устранить причины неудовольствія, если ихъ полезно устранить, и если у насъ есть возможность устранить ихъ,—я ожидаю, что неудовольствіе будетъ прекращено, если окажется неосновательно, — ожидаю потому, что надобность, породившая нашъ Союзъ, стала теперь еще сильнѣе, чѣмъ когда составлялся Союзъ, и что эта надобность вѣчна, а человѣческія страсти мимолетны».

Отчего же Сьюардъ говоритъ такъ самоувѣренно, придастъ такъ мало важности усиліямъ сецессіонистовъ отторгнуть южные штаты отъ Союза, смотреть на будущность Союза съ такою спокойною надеждою? Развѣ онъ еще обольщается мыслью, что никакія усилія сецессіонистовъ не расторгнутъ Союза? Нѣтъ: раньше 23 декабря Южная Каролина объявила, что расторгаетъ Союзъ, и было извѣстно, что въ теченіе двухъ-трехъ недѣль пять другихъ штатовъ послѣдуютъ за нею. Сьюардъ спокоенъ и доволенъ потому, что успѣхъ сецессіонистовъ послужилъ бы только къ скорѣйшему уничтоженію невольничества въ южныхъ штатахъ.

Читатель знаетъ, что враждебная невольничеству или такъ-называемая республиканская партія состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣловъ, различающихся одинъ отъ другаго программой дѣйствій для уничтоженія невольничества. Самый умѣренный и донинѣ многочисленный отдѣлъ республиканской партіи, извѣстный подъ именемъ фрисойлеровъ, думалъ бы на первое время ограничиться косвенными мѣрами и вообще оставить уничтоженіе невольничества въ каждомъ изъ южныхъ штатовъ благоразумію самого этого штата. Фрисойлеры хотятъ только того, чтобы центральное правительство не находилось въ рукахъ плантаторской партіи, не поддерживало и не распространяло невольничества ~~исключительнымъ~~ ^{исключительнымъ} образомъ. Они рассчитываютъ, что свободные штаты, размножаясь числомъ, возрастая населенностью и богатствомъ быстрѣе, чѣмъ невольническіе, скоро будутъ имѣть въ конгрессѣ такое огромное большинство, при которомъ сами невольническіе штаты постепенно проникнутся сознаніемъ необходимости уступокъ. Кроме того фрисойлеры ждутъ, что приливъ европейской эмиграціи и переселенцевъ изъ свободныхъ штатовъ скоро доставитъ противникамъ невольничества большинство въ пограничныхъ штатахъ. Наконецъ невольничество само собою постепенно сплываеъ съ сѣверной части невольническихъ штатовъ: небрежное воздѣлываніе земли невольниками быстро истощаетъ почву, и плантаторы, бросая изнуренныя ими старыя земли, двигаются на новыя, съ сѣвера и съ востока на южный западъ: изъ Виргиніи и Кентукки, изъ сѣверной Каролины и восточныхъ частей южной Каролины и Георгіи въ Миссиссиппи, Луизиану, Арканзасъ. Въ Виргиніи и Кентукки негры держатся уже не столько для земледѣльческихъ работъ, сколько на продажу въ низовья Миссиссиппи. Пограничные невольничьи штаты, ведущіе правильную вывозную торговлю неграми, должны противиться привозу невольниковъ изъ Африки, чтобы держать въ высокой цѣнѣ свой товаръ. Плантаторы хлопчатобумажныхъ фабрикъ, покупщики невольниковъ имѣютъ противоположный интересъ, и если бы югъ отдѣлился, они тотчасъ же отмѣнили бы нынѣшнее запрещеніе—привозить негровъ изъ Африки; тогда пограничные штаты увидѣли бы необходимость освободить своихъ невольниковъ, которые стали бы имъ въ тягость. Рассчитывая всѣ эти обстоятельства, видимъ, что самое развитіе экономическихъ отношеній должно въ скоромъ времени уничтожить невольничество въ пограничныхъ штатахъ (Мериландъ, Виргиніи, Кентукки, Миссури), развитъ противуневольническій интересъ въ Техасѣ и

на остальномъ юго-западѣ, куда льется европейская эмиграція, и такимъ образомъ доставить противникамъ невольничества рѣшительный перевѣсъ въ сенатѣ; а быстрое развитіе нынѣшнихъ свободныхъ штатовъ уже съ самаго начала Союза все усиливаетъ перевѣсъ ихъ депутатовъ въ палатѣ представителей. При ожесточеніи, возбуждаемомъ въ невольническихъ штатахъ всякою мыслью о законодательныхъ или административныхъ мѣрахъ союзнаго правительства противъ невольничества, умѣренные противники его считаютъ удобнѣйшимъ пассивно выжидать естественныхъ результатовъ самаго экономическаго развитія.—Крайній оттѣнокъ враждебной невольничеству партіи или такъ-называемая партія абolicіонистовъ думаетъ иначе. Чувство надобности избавить Союзъ отъ невольничества беретъ въ крайнихъ абolicіонистахъ верхъ надъ отвращеніемъ къ рѣшительной ссорѣ съ югомъ. Они давно готовы были бы вооруженною рукою провести законодательныя мѣры противъ невольничества. Но война представляется имъ не единственнымъ путемъ къ быстрѣйшему его уничтоженію, — они ждутъ почти столь же быстрого результата въ случаѣ отторженія невольническихъ штатовъ отъ Союза; въ крайнихъ абolicіонистахъ съвера южные сецессіонисты возбуждаютъ восторгъ своими отчаянными дѣйствіями. Чтобы читатель понялъ причину этого и чтобы онъ не подумалъ, будто абolicіонисты только теперь стали выражать радость, прикрывая натянутымъ восторгомъ внутреннюю свою печаль, мы приведемъ нѣсколько страницъ изъ книги написанной годъ тому назадъ, когда шансъ расторженія еще казался невѣроятенъ (South and North, by John Abbott. New York. 1860). Авторъ книги, Джонъ Эбботъ, не принадлежитъ къ крайнимъ абolicіонистамъ, онъ не одобряетъ ихъ замысловъ, желалъ бы показать неосновательность ихъ соображеній, но не можетъ, и очевидною фактовъ принужденъ согласиться, что расчеты абolicіонистовъ непременно исполнились бы въ случаѣ расторженія. Вотъ что говоритъ онъ.

«Гдѣ провести границу въ случаѣ расторженія? Уже и теперь западная часть Виргиніи враждебна невольничеству; часть Миссури также, а въ Мериландѣ и Кентукки нѣтъ единодушія. Если противники невольничества въ этихъ штатахъ будутъ принуждены войти въ невольническую конфедерацію, они образуютъ въ ней зерно свободной партіи, которое станетъ разрастаться, такъ что въ самой южной конфедерации явится свободный сѣверъ, какъ въ нынѣшнемъ Сѣверѣ».

«Скажу больше: черезъ два года по отторженіи останется ни одного невольника въ Мериландѣ, Виргиніи, Кентукки и Миссури. Всѣ до одного невольники уйдутъ за границу въ свободные штаты, если хозяева не поспѣшатъ продать ихъ на отдаленный югъ. Эти пограничные штаты неизбѣжно сдѣлаются свободными штатами почти въ самый часъ расторженія. Тогда всѣ ихъ интересы будутъ въ пользу свободы. Они передѣлаютъ сообразно тому свои законы. Эмиграція изъ свободныхъ штатовъ польется на ихъ незанятая земли. Рѣшительные приверженцы невольничества переведутъ своихъ негровъ въ Каролины и Флориду. Этотъ результатъ будетъ произведенъ силами природы, столь же могущественными и неотвратимыми, какъ силы, сгоняющія къ веснѣ зимній снѣгъ и одѣвающія землю лѣтней зеленью. Я не встрѣчалъ человѣка, который оспаривалъ бы это. По освобожденіи перваго ряда пограничныхъ штатовъ и по присоединеніи его къ сѣверу тотъ же процессъ пойдетъ съ удвоенною быстротою во второмъ новомъ, ряду пограничныхъ штатовъ уменьшившейся южной конфедерации. Отвратить это человѣкъ не въ силахъ, какъ не въ силахъ отвратить солнечнаго восхода».

«Этотъ фактъ такъ ясенъ и вѣренъ, что ни Мериландъ, ни Виргинія, ни Кентукки, ни Миссури вѣроятно не захотятъ быть въ южной конфедераціи. Какъ только въ нихъ пробудится убѣжденіе, что надобно ждать расторгенія Союза, рабовладѣльцы или поспѣшатъ на югъ съ своими невольниками или станутъ продавать невольниковъ на югъ. Друзья свободы въ этихъ штатахъ и теперь говорятъ съ каждымъ часомъ громче и громче. А тогда, когда предложится народу вопросъ о расторгеніи, вы увидите, что развернется въ этихъ четырехъ штатахъ знамя свободы и они перейдутъ на ея сторону. Я полагаю, что нѣтъ, — по крайней мѣрѣ и я до сихъ поръ не встрѣчалъ, — ни одного умнаго человѣка, человѣка, который сомнѣвался бы въ томъ».

Вслѣдъ за этимъ Эбботтъ разсматриваетъ вопросъ, стоящій теперь на очереди: какимъ способомъ можетъ совершиться расторгеніе Союза? Не дальше какъ годъ тому назадъ, когда писана была его книга, сецессионисты только грозили расторгеніемъ въ общихъ фразахъ, но ни какъ не умѣли отвѣчать, когда просили ихъ сказать, какими же путями думаютъ они исполнить угрозу.

«Когда они пугаютъ насъ угрозою разорвать Союзъ, а мы отвѣчаемъ: «Союзъ скованъ такъ крѣпко, что вы не можете разорвать цѣпь», то, казалось бы, имъ слѣдовало подкрѣпить свою угрозу, показавъ намъ, какъ они могутъ исполнить ее. Но ни въ газетахъ, ни въ преніяхъ конгресса мы не найдемъ ни слова о томъ. Дѣло въ томъ, что какъ только начинаетъ умный человѣкъ думать о такой задачѣ, онъ находитъ непреодолимые затрудненія.

«Въ случаѣ расторгенія является вопросъ: которой половинѣ долженъ достаться вашингтонскій капитолій? которой должно достаться имя Соединенныхъ Штатовъ съ нашимъ славнымъ флагомъ и его звѣздами, флотъ, территоріи и устье Миссисипи, эта дверь открывающая торговлю цѣлаго свѣта великолѣпнѣйшей долины земнаго шара?

«Если югъ, составляющій меньшинство, отторгнется даже и весь, съверъ конечно не отдастъ ему этихъ элементовъ богатства и величія. А если югъ потребуетъ ихъ съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ война. Какова же приготовленность расторгнувшихся частей къ боевой встрѣчѣ? Мы предположимъ даже невѣроятное дѣло, что всѣ невольничьи штаты пойдутъ въ южную конфедерацію. Сравнимъ же средства двухъ половинъ *)».

	Число гражданъ.	Цѣнность имущества.
Южная конфедерація . . .	6,184,477	1.336,090,737 долларовъ.
Сѣверная конфедерація . .	13,233,670	4.102,172,108 »

«Въ этотъ счетъ не включены невольники юга, потому что въ случаѣ войны они были бы ему страшнымъ затрудненіемъ. Многіе изъ нихъ возстали бы по первому выстрѣлу и сотнями тысячъ поспѣшили бы подъ знамена вторгающейся сѣверной арміи. Можетъ ли быть югу какая нибудь надежда на успѣхъ въ такомъ столкновеніи? Сѣверъ вдвое превосходитъ его населеніемъ и втрое богатствомъ. Кромѣ того сѣверъ имѣетъ громадный флотъ, опытныхъ матросовъ, превосходныхъ мастеровыхъ въ арсеналахъ и на верфяхъ и на всевозможныхъ машинныхъ заводахъ. Столкновеніе было бы безнадежно для юга.

*) Цифры Эббота взяты изъ ценса 1850 года; теперь перевѣсъ сѣвера еще значительнѣе.

«Нѣтъ въ этомъ случаѣ и другая сторона, еще поучительнѣйшая. Раздраженные люди часто дѣлають безразсудства и сами идутъ на гибель. Предположимъ, что ультра-плантаторы крайняго юга, не думая о послѣдствіяхъ, оторвутся отъ Союза и образуютъ рабовладѣльческую республику. Нынѣшнія пограничныя государства не пойдутъ съ ними, а тотчасъ же, или очень скоро, присоединятся къ сѣверу. Британскія провинціи, ни за что не соглашающіяся войти нынѣ въ Союзъ, запятнанный невольничествомъ, найдутъ тогда выгоднымъ присоединиться къ сѣверной конфедераціи. Сѣверные штаты уже сходны съ ними правами и обычаями, любовью къ свободѣ и религіей, а торговые и земледѣльческіе интересы у нихъ одни и тѣ же. Сѣверная конфедерація съ первой же минуты явится свѣту во всемъ блескѣ національнаго могущества и величія. Насъ тотчасъ будетъ 21 свободный штатъ съ населеніемъ болѣе 16 милліоновъ. Скоро присоединятся къ намъ 6 британскихъ провинцій съ 3 милліонами свободныхъ людей, а чрезъ нѣсколько лѣтъ штаты Делауаръ, Мериландъ, Виргинія, Кентукки и Миссури съ населеніемъ 3,700,000 свободныхъ гражданъ, потому что невольничество въ нихъ исчезнетъ, когда сѣверные штаты уничтожатъ законъ о выдачѣ бѣглыхъ невольниковъ. Такимъ образомъ сѣверъ начнетъ свою жизнь съ дружнымъ населеніемъ болѣе 22 милліоновъ свободныхъ людей, у которыхъ всѣ интересы одинаковы, которымъ принадлежитъ весь материкъ отъ Атлантическаго до Тихаго океана, отъ Гудсонова залива до Теннессійскихъ горъ. Эта страна способна прокормить сотни милліоновъ жителей; новые штаты станутъ быстро возникать на плодородныхъ земляхъ запада, населяясь людьми съ атлантическаго побережья и изъ Европы.

«А что станетъ дѣлать югъ съ своимъ невольничествомъ? Можетъ ли онъ идти въ ряду націй? Посмотрите на южныя фабрики и заводы, арсеналы и верфи, посмотрите на приложеніе естественныхъ наукъ ко всѣмъ отраслямъ промышленности, и скажите, могутъ ли работы новой цивилизаціи совершаться невольниками и бѣлыми простолюдинами юга, которымъ запрещено учиться? Кто станетъ исполнять эти работы на югѣ, гдѣ «Журналъ естественныхъ наукъ, Силлимена» — изданіе запрещенное? Неужели вы думаете, что ваши невольники годятся въ соперники зоркимъ и уважаемымъ работникамъ сѣвера? Плантаторамъ дозволено у васъ учиться. Но умѣютъ ли плантаторы строить корабли и локомotiveы, ткать матеріи, воздвигать дома и сцѣплять берега рѣкъ мостами? Они джентльмены, а это работа, — а работа, по вашей философіи, унизительна. На что же надѣяться югу? Онъ съ каждымъ годомъ будетъ все больше впадать въ варварство. Это неизбѣжно.

«А тѣмъ временемъ наши сѣверные корабли будутъ торжественно носиться по всѣмъ морямъ; по всему материкѣ будетъ раздаваться ржаніе нашихъ царственныхъ локомotiveовъ, этихъ коней, мускулы которыхъ — сталь, и дыханіе — огонь; наши фабрики будутъ слать свои продукты всѣмъ народамъ и племенамъ земли; наши школы будутъ поднимать умственную силу всего нашего населенія.

«Мечты ли это? воздушныя ли видѣнія?—А что же югъ? онъ будетъ Испанія западнаго континента. Громадно его пространство; благорастворенъ его климатъ и богата почва, какъ нигдѣ подъ солнцемъ. Но что же онъ дѣлаетъ?—онъ гонитъ бичемъ два или три милліона лѣнливыхъ негровъ воздѣлывать хлопчатую бумагу, табакъ и сахаръ,—и только. Да и эту простѣйшую работу, не требующую участія мысли, онъ исполняетъ такъ плохо, что не собираетъ и третьей доли того продукта, какой былъ бы собранъ свободнымъ трудомъ. Нѣтъ ни одной стороны жизни, въ

которой невольническій югъ не уступалъ бы далеко Англіи, Франціи или сѣверу. Онъ отсталъ въ земледѣліи, въ торговлѣ, въ фабрикахъ, въ литературѣ, въ искусствѣ. Какъ только изгоняется невольничество изъ какого нибудь мѣста на югѣ, мѣсто это пробуждается отъ заколдованнаго сна. Балтиморъ, Мобиль, Новый Орлеанъ становятся свободными городами и развивается въ нихъ энергія свободы *). Но войдите въ такой городъ юга, гдѣ господствуетъ невольничество, и вы на каждомъ шагу увидите признаки паденія.

«Какъ ни горько стали бы оплакивать мы расторгеніе Союза, какъ ни прискорбень былъ бы этотъ ударъ нашимъ братскимъ чувствамъ къ югу, но есть въ этомъ дѣлѣ стороны, далеко не невыгодныя для сѣвера. Отсѣкшись отъ невольничества, мы стали бы тогда единоплеменнымъ народомъ, безъ различія въ интересахъ нашихъ; вся наша энергія посвящалась бы на распространеніе свободы и просвѣщенія **). Мы перестали бы тогда чувствовать себя лично униженными обязанностью ходить съ плантаторами и ихъ собаками въ погоню за бѣгущими невольниками; не было бы уже опасенія у насъ, что сенаторовъ нашихъ будутъ бить въ залахъ конгресса, что наша нація будетъ опозориваема драками въ законодательныхъ собраніяхъ. Мгновенно прекратились бы раздоры, столь много лѣтъ возмущавшіе нашъ миръ, и до юга намъ было бы столько же дѣла, какъ до Мексики или Кубы. Мы будемъ желать ему счастья. Зависти въ насъ возбудить онъ не можетъ.

«Если бы совершилось отторженіе, оно было бы путемъ къ уничтоженію невольничества. Быть можетъ, оно и необходимо для этого. И если сепаратисты восторжествуютъ, звонъ колоколовъ, которымъ возвѣстятъ на югѣ разрушеніе связи между невольничество-любующимъ югомъ и свободолюбующимъ сѣверомъ, возвѣститъ также горамъ и долинамъ, что подписанъ смертный приговоръ невольничеству и приближается часъ освобожденія. Торжество расторгенія возвѣститъ и вашимъ невольникамъ и намъ свободнымъ отмѣну всѣхъ законовъ о выдачѣ бѣглыхъ невольниковъ.

«Всѣ звенья цѣпей невольника мгновенно ослабнутъ. Толпами побѣгутъ невольники черезъ невидимую черту, какая будетъ отдѣлять ихъ отъ земли свободы, и исходъ ихъ направится не черезъ пустыню. Уже и теперь у каждаго на сѣверѣ бьется сердце, сочувствуя каждому собрату-человѣку, пытающемуся сбросить оковы. Нуженъ только Актъ Расторгенія, совершеннаго югомъ, чтобы весь сѣверъ проникся энтузіазмомъ и молчащая симпатія замѣнилась дѣятельнымъ содѣйствіемъ. Три милліона невольниковъ по одну сторону невидимой черты, растянutoй болѣе чѣмъ на тысячу миль, не долго останутся за этою чертою, когда по другую сторону ея находится 20,000,000 бѣлыхъ людей, энергическихъ, могущественныхъ и богатыхъ, грудъ которыхъ горитъ любовью къ освобожденію всѣхъ невольниковъ. У насъ милліоны экровъ ждуть ихъ плуга и заступа: навѣрное мы уже съумѣемъ защитить ихъ и почитать каждаго, — какой бы расы ни былъ онъ, кавказской, мон-

*) На фабрикахъ, на верфяхъ, въ докахъ или пристаняхъ невольничій трудъ невыгоденъ; потому, когда развивается въ городѣ промышленная или торговая дѣятельность, невольники не употребляются въ ней. Въ Новомъ Орлеанѣ такъ мало невольниковъ, что путешественникъ видитъ негровъ не болѣе, чѣмъ въ Нью-Йоркѣ, да и тѣ почти всѣ свободные люди.

**) Между тѣмъ какъ теперь много силъ на сѣверѣ тратится въ борьбѣ между друзьями и противниками плантаторскихъ претензій, которыми связаны сѣверные штаты въ своемъ законодательствѣ и своей предприимчивости.

гольской, эоипской, малайской или индйской, кто принимает благородный принципъ «Освободите меня, или убейте»!

«Темная пограничная черта невольничества, какъ черта тѣни, проходящей по затмившемуся солнцу, быстро будетъ подвигаться къ Мехиканскому заливу, и невольники юга «не серебромъ искупленные», станутъ разливаться по безконечнымъ царствамъ Сѣвера, Запада и Востока, земледѣльческимъ трудомъ увеличивая наше богатство. Несомнѣнно то, что расторгеніе Союза значить—освобожденіе невольниковъ. Многие изъ такъ-называемыхъ ультра-аболіціонистовъ Сѣвера такъ убѣждены въ этомъ, что самое пламенное ихъ желаніе — расторгеніе Союза, не какъ послѣдняя цѣль, а какъ необходимое и могущественное средство для достиженія благородной цѣли, для освобожденія Америки. Они радуются каждому усилію южныхъ сецессионистовъ, и съ восхищеніемъ повторяютъ старый афоризмъ, столь часто подтверждавшійся исторіею: «влагаетъ Богъ безумство тому, кого хочетъ погубить», *Quem Deus perdere vult, prius dementat.*»

Теперь читатель пошмаетъ, почему Сьюардъ такъ беззаботно и насмѣшливо смотреть на успѣхъ сецессионистовъ. Какъ предводитель партіи, онъ долженъ держать себя осторожно. Прямо сказать, что онъ радуется безразсудству сецессионистовъ, что онъ желалъ бы имъ полнѣйшаго успѣха, онъ не можетъ,—это значило бы оскорбить нынѣшнее расположеніе духа большинства въ сѣверныхъ штатахъ, гдѣ масса, чуждая по обыкновенію дальновиднымъ расчетамъ, думаетъ больше о настоящемъ прискорбномъ для ея патріотизма колебаніи американскаго единства, чѣмъ о послѣдствіяхъ этого кризиса, чрезвычайно благопріятныхъ и единству распадающагося на минуту Союза и самымъ стремленіямъ сѣвера къ уничтоженію невольничества на югѣ. Но въ мысляхъ Сьюарда носятся эти соображенія, и онъ при всѣхъ своихъ усиліяхъ казаться огорченнымъ не можетъ скрыть внутренняго довольства. Замѣтивъ этотъ общій характеръ дѣла, перечислимъ главные его подробности.

Читатель знаетъ, что президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ имѣетъ власть болѣе прочную, чѣмъ первый министръ конституціоннаго государства: онъ избирается на 4 года, и четыре года управляетъ союзомъ, несмотря на то, къ одной съ нимъ или къ противоположной ему партіи принадлежитъ большинство палаты представителей, которая въ конституціонныхъ монархіяхъ постоянно рѣшаетъ, въ чьихъ рукахъ должна находиться исполнительная власть. Такимъ образомъ выборъ Линкольна опредѣлилъ на четыре года, что администрація Союза будетъ въ рукахъ партіи, враждебной невольничеству,—выигрышъ, очень важный. За то степень власти президента на столько же ограниченнѣе власти перваго министра въ Англіи или Бельгіи, на сколько она прочнѣе ея. Мы говоримъ не о томъ только, что кругъ дѣйствій союзной власти въ Америкѣ гораздо тѣснѣе, чѣмъ кругъ дѣйствій центральнаго правительства въ Англіи или Бельгіи,—это каждому извѣстно; мы говоримъ, что и въ этомъ кругу дѣйствій, болѣе тѣсномъ, на долю президента приходится меньшая пропорція вліянія, чѣмъ первому министру Англіи или Бельгіи. Во-первыхъ, всѣ административныя дѣла прямо и формально подчинены въ Соединенныхъ Штатахъ контролю палаты представителей, между тѣмъ какъ въ Англіи или Бельгіи она вмѣшивается въ нихъ лишь случайнымъ, очень неполнымъ образомъ, да и то лишь почти только выраженіемъ своего мнѣнія о мѣрахъ, уже припятихъ кабинетомъ. Въ Америкѣ палата представителей имѣетъ постоянные комитеты по всѣмъ отраслямъ управленія, и кромѣ того назначаетъ особенные комитеты по всѣмъ

важнымъ административнымъ случаямъ. Эти комитеты имѣютъ постоянный надзоръ за всѣми распоряженіями и предположеніями министерства, и на каждомъ шагу палата представителей можетъ останавливать президента съ его министрами. Кажется, довольно было бы уже одного этого вмѣшательства палаты представителей, чтобы президентъ видѣлъ себя довольно туго связаннымъ; но онъ связанъ еще другою законодательною палатою. Въ Англіи или въ Бельгіи отъ перваго министра зависитъ, по крайней мѣрѣ по формѣ, избрать своими товарищами кого онъ самъ найдетъ нужнымъ. Конечно, на дѣлѣ это опредѣляется совѣщаніями его партіи, а палата представителей можетъ особеннымъ рѣшеніемъ заставить удалиться изъ кабинета каждаго непріятнаго ей ея члена или каждаго другаго сановника. Но большая разница въ томъ, если надобно доходить до такой рѣзкой, случайной мѣры и въ томъ, если прямо самое назначеніе каждаго министра и сановника въ должность прямо предлагается постояннымъ и формальнымъ образомъ утвержденію законодательной власти, какъ обязанъ предлагать президентъ своихъ кандидатовъ на утвержденіе сената. Такимъ образомъ, во-первыхъ, когда большинство сената принадлежитъ къ оппозиціи, изъ управляющей партіи могутъ вступать въ управленіе дѣлами только лица, соглашающіяся держать себя пассивнымъ образомъ и бездѣйствовать въ тѣхъ вещахъ, въ которыхъ не сходятся съ сенатскою оппозиціею. Во-вторыхъ, если въ палатѣ представителей большинство принадлежитъ оппозиціи, то каждая въ отдѣльности мѣра, непріятная ей, отстраняется въ первую же минуту. Когда случается, что періодъ власти президента совпадаетъ съ господствомъ той же партіи въ обѣихъ палатахъ, государственныя дѣла въ Америкѣ ведутся энергически въ духѣ этой партіи. Если же не только въ обѣихъ палатахъ, а хотя въ одной изъ нихъ большинство не согласно съ президентомъ, то администрація идетъ правильно и успѣшно только по обыкновеннымъ текущимъ надобностямъ, по которымъ нѣтъ разницы принциповъ между людьми разныхъ партій: дипломатическія дѣла, военныя и флотскія дѣла, финансовая часть, почтовое управленіе и т. д. идутъ своимъ порядкомъ; но по всѣмъ вопросамъ, въ которыхъ нація не единодушна, наступаетъ отерочка до той поры, когда новыми выборами президента, сенаторовъ или представителей возстановится преобладаніе одной партіи во всѣхъ трехъ отрасляхъ союзной власти. Такая отерочка можетъ длиться года два, даже всѣ четыре года президентскаго срока. (Читатель знаетъ, что представители избираются на два года, президентъ на четыре, сенаторы на шесть лѣтъ).

Если бы южные штаты приняли выборъ Линкольна спокойно, положеніе дѣлъ было бы по вступленіи его въ управленіе таково. Въ нынѣшней палатѣ представителей голоса почти по-ровну раздѣлены между республиканскою партіею, избравшею Линкольна, и оппозиціею. Равновѣсіе доходитъ до точности почти математической. Изъ 243 представителей 119 или 120—республиканцы, а 114 или 115—чистые демократы. Та или другая партія получаетъ большинство отъ 8 человекъ, такъ-называемыхъ «анти-лекомптоновскихъ демократовъ», которые совершенно симпатизируютъ югу и никакъ не согласятся ни на какую враждебную невольничеству мѣру, но съ тѣмъ вмѣстѣ не допускаютъ, чтобы невольничество расширилось или принимались мѣры, враждебныя сѣверу *).

*) Имя «анти-лекомптоновскихъ» получили эти демократы оттого, что отдѣлились отъ массы демократической партіи по вопросу о конституціи для Канзаса, насильственно составленной года 4 тому назадъ агентами плантаторовъ, собравшимися въ городѣ

представителей (срокъ которой кончается черезъ годъ), администрація Линкольна, если бы и хотѣла, не могла бы провести никакой мѣры противъ невольничества въ южныхъ штатахъ. Но администрація эта и не могла составиться изъ расположенныхъ къ такимъ мѣрамъ людей при нынѣшнемъ сенатѣ, въ которомъ имѣютъ сильное большинство приверженцы невольничества (это происходитъ оттого, что составъ сената, какъ мы уже знаемъ, измѣняется довольно медленно; республиканская партія и возникла недавно, а стала быстро усиливаться всего лишь лѣтъ пять-шесть тому назадъ; потому многіе сенаторы остались еще представителями той недавней поры, когда сѣверъ держался пассивно въ вопросѣ о невольничествѣ). Сенатъ допустилъ бы въ кабинетъ лишь такихъ республиканцевъ, которые не расположены къ невольничеству въ общемъ принципѣ, но считаютъ опаснымъ и преждевременнымъ всякій опытъ бороться съ нимъ въ южныхъ штатахъ.

Казалось бы, что при нынѣшнемъ составѣ сената и палаты представителей плантаторамъ нечего еще бояться за невольничество въ южныхъ штатахъ, хотя бы Линкольнъ былъ крайнимъ аболіціонистомъ. Но самъ Линкольнъ принадлежитъ къ умѣреннѣйшимъ представителямъ республиканской партіи, — къ тому отгѣнку ея, который хочетъ только избавить свободные штаты отъ насилій со стороны плантаторовъ, требующихъ, чтобы сѣверныя судилища и полиція покровительствовали рабовладѣльцамъ, отправляющимся ловить бѣглыхъ невольниковъ, и преслѣдовали аболіціонистовъ. Еще тогда, когда не было и мысли о Линкольнѣ, какъ кандидатѣ на президентство, когда не представлялось ему никакихъ причинъ маскировать свое мнѣніе, онъ рѣзко порицалъ всякое намѣреніе сѣверныхъ аболіціонистовъ прямо или косвенно дѣйствовать противъ плантаторовъ въ южныхъ штатахъ.

Читателю извѣстно, что когда аболіціонисты стали принимать и пересылать въ Канаду бѣглыхъ невольниковъ, но еще не составляли сильной партіи умѣренные люди, враждебные невольничеству, конгрессъ для успокоенія южныхъ штатовъ принялъ законъ, обязывавшій судилища и полицейскую власть въ сѣверныхъ штатахъ выдавать бѣглыхъ невольниковъ, которые будутъ открыты на своемъ пути въ Канаду преслѣдующими ихъ агентами плантаторовъ (Fugitive Slave Law). Черезъ нѣсколько времени верховный судъ Союза, служащій истолкователемъ конституціи и законовъ, рѣшилъ, что если невольникъ не бѣжитъ отъ господина, а будетъ привезенъ самимъ господиномъ въ какой нибудь сѣверный штатъ, то онъ также не становится свободнымъ человѣкомъ (хотя по частнымъ законамъ каждаго свободного штата рабовладѣлецъ признается фактически освободившимъ невольника, привезеннаго на свободную землю) и что господинъ, пріѣхавшій въ свободный штатъ съ своимъ невольникомъ, можетъ поступать съ нимъ въ свободномъ штатѣ по законамъ своего невольническаго штата, т. е. наказывать его собственною властью; что судилища и полиція свободного штата должны усмирять такого невольника въ случаѣ неповиновенія господину и по требованію господина давать вооруженный конвой ему для охраненія собственности, если невольникъ вздумаетъ уйти или жители свободного штата вздумаютъ помогать ему въ та-

Лекомптонѣ подъ прикрытіемъ пушекъ и обнародовавшихъ фальшивые списки голосовъ при вотиrowаніи канзасскаго населенія о составленномъ ими проектѣ. Демократическая партія въ конгрессѣ и президентъ Бухананъ хотѣли признать эту конституцію и эти списки имѣющими законную силу, но нѣкоторые изъ сѣверныхъ демократовъ въ палатѣ представителей подали тутъ голосъ выѣстъ съ республиканцами противъ Буханана и своей партіи.

кой попыткѣ (Dreb Scot Decision *). Верховный судъ Соединенныхъ Штатовъ издавна покровительствуетъ невольнической партіи, потому что нынѣшніе члены его назначены почти все еще въ тѣ времена когда республиканской партіи не существовало). Такимъ образомъ свободные штаты были принуждаемы помогать сыщикамъ, посылаемымъ изъ южныхъ штатовъ, и терпѣть въ своихъ городахъ учрежденіе, противное ихъ законамъ, давать вооруженную силу на охраненіе лицъ, нарушающихъ ихъ законы. Свободные штаты рѣшили, что законъ о выдачѣ бѣглыхъ и «дредъ-скотовскій приговоръ» нарушаютъ ихъ права и законы, и запретили своимъ судилищамъ и полиціи исполнять ихъ (Personal Liberty Laws). Но кромѣ частныхъ судилищъ отдѣльнаго штата, дѣйствующихъ по законамъ этого штата, и кромѣ частной полиціи штата, исполняющей приговоры этихъ судилищъ, существуютъ въ каждомъ штатѣ союзныя судилища и союзная полиція, дѣйствующія по законамъ союзаго конгресса и по рѣшеніямъ верховнаго союзаго суда. Такимъ образомъ въ каждомъ свободномъ штатѣ по каждому дѣлу о бѣгломъ невольникѣ или о поступкахъ заѣзжаго рабовладѣльца съ привезеннымъ невольникомъ возникали столкновенія между судилищами и полиціями штата и союзной власти. Тутъ, безъ различія по партіямъ, все населеніе свободной мѣстности принимало всегда сторону свободы и часто нужно было употребить вооруженную силу для разогнанія массы, сходявшейся на защиту невольника. Вотъ изъ книги Эбботта отрывокъ, относящійся къ этому вопросу. Какъ и въ отрывкахъ, приведенныхъ нами выше, Эбботтъ обращается къ бѣлому населенію юга и преимущественно къ самимъ плантаторамъ.

«Подумайте на минуту, братья, какъ странно ваше требованіе, чтобы мы допустили вторженіе вашего невольничьяго кодекса въ нашу свободную землю и торжество его надъ нашими свободными учрежденіями. Если турокъ придетъ въ Портлендъ **) и по турецкому закону зашьетъ свою жену въ мѣшокъ и броситъ въ море, онъ не замедлитъ почувствовать руку нашихъ законовъ и несомнѣнно убѣдится, что онъ не на берегахъ Босфора. Турція имѣетъ свои мѣстные законы. Мы не вмѣшиваемся въ нихъ. Но она не можетъ переносить ихъ въ Новую Англію. И если турокъ не доволенъ нашими законами, если онъ говоритъ, что мы нарушаемъ его «права», не давая ему привилегіи топить своихъ женъ, лишь онъ надобѣять ему, то пусть онъ остается въ Турціи. И вы, джентльмены, должны поступать такъ же. Южная Каролина имѣетъ свои мѣстные законы. Массачусетсъ имѣетъ свои. Южная Каролина дозволяетъ принуждать людей къ работѣ безъ платы. Массачусетсъ—не дозволяетъ. Южная Каролина дозволяетъ человѣку бить плетью своего слугу, когда, гдѣ и какъ угодно. Массачусетсъ не дозволяетъ. Южная Каролина дозволяетъ продавать хорошенькихъ дѣвушекъ съ аукціона. Массачусетсъ не дозволяетъ.

«Такъ если южный каролинецъ хочетъ дѣлать эти вещи, пусть онъ дѣлаетъ ихъ въ Южной Каролинѣ. Въ Массачусетсѣ онъ не можетъ ихъ дѣлать. У насъ если кто вздумаетъ ударить своего кучера или горничную своей жены, мы не спрашиваемъ, откуда прѣхалъ этотъ человѣкъ и не дозволяются ли такіе поступки законами его родины, все равно, изъ Турціи ли онъ, или съ Мадагаскара, или изъ Южной Каролины. Онъ нарушилъ *наши* законы и долженъ идти въ смиренный домъ. Южная Каролина можетъ устанавливать какіе ей угодно законы *у себя* дома. Но, подобно Турціи, она должна оставлять ихъ *у себя* дома. Она не можетъ переносить своихъ мѣстныхъ законовъ въ Массачусетсъ и низвергать ими наши.

*) Имя этого приговора «Рѣшеніе о Дредѣ Скотѣ» произошло оттого, что приговоръ былъ постановленъ по дѣлу невольника Дреда Скота, возбуждавшему вопросъ о правахъ рабовладѣльцевъ не подчиняться въ свободныхъ штатахъ законамъ этихъ штатовъ.

**) Въ штатѣ Мэнъ, въ самомъ оѣверномъ изъ штатовъ Новой Англіи, служащей центромъ крайняго абolicіонизма.

«Отважитесь ли вы отрицать правильность этого принципа? Вы отрицаете его съ удивительною дерзостію. Вы требуете права уничтожать въ нашей землѣ наши законы и замѣнять ихъ вашими. Если мы уступимъ такому требованію, мы будемъ достойны, чтобы надѣли на насъ ошейникъ и погнали насъ, хлопая бичами, на хлопчато-бумажныя поля».

Вотъ еще отрывокъ. Возвращаясь къ подробному изложенію выгодъ, которыя получилъ бы сѣверъ отъ разрыва съ югомъ (краткій перечень этихъ выгодъ мы видѣли въ одномъ изъ прежнихъ отрывковъ), Эбботтъ говорить, между прочимъ:

«Мы избавились бы тогда отъ невыразимаго униженія, которое терпимъ въ путешествіяхъ по чужимъ землямъ. Въ цѣломъ свѣтѣ безславятся Соединенные Штаты невольничествомъ. Однажды я ѣхалъ по Рейну; австрійскій джентльменъ, сидѣвшій подлѣ меня, узнавъ, что я изъ Америки, спросилъ:

— «Правда ли, милостивый государь, что въ Америкѣ продаютъ людей и женщинъ, и мужчинъ, и дѣтей на рынкахъ?»

— «Да сэръ, отвѣчалъ я, правда».

«И не прибавилъ я уже ни слова о томъ, что наша земля «царица свѣта, любимица неба», что она «страна свободныхъ, родина доблестныхъ».

«Если Союзъ расторгнется, я тотчасъ же поѣду въ Германію, отыщу этого австрійца и умолю его снова предложить мнѣ прежній вопросъ, и какъ облегчится мое сердце отвѣтомъ:

— «Нѣтъ сэръ, слава Богу, нѣтъ! моя страна—земля свободы».

Линкольнъ ограничивался желаніемъ поддержать силу законовъ свободныхъ штатовъ въ этихъ самыхъ штатахъ, предоставляя южнымъ штатамъ поддерживать въ своихъ границахъ невольничество, какими имъ угодно законами. Точно такой же смыслъ имѣетъ и другая главная черта программы, данной Линкольну республиканскою партіею при его избраніи: принимая принципъ, что въ территоріяхъ, т. е. земляхъ, едва лишь начинающихъ населяться, еще не сдѣлавшихся самостоятельными штатами по малочисленности населенія и находящихся подъ прямымъ управленіемъ союзной власти, не должно быть допускаемо невольничество, республиканская партія только принимаетъ естественный фактъ, измѣнить который можно лишь вооруженнымъ насиліемъ противъ поселенцевъ. Территоріи населяются преимущественно съ сѣвера, людьми Новой Англіи и европейскими колонистами, ненавидящими невольничество. Эти поселенія, враждебныя невольничеству, уже составили широкую полосу по всей западной границѣ нынѣшнихъ невольничьихъ штатовъ отъ южной части Техаса до сѣверной части Миссури, занимая сѣверо-западную половину Миссури (хотя это невольническій штатъ), всю территорію Канзасъ, Индѣйскую территорію и западную часть Техаса (хотя это также невольническій штатъ). Эта полоса свободныхъ поселеній, становящихся все шире и шире, отрѣзываетъ невольническіе штаты отъ территорій, такъ что вторгаться въ территоріи невольничество не можетъ иначе, какъ подавляя шайками бандитовъ поселенія, ни за что не соглашающіяся принять невольничество. Еще была бы надежда плантаторамъ прикрыть этотъ фактъ, если бы поселенцы юго-западныхъ территорій были люди апатичные или трусливые: тогда бандиты, сразу напугавъ ихъ, заставили бы молчать и покоряться плантаторамъ. Но колонисты—люди очень энергическіе и храбрые. Они отражаютъ бандитовъ, сами вторгаются въ пристанища, устроенныя плантаторами для бандитовъ, и за каждую обиду отмщаютъ противникамъ, освобождая и уводя въ своихъ набѣгахъ невольниковъ у нихъ. Каковы эти колонисты, можно видѣть изъ того, что Джонъ Броунъ, казненный годъ тому

назадъ въ Виргиніи за попытку вооруженною рукою уничтожить невольничество въ этомъ штатѣ, былъ канзасскій колонистъ. Такимъ образомъ, провозглашеніе принципа, что союзная власть не должна допускать невольничество въ территоріяхъ, служить просто требованіемъ, чтобы союзное правительство, завѣдующее территоріями, не становилось на сторону бандитовъ, посылаемыхъ противъ населенія территорій, чтобы оно защищало колонистовъ или по крайней мѣрѣ не мѣшало имъ защищаться.

Ничто не можетъ быть скромнѣе программы, исполнять которую обязался Линкольнъ, и намѣреній самого Линкольна: онъ являлся представителемъ того отѣнка республиканской партіи, который желалъ только охраненія законовъ, существующихъ въ каждомъ штатѣ, — равнаго охраненія и сѣверныхъ и южныхъ законовъ, — и прекращенія междоусобной войны, разбойничьихъ вторженій, производимыхъ съ напрасною цѣлью подавить естественный, непреоборимый фактъ отвращенія юго-западныхъ новыхъ поселеній отъ невольничества.

Если бы крайніе приверженцы невольничества имѣли благоразуміе перенести свою неудачу на президентскихъ выборахъ, — спокойно признать переходъ исполнительной власти въ руки своихъ чрезвычайно умѣренныхъ, совершенно консервативныхъ противниковъ, выборъ Линкольна имѣлъ бы важность только историческаго предзнаменованія, показывающаго торжество новаго порядка дѣлъ въ будущемъ, довольно отдаленномъ; а самое время власти Линкольна не ознаменовалось бы по всей вѣроятности никакими значительными мѣрами къ ослабленію невольничества. Республиканская партія хотѣла хранить миръ, хотѣла ждать, медлить, бездѣйствовать. Теперь дѣло повернулось иначе, и повернули его на свою погибель сами приверженцы невольничества.

Впрочемъ, не будемъ безусловно винить и ихъ за нынѣшнее ихъ безразсудство; теперь они сами уже понимаютъ его, хотѣли бы удержаться, — но не могутъ. Они слишкомъ запутали себя прежними фанатическими маневрами, набрали собѣ толпы бродягъ, которыхъ уже не могутъ остановить, воспитали и ожесточили противъ сѣвера массу отчаянныхъ авантюристовъ, которыхъ уже трепещутъ сами. Дѣйствительно, нынѣшнее сецессионистское движеніе ведется не плантаторами. Плантаторы только готовили этотъ шансъ, опрометчиво надѣясь, что онъ никогда не настанетъ, что сѣверъ будетъ всегда робѣть передъ ихъ похвальбами этимъ шансамъ. Они въ такомъ же положеніи, какъ всадникъ, горячившій свою лошадь съ крикомъ «разступитесь! она передавитъ васъ», разгоряченная лошадь закусила теперь удила и понесла. Всадникъ въ ужасѣ опустилъ руки ни живъ, ни мертвъ.

Уже пять лѣтъ, съ самаго приготовленія къ прошлымъ президентскимъ выборамъ, съ весны 1856 г. предводители невольнической партіи оглашали весь югъ криками, что республиканская партія хочетъ вторгнуться въ южные штаты съ арміею, въ авангардѣ которой будутъ идти бѣглецы невольники, призывающіе негровъ къ поголовному истребленію бѣлаго населенія невольническихъ штатовъ. Естественнымъ заключеніемъ такой страшной перспективы являлась необходимость югу отторгнуться отъ Союза въ случаѣ выбора республиканскаго президента. Все это было не больше, какъ политическимъ маневромъ, рассчитаннымъ на то, чтобы бѣлое населеніе юга безусловно поддерживало плантаторовъ на выборахъ, а приверженцы Союза на сѣверѣ принимали программу плантаторовъ. Въ 1856 году маневръ

этотъ совершенно удался,—но удался уже черезъ мѣру, какъ видимъ теперь. Агентъ плантаторовъ Бухананъ, сдѣлавшійся президентомъ, исполнялъ всѣ ихъ желанія; въ Канзасѣ были прикрыты неистовства бандитовъ, возмущавшія весь сѣверъ. При нынѣшнихъ выборахъ значительная часть сѣверныхъ жителей, стоявшихъ прежде за демократическую партію, перешла на сторону республиканцевъ, будучи выведена изъ терпѣнія дѣйствіями Буханана, и демократическая партія была поражена на выборахъ во всѣхъ свободныхъ штатахъ. А между тѣмъ на югѣ уже больше четырехъ лѣтъ постоянно кричали, что при выборѣ республиканскаго президента бѣлому населенію юга будетъ единственнымъ спасеніемъ отторгнуться отъ Союза. Сѣверныя газеты, доказывавшія противное, были запрещены на югѣ; масса бѣлаго населенія въ своемъ невѣжествѣ приняла за чистую монету утрированные слова, бывшія только политическимъ маневромъ. Мы поймемъ всю извинительность легковѣрія ея, когда вспомнимъ, что почти всѣ въ Европѣ тоже повѣрили словамъ приверженцевъ невольничества, будто бы югъ богатъ, а сѣверъ бѣденъ, югъ могущественъ, а сѣверъ слабъ, будто бы главнымъ источникомъ всего богатства въ Сѣверной Америкѣ служить производство хлопчатой бумаги невольниками, будто хлопчатой бумаги нельзя было бы воздѣлывать въ такомъ количествѣ свободнымъ трудомъ и т. д. и т. д. У насъ думаютъ, что западная Европа не имѣетъ истиннаго понятія только о Россіи,—разумѣется, много думаетъ она о Россіи совершенныхъ пустяковъ, но точно также слишкомъ во многомъ ошибочны понятія о каждой другой странѣ, господствующія за ея предѣлами: и объ Англіи большинство французскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ (и нашихъ) писателей имѣютъ фальшивыя понятія; и о самой Франціи, точно также во всей остальной Европѣ господствуютъ очень фальшивыя понятія; и о сѣверной Америкѣ точно также.—Мы уже видѣли, что сѣверъ вдвое сильнѣе числомъ жителей и втрое богаче ихъ имуществомъ, чѣмъ югъ. А вотъ еще два-три факта о важности хлопчато-бумажнаго воздѣлыванія сравнительно съ цѣнностью нѣкоторыхъ продуктовъ сѣвера и о мнимой необходимости невольническаго труда для воздѣлыванія этого будто бы важнѣйшаго продукта Соединенныхъ Штатовъ. Цѣнность продукта только одной отрасли промышленности только въ одномъ изъ сѣверныхъ штатовъ,—рудоконнаго и машиннаго производства въ Пенсильваніи ровно вдвое больше всей цѣнности всей хлопчатой бумаги, собираемой во всемъ югомъ. Штаты Пенсильванія и Нью-Йоркъ вмѣстѣ могли бы купить съ немедленною уплатою всей продажной цѣны всѣ хлопчато-бумажные штаты со всею ихъ землею, всеми постройками, всемъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ. Весь хлопчато-бумажный югъ въ неоплатномъ долгу у города Нью-Йорка. Всей хлопчатой бумаги юга не достаетъ югу, чтобы покупаться за товары, поставляемые на югъ Нью-Йоркомъ: всесельный курезъ въ Нью-Йоркѣ всегда противъ юга, т. е. южныхъ цѣнностей недостаетъ на уплату южныхъ долговъ Нью-Йоркею биржѣ. Воздѣлываніе хлопчатой бумаги свободнымъ трудомъ было бы по точному расчету вдвое дешевле воздѣлыванія невольничьимъ трудомъ, а при равныхъ затратахъ на хлопчато-бумажное производство свободный трудъ давалъ бы втрое больше продукта, чѣмъ получается нынѣ при невольничествѣ. Стоитъ заглянуть въ ценъ 1850 г., чтобы увидѣть эти факты. А между тѣмъ переберите сотню всевозможныхъ европейскихъ газетъ, едва ли найдете вы изъ нихъ 5 или 6, которыя совершенно безкорыстно не повторяли бы, что безъ невольничества не возможно производить хлоп-

чатую бумагу, что югъ богатъ и могущественъ, что сѣверъ кормится чуть ли по милостынею юга и т. д. и т. д. Что газеты?—Загляните въ знаменитыя европейскія книги о Сѣверной Америкѣ,—почти во всѣхъ найдете повтореніе того же самаго. Простительно послѣ этого бѣлымъ бѣднякамъ юга, что они повѣрили, будто бы Линкольнъ пойдетъ, предводительствуя бѣлыми невольниками и возмущая всѣхъ невольниковъ юга, истреблять всѣхъ бѣлыхъ на югѣ, что спасти свою жизнь они могутъ только отторженіемъ отъ Союза, что сѣверъ обвиняетъ, если они отторгнутся отъ него, что они завоюютъ сѣверъ и будутъ разосланы по завоеваннымъ областямъ полномочными правителями съ огромнымъ жалованьемъ.

Авантюристы, предводительствующие этими толпами, захватили теперь перевѣсъ на югѣ, благодаря опасеніямъ и надменнымъ надеждамъ, возбужденнымъ на югѣ опрометчивыми криками плантаторовъ, не предвидѣвшихъ, какъ разыграется затѣянная ими мистификація. Они наводили ужасъ, населеніе юга прониклось ужасомъ и отдалось въ руки отчаяннымъ людямъ, которые теперь терроризируютъ всѣ хлопчато-бумажные штаты и едва ли не вовлекутъ въ ту же пучину пограничныя невольничьи штаты. Посмотрите, съ какимъ видимымъ единодушіемъ рѣшаетъ теперь одинъ хлопчато-бумажный штатъ за другимъ, что онъ отторгнется отъ Союза. Не дальше какъ въ началѣ ноября было не то: только въ одной Южной Каролинѣ партія отторженія имѣла довольно большое число голосовъ, хотя и тамъ едва ли имѣла большинство; во всѣхъ другихъ штатахъ большинство было противъ отторженія. Въ южныхъ штатахъ было три кандидата на президентство: Брекенриджъ, Дугласъ и Белль. Изъ нихъ Брекенриджъ былъ кандидатомъ сецессіонистовъ, а Дугласъ и Белль служили кандидатами двухъ партій, хотѣвшихъ сохранить единство союза во что бы то ни стало, при какомъ бы то ни было результатѣ президентскихъ выборовъ. Изъ всѣхъ южныхъ штатовъ только въ одной Южной Каролинѣ большинство поданныхъ голосовъ было за Брекенриджа; во всѣхъ остальныхъ голоса, поданные за Дугласа и Белля, составляли сумму больше голосовъ, поданныхъ за Брекенриджа. А между тѣмъ, кромѣ сецессіонистовъ, былъ поданъ за Брекенриджа голосъ очень многими противниками отторженія. Это значить, что еще въ самый день президентскихъ выборовъ, не дальше какъ 6 ноября, сецессіонисты имѣли противъ себя огромное большинство южнаго населенія. Отчего же теперь нѣтъ въ хлопчато-бумажныхъ штатахъ голосовъ противъ отторженія? Воспользовавшись псудумомъ населенія при извѣстіи о торжествѣ республиканскаго кандидата, сецессіонисты стали терроризировать югъ; ихъ противники вынуждены теперь молчать, чтобы не подвергнуться неистовству бандитовъ, которые служили плантаторамъ противъ свободныхъ поселенцевъ Канзаса, а теперь служатъ авантюристамъ противъ самихъ плантаторовъ.

Въ прошлый разъ мы говорили, почему Южная Каролина изъ всѣхъ невольничьихъ штатовъ наиболѣе готова была попасть въ руки сецессіонистовъ. Она разсчитываетъ быть важнѣйшимъ штатомъ южной конфедераціи, служить центромъ ея торговли, и самый восторженный на защиту невольничества городъ на всемъ пространствѣ южныхъ штатовъ—городъ Чарльстонъ, торговый центръ Южной Каролины,—городъ, въ которомъ, какъ мы говорили, почти вовсе нѣтъ ни невольниковъ, ни рабовладѣльцевъ. Одна эта горячість въ пользу невольничества со стороны горожанъ, нашедшихъ для себя невыгоднымъ дѣломъ имѣть невольниковъ, достаточно свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, что авантюристы господствуютъ надъ

самими плантаторами въ сецессионистскомъ движеніи, а во-вторыхъ, что ревность сецессионистовъ въ защитѣ невольничества не служитъ еще ручательствомъ за выгоду невольничества для самихъ землевладѣльцевъ, воздѣлывающихъ поля невольничьимъ трудомъ. Дѣйствительно, по сравненію статистическихъ цифръ оказывается, что при уничтоженіи невольничества цѣнность земли въ южныхъ штатахъ поднялась бы на сумму, далеко превышающую цѣнность всѣхъ невольниковъ, такъ что землевладѣльцы остались бы въ большомъ денежномъ выигрышѣ, освободивъ невольниковъ даже безъ всякаго вознагражденія. Расчетливые и дѣятельные люди между плантаторами сами понимаютъ это и желали бы освобожденія. Но чтобы стать выгоднымъ для ихъ земель, оно должно быть общемою мѣрою для всего штата и сопровождаться измѣненіемъ въ законахъ: если же только тотъ или другой отдѣльный землевладѣлецъ освободитъ своихъ невольниковъ, его земля не поднимается въ цѣнѣ, потому что останутся подавляющими ея цѣнность законы штата, не допускающіе условій, отъ которыхъ возвышается цѣнность земли. А разъяснить свои расчеты и внушить свои намѣренія большинству своихъ сотоварищей, эти плантаторы не могутъ, потому что хозяйство при невольничествѣ ведется безрасчетно. Напрасно было бы думать, что невольничество держится въ южныхъ штатахъ своею выгодностью для плантаторовъ: оно выгодно только для людей, торгующихъ невольниками, а плантаторы отстаиваютъ его лишь по рутинѣ, по небрежности своихъ привычекъ, по отвращенію отъ дѣятельныхъ занятій сельскимъ хозяйствомъ, — по качествамъ, прямо противорѣчающимъ ихъ собственной денежной выгодѣ.

Однако же, мы замѣчаемъ, что если станемъ продолжать изложеніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла въ такомъ же размѣрѣ, то разсказу не будетъ конца раньше, какъ на 15-мъ или 20-мъ печатномъ листѣ; надобно разсказать все остальное, какъ можно короче.

Мы говорили въ прошлый разъ, что сецессионисты стараются спѣшить своими дѣйствіями, чтобы покончить разрывъ до 4 марта, когда вступитъ въ управленіе Линкольнъ, и чтобы безвозвратно связать югъ прежде, чѣмъ успѣетъ большинство его гражданъ опомниться отъ перваго паническаго потрясенія. Путь къ переменамъ въ коренныхъ законахъ во всѣхъ штатахъ одинаковъ: обыкновенное законодательное собраніе рѣшаетъ, что граждане штата должны выбрать особенныхъ депутатовъ съ неограниченнымъ полномочіемъ на измѣненіе политическихъ учреждений штата — это чрезвычайное собраніе полномочныхъ депутатовъ называется въ Америкѣ конвентомъ. Законодательная палата Южной Каролины первая созвала конвентъ (въ половинѣ декабря); потомъ было рѣшено созвать конвенты въ другихъ хлопчатобумажныхъ штатахъ, — всѣ эти конвенты находятся уже подъ вліяніемъ рѣшеній южно-каролинскаго конвента, и одинъ за другимъ повторяютъ его декреты. Конвентъ Южной Каролины 19 декабря рѣшилъ, что штатъ его выходитъ изъ Союза; теперь тоже самое рѣшено конвентами Алабамы, Миссисипи, Флориды, Луизианы, вѣроятно, послѣдуютъ за ними Георгія, Техасъ и Сѣверная Каролина. Успѣютъ-ли сецессионисты терроризировать пограничные штаты, еще не извѣстно, — но это очень можетъ произойти. Агенты сецессионистовъ изъ хлопчатобумажныхъ штатовъ сильно работаютъ въ нихъ, а конвенты хлопчатобумажныхъ штатовъ уже сносятся между собою о составленіи «Южнаго Союза», основаніемъ котораго будетъ служить союзная конституція Соединенныхъ Штатовъ, передѣланная въ смыслѣ крайняго покровительства невольничеству. Сенаторы и представители Южной

Каролины уже удалились из Вашингтонскаго конгресса; вѣроятно, стали удаляться изъ него сенаторы и представители другихъ штатовъ, по мѣрѣ того, какъ конвенты ихъ штатовъ объявляли свое отторженіе отъ Вашингтонскаго союза.

По европейскимъ понятіямъ, этимъ уже окончательно опредѣлялось бы положеніе дѣла. Но въ Сѣверной Америкѣ не то. Не забудемъ, что каждый штатъ есть самобытное «государство» съ отдѣльною законодательною властью и особенными законами (Штатъ, State, прямо и значитъ государство, а Сѣверо-Американскій Союзъ есть не «государство», а «соединеніе сѣверо-американскихъ государствъ», Union of the North American States). Всякія прокламаціи объ отторженіи и т. д. имѣютъ только отвлеченное, болѣе теоретическое, чѣмъ практическое значеніе, пока союзная власть не встрѣчаетъ положительнаго препятствія исполненію своихъ законныхъ обязанностей или не подвергается вооруженному нападенію. Сецессіонисты снѣшались придать окончательный характеръ отторженію фактами того и другаго рода. Дѣло это они начали съ Чарльстона, главнаго своего центра.

Единственная обязанность союзнаго правительства, исполненію которой могла препятствовать по своему географическому положенію Южная Каролина, отдѣленная пограничными штатами отъ резиденціи союзнаго правительства — сборъ таможенныхъ пошлинъ въ Чарльстонской гавани. Чиновники штата заняли зданіе таможи и стали собирать пошлины въ кассу своего штата, а не въ кассу Союза.

Началось и вооруженное нападеніе на союзныя войска. Чарльстонская гавань укрѣплена тремя фортами, изъ которыхъ только одинъ, Мультири, самый большой, былъ занятъ слабымъ отрядомъ союзныхъ войскъ, состоявшимъ всего изъ 70 человекъ подъ командою Андерсона, который былъ намѣренъ твердо защищаться противъ сецессіонистовъ, не смотря на то, что самъ родомъ изъ невольничьяго штата Кентукки. Узнавъ о замыслахъ чарльстонцевъ и южно-каролинскаго конвента захватить въ плѣнъ его отрядъ, онъ, не дождавшись разрѣшенія отъ президента, подъ собственною отвѣтственностью перевелъ ночью свой отрядъ въ другой фортъ, Семтеръ, гораздо болѣе крѣпкій и считаемый неприступнымъ, а фортъ Мультири и другой слабый фортъ Пинкни совершенно бросилъ, заклепавъ въ нихъ пушки. Семтеръ лежитъ на островѣ, и чарльстонцы, не имѣющіе ни канонирскихъ лодокъ, ни даже порядочныхъ купеческихъ пароходовъ, до сихъ поръ не могли ничего предпринять противъ него, но по послѣднимъ извѣстіямъ, встрѣтили выстрѣлами съ берега корабль, посланный съ подкрѣпленіемъ къ Андерсону.

Такимъ образомъ, сецессіонисты уже начали фактическое нападеніе на союзную власть, и можно сказать, что война началась, хотя еще не объявлена.

Не дѣлай они этого, они имѣли бы больше шансовъ къ успѣху. Теперь ихъ положеніе стало очень дурно. Посмотримъ, какъ отразились ихъ отчаянныя дѣйствія на расположеніи сѣвера и на дѣйствіяхъ союзной власти.

Президентъ Бухананъ до самыхъ послѣднихъ чиселъ декабря прошлаго года исполнялъ волю невольнической партіи, увлечшись своею услужливостью къ ней до того, что помогалъ замысламъ сецессіонистовъ и открыто покровительствовалъ имъ. Изъ семи членовъ его кабинета трое были самыми жаркими сецессіонистами, — министръ финансовъ Коббъ, военный министръ Флорйдъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Томпсонъ. Подавая голосъ съ ними, онъ доставлялъ имъ большинство въ кабинетѣ и всячески помогалъ имъ. Еще съ лѣта, опасаясь побѣды республиканцевъ на президентскихъ выборахъ, они вчетверомъ стали готовить невольническимъ штатамъ

удобства и средства къ возстанію противъ сѣвера. Союзные гарнизоны были постепенно выводимы изъ фортовъ и арсеналовъ хлопчатобумажныхъ штатовъ или чрезмѣрно ослабляемы (мы видѣли, напримѣръ, что изъ трехъ чарльстонскихъ фортъ два были оставлены безъ всякаго гарнизона, а въ третьемъ гарнизонъ уменьшенъ до 70 человѣкъ; такъ было и вездѣ на югѣ). А съ тѣмъ вмѣстѣ, въ южные арсеналы, при которыхъ не было оставлено ни одного солдата, посылались огромные запасы оружія, пороха, пуль, ядеръ и т. д. (На югѣ нѣтъ и оружейныхъ фабрикъ, какъ нѣтъ почти никакихъ другихъ). Такъ напримѣръ, въ чарльстонскій арсеналъ, изъ котораго были удалены солдаты буквально все до одного, было нынѣшнимъ лѣтомъ послано 30,000 ружей. Эти отправки оружія па югъ продолжались, когда уже собирались тамъ конвенты для отторженія отъ Союза, а Южная Каролина и провозгласила отторженіе. Бухананъ официально поддерживалъ Брекенриджа, кандидата сецессіонистовъ, и смѣнилъ всехъ союзныхъ чиновниковъ, хотѣвшихъ поддерживать Дугласа, кандидата демократовъ, противившихся отторженію, хотя иѣлая половина демократической партіи, избравшей Буханана, поддерживала Дугласа. Надобно притомъ замѣтить, что Брекенриджъ вице-президентъ Союза. По закону, вице-президентъ заступаетъ мѣсто президента въ случаѣ его смерти или отказа отъ должности, до начала новаго президента. На случай торжества республиканцевъ былъ даже составленъ планъ, что Бухананъ, подведи дѣло къ расторженію, откажется отъ должности за мѣсяць или за полтора до конца президентскаго срока (то есть до 4 марта), и Брекенриджъ, занявъ мѣсто, объявитъ себя прямо предводителемъ сецессіонистовъ, займетъ войсками Вашингтонъ и сдастъ его сецессіонистамъ, которые созовутъ тамъ «національный конвентъ» для составленія новой союзной конституціи въ духѣ невольничьихъ штатовъ, объявивъ исключенными изъ Сѣверо-американскаго Союза штаты Новой Англіи, въ которыхъ никакими средствами уже не надѣялись они доставить перевѣсъ партіи, готовой на уступки невольничеству. Удивительно, до чего могутъ быть ослѣпляемы или страстью, какъ Брекенриджъ, или привычкою къ угодичеству своимъ покровителямъ, какъ Бухананъ, люди очень опытные и хитрые, какими нельзя не признать ихъ обоимъ и другихъ предводителей сецессіонизма, составлявшихъ вмѣстѣ съ ними этотъ химерическій планъ, который можно сравнить развѣ съ тѣмъ, какъ если бы алжирцы собирались завоевать Францію и исключить парижанъ изъ своего новаго алжирско-французскаго государства.

Но какъ бы то ни было, Бухананъ дѣйствовалъ въ такомъ духѣ. Разумѣется (мы уже и говорили это), у невольнической партіи и у него, ея представителя, была увѣренность, что не придется имъ исполнять своихъ плановъ, что Сѣверъ испугается ихъ замысловъ, интригъ и угрозъ, что они выиграютъ битву, безъ дѣйствительной траты пороха. Оно бы можетъ быть такъ и вышло, если бы сецессіонисты уже не испортили дѣло чрезмѣрною заносчивостью и отчаянностью дѣйствій. А впрочемъ и то сказать, что вѣдь только на отчаяннѣйшей заносчивости и была основана возможность успѣха: въ самихъ хлопчатобумажныхъ штатахъ сецессіонисты были бы отброшены въ ничтожество опомнившимся большинствомъ, если бы не торопились ковать желѣзо, пока горячо.

Мы говорили, что Бухананъ вѣрно служилъ своимъ повелителямъ сецессіонистамъ. Когда въ началѣ декабря собрался конгрессъ, Бухананъ, представляя конгрессу, по заведенному правилу, годичный обзоръ положенія дѣлъ Союза, изложилъ

въ немъ такой взглядъ на сецессіонистскій кризисъ и такіе совѣты, отъ которыхъ изумились всѣ простодушные люди на Сѣверѣ, нпкакъ не предполагавшіе, чтобы человѣкъ изъ свободнаго штата (Бухананъ родомъ изъ Пенсильваніи) могъ дойти до такого раболѣпства передъ партією невольничества. Бухананъ говорилъ, что онъ не имѣетъ власти противиться вооруженному возстанію, начинаемому Южною Каролиною, оплакивалъ несправедливость сѣвера, обижающаго югъ; говорилъ, что даже уступка со стороны республиканцевъ сецессіонистамъ во всѣхъ спорныхъ пунктахъ была бы недостаточна для смягченія справедливаго гнѣва юга, что всѣ частные вопросы эти еще ничего не значатъ передъ коренною причиною вражды, лежащею въ томъ, что на сѣверѣ печатаются книги и издаются газеты, выставлющія невольничество учрежденіемъ неблаговднмымъ и убыточнымъ, что надобно устранить эту причину вражды юга къ сѣверу.

Сѣверные демократы увидѣли наконецъ, куда ведетъ ихъ преданность плантаторамъ. Но Бухананъ продолжалъ идти по прежнему пути. Андерсонъ требовалъ подкрѣпленій,—президентъ сказалъ, что не можетъ послать ихъ. Тогда председатель кабинета (государственный министръ) Кассъ вышелъ въ отставку, объявивъ отказъ Буханана измѣною долгу. Бухананъ и тутъ не пересталъ угождать плантаторамъ. Въ Вашингтонѣ явились комиссары, посланные Южною Каролиною къ союзному правительству требовать признанія Южной Каролины независимымъ государствомъ, сдачи фортовъ, лежащихъ въ ея границахъ, условиться о томъ, какая часть другихъ союзныхъ имуществъ и долговъ будетъ перенесена на долю новаго государства. Бухананъ принялъ этихъ комиссаровъ, хотя былъ бы обязанъ отвѣчать имъ, что никакихъ сношеній съ возмутителями не можетъ имѣть; онъ надавалъ имъ обѣщаній, дѣло шло отлично,—но вдругъ остановилось.

Это было въ концѣ декабря. Съ каждымъ днемъ росло негодованіе во всемъ населеніи сѣверныхъ штатовъ и большинствѣ населенія пограничныхъ невольничьихъ штатовъ. Главнокомандующій союзною арміею, генераль Скоттъ, отказался отозвать Андерсона изъ Чарльстонскихъ фортовъ и выражалъ твердое намѣреніе послать войска противъ сецессіонистовъ, если они не смирятся. Онъ самъ родомъ изъ невольническаго штата (изъ Виргиніи), какъ и Андерсонъ (изъ Кентукки). Это было слишкомъ явнымъ доказательствомъ, что и пограничные невольничьи штаты не одобряютъ президента. На всемъ сѣверѣ собирались грозные митинги. Пенсильванія и Нью-Йоркъ, постоянно бывшіе самыми снисходительными къ югу изъ свободныхъ штатовъ, начинали вооружаться, и законодательныя палаты ихъ вотировали противъ сецессіонистовъ. Въ союзной палатѣ представителей республиканцы съ каждымъ днемъ становились тверже, видя себѣ единодушную поддержку на сѣверѣ и отъ своей партіи и отъ массы людей, стоявшихъ прежде за демократовъ. А между тѣмъ, сецессіонисты, какъ будто не понимая ничего, становились все запальчивѣе: комиссары Южной Каролины объявили Буханану, что переходъ Андерсона изъ форта Мультри въ фортъ Семтеръ они считаютъ нарушеніемъ даннаго имъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ президентомъ обѣщанія, что не будетъ сдѣлано никакихъ перемѣнъ въ размѣщеніи союзныхъ войскъ, и требовали наказанія Андерсона. Бухананъ имѣлъ духъ предложить министерству, что надобно удовлетворить справедливому требованію Южной Каролины. Съ этой минуты начинается поворотъ дѣла. Большинство членовъ кабинета, видя, что сѣверные демократы противъ Буханана, ободрились и положили, послѣ жаркаго пренія съ президентомъ, одобрить дѣйствія

Андерсона и послать ему подкрѣпленія; сецессионисты Флойды и Томпсонъ вышли тогда въ отставку (въ первыхъ числахъ января; Коббъ вышелъ въ отставку раньше, когда видѣлъ, что и безъ него сецессионисты будутъ господствовать въ кабинетѣ, — онъ уѣхалъ предводительствовать сецессионистскимъ движеніемъ въ своемъ штатѣ, Георгіи). Въ Бухананѣ прежнее раболѣпство передъ сецессионистами замѣнилось страхомъ передъ гнѣвомъ сѣверныхъ демократовъ. Подкрѣпленія Андерсону были посланы моремъ. Транспорты оружія и пороха, отправленные къ сецессионистамъ, были остановлены. Генералъ Скоттъ сталъ придвигать войска съ сѣвера и запада къ Южной Каролинѣ.

На этомъ останавливаются послѣднія, полученные въ минуту, когда мы пишемъ, извѣстія. Повидимому, дѣло идетъ къ рѣшительной развязкѣ, результатъ которой не подлежалъ бы сомнѣнію. Но мы не отваживаемся надѣяться, чтобы кризисъ дошелъ до нея. Обоюдное раздраженіе сильно. Республиканская партія въ палатѣ представителей, при началѣ засѣданій (и въ первыхъ числахъ декабря) еще предлагавшая примиреніе, рѣшила, по послѣднимъ извѣстіямъ (въ началѣ января), уклониться отъ переговоровъ съ сецессионистами, рѣшила требовать, чтобы палата представителей прекратила всякія пренія о кризисѣ, занялась исключительно такъ-называемыми «текущими дѣлами», то есть обыкновеннымъ вотированіемъ бюджета, и окончивъ ихъ какъ можно скорѣе, отсрочила свои засѣданія до 4 марта, до вступленія въ президентство Линкольна, который уже объявилъ, что находитъ обязанностью союзной власти употребить военную силу для усмиренія «измѣны», treason, и «мятежниковъ», rebels. Чтобы исполнилось это, надобно желать только одного: чтобы сецессионисты продолжали еще два мѣсяца дѣйствовать съ прежнею отчаянностью.

Но — мы не отваживаемся имѣть эту надежду на ихъ безразсудство, хотя она и подкрѣпляется всѣми ихъ прежними дѣйствіями. Они уже смущаются: у нихъ нѣтъ денегъ, — у нихъ нѣтъ кредита, — у нихъ нѣтъ ничего, кромѣ буйства. Южная Каролина не могла ни на какихъ условіяхъ найти даже ничтожную сумму 400.000 долларовъ (менѣе 600.000 р. сер.), которую вотировала на первыя военныя надобности, — она принуждена собирать эти деньги насильственнымъ раскладкою займа на зажиточныхъ людей. Очень можетъ-быть, что сецессионисты смирятся, — это было бы хуже всего, но мы не смѣемъ надѣяться, что этого не случится. Тогда сѣверомъ снова овладѣетъ мирное расположеніе, и дѣло будетъ кончено какимъ нибудь «компромиссомъ», то есть взаимными уступками, ничего не рѣшающими, съ взаимными обѣщаніями отложить вопросъ о невольничествѣ, чего ни та, ни другая партія не можетъ исполнить. Компромиссъ былъ бы несравненно хуже всего, — хуже междоусобной войны, еще гораздо хуже мирнаго расторгенія Союза: эти обѣ развязки быстро повели бы къ возстановленію Союза съ уничтоженіемъ невольничества или по крайней мѣрѣ съ законодательными постановленіями, ведущими къ его уничтоженію. А компромиссъ опять оттягивалъ бы дѣло.

Впрочемъ, это хорошо говорить намъ, постороннимъ: намъ нечего жалѣть людей въ родѣ Буханана, Кобба, Флойда, ихъ сподвижниковъ Девиса, Янса, Пайкенса, Брукса и ихъ преторіанцевъ: они не родня намъ. Но вѣдь сѣвернымъ свободнымъ людямъ они братья по происхожденію, по прежнему дружному и славному прошедшему. Сѣверъ слишкомъ, слишкомъ готовъ щадить ихъ. Посмотримъ однако, что будетъ.

О Европѣ довольно будетъ сказать два-три слова, потому что всё прежніе отношенія оставались въ прежнемъ видѣ, только становясь все болѣе натянутыми.

Въ ту минуту, какъ мы пишемъ это—происходятъ въ Италіи выборы депутатовъ новаго «итальянскаго парламента». Оппозиція надѣется имѣть въ немъ больше представителей, чѣмъ имѣла въ прежнемъ парламентѣ «Сѣверной Италіи»; полагаютъ, что довольно много гарибальдійцевъ и маццинистовъ будетъ выбрано въ Неаполѣ и Сициліи. Кавуръ увидѣлъ поэтому надобность искать примиренія съ Гарибальди, къ которому былъ посланъ (въ половинѣ января) Тюрръ, съ порученіемъ просить его не являться предводителемъ оппозиціи. Гарибальди, по обыкновенію, изъ патріотизма согласился убѣждать своихъ приверженцевъ къ уступчивости и напечаталъ къ нимъ письмо въ этомъ смыслѣ.

Французскій флотъ отозванъ изъ-подъ Гаэты въ половинѣ января, по настоянію Англіи, отношенія которой съ Франціею становились уже довольно дурны. Но французскій флотъ все-таки отошелъ не прежде, какъ по привозѣ, подъ его охраненіемъ, значительнаго запаса продовольствія въ Гаэту, которая, говорятъ, запаслась теперь провіантомъ на цѣлые полгода. Однако же, теперь она едва ли можетъ держаться долго, будучи заперта и съ суши и съ моря. Войска Франциска II, уходящія въ Римъ подъ защиту французовъ, пересланы оттуда въ Абруццы, гдѣ ведутъ партизанскую войну; число ихъ простирается въ Абруццахъ тысячъ до 10; есть отряды ихъ и въ другихъ гористыхъ мѣстностяхъ горной Италіи. Кавуръ сначала не могъ принять противъ нихъ сильныхъ мѣръ; но теперь посланы большія колонны для прекращенія этихъ волненій.

Въ Венгріи комитаты, одинъ за другимъ, принимаютъ рѣшенія, подобныя пештскимъ. Правительство готовится къ вооруженному усмирению этого движенія. Австрійскія войска въ Венгріи усиливаются. Носятся слухи, что скоро будутъ объявлены находящимися въ осадномъ положеніи нѣкоторые комитаты. Предвѣстникомъ этой мѣры явился декретъ, объявляющій, что многія изъ рѣшеній, принятыхъ комитатскими конгрегаціями, противозаконны, и что если комитаты вздумаютъ приступить къ ихъ исполненію, это будетъ сочтено мятежемъ, который австрійское правительство станетъ усмирять военнымъ путемъ. Между тѣмъ, 2 апрѣля (нов. стиля) назначено собраться венгерскому сейму, выборы въ который разрѣшено производить по закону 1848, лишь слегка измѣненному.

Возраженіе новаго короля, уже два года управлявшаго государствомъ съ титуломъ регента, конечно не производитъ никакой перемѣны въ положеніи Пруссіи.

ПОЛИТИКА.

Февраль 1861.

Газеты наполнены предсказаніями, что къ веснѣ готовятся въ западной Европѣ очень значительныя событія. Но какова бы ни была важность этихъ ожиданій, читатель не удивится, если и въ нынѣшній разъ бѣльшая половина нашего обозрѣнія будетъ посвящена сѣверо-американскимъ дѣламъ, которыя въ прошломъ мѣсяцѣ заставили насъ почти совершенно забыть о Европѣ. На сѣверную Америку указываютъ западно-европейскіе прогрессисты, когда слышатъ, что ихъ идеалы неосуществимы. Выставленіемъ дурныхъ сторонъ сѣверо-американской жизни доказываютъ западно-европейскіе консерваторы гибельность теорій, защищаемыхъ прогрессистами. Словомъ сказать, обѣ главныя партіи западной Европы одинаково считаютъ сѣверную Америку образцовой страной для повѣрки своихъ убѣжденій; дурное мнѣніе о ней представляется оцорой для существующихъ западно-европейскихъ отношеній; хорошее мнѣніе о ней возбуждаетъ къ желанію преобразовать ихъ. Кризисъ, переживаемый теперь сѣверною Америкою, не можетъ остаться безъ очень сильнаго вліянія на судьбу цивилизованнаго свѣта. Если онъ приведетъ къ результату, предсказываемому теперь почти всѣми въ западной Европѣ, опустятся руки у одной партіи и перейдетъ общественное мнѣніе на сторону другой; если же развязка дѣла въ сѣверной Америкѣ будетъ иная, то и въ западной Европѣ значительно ускорится ходъ событій. Разумѣется, и въ томъ и другомъ случаѣ вліяніе сѣверо-американской исторіи на западно-европейскую обнаружится не вдругъ, не однимъ какимъ-нибудь эффектнымъ фактомъ, происхождение котораго прямо изъ какого-нибудь американскаго событія можно было бы указать. Нѣтъ, отношеніе тутъ инаго рода, связь тутъ не въ какихъ-нибудь частныхъ фактахъ, а въ общемъ расположеніи западно-европейской мысли держаться старинны или стремиться впередъ, бояться будущаго или надѣяться всего хорошаго отъ него. Связь тутъ не внѣшняя, не мимолетная, обнаруживающаяся не какими-нибудь частными фактами, а связь, проникающая въ самый корень западно-европейскихъ событій; примѣръ сѣверной Америки—постоянная сила, которая должна будетъ или привлекать Европу на извѣстный путь, или отталкивать отъ него. Въ годъ или въ два, быть можетъ, и нельзя будетъ открыть перемѣнъ въ западно-европейской исторіи отъ развязки нынѣшняго сѣверо-американскаго кризиса; но за то цѣлыя десятки лѣтъ будетъ дѣйствовать онъ на ея направленіе, какъ самое основаніе сѣверо-американскаго Союза дѣйствовало прежде,—

только съ тою разницею, что теперь примѣръ подается не малочисленнымъ племенемъ, слабымъ сравнительно съ западно-европейскими государствами, а могущественною націею, которая уже заняла одно изъ первыхъ мѣстъ между всѣми государствами по своей вышней силѣ. Вникнуть въ характеръ такого кризиса, постараться разгадать его запутанные обороты, предусмотрѣть его исходъ, — это задача мало интересная для соображеній о европейскихъ событіяхъ наступающаго лѣта или слѣдующей зимы, но очень важная для того, чтобы оцѣнить будущее движеніе политическихъ идей, которымъ стануть опредѣляться событія цѣлаго нашего и бытъ-можетъ слѣдующаго за нами поколѣнія.

Въ прошедшій разъ мы говорили о томъ, что, несмотря на сходство политическихъ учрежденій во всѣхъ 33 (или нынѣ съ принятіемъ Канзаса 34) штатахъ сѣверной Америки, существовали въ сѣверо-американскомъ Союзѣ двѣ страны, по всему характеру своей жизни, болѣе различавшіяся между собою, чѣмъ Турція различается отъ Англіи или Китай отъ Франціи. Сѣверъ и Югъ начали такъ рѣзко различаться между собою не съ той только поры, когда на крайнемъ Югѣ начало гигантски возрастать воздѣлываніе хлопчатой бумаги, — этотъ фактъ послужилъ только широкимъ полемъ для развитія прежнихъ особенностей южной жизни. Если бы не требовалась хлопчатая бумага, воздѣлывались бы точно такимъ же порядкомъ сахаръ, кофе и табакъ; они и теперь воздѣлываются въ очень большомъ размѣрѣ и лишь заслоняются хлопчатой бумагою потому, что мало рукъ остаются для нихъ на Югѣ. Дѣло въ томъ, что на Сѣверѣ земля занималась простолюдинами, до энтузіазма любившими трудъ и бѣжавшими изъ Англіи, чтобы стать за океаномъ людьми независимыми; каждый изъ этихъ людей отыскивалъ себѣ кусокъ земли, который могъ бы дать полное занятіе труду его семьи, но не больше, потому что единственными работниками на него были онъ самъ и его подроставшіе сыновья. Сѣверъ съ самаго начала былъ, какъ теперь остается, страною поселенъ-собственниковъ, передъ массою которыхъ исчезаютъ всѣ другія сословія. Въ Пенсильваніи, напримѣръ, чрезвычайно развиты рудокопные заводы и желѣзныя фабрики; въ Новой Англіи мануфактурная промышленность всякаго рода, а городъ Нью-Йоркъ сталъ самымъ громаднымъ центромъ всесвѣтной торговли послѣ Лондона. Но эти фабричные работники и рудокопы — вышли изъ тѣхъ же поселенъ, и большинство ихъ снова сдѣлается черезъ нѣсколько лѣтъ поселянами, уступивъ свое мѣсто новымъ людямъ, все изъ тѣхъ же поселенъ. А громадный городъ Нью-Йоркъ для массы своего населенія также лишь временная станція, гдѣ человѣкъ останавливается на нѣсколько лѣтъ, чтобы собраться со средствами для переселенія на западъ, на которомъ станетъ онъ поселяниномъ. Фабриканты и купцы Сѣвера вышли болѣею частью изъ простолюдиновъ, и дѣти или, много, внуки ихъ опять становятся простолюдинами, потому что богатство на Сѣверѣ не любитъ долго держаться по наслѣдству. Если въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ и существуютъ малочисленные группы семействъ, издавна держащихся въ положеніи, сходномъ съ высшими и средними классами европейскаго общества, то не только эти малочисленные группы, исчезающія въ массѣ городского населенія, но и сами города не могутъ пріобрѣсти господства надъ политикою Сѣвера: она завлечетъ отъ поселенъ. Очень яркимъ примѣромъ тому послужилъ послѣдній президентскій выборъ въ Нью-Йоркскомъ штатѣ. Городъ Нью-Йоркъ, какъ мы уже замѣчали въ прошлый разъ, далъ огромное большинство демократамъ; поселяне Нью-Йоркскаго штата вотировали за республиканцевъ, такъ

что по общему счету голосовъ цѣлаго штата очень большой перевѣсъ остался за республиканцами, несмотря на то, что цѣлая четверть жителей всего штата сосредоточена въ одномъ городѣ Нью-Йоркѣ, стоявшемъ за демократовъ. Если громадный городъ Нью-Йоркъ не имѣетъ господства надъ политикою и самого Нью-Йорк-скаго штата, то можно судить о степени силы поселянъ въ политикѣ цѣлаго Сѣвера. А сельское населеніе Сѣвера все состоитъ изъ людей, которые не служатъ никому работниками и сами не имѣютъ работниковъ; каждый земледѣлецъ тамъ независимый собственникъ земли, которую воздѣлываетъ.

Совершенно иное дѣло на Югѣ. Старинные южные штаты возникли черезъ пожалованіе земель королями въ награду придворнымъ. Самыя имена этихъ штатовъ показываютъ характеръ сословія, господствовавшего въ нихъ. Виргінія названа въ честь Елисаветы, королевы-*дѣвственницы*; далѣе къ югу лежатъ двѣ Каролины, еще южнѣе—Георгія. Во время борьбы англичанъ со Стюартами, эти южные штаты сочувствовали Стюартамъ. Уже и тогда, какъ теперь, масса бѣлыхъ состояла тамъ изъ жалкой толпы, находившейся въ полной нравственной зависимости отъ богатыхъ землевладѣльцевъ, огромныя помѣстья которыхъ занимали почти всю площадь старинныхъ южныхъ штатовъ. Когда стали основываться на Югѣ новые штаты, въ нихъ переходилъ гражданскій бытъ старыхъ штатовъ, переселенцами изъ которыхъ они основывались. Только въ послѣдніе годы приливъ переселенцевъ съ Сѣвера сталъ вводить сѣверный гражданскій бытъ въ сѣверной окраинѣ южныхъ пограничныхъ штатовъ (Виргінія, Кентукки, Теннесси, Миссури) и на западной границѣ южныхъ поселеній (въ Техасѣ и Канзасѣ). На всемъ остальномъ пространствѣ Юга господствуетъ поземельное устройство, какое было въ средневѣковой Европѣ. Почти вся земля сосредоточена въ немногихъ рукахъ: гораздо болѣе половины ея составляютъ какія-нибудь десять или пятнадцать тысячъ громадныхъ помѣстій; между ними разбросаны тысячъ 100 или 120 небольшихъ помѣстій, владѣльцы которыхъ находятся въ такой же зависимости отъ своихъ могущественныхъ сосѣдей, какъ въ старинной Польшѣ небогатые паны находились въ зависимости отъ магнатовъ; а масса бѣлаго населенія на Югѣ живетъ подъ разными наименованіями въ нахлѣбничествѣ у большихъ землевладѣльцевъ, въ родѣ того, какъ толпы шляхты жили при магнатскихъ дворахъ. По распредѣленію поземельной собственности сѣверо-американскій Югъ сходенъ съ Англіею, но не сходенъ съ нею устройствомъ сельскихъ хозяйствъ. Въ Англіи сельскимъ хозяйствомъ занимаются капиталисты, берущіе землю въ наемъ у владѣльцевъ, а сами владѣльцы огромныхъ помѣстій, вообще говоря, не занимаются сельскимъ хозяйствомъ. На сѣверо-американскомъ Югѣ такихъ капиталистовъ нѣтъ; землевладѣльцы должны сами вести хозяйство своихъ помѣстій, не имѣя людей, которымъ бы сдавать землю въ наемъ; дѣйствительно, кому была бы охота платить за наемъ земли, когда каждый можетъ, отправившись на западъ, взять себѣ въ собственность землю почти задаромъ? Но землевладѣльцы Юга—знатные люди, гордящіеся своимъ происхожденіемъ отъ средневѣковыхъ англійскихъ вельможъ, — они даже увѣрены, что теперь они одни въ цѣломъ свѣтѣ должны считаться истинными аристократами: по своимъ фаміліямъ они старше англійскихъ лордовъ, большинство которыхъ произведено въ знать изъ простолудиновъ въ недавнее время; только въ Сен-Жерменскомъ предмѣстіи живутъ люди, равные имъ по знатности; но сен-жерменскіе аристократы не умѣли сохранить ни своихъ правъ, ни власти надъ государствомъ; только они одни, земледѣльцы

сѣверо-американскаго юга, умѣли сберечь своимъ штатамъ то счастье аристократическаго господства, которымъ пользовалась западная Европа до французской революціи. Могутъ ли такіе важные и блистательные люди быть какими-то поземельными лавочниками, какими бываютъ въ Европѣ землевладѣльцы, ведущіе въ своихъ помѣстьяхъ собственное хозяйство? При свободномъ трудѣ, большое помѣстье становится какою-то земледѣльческою фабрикою, владѣльцу которой надобно съ утра до ночи сидѣть за счетами, слѣдить за каждою копѣйкою. Вотъ собственно въ этомъ обстоятельствѣ и заключается причина необходимости невольничества для южныхъ плантаторовъ. Они не могутъ по своимъ привычкамъ вести иного хозяйства, кромѣ такого, которое шло бы съпустя рукава, не требовало бы отъ хозяина ни хлопотъ, ни расчетливости, ни коммерческаго искусства.

Такимъ образомъ сѣверо-американскій Союзъ съ самаго начала раздѣлялся на двѣ половины, имѣвшія, при одинаковости политическихъ формъ, совершенно различное общественное устройство. Пока шло дѣло объ упроченіи политическихъ формъ, о развитіи государственной жизни сообразно съ формальными принципами конституціи, о томъ, чтобы искоренить въ Америкѣ остатки политическихъ понятій, свойственныхъ европейскому государственному порядку, разница гражданскаго устройства ни въ чемъ не мѣшала ни Югу, ни Сѣверу. И тамъ, и здѣсь общественное мнѣніе колебалось между двумя направленіями, имѣвшими своихъ приверженцевъ по всему пространству Союза. Были люди и на Югѣ и на Сѣверѣ, думавшіе удержать изъ англійскихъ политическихъ понятій все, что одинаково приимѣяется и къ конституціонной монархіи и къ республикѣ: въ Англіи все мѣстные власти безусловно подчинены парламенту, власть котораго безгранична; въ Америкѣ можно было бы поставить каждый отдѣльный штатъ въ такую же полную зависимость отъ конгресса, въ какой стоятъ англійскія графства отъ англійскаго парламента. Люди такого направленія назывались въ Америкѣ вигами. Но отчасти по враждѣ ко всему англійскому, долго господствовавшей между американцами послѣ войны за независимость, отчасти по рѣшительному перевѣсу прогрессивнаго стремленія въ Америкѣ, отчасти, наконецъ, по преданію быта, когда тринадцать колоній, назвавшихся по отторженіи отъ Англіи штатами, были колоніями, совершенно независимыми другъ отъ друга,—существовало между американцами и другое направленіе, стремившееся къ тому, чтобы довести до крайняго развитія принципъ самоуправленія, еще не успѣвшій въ Англіи проявиться со всеміи своими логическими послѣдствіями. По принципу этому, наслѣдованному американцами отъ англичанъ, должно происходить мимо всякаго правительственнаго участія все, что можетъ происходить безъ него; все, что можетъ считаться частнымъ дѣломъ, должно оставаться частнымъ дѣломъ. Въ жизни отдѣльных людей, пожалуй и въ жизни каждаго отдѣльнаго города, это правило принято англичанами. Но исчерпываются-ли тѣмъ логическія послѣдствія принципа? Если каждый частный человѣкъ и, пожалуй, каждый городъ не спрашиваетъ у парламента разрѣшенія по своимъ частнымъ дѣламъ, то не должна ли такая же независимость отъ государственнаго правительства принадлежать каждой области? Англичане слишкомъ много присвоили центральному правительству; все, что можетъ быть передано изъ его завѣдыванія во власть мѣстныхъ правительствъ, должно быть передано имъ въ независимое распоряженіе,—люди такого направленія назывались въ Америкѣ демократами. Съ самаго начала это стремленіе развивать самостоятельность мѣстныхъ правительствъ и администрацій пользовалось

въ Америкѣ популярностью, такъ что виги, желавшіе сдѣлать конгрессъ властью, по возможности похожею на англійскій парламентъ, не могли прямо обнаруживать своихъ мыслей въ полной силѣ; но все-таки видно было, что они хотѣтъ усиливать центральную власть на счетъ правъ отдѣльныхъ штатовъ. При ихъ осторожности и ловкости много понадобилось демократамъ времени на то, чтобы окончательно побѣдить своихъ противниковъ. Борьба эта кончилась всего лишь лѣтъ 15 тому назадъ: около 1845 г. партія виговъ совершенно пала и исчезло всякое опасеніе за право каждаго отдѣльнаго штата на полную независимость отъ центральной власти по вѣсѣмъ его внутреннимъ дѣламъ. Но когда кончился споръ о политическихъ формахъ, выступили на первый планъ вопросы гражданскаго быта, заслонявшіеся до этой поры политическими. Прежде, сѣверные люди говорили противъ невольничества, но они были или виги, или демократы, дѣйствовали вмѣстѣ съ вигами или демократами Юга и отвращеніе ихъ къ невольничеству оставалось частнымъ, если угодно, литературнымъ или религіознымъ чувствомъ, еще не имѣя общественнаго значенія для Юга. Теперь, когда демократическая партія истощила свою политическую программу и уже не видѣла передъ собою противниковъ, она стала распадаться сама на два отдѣла, по вопросу о гражданскомъ устройствѣ. Мы видѣли, что оно имѣло на сѣверѣ демократическій, на югѣ аристократическій характеръ. На сѣверѣ и на югѣ явились люди, желавшіе придать гражданскому быту Юга такой же порядокъ, какой былъ на Сѣверѣ. Число ихъ въ обѣихъ половинахъ Союза было сначала не велико. Но чрезвычайно опаснымъ для Юга показалось направленіе ихъ мыслей, потому что нападали они на такую черту южнаго устройства, которая была по своей сущности слишкомъ неспособна выдерживать критику. Мы видѣли, что въ хозяйственномъ быту аристократія Юга основывалась на невольничествѣ. Господствующій классъ имѣлъ привычки, несовмѣстныя съ веденіемъ хозяйства на коммерческомъ основаніи; а получать доходы съ своихъ земель не могъ онъ никакимъ другимъ способомъ, кромѣ господскаго хозяйства, по недостатку капиталистовъ, которымъ отдають въ аренду свои земли англійскіе землевладѣльцы. Отмѣнить невольничество—значило бы для южныхъ землевладѣльцевъ или измѣнить свой образъ жизни, или увидѣть себя въ необходимости продавать земли. Но возможно ли опровергнуть противниковъ невольничества? Южные аристократы могли только заставить ихъ замолчать. Въ своихъ штатахъ они такъ и сдѣлали; но черезъ это вопросъ принялъ новый оборотъ. Въ южныхъ штатахъ были уничтожены основныя права сѣверо-американскаго гражданина,—свобода убѣжденій, свобода высказывать ихъ, безопасность отъ произвольныхъ притѣсненій. Было запрещено писать и говорить противъ невольничества; люди, желавшіе его отмѣны, были наказываемы и изгоняемы. Уничтоживъ своихъ противниковъ на Югѣ, рабо-владѣльцы возстановили противъ себя Сѣверъ. Дѣйствительно, мало имъ было пользы господствовать на Югѣ, если на Сѣверѣ оставалась свобода говорить противъ невольничества. Югъ былъ принужденъ стремиться къ стѣсненію свободы рѣчи и на Сѣверѣ. Эта претензія высказывалась постоянно, и наконецъ была официально выражена въ «сообщеніи» (message) Вуханана конгрессу 5 декабря прошедшаго года. Президентъ говорилъ, что главная причина опасеній Юга—то обстоятельство, что на Сѣверѣ издаются газеты, печатаются книги, говорятся рѣчи, порицающія невольничество; если Сѣверъ не откажется отъ этого, т. е. если на Сѣверѣ не будетъ запрещено порицать невольничество, Югъ не можетъ примириться съ Сѣверомъ, по словамъ Вуханана. Въ

прошломъ обзорѣнія мы говорили, что сѣверные штаты были принуждены къ нарушенію тѣхъ своихъ законовъ, которыми уничтожалось въ нихъ невольничество.

Словомъ сказать, демократическая партія, проводя до послѣднихъ логическихъ выводовъ принципъ самоуправленія, принципъ независимости каждаго округа въ частныхъ дѣлахъ, забывала объ одномъ условіи, необходимомъ для осуществленія этого принципа: разныя части одного государства могутъ, независимо одна отъ другой, дѣйствовать въ гармоніи межъ собой лишь тогда, когда гражданскій бытъ всѣхъ частей существенно одинаковъ; разнообразіе мѣстныхъ законовъ и распоряженій не будетъ нарушать государственнаго единства лишь тогда, если коренные гражданскіе законы одинаковы, если основныя стремленія мѣстныхъ властей имѣютъ одинаковую цѣль. Иначе столкновенія между разными частями могутъ лишь на время сглаживаться политическою необходимостью, — напримѣръ, внѣшними опасностями отъ иноземныхъ державъ или борьбою изъ-за политическихъ формъ; но не замедлятъ обнаружиться въ полной силѣ, когда эти постороннія задержки будутъ побѣждены. Мы говорили, что такъ и случилось, лишь только борьба изъ-за политическихъ формъ была въ Соединенныхъ Штатахъ покончена побѣдою демократической партіи. Явилась необходимость привести въ гармонію южныя и сѣверныя гражданскія отношенія.

Общій ходъ цивилизаціи не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, которыя изъ нихъ измѣнятся: очевидно, что не сѣверныя учрежденія стануть одинаковы съ нынѣшними южными, а напротивъ, уничтожится въ южныхъ штатахъ невольничество, съ которымъ не согласны законы Сѣвера и которое служитъ основаніемъ южнаго гражданского устройства.

Это опасеніе, влагаемое въ южныхъ рабо-владѣльцевъ общимъ характеромъ прогресса во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, усиливалось особенными отношеніями сѣверо-американскаго прогресса, предвѣщавшими съ хронологическою точностью эпоху, когда Сѣверъ займется преобразованіемъ южныхъ учреждений. По конституціи Соединенныхъ Штатовъ, число депутатовъ каждаго штата въ палатѣ представителей опредѣляется сообразно числу жителей, оказывающемуся при всеобщей переписи, которая производится черезъ каждыя десять лѣтъ, — первая такая перепись была сдѣлана въ 1790 году; по каждой слѣдующей переписи оказывалось, что населеніе въ свободныхъ штатахъ увеличивается быстрѣе, чѣмъ въ невольническихъ, и послѣ каждой новой переписи увеличивалась въ палатѣ представителей пропорція депутатовъ свободныхъ штатовъ, уменьшалась пропорція депутатовъ невольническихъ штатовъ. Въ нынѣшней палатѣ представителей, составленной по переписи 1850 г., невольническіе штаты имѣютъ 90 депутатовъ, а свободные 147. Конституція Соединенныхъ Штатовъ предусматриваетъ случай, что могутъ современемъ понадобится измѣненія въ ней и опредѣляетъ законный порядокъ, которымъ должны производиться такія измѣненія. Для этого нужно, чтобы въ той и другой палатѣ конгресса измѣненіе было принято большинствомъ двухъ третей. При нынѣшнемъ составѣ палаты представителей общее число депутатовъ — 237; двѣ трети этого числа будутъ 158. Мы видимъ, что свободнымъ штатамъ не доставало лишь 11 голосовъ для составленія большинства въ требуемая конституціею двѣ трети. По соображенію прибавки, доставлявшейся свободнымъ штатамъ каждою переписью, оказывалось, что они пріобрѣтутъ болѣе 11 голосовъ по переписи 1860 г., и будутъ имѣть болѣе двухъ третей всего числа голосовъ въ

палатъ представителей на основаніи этой переписи. Правда, что въ сенатѣ такая пропорція не могла составиться слишкомъ скоро: въ сенатѣ каждый штатъ посылаетъ по два сенатора. Въ послѣднее время считалось въ Союзѣ 15 невольническихъ и 18 свободныхъ штатовъ; изъ 66 сенаторовъ свободнымъ штатамъ принадлежало 36 человѣкъ; эта цифра еще далека отъ того, чтобы составлять двѣ трети головъ. Конечно, слѣдовало ожидать возникновенія новыхъ свободныхъ штатовъ, и напимѣръ въ началѣ нынѣшняго года признанъ новый штатъ Канзасъ съ конституціею не допускающею невольничества. Но все-таки еще очень далека эпоха, когда прибавится столько новыхъ свободныхъ штатовъ, чтобы сенаторы Сѣвера составили цѣлыхъ двѣ трети всего числа сенаторовъ. Повидимому это должно было успокоивать Югъ; но успокоивало мало. Будучи собраніемъ, возникающимъ изъ выборовъ, сенатъ въ Соединенныхъ Штатахъ имѣетъ гораздо больше силы, чѣмъ верхнія палаты конституціонныхъ европейскихъ государствъ; но все-таки онъ не имѣлъ бы нравственной силы долго устоять противъ требованія палаты представителей, поддерживаемой громаднымъ большинствомъ нація. А главная опасность находилась и не въ сенатѣ и не въ палатѣ представителей. Читатель знаетъ, что для выбора президента назначаются отъ каждого штата особенные избиратели, число которыхъ равно числу депутатовъ и сенаторовъ, посылаемыхъ штатомъ въ конгрессъ. Напимѣръ, штатъ Миссури по переписи 1850 г. посылаетъ въ палату представителей 7 депутатовъ и, подобно прочимъ штатамъ, двухъ депутатовъ въ конгрессъ; поэтому онъ назначаетъ 9 человѣкъ избирателей въ коллегію, избирающую президента. По переписи 1850 г. число депутатовъ 237, а число сенаторовъ въ прошломъ году было 66; потому коллегія избирателей имѣетъ 303 голоса. Изъ нихъ 15 невольническихъ штатовъ имѣютъ 120 голосовъ. Имъ надобно было приобрести только 32 голоса въ свободныхъ штатахъ, чтобы получить большинство. Но перепись 1860 г. должна была доставить такой огромный перевѣсъ избирателямъ свободныхъ штатовъ, что невольническіе штаты уже не могли рассчитывать на привлеченіе къ себѣ изъ нихъ той слишкомъ значительной части, какая была нужна для составленія большинства. Потому невольничьи штаты должны были потерять надежду склонять президентскіе выборы въ свою пользу, когда выборы станутъ проходить по переписи 1860 г. Повѣрка и обработка данныхъ, доставляемыхъ переписью, требуетъ довольно долгаго времени, и распредѣленіе голосовъ сообразно новому цензу должно было произойти въ нынѣшнемъ или въ слѣдующемъ году. Президентскіе выборы 1860 г. оказывались послѣдними, на которыхъ Югъ можетъ одержать побѣду. Выборы слѣдующаго срока (1864 года) непременно должны обратиться противъ Юга. А достаточно было Союзу получить президента, неблагопріятствующаго невольничеству, чтобы явилась надобность отмѣнить это учрежденіе въ нѣкоторыхъ штатахъ. Въ прошедшій разъ мы говорили, какъ ограничена власть президента; онъ собственно можетъ только наблюдать за исполненіемъ существующихъ союзныхъ законовъ. Но и это уже опасно для невольничества въ пограничныхъ штатахъ. Охраненіе свободы мнѣній въ нихъ скоро привело бы къ отмѣненію невольничества въ Миссури, Кентукки, Теннесси, Мерилендѣ и Делаварѣ: оно поддерживается въ этихъ штатахъ уже только насильственными дѣйствіями мѣстныхъ правительствъ противъ той части бѣлаго населенія, которая враждебна ему и привлекла бы на свою сторону большинство при охраненіи свободы мнѣній союзною властью.

Потому очень давно, еще въ 1851 или 1852 г., приверженцы невольничества рѣшили готовить отторженіе Юга къ 1860 году. Вотъ изъ New York Times статья, излагающая ходъ этого дѣла:

«Въ послѣдніе три мѣсяца поразительныя событія такъ быстро слѣдовали одно за другимъ, что у насъ едва доставало времени записывать ихъ. Мы были такъ заняты самими явленіями, что не успѣвали изучать ихъ происхожденія. Наглое воровство, безстыдная измѣна общественному довѣрію, предательство сановниковъ, сдача фортовъ и военныхъ запасовъ, обезоруженіе одной части Союза для вооруженія другой, заговоръ въ кабинетѣ министровъ для низверженія правительства,—эти невѣроятныя событія шли такъ быстро, что мы только могли смотрѣть на нихъ съ нѣмымъ удивленіемъ.

«Все эти факты, казавшіеся отрывочными и безсвязными, были однако же гармоническими частями обдуманнаго плана, одурачившаго насъ, людей Сѣвера, мирныхъ и чуждыхъ подозрѣнія. Кто изучалъ это дѣло, тотъ знаетъ, что въ Штатахъ Мексиканскаго залива уже много лѣтъ существуетъ партія, твердо рѣшившаяся оторваться отъ Союза, духу котораго она враждебна. Послѣднею цѣлью этой партіи было образованіе обширнаго рабовладѣльческаго государства, которое захватило бы острова Мексиканскаго залива и страны на южномъ берегу его. Было время, когда казалось, что планъ этотъ осуществится посредствомъ Уокера. Неудача слабыхъ экспедицій, посылавшихся подъ его начальствомъ на Кубу и въ центральную Америку, только усилила чувство, изъ котораго возникли эти попытки, и заставила подумать о пріобрѣтеніи средствъ къ снаряженію сильнѣйшихъ экспедицій. Потому заговорщики стали хлопотать, чтобы захватить въ свои руки союзное правительство и принудить его содѣйствовать ихъ цѣлямъ или по крайней мѣрѣ обезоружить черезъ него Сѣверъ и вооружить Югъ, чтобы доставить Югу средства для войны не только оборонительной, но и наступательной. Мы теперь знаемъ, что г. Бухананъ былъ выбранъ президентомъ на томъ условіи, чтобы содѣйствовать видамъ крайней южной партіи. Три главные предводители нынѣшнихъ сепаратистовъ сдѣлались его министрами: Коббъ — министромъ финансовъ, Томпсонъ — внутреннихъ дѣлъ, Флоридъ — военнымъ министромъ. Все дѣлалось по ихъ плану; президентъ былъ гибкимъ орудіемъ въ ихъ рукахъ. Но событія показали, что власть скоро ускользнетъ изъ ихъ рукъ (сѣверные демократы вознегодовали на рабство Буханана передъ плантаторами, и, подъ предводительствомъ Дугласа, начали противиться чрезмѣрнымъ притязаніямъ южныхъ демократовъ, понявъ наконецъ, что иначе демократическая партія исчезла бы въ сѣверныхъ штатахъ). Дугласъ сталъ неизбежнымъ кандидатомъ демократической партіи при выборѣ новаго президента. Плантаторы рѣшили отложиться отъ Союза. Главнымъ дѣйствующимъ выбрали они Дэвиса (избраннаго теперь президентомъ южной конфедераціи). Будучи президентомъ комитета военныхъ дѣлъ въ сенатѣ, онъ пользовался большою властію надъ всѣми военными распоряженіями. Исполняя его программу, военный министръ Флоридъ началъ пересылать съ Сѣвера на Югъ оружіе и военные запасы, выбирая для нихъ такія мѣста, гдѣ сепаратистамъ было бы легко захватить ихъ. Чтобы снабдить южную конфедерацію деньгами, Флоридъ сталъ выдавать фальшивыя квитанціи, которые охотно покупались сѣверными капиталистами, не подозревавшими въ нихъ подлога. Этими средствами были приготовлены деньги для военной кассы южной конфедераціи. Офицеры союзной арміи были перемѣщаемы такъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые находились въ связи съ сепаратистами, командовали на всѣхъ пунктахъ, нужныхъ для успѣха заговора, и могли, по данному сигналу, отдать сепаратистамъ форты и магазины въ южныхъ штатахъ. Офицеры, считавшіеся вѣрными Союзу, были удалены изъ южныхъ штатовъ. Въ концѣ прошлой сессіи конгресса Дэвисъ успѣлъ провести законъ, запрещавшій военному министру покупать оружіе у мастеровъ и заводчиковъ, имѣвшихъ привиллегію (предлогомъ этого запрещенія было то, что мастера, взявши привиллегію, продаютъ свое патентованное оружіе по цѣнѣ слишкомъ дорогой); дѣлъ тутъ состояла въ томъ, чтобы правительство не имѣло въ запасѣ усовершенствованныхъ ружей, пушекъ и т. д. Министру финансовъ Коббу была назначена та роль, чтобы разстроить финансы, подорвать кредитъ правительства (и дѣйствительно, когда Коббъ уѣхалъ изъ Вашингтона, бросивъ свою должность, онъ оставилъ кассу союзнаго правительства пустой, а кредитъ его въ большомъ упадкѣ), чтобы

правительство не имѣло финансовыхъ средствъ бороться съ Югомъ. Обязанности министра внутреннихъ дѣлъ Томпсона были очень многосложны: онъ долженъ былъ служить посредникомъ между заговорщиками и людьми, которыхъ вовлекали они въ заговоръ, и подготавливать для сецессионистовъ возможность овладѣвать на Югѣ имуществомъ Союза. Всѣ южные форты были приведены въ такое состояніе, чтобы заговорщики овладѣли ими безъ сопротивленія. Президентъ помогалъ заговорщикамъ.

«Сецессионистамъ удалось исполнить почти все, о чемъ они хлопотали. Выборъ Линкольна послужилъ сигналомъ кризису. Сецессионисты захватили въ южныхъ штатахъ всѣ важные форты, за исключеніемъ форта Монро въ Виргиніи, форта Семтера въ Чарльстонѣ, форта Пикенса во Флоридѣ и еще двухъ фортовъ. Всѣ запасы оружія, посланнаго на Югъ, также были захвачены ими. Флоридъ позаботился оставить эти арсеналы беззащитными. Такимъ образомъ сецессионисты приобрѣли запасъ оружія для сформированія 30-тысячной арміи. Все это оружіе, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, находилось въ сѣверныхъ арсеналахъ. Цѣнность союзнаго имущества, переданнаго заговорщиками въ руки сецессионистовъ, простирается до 15 милліоновъ долларовъ.

«Какую же цѣль имѣетъ это воровство? Дать Югу средства, во-первыхъ, для обороны, если понадобится оборона, а потомъ для нападеній,—не на Сѣверъ, а на Мексику и Кубу. Какъ только освободится отъ опасности нападенія съ сѣвера формирующаяся теперь южная армія, она будетъ двинута на Мексику. Югъ считаетъ необходимымъ завоевать для себя тропическія земли; съ этой цѣлью онъ и отложился отъ Союза.»

Читатель знаетъ, какъ удачно идетъ дѣло отторженія. Въ прошедшій разъ мы говорили о пяти штатахъ, отложившихся отъ Союза; по нынѣшнимъ извѣстіямъ доходящимъ до 5 февраля, число ихъ увеличилось еще двумя, и теперь уже семь штатовъ крайняго юга: Южная Кароллина, Георгія, Флорида, Алабама, Миссиссиппи, Луизіана и Техасъ отложились отъ Союза. Вотъ въ какомъ положеніи находились дѣла по послѣднему изъ прочтенныхъ нами писемъ нью-йоркскаго корреспондента «Times'a.»

„Нью Йоркъ, 5 февраля.“

«Распаденіе достигло теперь второй своей степени, возсозданія. Конвентъ депутатовъ отдѣлившихся штатовъ собрался вчера въ Монтгомери, чтобы составить Союзъ невольническихъ штатовъ на основаніи нынѣшней союзной конституціи, съ нужными для этихъ штатовъ перемѣнами. О дѣйствіяхъ этого конвента извѣстно здѣсь нынѣ еще только то, что президентомъ своимъ выбралъ онъ Кобба (который былъ вліятельнѣйшимъ министромъ въ кабинетѣ Буханана и сложилъ съ себя должность министра лишь два мѣсяца тому назадъ, чтобы стать однимъ изъ предводителей сецессионистскаго движенія). Программа конвента слѣдующая: новый Союзъ принимаетъ конституцію прежняго Союза; избирается временная исполнительная власть; формируется армія, главнокомандующимъ которой назначается Джефферсонъ Дэвисъ (Джефферсонъ Дэвисъ представитель самыхъ ожесточенныхъ сецессионистовъ); на покрытие союзныхъ расходовъ принимается система доходовъ прежняго союзнаго правительства, пока не будетъ устроена другая система доходовъ. Отправляются въ Европу посланники, чтобы получить отъ европейскихъ правительствъ признаніе новаго государства; открывается въ новый Союзъ доступъ другимъ невольническимъ штатамъ.—Такимъ образомъ съ нынѣшняго дня раздоръ принимаетъ новые размѣры. До сихъ поръ союзное правительство великаго государства имѣло противъ себя отдѣльные штаты; теперь уже только остатки прежняго Союза,—правда, остатки сильные богатствомъ, могуществомъ и историческими воспоминаніями, но потерпѣвшіе нравственный ударъ отъ мятежа хлопчатобумажныхъ штатовъ,—имѣютъ противъ себя Союзъ этихъ штатовъ, превозносящихся неожиданнымъ успѣхомъ и надбѣющими, что къ нимъ присоединятся всѣ другіе невольническіе штаты. Отпавшіе штаты не обнаруживаютъ никакихъ признаковъ желанія вернуться назадъ. Южная Каролина продолжаетъ вооружаться.

«Сѣверъ пока бездѣйствуетъ. Во многихъ большихъ городахъ собираются митинги, выражающіе приверженность къ Союзу. Но это мало поможетъ, если конвентъ, застѣ-

дающій нынѣ въ Вашингтонѣ, не придумаетъ какого-нибудь способа удержать пограничные невольническіе штаты въ Союзѣ съ Сѣверомъ. Этотъ конвентъ состоитъ изъ депутатовъ пограничныхъ невольническихъ штатовъ, граничащихъ съ ними свободныхъ штатовъ и почти нѣсколькихъ сѣверныхъ штатовъ. Демократы Нью-Йоркскаго и другихъ свободныхъ штатовъ, граничащихъ съ невольническими, возлагаютъ большія надежды на этотъ конвентъ; но я не раздѣляю ихъ надеждъ.

«Канзасъ принять въ Союзъ, какъ новый штатъ съ конституціею, воспреещающею невольничество. Многіе республиканцы готовы находить, что существенная сторона дѣла выиграна ими чрезъ это, и что относительно остальныхъ территорій можно имъ согласиться на компромиссъ. Принятіе Канзаса въ число штатовъ было первою мѣрою въ проэктѣ соглашенія, котораго держался Сьюардъ. Теперь Канзасъ принять и члены республиканской партіи въ конгрессѣ смягчились. Сьюардъ, представитель будущаго правительства, расположенъ въ пользу компромисса. Онъ полагаетъ, что споръ о невольничествѣ практически разрѣшился принятіемъ Канзаса въ число штатовъ; что отвлеченная сторона этого спора должна быть принесена въ жертву живому вопросу о сохраненіи Союза. Но можетъ ли масса республиканской партіи быть склонена къ пожертвованію прежнею своею программою? До сихъ поръ мнѣ казалось, что не можетъ. Но теперь приверженцы Союза твердо надѣются на успѣхъ. Однако же часть республиканской партіи будетъ сильно противиться этому; она утверждаетъ, что расторгненіе Союза неизбежно и что остается только опредѣлить, гдѣ будетъ линія границы. Предводители республиканской партіи отвергаютъ всякую мысль дѣйствовать противъ южныхъ штатовъ насильственными мѣрами. Такимъ образомъ, каково бы ни было рѣшеніе дѣла, можно надѣяться, что миръ будетъ сохраненъ, если самъ Югъ не припудитъ Сѣверъ къ войнѣ нападеніемъ на тѣ форты въ южныхъ штатахъ, которые еще заняты союзными войсками.»

И такъ дѣло повидимому кончено. Хлопчато-бумажные штаты организовались въ особенное государство. Предводители республиканской партіи отказываются отъ мысли возвращать отложившуюся часть въ Союзъ силою оружія. Сѣверные противники невольничества конечно пристыжаются теперь сѣверными демократами, бывшими союзниками плантаторовъ. Но тонъ газеты New York Herald, главнаго органа плантаторской партіи, противорѣчитъ такому ожиданію. До послѣдняго времени New York Heraldъ чрезвычайно храбрился, доказывалъ могущество Юга, безсиліе сѣверныхъ республиканцевъ, порочилъ ихъ на-чемъ-свѣтъ-стоитъ, провозглашалъ, что они будутъ принуждены на колѣняхъ просить прощенія у Юга. Посмотрите же, какъ теперь переминился тонъ этой газеты,—мы на удачу беремъ одну изъ статей послѣдняго дошедшаго до насъ нумера.

«Съ 20 декабря, со дня знаменитаго объявленія Южной Каролины, дѣло отторженія въ хлопчато-бумажныхъ штатахъ, подобно неудержимому разливу, развивается, низвергая всѣ препятствія. Менѣе чѣмъ въ теченіе одного мѣсяца были выбраны, сошлись и кончили свое дѣло конвенты Флориды, Миссисипи, Алабамы и Георгіи, и каждый изъ этихъ штатовъ нынѣ, по мнѣнію своего народа, стоитъ, подобно Южной Каролинѣ, въ положеніи независимой республики, избавившейся отъ всякой обязанности повиноваться общему правительству Соединенныхъ Штатовъ. Къ 4 марта ожидаютъ, что списокъ этихъ независимыхъ государствъ увеличится Луизианою, Техасомъ и Арканзасомъ, и есть на Югѣ нѣсколько энтузіастовъ, вѣрящихъ, что всѣ южные штаты отдѣлятся отъ Союза передъ тѣмъ днемъ, или очень скоро послѣ того дня, когда республиканская партія получить власть въ Вашингтонѣ.

«Между тѣмъ мѣстныя власти пяти отдѣлившихся хлопчато-бумажныхъ штатовъ приготовляются составить общій конвентъ въ Атлантѣ (въ Георгіи), или въ Монтомери (въ Алабамѣ), чтобы устроить общее правительство южной конфедераціи. А пограничные невольническіе штаты, и Сѣверная Каролина, Теннесси и Арканзасъ, составляющіе второй рядъ южныхъ штатовъ, осторожно ведутъ дѣло отторженія—или избѣгая всякаго дѣй-

ствія, или стараясь уравниваться такъ, чтобы могли потомъ перейти куда угодно: или къ сѣвернымъ штатамъ, или къ южнымъ, смотря потому, какъ пойдутъ дѣла въ Вашингтонѣ. Но если мы вспомнимъ, что въ этомъ дѣлѣ отторженія участвуютъ двѣ партіи,—партія положительнаго, окончательнаго, безусловнаго отдѣленія отъ Сѣвера и партія, думающая преобразовать союзное правительство съ новыми гарантіями въ охраненіе невольничества,—то становится вѣроятно, что всѣ пограничныя невольническіе штаты могутъ рѣшиться выйти изъ Союза и вступить въ южную конфедерацію съ цѣлю направить ея политику къ возсозданію Союза.

«Другими словами: если штаты Делаваэр, Мерилендъ, Виргинія, Кентукки, Миссури, Сѣверная Каролина, Теннесси и Арканзасъ выйдутъ изъ Союза и присоединятся къ южной конфедераціи, то цѣль ихъ въ этомъ будетъ двоякая: съ одной стороны—вытребовать отъ Сѣвера удовлетворительныя условія къ возвращенію въ Союзъ, а съ другой стороны—заставить хлопчато-бумажные штаты возвратиться въ Союзъ, если отъ враждебнаго невольничеству Сѣвера будутъ получены удовлетворительныя уступки въ огражденіи невольничеству. Мы полагаемъ, что при надлежащемъ испытаніи южная партія окончательнаго и безуступчиваго отторженія отъ Сѣвера окажется, по народной баллотировкѣ, въ рѣшительномъ меньшинствѣ во всѣхъ южныхъ штатахъ, кромѣ одной только Южной Каролины. Мы думаемъ также, что если на Сѣверѣ будетъ предложенъ на одобреніе народа Криттенденовъ компромиссъ для сохраненія союза и мира, то онъ будетъ одобренъ во всѣхъ сѣверныхъ штатахъ, кромѣ быть-можетъ Массачусетса. Въ одинъ день вся эта революціонная комедія была бы мирно развязана американскимъ народомъ въ пользу сохраненія Союза, если бы какая нибудь сдѣлка, въ родѣ Криттенденова компромисса, была предложена на народную баллотировку во всѣхъ штатахъ.

«Ясно какъ день, что если не будетъ со стороны конгресса какой нибудь примирительной мѣры, то обязанность президента Линкольна ограничится только исполненіемъ нынѣшнихъ союзныхъ законовъ, требующихъ собиранія союзныхъ доходовъ и возвращенія захваченной мѣстными властями нѣкоторыхъ южныхъ штатовъ союзной собственности, какъ, напримѣръ, портовъ, арсеналовъ и т. д. Если г. Линкольнъ будетъ продолжать дальновидную и благородную снисходительность г. Буханана, то онъ еще можетъ отвратить войну. Но республиканскіе оракулы говорятъ объ этомъ всѣ въ одинъ голосъ,—голосъ этотъ—тотъ, что покорность законамъ будетъ вынуждена отъ южныхъ штатовъ во что бы то ни стало. Если въ теченіе недолгаго срока жизни, остающагося нынѣшнему конгрессу, не будетъ установленъ какой нибудь компромиссъ, то быть можетъ послѣдній день его и послѣдній день кончающагося президентства будетъ также послѣднимъ днемъ всѣхъ нашихъ надеждъ на возстановленіе Союза и первымъ днемъ бѣдственной междоусобной войны. Что тогда?

«Сила и отвѣтственность принадлежать республиканской партіи. Она можетъ водворить миръ, возстановитъ Союзъ. Обѣ палаты конгресса теперь въ ея рукахъ. Она должна только отказаться отъ двухъ-трехъ пустыхъ абстрактностей—и благое дѣло будетъ совершено. Криттенденовъ компромиссъ откроетъ путь къ миру и воссоединенію, если будетъ предложенъ на народную баллотировку. Если же не будетъ какой нибудь подобной мѣры для ободренія союзной партіи въ южныхъ штатахъ, то партія эта будетъ подавлена сецессионистами, тяготящимися надъ нею даже и въ пограничныхъ невольническихъ штатахъ, и правительству новаго конгресса и новаго президента останется тогда лишь одинъ выборъ: или междоусобная война, бѣдственная для обѣихъ сторонъ, или чрезвычайное засѣданіе конгресса для признанія независимой конфедераціи.»

Что это такое?—просьба къ Линкольному и къ его партіи о томъ, чтобы они поступали великодушно, снисходительно. Значитъ, дѣла отторгнувшихся штатовъ не слишкомъ хороши. Оно такъ и должно быть, по тѣмъ объясненіямъ, которые представлены нами въ прошедшемъ обзорѣ. Кто усомнится въ томъ, пусть прочтетъ слѣдующій отрывокъ изъ Вашингтонской корреспонденціи New York Herald'a этого Монитора сецессионистовъ.

«Вашингтонъ, 20 января.

«Письма изъ Чарльстона изображаютъ положеніе дѣлъ тамъ въ мрачномъ свѣтѣ. Рабовладѣльцы, платившіе прежде по $\frac{3}{4}$ доллара налога съ каждаго своего невольника, теперь должны платить по 16 долларовъ. Такимъ образомъ г. Экенъ (бывшій губернаторъ Южной Каролины) долженъ былъ заплатить 50 тысячъ долларовъ налога. Онъ объявилъ началству, что не можетъ заплатить, потому что у него нѣтъ денегъ. Ему на это отвѣчали, что онъ можетъ продать своихъ негровъ, и дѣйствительно онъ продалъ часть ихъ на уплату налога, а другихъ почти всѣхъ перевезъ въ Виргینیю и самъ уѣхалъ въ Европу. Двумъ книгопродавцамъ было опредѣлено платить по 1000 долларовъ налога. Они отказались платить. Имъ отвѣчали: книгъ у васъ больше, чѣмъ на эту сумму.— Гораздо больше, отвѣчали они, собрали свой товаръ и уѣхали изъ Чарльстона на Сѣверъ.

«Явился проэктъ — выкупить всѣхъ негровъ въ штатахъ Делаварѣ, Мериландѣ и Миссури и сдѣлать эти штаты свободными; на это требуется 91 миллионъ долларовъ. Этотъ планъ возбуждаетъ большое вниманіе; республиканцы считаютъ его практичнымъ; по принципу они не признаютъ права собственности надъ человѣкомъ; но въ этомъ случаѣ готовы отступить отъ принципа. Многие изъ нихъ говорятъ, что также надобно сдѣлать свободными штатами Арканзасъ, Техасъ и Луизиану. Многие изъ южныхъ джентльменовъ одобряютъ этотъ планъ, разноглася между собою только въ томъ, что сдѣлать съ освобожденными невольниками. Изъ сѣверныхъ людей многие говорятъ: пусть они остаются въ прежнихъ штатахъ; платите имъ за работу и они привыкнутъ сами заботиться о своей судьбѣ. Другіе, въ томъ числѣ рабовладѣльцы обѣихъ партій, и республиканской и демократической, говорятъ: переселимъ ихъ въ центральную Америку. Это послѣднее предложеніе быстро пріобрѣтаетъ популярность. Очень хорошо также принимается здѣсь предложеніе, сдѣланное на дняхъ г. Фуллертономъ. Онъ хочетъ, чтобы союзное правительство выкупило невольниковъ во всѣхъ пограничныхъ штатахъ и перевезло ихъ въ Гаити или въ Либерію. То или другое предложеніе скоро будетъ внесено и въ сенатъ и въ палату представителей.»

Часть этихъ фактовъ мы уже предсказывали въ прошедшемъ обзорѣ: Югъ совершенно зависить отъ Сѣвера въ торговомъ и денежномъ отношеніи; разрывъ съ Сѣверомъ долженъ былъ тяжело отозваться въ отдѣлившихся штатахъ. Но проэктъ о выкупѣ невольниковъ въ трехъ изъ пограничныхъ штатовъ — новая черта дѣла. По разсказу видно, что больше всего хлопочуть о немъ демократы, — республиканцы выставляются только соглашающимися, да и то не всѣ; нѣкоторые изъ нихъ отвергаютъ проэктъ, находя, что самое понятіе выкупа противорѣчитъ ихъ принципу. По свѣдѣніямъ, находящимся въ прошломъ нашемъ обзорѣ, очевидно, что именно демократы, до сихъ поръ отстаивавшіе невольничество, должны теперь хлопотать о выкупѣ невольниковъ въ пограничныхъ штатахъ. Мы знаемъ, что при расторгненіи Союза, Сѣверъ избавится отъ обязанности возвращать бѣжавшихъ невольниковъ, и невольники изъ пограничныхъ штатовъ убѣгутъ тогда въ сѣверные штаты.

Но интересъ партіи, господствующей въ пограничныхъ невольничьихъ штатахъ, еще сильнѣе требуетъ хлопотъ о возстановленіи единства между Югомъ и Сѣверомъ. Многочисленные люди, старающіеся о томъ и на сѣверѣ. Даже въ отдѣлившихся штатахъ, какъ мы говорили прошлый разъ, большинство населенія съ самаго начала хотѣло сохранить союзъ. Конвенты, благопріятные отторженію, составились только потому, что въ выборахъ участвовало лишь меньшинство народа, терроризировавшее массу населенія, которая и не являлась на выборы. По принципу американскаго устройства слѣдовало предложить на утвержденіе всѣхъ гражданъ штата такую важную перемѣну какъ декретъ о расторгненіи Союза. На

это не рѣшился ни одинъ конвентъ отторгнувшихся штатовъ, боясь, что большинство народныхъ голосовъ будетъ за Союзъ. Въ пограничныхъ штатахъ, конечно, еще незначительнѣе меньшинство, желающее отторженія и стремящееся теперь совершать его террористическими средствами. Девять десятыхъ изъ числа гражданъ Мериленда, Виргиніи, Кентукки, Теннесси и Миссури желаютъ возвратить отторгнувшіеся штаты въ Союзъ. Въ пограничныхъ штатахъ это большинство еще отваживается говорить, но чувствуетъ, что скоро будетъ подавлено насильственными средствами, если не успѣетъ остановить движеніе. Понятно поэтому, что изъ южныхъ штатовъ является множество проектовъ примиренія.

Не меньше ихъ является и на Сѣверѣ. Натуральны эти попытки со стороны сѣверныхъ демократовъ, партія которыхъ держится лишь тѣмъ, что опирается на Югъ и быстро потеряла бы всякое значеніе по отдѣленіи Юга. Но хлопочуть о примиреніи также и многіе изъ предводителей республиканской партіи, господствующей на Сѣверѣ. Эти люди руководятся уже исключительно патріотизмомъ, которому жертвуютъ выгодами своей партіи. Они хотятъ предотвратить междоусобную войну, хотя очевидно, что въ войнѣ сила была бы на ихъ сторонѣ: мы видѣли въ прошлый разъ, что даже весь Югъ и съ пограничными невольническими штатами былъ бы ничтоженъ передъ могуществомъ Сѣвера; тѣмъ ничтожнѣе передъ ними отдѣлывшіеся штаты, составляющіе слабѣйшую половину Юга.

Посмотримъ же теперь на главныя основанія проектовъ примиренія, предлагающихся съ Юга и съ Сѣвера.

Проекты, представляемые людьми пограничныхъ невольническихъ штатовъ и сѣверными демократами, всѣ подходятъ въ главныхъ своихъ основаніяхъ къ проекту, первоначально составленному сенаторомъ Криттенденомъ, который самъ родомъ изъ пограничнаго невольническаго штата Кентукки. Вотъ основанія криттенденова проекта. По программѣ республиканской партіи, невольничество не должно быть допускаемо въ земляхъ, только начинающихъ населяться, еще не сдѣлавшихся штатами по малочисленности своего населенія, управляемыхъ агентами союзной власти и называющихся территоріями. По программѣ плантаторскихъ штатовъ, напротивъ, всѣ территоріи должны быть открыты невольничеству. Криттенденъ предлагаетъ раздѣлить территоріи между югомъ и сѣверомъ, принявъ чертою разграниченія линію 36° 30' сѣвер. широты: на сѣверъ отъ этой линіи невольничество въ территоріяхъ не будетъ допускаемо, а на югъ отъ нея будетъ охраняемо союзною властью. Черта 36° 30' предлагается потому, что она составляетъ южную границу свободнаго штата Канзаса, а далѣе на западъ—границы между территоріею Ютахъ и территоріею Новая Мехика. Это разграниченіе территорій, открытыхъ и закрытыхъ невольничеству, существовало прежде по такъ-называемому миссурійскому компромиссу, полагавшему ту же самую линію границы 36° 30'. Южные плантаторы отвергли миссурійскій компромиссъ, думая захватить всѣ территоріи. Теперь, какъ видимъ, пограничные невольническіе штаты и сѣверные демократы уже покидаютъ большую половину своихъ претензій, отказываясь отъ территорій за миссурійскою чертою. Надобно сказать, что пространство на югъ отъ нея въ пять или шесть разъ меньше пространства, отъ притязаній на которое отказывается проектъ Криттендена. Въ этомъ состоитъ практическая сущность компромисса. Другія его основанія или имѣютъ лишь отвлеченное значеніе, или касаются пунктовъ, относительно которыхъ нѣтъ серьезнаго спора.

Криттенденъ предлагаетъ, чтобы конгрессъ формально призналъ, что не имѣетъ власти отмѣнять невольничество въ существующихъ невольническихъ штатахъ,—нынѣ республиканцы еще и не думаютъ отмѣнять невольничество въ томъ или другомъ штатѣ властью конгресса; они еще слишкомъ слабы для мыслей о такой рѣшительной мѣрѣ. Криттенденъ требуетъ тутъ гарантію не для настоящаго, а для будущаго, довольно-далекаго; а законы для будущаго настоящее можетъ предписывать, какіе хочетъ, съ увѣренностью, что будущее распорядится по своему не стѣняясь ими. Болѣе практической важности въ требованіи, чтобы конгрессъ не имѣлъ власти отмѣнять невольничество въ округѣ Колумбіи, пока оно существуетъ въ штатахъ Виргиніи и Мериленда. Читатель знаетъ, что округъ Колумбіи—небольшое пространство земли, на которомъ построена столица Соединенныхъ Штатовъ, городъ Вашингтонъ; вся величина Колумбіи—только двѣ квадратныя мили; это просто городъ Вашингтонъ съ подгородною мѣстностью. Онъ находится подъ прямымъ управленіемъ союзной власти и лежитъ на границѣ невольническихъ штатовъ Мериленда и Виргиніи. Отмѣнить въ немъ невольничество, значило бы сдѣлать его готовымъ пріютомъ для невольниковъ, расположенныхъ бѣжать изъ Мериленда и Виргиніи. Криттенденъ требуетъ также, чтобы конгрессъ отказался отъ власти запрещать продажу невольниковъ изъ одного штата въ другой. Запрещать это—значило бы принудить пограничные невольническіе штаты скоро отказаться отъ невольничества, потому что имъ уже невыгодно держать невольниковъ для собственныхъ земледѣльческихъ работъ, и они, по мѣстному выраженію, «воспитываютъ невольниковъ на продажу» въ хлопчато-бумажные штаты; республиканцы еще не надѣются скоро провести черезъ конгрессъ такое запрещеніе. Криттенденъ требуетъ, чтобы въ сѣверныхъ штатахъ были отмѣнены мѣстные законы, воспреещающіе выдачу бѣжавшихъ невольниковъ, а союзный законъ объ ихъ выдачѣ былъ измѣненъ въ такомъ смыслѣ, что если народъ сѣверной мѣстности, гдѣ скрылся невольникъ, не соглашается выдать его назадъ, то обязанъ заплатить цѣну этого освобождаемаго невольника владѣльцу, отъ котораго онъ бѣжалъ,—республиканцы были согласны на это съ самаго начала.

Пересмотримъ теперь черты компромисса, на который соглашается Сьюардъ, предводитель республиканской партіи въ конгрессѣ, будущій государственный министръ или первый министръ Линкольна. Онъ предлагаетъ раздѣлить территорію линіею 36° 30' и немедленно образовать изъ южной части штатъ, съ правомъ ввести въ него невольничество, а изъ сѣверной половины другой штатъ, съ запрещеніемъ невольничества; каждый изъ этихъ штатовъ, имѣющихъ слишкомъ громадную величину, можетъ въ послѣдствіи раздѣлиться на нѣсколько штатовъ, по мѣрѣ того, какъ будетъ населяться. Сьюардъ согласенъ, чтобы конгрессъ не касался вопроса о невольничествѣ въ существующихъ невольническихъ штатахъ, и чтобы мѣстные сѣверные законы противъ выдачи бѣжавшихъ невольниковъ были отмѣнены съ измѣненіемъ союзаго закона о выдачѣ бѣжавшихъ невольниковъ въ томъ смыслѣ, что если народъ не выдаетъ бѣжавшаго невольника, то долженъ заплатить за него деньги.

Словомъ сказать, между проектомъ предводителя республиканской партіи и проектомъ пограничныхъ невольничьихъ штатовъ нѣтъ никакой разницы. Если въ проектѣ Сьюарда опущены нѣкоторые условія, встрѣчаемые нами въ проектѣ Крит-

тендена, эти условія имѣютъ лишь отвлеченное значеніе и дойти до примиренія въ нихъ вовсе не трудно.

Въ чемъ же состоятъ препятствія къ возстановленію союза? Есть по одному важному препятствію и на Югѣ и на Сѣверѣ.

Въ отторгнувшихся штатахъ господствуетъ партія, желающая междоусобной войны: она рассчитываетъ, что населеніе сѣверныхъ штатовъ не захочетъ серьезно вести такую войну, и послѣ нѣсколькихъ ничтожныхъ стычекъ согласится на отдѣленіе южныхъ штатовъ отъ Союза, лишь бы прекратить кровопролитіе. Эта партія состоитъ изъ авантюристовъ, которые надѣются завести въ южной конфедераціи такой же порядокъ, какой существуетъ въ Мехикѣ,—то есть основать на югѣ господство вооруженныхъ шакъ, которыя будутъ грабить плантаторовъ и вообще всякихъ богатыхъ людей. Цѣль, какъ видимъ, очень проста и практична. Чтобы возвратились отторгнувшіеся штаты въ Союзъ, жители южныхъ штатовъ (и главнымъ образомъ сами плантаторы, страждущіе больше всѣхъ отъ нынѣшнихъ поборовъ, налагаемыхъ авантюристами) должны свергнуть иго этихъ авантюристовъ,—дѣло, не совершенно легкое, какъ мы говорили въ прошломъ обзорѣнн.

А на Сѣверѣ препятствіемъ служить начинающая пробуждаться гордость массы населенія. Югъ бѣденъ, слабъ, не можетъ долго держаться безъ денегъ, станеть жертвою анархическаго деспотизма,—онъ скоро принужденъ будетъ искать милости у Сѣвера,—почему же не подождать этой поры, къ чему спѣшить уступками, когда скоро возстановился бы союзъ безъ всякихъ уступокъ со стороны Сѣвера? Эти мысли начинаютъ распространяться въ массѣ республиканской партіи; онѣ уже на столько сильны, что ея предводители, желающіе немедленно кончить раздоръ хотя бы и съ уступками, колеблются прямо говорить, на какія уступки Югу были бы они согласны. Сьюардъ высказываетъ свои мысли уже не въ прямой формѣ проекта, а лишь мимоходомъ, какъ бы нехотя, въ видѣ своихъ личныхъ желаній, не имѣющихъ претензіи являться основаніемъ практическихъ мѣръ со стороны республиканской партіи. Другіе предводители ея не рѣшаются дѣлать и того: они только молчатъ; а второстепенные люди республиканской партіи уже прямо порицаютъ Сьюарда за готовность къ уступкамъ.

Но все-таки мы еще и теперь не отваживаемся предсказывать ту развязку дѣла, которая для бѣльшей части европейскихъ газетъ кажется уже совершившимся фактомъ. Мы не отваживаемся надѣяться, что дѣйствительно отпадетъ отъ Союза Югъ, который повидимому уже вышелъ изъ союза: рѣшенія, принятые конвентами отторгнувшихся штатовъ и самыя рѣшенія общаго конвента ихъ, собравшагося въ Монтгомери—все это пока еще только террористическая мпестификація, слишкомъ шаткая. Мы боимся, что она не удержится; что Югъ слишкомъ рано почувствуетъ невыносимость своего положенія, что на Сѣверѣ патріотизмъ слишкомъ рано возьметъ верхъ надъ убѣжденіями, состраданіе къ Югу возьметъ верхъ надъ чувствомъ гордости, что будетъ заключенъ компромиссъ, при которомъ невольничество на югѣ станеть падать не такъ быстро, какъ стало бы падать въ одномъ штатѣ за другимъ штатомъ южной конфедераціи при дѣйствительномъ расторженіи Союза.

Переходя въ Европу, мы не будемъ представлять своихъ соображеній о важнѣйшемъ пзъ развивающихся вопросовъ,—австрійско-венгерскомъ; мы приведемъ только выписки изъ газетъ.

Въ прошедшемъ обзорѣнн мы остановились на томъ, что 16 января посланъ

былъ въ венгерскіе комитаты рескриптъ, излагавшій основныя черты намѣреній австрійскаго правительства относительно Венгріи. Вотъ переводъ главныхъ мѣстъ этого документа:

«Съ спокойствіемъ и снисходительностію смотрѣли мы на первые опрометчивые шаги въ ходѣ венгерской общественной жизни. Мы приписывали ихъ взволнованному направленію времени, вспыхъ страстей долго сдерживавшихся и отвыкшихъ отъ общественной дѣятельности. Но теперь, когда нѣкоторые комитаты при выборѣ комиссій принимаютъ въ нихъ такихъ индивидуумовъ, которые, будучи непримиримыми противниками нашей монархіи и нашихъ владѣтельныхъ правъ и, соединяясь съ внѣшними врагами, нарушаютъ спокойствіе нашихъ земель коварнымъ заговоромъ и дерзкимъ возбужденіемъ къ мятежу; когда дѣлается попытка воспользоваться различіемъ мнѣній о будущемъ рѣшеніи вопроса относительно налоговъ въ томъ духѣ, чтобы произвести отказъ отъ платежа налоговъ, чѣмъ ослабляются матеріальныя средства государства, спутываются понятія народа и придается общественному положенію такое направленіе, о которомъ сами его легкомысленные и лицемерные представители должны знать, что оно не можетъ быть терпимо;—теперь, когда необходимѣйшія переходныя постановленія къ сохраненію порядка въ юридическихъ отношеніяхъ частныхъ лицъ, отстраняются съ нетерпѣливою торопливостію; когда нѣкоторые комитаты подъ предлогомъ охраненія общественной тишины, восстанавливаютъ и вооружаютъ національную гвардію съ обремененіемъ народа, а при опредѣленіи содержаній комитатскимъ чиновникамъ совершенно отстраняютъ надлежащее наблюденіе нашихъ начальствъ, и забывая свое назначеніе, не колеблется преступать границы своихъ законныхъ правъ и какъ независимыя корпораціи присвоивать себѣ почти всю государственную силу,—теперь становится неизбежною обязанностию рѣшительно воспротивиться этимъ преступнымъ превышеніямъ правъ и не потерпѣть, чтобы конституціонною свободою пользовались по способу, ведущему, чрезъ низверженіе общественнаго порядка, къ революціи.

«Вѣра нашихъ народовъ въ искренность нашего намѣренія восстановить конституціонный порядокъ поколебалась бы, если бы продолжали быть терпимы анархическія стремленія, развитіе которыхъ всегда бываетъ погибелью всякой законной свободы. Мы неизмѣнно сохраняемъ наши рѣшенія 20 октября истекшаго года и съумѣемъ охранить для нашихъ народовъ обѣщанное имъ конституціонное развитіе, а относительно нашего королевства Венгріи сдержатъ все, что было ему обѣщано. Но столь же твердо наша воля всюю силою воспротивиться революціи, въ какомъ бы видѣ ни являлась она: явно ли, или скрываясь лицемерно въ одеждѣ законныхъ формъ; мы не сомнѣваемся, что найдемъ поддержку въ истинномъ патріотизмѣ всѣхъ лучшихъ элементовъ; они не потерпятъ, чтобы на пути мирнаго соглашенія постановлялись препятствія, вызываемыя страстью или эгоизмомъ нѣкоторыхъ лицъ. Сообщая эти наши намѣренія и предостереженія къ свѣдѣнію всѣхъ комитатовъ нашего королевства Венгріи, мы твердо повелѣваемъ:

«1) Повсюду, гдѣ дерзнули избрать въ члены комитатскихъ комиссій живущихъ за границею мятежниковъ и измѣнниковъ, въ сообществѣ съ внѣшними врагами нашей имперіи и доселѣ еще продолжающихъ преступныя козни противъ насъ и государства, эти выборы объявляются недействительными и ничтожными.

«2) Подъ страхомъ строгаго наказанія, повелѣваемъ, что всѣ попытки, имѣющія цѣлью прямо или косвенно остановить сборъ прямыхъ податей и косвенныхъ налоговъ или самовластно установить новые налоги — должны быть отмѣнены, всѣ таковыя рѣшенія немедленно уничтожены, и объ исполненіи этого повелѣнія безотлагательно извѣщено королевское намѣстничество.

«(Въ третьемъ и четвертомъ §§ предаются такому же уничтоженію принятыя комитатами мѣры къ замѣнѣ учрежденныхъ вѣскимъ правительствомъ судилищъ и введенныхъ ими законовъ судилищами и законами, установленными въ 1848 г.).

«Если бы со стороны комитатовъ было обнаружено сопротивленіе этимъ нашимъ распоряженіямъ, то засѣданія комитатскихъ комиссій должны быть пріостановлены или самыя комиссіи распущены, и въ случаѣ надобности, эти наши рѣшенія должны быть исполнены и съ употребленіемъ физической силы.

«Всѣ эти рѣшенія внушены необходимою заботливостію объ общемъ благѣ нашихъ народовъ, и если бы наши отеческія намѣренія снова были разстроены и встрѣчены законѣлымъ упорствомъ, то мы съ прискорбіемъ должны были бы прибѣгнуть къ тѣмъ мѣрамъ строгости, которыхъ желали бы избѣжать. Если бы тѣмъ было замедлено созваніе сейма, искренно нами желаемое, и чрезъ то снова на долго было отложено полное возстановленіе конституціоннаго порядка и требуемое интересами не только Венгріи, но и цѣлой монархіи рѣшеніе важнѣйшихъ и настоятельнѣйшихъ вопросовъ, то всякую отвѣтственность за возникающія изъ того многоразличныя бѣдствія, мы съ спокойною совѣстью слагаемъ на тѣхъ, которые преднамѣренно или легкомысленно препятствуютъ дѣлу мирнаго соглашенія. Вѣна, 16 января 1861 года.

(Собственною рукою) Францъ Іосифъ.

Баронъ Вай.»

Предполагалось, что этотъ рескриптъ успокоитъ Венгрію; потому въ официалномъ органѣ австрійскаго правительства, Пештъ-офенской нѣмецкой газетѣ (Pesth-Ofener Zeitung), при его напечатаніи была помѣщена слѣдующая статья:

«Съ глубокимъ чувствомъ радости обнаружя выше напечатанный высочайшій манифестъ, мы твердо убѣждены, что при прочтеніи его мгновенно исчезнетъ уже нѣсколько недѣль тяжело лежавшее на груди всѣхъ друзей порядка обремененіе, и радостно отдохнуть вся страна, не исключая даже и тѣхъ, которые почли нужнымъ принять дѣятельную роль въ разрушеніи всѣхъ государственно-общественныхъ связей, предпринимавшемся мимо въ духѣ конституціонной дѣятельности, а нынѣ милостивѣйшимъ образомъ приглашаются къ возвращенію на прямой путь. Нынѣ ободряются города, повсюду заключающіе въ себѣ столь многіе элементы порядка, для которыхъ *suprema lex* (верховнымъ закономъ) служить не законъ 1848 г., въ сущности никого не удовлетворяющій и въ каждомъ словѣ своемъ носящій характеръ временнаго постановленія, а *salus publica* (спасеніе государства); верховный правитель даетъ имъ въ руку компасъ и указываетъ тѣмъ направленіе, которому впродолженіи они должны слѣдовать и которому доселѣ отчасти только потому не слѣдовали, что опасная, почти неисцѣлимая болѣзнь Венгріи,—страхъ стать непопулярнымъ въ толпѣ,—на сей разъ появилась съ необычайною силою.»

Но эта надежда не оправдалась. Комитаты одинъ за другимъ выразили свое несогласіе съ мыслями, какія рекомендовались для нихъ. Приводимъ въ примѣръ отвѣтъ пештскаго комитата.

«Когда ваше величество, устранивъ по праву и обязанности государя насильственные рѣшенія, вступили на путь конституціоннаго правленія и въ исполненіе этой возвышенной задачи сообщили націи ваши высочайшія рѣшенія отъ 20 октября прошлаго года, нація, какъ бы забывшая еще продолжавшееся обремененіе 12-тилѣтняго насильственнаго господства и видя въ вашемъ дипломѣ инициативу дальнѣйшаго развитія, съ довѣріемъ встрѣтила королевскую волю, въ надеждѣ и увѣренности, что ваше величество уступите высказывающемуся требованію націи и постройте на твердомъ основаніи законной конституціи организмъ воздвигаемаго государственнаго зданія. Дуализмъ абсолютизма и конституціонизма—невыпосмысленъ въ государственномъ организмѣ, и если разрушительные припадки этого дуализма будутъ возобновляться постоянно, то само государство разрушится ими. Сознаніемъ этой неопровержимой истины руководилась коммиссія пештскаго комитата до настоящей минуты во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ; она и въ своихъ рѣшеніяхъ и въ своихъ предложеніяхъ и даже на скользкой почвѣ своихъ совѣщаній заботливо избѣгала раздражительныхъ обвиненій за прошлое; важный, но щекотливый вопросъ о королевскихъ правахъ и обязанностяхъ оставляла она въ молчаніи; она не хотѣла раскрывать гробы погибшихъ, еще дымящіяся кровью; она подавляла въ себѣ живо рвавшіяся наружу чувства о глубочайшемъ униженіи націи чужеземнымъ управленіемъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ коммиссія, по своему неотъемлемому праву, открыто и откровенно, безъ всякой задней мысли, объявляла, просила и требовала, чтобы реорганизация

была начата и ведена на основаніи законовъ и конституціи, въ противность народному праву подавленной, но не отмѣненной. Дѣйствуя такимъ образомъ, комиссія съ спокойною совѣстью полагала, что открываетъ путь къ мирному соглашенію и успокоенію и съ тѣмъ вмѣстѣ вѣрно охраняетъ законную основу для государственной жизни націи.

«Дипломъ 20 октября намѣревался отнять у законодательной власти націи право располагать налогами и наборомъ войска, финансовой и кредитной частью, таможенными и торговыми дѣлами, почтою, телеграфами и желѣзными дорогами, и хотѣлъ подчинить эти коренныя основы конституціоннаго устройства законодательному собранію, чуждому націи, находящемуся за границами нашего отечества, словомъ сказать — собранію, чуждому и неизвѣстному для нашей конституціи; потому онъ нарушаетъ наши основныя законы, говоряшіе, что налоги опредѣляются венгерскимъ сеймомъ; нарушаетъ тѣ законы, которые даютъ націи право управлять своими дѣлами самой съ исключеніемъ всякаго иноземнаго вліянія. Въ нынѣшнемъ милостивомъ рескриптѣ ваше величество благоволите объявлять, что намѣрены возстановить прежнюю конституцію Венгріи и съ тѣмъ вмѣстѣ оставаться при началахъ, выраженныхъ дипломомъ 20 октября; потому нація видитъ себя въ необходимости полагать, что ваше величество благоволите считать дипломъ 20 октября и выраженное въ немъ преобразование конституціи за дѣло уже совершившееся; но нація расположена видѣть въ этомъ дипломѣ только королевское желаніе, предлагаемое на обсужденіе сейму; потому что по венгерской конституціи, даже и пламеннѣйшія желанія королей объ измѣненіи того или другаго закона могутъ осуществляться только чрезъ согласіе на нихъ національнаго сейма. При такомъ положеніи дѣлъ неизбежно должна была наступить настоящая критическая эпоха, когда согласныя съ конституціею и законами распоряженія комитатовъ кажутся вашему величеству фантомами революціи, облеченной вѣдомъ законности, а для націи кажутся зародышами нарушенія національной самостоятельности и конституціи дѣйствія правительства, быть можетъ и благонамѣренныя, но не строго законныя. Возстановленныя вашимъ величествомъ комитатскія власти могутъ существовать лишь какъ строго законныя органы и, не имѣя никакихъ законодательныхъ правъ, эти органы не могутъ принимать и исполнять никакихъ противорѣчащихъ нашимъ законамъ распоряженій, отъ кого бы они не происходили; потому что иначе комитатскія власти не были бы законными, а явились бы органами произвола. Результатъ этого прискорбнаго положенія—настоящій рескриптъ вашего величества, порицанія и строгости котораго смягчатся или лучше сказать уничтожатся, если положеніе дѣлъ будетъ разсматриваться съ законной точки зрѣнія, на какой стоятъ комитатскія власти.»

На четыре пункта порицанія, всѣ комитаты отвѣчали одинаково: эмигрантовъ (Кошута и его помощниковъ) они называли людьми, которые не были судимы по венгерскимъ законамъ, и потому сохраняютъ свои законныя права по венгерскимъ законамъ; охраненію начальствъ, правилъ и налоговъ, установленныхъ австрійцами, комитаты не могутъ содѣйствовать, потому что не имѣютъ законодательной власти, принадлежащей только венгерскому сейму, и должны лишь исполнять законы, а венгерскіе законы не признаютъ этихъ начальствъ, правилъ и налоговъ.

По вопросу о венгерскихъ эмигрантахъ, возникающему изъ рескрипта 16 января, вотъ небольшой отрывокъ изъ парижской корреспонденціи Times'a:

«Парижъ, 17 января.

«Венгерскіе эмигранты объявляютъ, что не имѣютъ никакого желанія получить амнистію отъ императора Франца-Иосифа. Уже самымъ тѣмъ фактомъ, что возстановляются законы 1848 года—уничтожаются всѣ приговоры, произнесенные противъ людей, сражавшихся съ австрійскимъ правительствомъ. Венгры говорятъ, что возвратятся на родину по приглашенію своего сейма, а не по милости правительства; по этой же причинѣ и было на дняхъ отвергнуто пештскимъ комитатомъ предложеніе Кубини о томъ, чтобы представлена была императору просьба о дарованіи амнистіи эмигрантамъ. Отвергая

предложеніе, комитатъ объяснилъ эту причину и выразилъ глубокое сочувствіе всей націи къ изгнанникамъ, которые среди печальнѣйшихъ обстоятельствъ не отчаявались за свою родину и не мало содѣйствовали успѣху настоящаго движенія къ восстановленію ея свободы.»

Теперь приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ вѣнской корреспонденціи Times'a:

«Вѣна, 14 января.»

«Есть признаки, что правительство готовится прибѣгнуть къ вооруженной силѣ для восстановленія своего господства надъ Венгріею. Трансильванская армія уже приведена въ готовность къ походу, а въ Гросвардейнѣ формируется такъ-называемый обсервационный корпусъ. Имена лицъ, избранныхъ конгрегаціе норадскаго комитата въ члены комитатской комиссіи, дадутъ вамъ достаточное понятіе о состояніи венгерскихъ дѣлъ. Въ числѣ избранныхъ находятся Кошутъ, Клапка, Владиславъ Телеки, Тюрръ. Вчера мнѣ объясняли, что венгерская нація рѣшилась не избирать палатиномъ никакого австрійскаго эрцгерцога, и когда я спросилъ, кого же выберетъ сеймъ палатиномъ, мнѣ отвѣчали, что много шансовъ имѣетъ графъ Владиславъ Телеки» (помощникъ Кошута, недавно выданный саксонскимъ правительствомъ австрійскому и помилованный императоромъ).

«Вѣна, 30 января.»

«Носится слухъ, что гонгскій комитатъ (который особенно рѣзко отвѣчалъ на рескриптѣ) объявленъ находящимся въ осадномъ положеніи; но я убѣдился, что молва эта неосновательна. Вскорѣ по обнародованіи рескрипта 16 января были несомнѣнные признаки, что правительство готовится прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ; но послѣ того мысли кабинета измѣнились; теперь онъ понимаетъ, что употребленіе военной силы въ Венгріи повело бы къ междоусобной войнѣ, которая можетъ кончиться распаденіемъ имперіи. Чтобы по возможности уничтожить непріятное впечатлѣніе, произведенное за границею рескриптомъ 16 января, «Вѣнская Газета» (официальный органъ правительства) говоритъ, что рѣшенія, объявленные въ императорскомъ рескриптѣ, были приняты лишь для восстановленія порядка въ Венгріи, и что императоръ, созывая сеймъ, ясно доказалъ свое намѣреніе идти законнымъ путемъ. Въ статьѣ, озаглавленной «Ожиданія Венгровъ», «Пештскій Ллойдъ» говоритъ, что баронъ Вай вѣроятно жалѣетъ о своемъ согласіи на рескриптъ 16 января, но что его соотечественники не сердятся на эту его уступку требованіямъ, потому что обнародованіе рескрипта, говоритъ «Пештскій Ллойдъ», «доставило націи случай прямо и свободно выразить свое мнѣніе о дипломѣ 20 октября. Венгры, служащіе нынѣ вѣнскому правительству, вѣроятно говорили императору, что нація будетъ довольна сдѣланными уступками. Но адреса, посланные въ «Вѣну комитатами гранскимъ, бекешскимъ, гонгскимъ, зипсскимъ, шульвенсейбургскимъ, гѣмѣрскимъ, барескимъ, помодьскимъ, зольскимъ и веспримскимъ должны были разрушить всякое самообольщеніе. Другіе комитаты послѣдуютъ этому примѣру (дѣйствительно, въ послѣднихъ числахъ января въ первыхъ числахъ февраля всѣ остальные комитаты, за исключеніемъ одного, прислали такіе же адреса), а сеймъ будетъ вѣрнымъ «ихъ эхомъ. Венгерская нація требуетъ отъ австрійскаго правительства безусловнаго признанія законовъ 1848 г.». Городское начальство Сегедина рѣшило, что каждому «честному» человѣку дозволяется носить оружіе; но австрійскія начальства, вѣроятно, не признаютъ законности такой мѣры. Въ Сегединѣ учредился комитатъ общественнаго блага; австрійскій областной начальникъ потребовалъ, чтобы комитатъ былъ распущенъ. Въ отвѣтъ на это, граждане Сегедина сказали, что въ настоящее время не могутъ исполнить такого требованія, а въ будущее время объявятъ причины, по которымъ поступаютъ теперь такимъ образомъ. Австрійскія начальства всячески стараются склонить комитаты, чтобы они занялись приготовленіями къ выборамъ на сеймъ; но комитаты не хотятъ дѣлать этого, и вѣроятно не займутся выборами, пока правительство не признаетъ безусловно избирательный законъ 1848 года.»

«Вѣна, 6 февраля.

«Нѣсколько дней тому назадъ я писалъ вамъ, что правительство не хочетъ «безъ крайней надобности» употреблять насильственныхъ мѣръ. Въ послѣднія двѣ-три недѣли венгерскій вопросъ возбуждалъ жаркія пренія между государственнымъ министромъ и барономъ Ваемъ. Шмерлингъ говорилъ венгерскому канцлеру, что правительство сѣмѣтъ возстановить тишину и порядокъ въ Венгріи, если не умѣютъ поддерживать ихъ мѣстныя власти. Баронъ Вай возражалъ противъ насильственныхъ мѣръ и былъ поддерживаемъ графомъ Рехбергомъ, находящимся, какъ говорятъ, совершенно подъ вліяніемъ графа Сечена. Но государственный министръ превозмогъ своихъ противниковъ. Это было причиною тому, что баронъ Вай согласился подписать угрожающій рескриптъ 16 января. Послѣ того образъ дѣйствій Деака и Этвеша (предводителей умѣренной мадярской партіи, всячески старающихся сдерживать движеніе) снова расположилъ правительство въ пользу венгровъ и вѣроятно, что оно сдѣлаетъ нѣкоторыя уступки, чтобы могла усилиться въ Венгріи умѣренно-либеральная партія, которая чрезвычайно желаетъ сохранить соединеніе Венгріи съ Австріею. Но если императорскій кабинетъ останется при своей нынѣшней политикѣ, то партія, желающая отторженія, совершенно восторжествуетъ въ Венгріи.»

«Вѣна, 11 февраля.

«Жители Вѣны не ожидаютъ, что новая конституція будетъ слишкомъ либеральна; но и они вѣроятно найдутъ, что не стоило терять бумагу для напечатанія такой конституціи. Представительное собраніе будетъ расширеннымъ государственнымъ совѣтомъ, раздѣленнымъ на двѣ палаты, одна изъ которыхъ, верхняя, будетъ во всемъ повиноваться правительству. Въ уставѣ для государственнаго сейма не будетъ употреблено и слово «конституція», а вмѣсто слова «палата» вѣроятно будетъ употреблено слово «курія» (терминъ, употреблявшійся въ средневѣковыхъ сеймахъ). Австрійское представительное собраніе будетъ только тѣнью парламента; но Шмерлингъ льститъ себя надеждой, что венгры согласятся признать власть этого собранія во всѣхъ дѣлахъ по установленію налоговъ. Я имѣлъ нѣсколько разговоровъ съ венграми умѣренной партіи, и всѣ они говорятъ, что венгерская нація никогда не признаетъ права устанавливать въ Венгріи налоги за австрійскимъ правительствомъ или государственнымъ совѣтомъ. «Мы обязаны, говорятъ они, давать австрійскому правительству 30 милл. гульденовъ въ годъ, и больше этого мы не станемъ платить, если больше этого не дастъ нашъ сеймъ». Баронъ Вай находится въ чрезвычайномъ уныніи, какъ и слѣдуетъ ему быть: онъ знаетъ, что скоро будутъ приняты очень сильныя мѣры противъ его соотечественниковъ.»

«12 февраля.

«Здѣсь господствуетъ нѣкоторое уныніе, потому что публика знаетъ, что ни одинъ изъ членовъ императорской фамилии не расположенъ къ конституціонной формѣ правленія. Чувствуется, что Австрія предстоитъ смутное время, и мнѣніе публики объ этомъ предметѣ очень вѣрно выражено въ слѣдующемъ отрывкѣ, который беру я изъ нынѣшняго нумера здѣшней газеты Ost-Deutsche Post:

«Дѣла Австріи плохи. Финансы въ страшномъ безпорядкѣ, а конституція еще въ «зародышѣ, такъ что невозможно сказать, что изъ нея выйдетъ. Дипломъ 20 октября, вѣроятно составленный торопливо, породилъ затрудненія, конца которыхъ невозможно «предвидѣть. Народы, населяющіе Австрію, подвергнутся тяжелымъ испытаніямъ. Ихъ «имущества и спокойствіе находятся въ опасности. Можетъ произойти великій финан- «совый кризисъ; можетъ возникнуть виѣшняя война и внутренняя война. Но мы убѣж- «дены, что имперія не разрушится, если правительство въ состояніи рѣшиться на уступки, «необходимыя для блага націи. Доселѣ Австрія держалась насиліемъ и штыками. Испро- «буемъ другую систему. Пусть народу будетъ предоставлена конституціонная свобода, а «штыки берегутся противъ виѣшнихъ враговъ. Дайте имперіи дѣйствительно либеральную «конституцію, и виѣшніе враги перестанутъ быть опасными для Австріи.»

«Винна, 13 февраля.

«Вчера баронъ Вай уѣхалъ отсюда въ Пешть, чтобы имѣть тамъ конференцію съ жупанами венгерскихъ комитатовъ, получившими отъ него на дняхъ циркуляръ, сущность котораго такова.

«Когда императорскій рескриптъ 16 января былъ посланъ въ венгерскіе комитаты, я почтительно просилъ васъ употребить ваши усилія, чтобы склонить управляемый вами комитатъ къ повиновенію приказаніямъ его величества, чтобы мое положеніе сдѣлалось менѣе тяжело и чтобы возрастающія затрудненія были устранены скорымъ созваніемъ сейма. Пренія порожденныя императорскимъ рескриптомъ во многихъ комитатахъ, заставляють меня опасаться, что мои ожиданія не исполнятся. Комитаты занимаются бесплодными преніями о законности или незаконности существующихъ временныхъ учреждений и не хотятъ признавать необходимости ихъ на кратковременный переходный періодъ. Необходимо намъ сообразить послѣдствія, къ какимъ можетъ вести такой образъ дѣйствій; и потому осмѣливаюсь просить васъ пріѣхать на свиданіе со мною въ Пешть 14 числа нынѣшняго мѣсяца, чтобы мы могли изустно обмѣняться мнѣніями по этому дѣлу.»

«Почти никто въ Виннѣ не ждетъ, чтобы баронъ Вай успѣлъ достичь цѣли въ этихъ переговорахъ съ жупанами.»

Дѣйствительно, собравшіеся въ Пешть жупаны сказали барону Ваю, что комитаты дѣйствуютъ на законномъ основаніи, и не имѣють права дѣйствовать иначе.

Вотъ еще одинъ документъ. Вѣнскій министръ финансовъ разослалъ къ торговымъ палатамъ циркуляръ, въ которомъ просилъ у нихъ совѣтовъ относительно средствъ къ улучшенію вексельнаго или, что въ Австріи почти то же, ассигнаціоннаго курса. Изъ всѣхъ частей имперіи, торговыя палаты отвѣчали въ одномъ и томъ же духѣ, примѣромъ котораго пусть послужить отвѣтъ, данный министру финансовъ пражскою торговою палатою.

«Единственнымъ рѣшительнымъ средствомъ къ возстановленію курса представляется намъ скорое составленіе по возможности удовлетворительной для всѣхъ классовъ населенія конституціи, и слѣдующее затѣмъ немедленное созваніе государственнаго представительнаго собранія, избраннаго прямымъ образомъ по либеральному избирательному закону. вмѣстѣ съ тѣмъ должна стать кореннымъ закономъ отвѣтственность министровъ передъ этимъ собраніемъ, которое немедленно признаетъ существующій государственный долгъ. Сообразная духу времени конституція, которой присягнетъ императоръ, заключается въ себѣ ручательство за прочный независимый отъ смѣны лицъ порядокъ въ государственномъ хозяйствѣ, и, создавъ довѣріе и довольство внутри имперіи, станетъ лучшею опорою ея внѣшняго могущества, потому что государство, столь обширное какъ Австрія, въ самомъ себѣ находитъ силу, охраняющую отъ опасностей цѣлостъ его, когда поддерживается патриотизмомъ своего населенія, готоваго на жертвы. Таково коренное условіе, отъ котораго зависитъ рѣшеніе всего вопроса. Другія мѣры могутъ имѣть силу лишь въ той мѣрѣ, въ какой имѣють онѣ связь съ этимъ условіемъ, и лишь въ этомъ предположеніи палата можетъ рекомендовать къ исполненію еще слѣдующія мѣры: 1) уменьшеніе вліянія правительства на національный банкъ до той границы, какая полагается выгодною публики; 2) для погашенія еще неуплаченнаго долга государства національному банку заключеніе процентнаго займа, съ погашеніемъ его, по впередъ опредѣленному плану, въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ; заемъ этотъ долженъ быть утвержденъ представительнымъ собраніемъ государства. Ваше превосходительство благоволитъ употребить все ваше вліяніе для немедленнаго введенія конституціи для всего государства.»

Теперь конституція уже обнародована. Она въ существенномъ сходна съ основаніями, предначертанными въ дипломѣ 20 октября. Палата представителей составляется изъ депутатовъ, избираемыхъ провинціальными сеймами; министры не отвѣтственны передъ нею; объ отминыхъ прежнихъ постановленій относительно

газетъ не упоминается. Разница отъ основаній диплома 20 октября въ сущности только одна: къ палатѣ, составляющейся изъ депутатовъ, назначаемыхъ провинціальными сеймами, прибавляется другая палата, состоящая отчасти изъ высшей титулованной аристократіи по фамильному праву, отчасти изъ лицъ, жалующихъ въ члены этой (верхней) палаты по усмотрѣнію императора. Какъ и сказано было въ дипломѣ 20 октября, этому собранію подчиняется и венгерскій сеймъ наравнѣ съ другими провинціальными сеймами.

О дѣлахъ остальныхъ земель западной Европы можно ограничиться на этотъ разъ нѣсколькими словами. Законодательный корпусъ, собранный въ Парижѣ въ началѣ февраля, оправдываетъ увѣренность, выраженную нами при изданіи декрета 24 ноября, что переимѣнъ въ способъ управленія и законодательства не предполагалось произвести этимъ декретомъ. Дѣла Франціи ведутся по прежнему. Изданная въ половинѣ февраля официальная брошюра «Франція, Римъ и Италія» показываетъ, что императоръ французовъ глубоко огорченъ недовѣріемъ папы къ его совѣтамъ и несогласіемъ папы на его желанія; но слѣдуетъ ли изъ этого, что императоръ французовъ намѣренъ лишить папу своего великодушнаго охраненія, вывести французскій гарнизонъ изъ Рима? — Объ этомъ брошюра не говоритъ, конечно потому, что императоръ французовъ намѣренъ дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами.

Газета сдалась. Надобно ожидать, что послѣ этого довольно быстро успокоятся тѣ неаполитанскія провинціи, въ которыхъ еще продолжалась междоусобная война. Итальянскій парламентъ провозгласилъ Виктора Эммануэля королемъ Италіи. Всего этого слѣдовало ждать.

ПОЛИТИКА.

Мартъ 1861.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ЗАКОНЫ 26 ФЕВРАЛЯ. — ВЕНГЕРСКІЯ ОТНОШЕНІЯ. — ФРАНЦУЗСКІЕ КЛЕРИКАЛЫ.

Вотъ уже болѣе полутора года Австрія заннмаетъ Европу необыкновенными явленіями. Дѣло началось, какъ знаетъ читатель, тѣмъ, что по окончаніи итальянскаго похода почтено было за нужное обѣщать реформы для успокоенія недовольства, которое высказывалось все громче и громче послѣ военныхъ неудачъ. Перечислять реформы, дѣлавшіяся въ исполненіе обѣщаній, было бы теперь совершенно напрасно, потому что ни одна изъ нихъ не удалась, — мало сказать «не удалась», — ни одна и не дожила до осуществленія, хотя бы неудачнаго: всѣ умерли на бумагѣ, поочередно будучи покидаемы одна за другою, для замѣны новыми опытами, подвергавшимися такой же участи. Законъ о венгерскихъ протестантахъ, учрежденіе «усиленнаго» государственнаго совѣта (читатель чрезъ нѣсколько страницъ увидить, что мы, вмѣстѣ со всею говорящею на иныхъ языкахъ, кромѣ нѣмецкаго, Европою, ошибались, называя его государственнымъ: слѣдовало называть его имперскимъ, потому что государственный совѣтъ долженъ считаться въ Австріи самъ по себѣ, а имперскій совѣтъ тоже самъ по себѣ, особо), дипломъ 20 октября, 25 рескриптовъ и манифестовъ, сопровождавшихъ его, министерство Гюбнера, министерство Рехберга, — все это теперь «перейденныя точки» или «преодолѣнные штандъ-пункты», какъ говорится по-нѣмецки. Теперь въ Австріи «реализуется новый моментъ» или «преодолѣвается новая точка» преуспѣвающаго «органическаго развитія». 27 февраля новаго стиля напечатана въ оффиціальной газетѣ *Wiener Zeitung* конституція для австрійской монархіи, — вотъ какъ падохъ человѣкъ на ошибки, особенно человѣкъ неосновательный и легкомысленный, каковъ составитель политическихъ обзорѣній «Современника»: едва поправили мы свою прежнюю ошибку, какъ тотчасъ же сдѣлали новую; слѣдовало сказать не такъ, какъ мы выразились: «27 февраля напечатана въ вѣнской газетѣ конституція», по настоящему надобно сказать: «напечатаны организационные законы» *Organisations — Gesetze*, рядъ которыхъ начинается императорскимъ повелѣніемъ, *kaiserliche Verordnung*, за которымъ слѣдуетъ «коренной законъ объ имперскомъ представительствѣ» (*Grundgesetz über die Reichsvertretung*), а за кореннымъ закономъ объ имперскомъ представительствѣ слѣдуетъ опять императорское повелѣніе, касательно созванія

ландтаговъ и рейхстага, который рейхстагъ въ заглавіи повелѣнія названъ рейхстагомъ, а въ самомъ текстѣ повелѣнія называется уже рейхсратомъ. Для непросвѣщеннаго читателя (если такой попадется между нашими просвѣщенными читателями) мы, пожалуй, и перевели бы на російскій языкъ эти термины, да представляются тому двѣ помѣхи: первая та, что непросвѣщенныхъ не только читателей, а и вообще теперь людей нѣтъ: всѣ поголовно просвѣтились, такъ что уму помраченье: гдѣ вы теперь найдете въ Россіи человѣка съ невѣжественнымъ образомъ мыслей? Ни за какія деньги не найдете. Вторая помѣха та, что и перевести нельзя: еще языкъ нашъ не выработался такъ, чтобы передавать всѣ такіа тонкости. Стало быть не для кого переводить, да и нельзя перевести. Вы полагаете теперь: «значить и переводу не будетъ». Какъ же вы плохо знакомы съ російскою логикой! по ней, если въ посылкахъ говорится: не надобно дѣлать и нельзя сдѣлать, то въ заключеніи будетъ: «и такъ дѣлаемъ».—Да, такъ мы съ того начали, что по ненадобности и невозможности перевода слѣдуетъ намъ перевести терминъ втораго изъ повелѣній, напечатанныхъ въ Австріи 27 февраля. Ландтагъ тутъ означаетъ провинціальный сеймъ; рейхстагъ—общій сеймъ всей имперіи; а называя этотъ рейхстагъ рейхсратомъ, т. е. имперскимъ совѣтомъ, повелѣніе указываетъ, что сеймъ будетъ не сеймомъ, а совѣтомъ: иначе сказать, что этому имперскому сейму или имперскому совѣту дается право не власти, а совѣтованія; при чемъ подразумѣвается, что дурныхъ совѣтовъ никто не обязанъ слушать... Мы насчитали довольно документовъ, но вы не подумайте, что мы дошли до конца или хоть до половины всей этой документальной процессіи: за вторымъ императорскимъ повелѣніемъ слѣдуетъ императорскій патентъ о замѣнѣ прежняго усиленнаго рейхсрата новоучреждаемымъ штатсратомъ, — вотъ опять-таки мы сдѣлали ошибку: усиленный рейхсратъ замѣняется вовсе не штатсратомъ, а тѣмъ самымъ имперско-представительнымъ рейхсратомъ, о которомъ говорилось въ коренномъ законѣ о имперскомъ представительствѣ; что же касается до новоучреждаемаго штатсрата, онъ учреждается въ замѣну прежняго рейхсрата, не какъ усиленнаго рейхсрата, а какъ постояннаго рейхсрата, потому что хотя усиленный рейхсратъ, и былъ тотъ же постоянный рейхсратъ, но однако же, какъ постоянный рейхсратъ, онъ былъ самъ по себѣ, а какъ усиленный рейхсратъ — самъ по себѣ. За патентомъ о штатсратѣ слѣдуетъ статутъ штатсрата; а затѣмъ слѣдуютъ четыре рескрипта: три первые къ лицамъ благодѣльныхъ фамилій, а четвертый къ нѣкому президенту Мазураничу, котораго нѣмцы выговариваютъ Мазураникъ; затѣмъ слѣдуютъ еще съ десятокъ разныхъ штукъ, а можетъ быть и больше, одни подъ разными заглавіями, другія подъ одинаковыми заглавіями, какъ по предмету требуется. Словомъ сказать, всѣ эти документы упечатались не иначе, какъ на 17 печатныхъ листахъ газетнаго формата. Отъ такого объема даже замедлилось обнародованіе конституціи, винуваты,—организаціонныхъ законовъ: думали издать ихъ 21 февраля,—типографія вѣнской газеты не управилась къ 21; отложили до 24; типографія все еще не управилась; ну, думали, поспѣетъ дѣло къ 26 февраля, — и третья отсрочка прошла, а типографія все работала и работала, и едва наконецъ справилась со всею этою кляпою документовъ къ 27 февраля. Уже самая громадность объема показываетъ характеръ дѣла, котораго нельзя было вмѣстить меньше, какъ на 68 страницъ, каждая въ нѣсколько колоннъ, изъ которыхъ каждая колонна въ нѣсколько сотъ строкъ. Многосложное дѣло, головоломное дѣло! нашимъ съ вами

головамъ, читатель, не вмѣститъ его. Потому-то истиннымъ благодареніемъ надобно считать, что сама «Вѣнская Газета» потрудились пережевать за насъ эту кипу бумаги и вложить въ наши уста краткій пережеванный экстрактецъ не то на 7, не то на 8 длинныхъ колоннахъ мелкаго шрифта, такъ-что при перепечаткѣ въ «Современникѣ» этотъ краткій экстрактецъ займетъ страницъ до 30 примѣрно, а можетъ быть и съ хвостикомъ. Такой приемъ законоположительныхъ объясненій осилить можетъ человѣкъ. Итакъ слушайте, мы переводимъ восьмиколонную статью «Вѣнской газеты».

«Скоро исполнится тысячелѣтіе Австріи; но во всей этой тысячѣ лѣтъ не много найдется такихъ минутъ, которыя могли бы равняться съ настоящею, по своему высокому политическому значенію.

«Вѣрно понимая потребности времени, императоръ манифестомъ 20 октября вручилъ народамъ своей имперіи актъ новаго основнаго закона, названный именемъ диплома, который содержитъ руководительную норму для конституціоннаго устройства Имперіи, долженствующаго воздвигаться на основаніи нераздѣльной, подъ властью царствующаго дома, Австрійской единой монархіи.

«Его величествомъ возвышено, что при семъ принималось въ соображеніе примиреніе прошедшаго и его воспоминаній съ практическими потребностями настоящаго и требованій отдѣльныхъ народовъ съ условіями существованія монархіи. Императору угодно основать возобновляемое утвержденіе и огражденіе государственныхъ узъ монархіи на учрежденіяхъ, которыя равномерно отвѣчаютъ съ одной стороны различію народовъ по національному, умственному и естественному характеру, а съ другой стороны также и требованіямъ ставшаго не менѣ ихъ законно-историческимъ фактомъ единства австрійскихъ земель,—на основаніяхъ, равномерно дающихъ благоговѣнное выраженіе высшему закону свободы и человѣчности, гений которыхъ паритъ превыше національныхъ различій, примиряя народы.

«Этотъ государственный актъ безъ сомнѣнія есть величайшій изъ всѣхъ, внесенныхъ въ лѣтописи австрійской исторіи со времени прагматической санкціи.

«Правда, и въ это промежуточное время не пусты оставались листы этихъ лѣтописей; богаче всякаго другаго историческаго отдѣла равнаго числа лѣтъ было это время отдѣльными фактами, дававшими существенныя измѣненія и важныя очищенія юридическому состоянію всѣхъ слоевъ гражданскаго общества; факты эти должны остаться не гибнущими, да и не могли бы отстранены быть безъ того, чтобы вновь не сдѣлаться предметами пожирающаго раздора между государственными гражданами. Во внѣшнихъ отношеніяхъ Австрія, хотя и борющаяся съ тяжелыми обстоятельствами, уже и по географическому своему положенію всегда умѣла занимать важное всемірное значеніе и съ челою всегда являться великою европейскою державою. Въ этихъ результатахъ общей богатой славными подвигами въ морѣ и на войнѣ исторіи и не менѣ того въ ряду общихъ учреждений, которыми Австрія стремилась стоять на высотѣ времени, уже лежатъ могущественные элементы соединенной силы.»

А впрочемъ, не остановиться ли намъ тутъ? не довольно ли будетъ и одной этой странички изъ обѣщанныхъ нами 30 страницъ? не лучше ли намъ будетъ обратиться къ самому коренному закону объ имперскомъ представительствѣ. Вотъ важнѣйшія статьи этого документа во всемъ ряду «организаціонныхъ законовъ».

«Имперскій совѣтъ, какъ извѣстно читателю, раздѣляется на двѣ палаты. Верхняя палата состоитъ изъ членовъ по праву рожденія, по праву сана и по назначенію императора. По праву рожденія въ верхней палатѣ засѣдаютъ совершеннолѣтніе принцы императорскаго дома и вельможи, «отличающіеся обширностію помѣстій», которымъ императоръ пожалуетъ наслѣдственное званіе членовъ верхней палаты. По сану засѣдаютъ въ ней всѣ архіепископы и тѣ епископы, которымъ принадлежитъ санъ, равный княжескому. По назначенію императора по-

жизненно назначаются членами лица, которыхъ онъ найдетъ достойными такого отличія.

«Палата депутатовъ состоитъ изъ 343 членовъ (отъ Венгрии 85, отъ Трансильваніи 26, отъ Богеміи 54, Ломбардо-венеціанскаго королевства, — это имя сохраняется официальнымъ австрійскимъ языкомъ за австрійскими землями въ Италіи, — 20, отъ Галиціи съ Краковомъ 38 и т. д.). Число членовъ, назначенное для каждой области, избирается въ палату депутатовъ провинціальнымъ сеймомъ этой области.

«Президенты и вице-президенты назначаются императоромъ.

«Вѣдѣнію имперскаго совѣта принадлежатъ все предметы законодательства, относящіеся къ цѣлой имперіи, въ особенности рекрутскіе наборы и финансовыя дѣла. Существующія подати и налоги продолжаютъ быть взимаемы, пока не будутъ отменены. Проекты законовъ вносятся въ имперскій совѣтъ правительствомъ. Но и совѣтъ можетъ предлагать законы по предметамъ, ему подвѣдомственнымъ.

«Въ періоды между засѣданіями имперскаго совѣта, министерство имѣетъ право, въ случаѣ надобности, принимать мѣры, подлежащія его вѣдѣнію, и безъ совѣщаній съ нимъ, собственною властью. Когда имперскій сеймъ вновь соберется, оно должно будетъ сообщить ему причины и результаты сдѣланныхъ распоряженій.

«Засѣданія имперскаго совѣта пріостанавливаются, а также и палата депутатовъ распускается волею императора.»

Изъ переведеннаго нами начала статьи «Вѣнской Газеты» мы знаемъ, что «организационные законы» 27-го февраля составлены на основаніи диплома 20-го октября, — кстати пользуемся этимъ свѣдѣніемъ, чтобы поправить еще одну свою ошибку: съ начала обзорѣнія мы сказали, что дипломъ 20-го октября теперь уже «преодолѣнная точка», а вотъ теперь узнали, что онъ — вовсе не преодолѣнная точка, напротивъ руководительная точка; но не о томъ рѣчь, какъ мы ошиблись прежде, это мы замѣтили только кстати, — рѣчь объ организационныхъ законахъ 27-го февраля. Составлены они на точномъ основаніи диплома 20-го октября, какъ мы знаемъ. Но дипломъ 20-го октября обнародованъ Рехбергомъ, реакціоннымъ министромъ, котораго Шмерлингъ низвергъ за его реакціонность своимъ либерализмомъ. А Шмерлингъ, надобно сказать, либераль; за то либеральные граждане Вѣны и выбрали его своимъ представителемъ въ провинціальныи сеймъ. Значитъ, хотя и писалъ онъ организационные законы на точномъ основаніи диплома 20-го октября, но все же развилъ эти реакціонныя основанія въ либеральномъ смыслѣ, — значитъ, хотя и на точномъ основаніи диплома, но не столько держась буквы, сколько проникаясь тѣмъ же духомъ съ другой точки зрѣнія. Вотъ оно уже и вышло не то, что было въ дипломѣ 20-го октября, а вышло гораздо лучше. Дѣйствительно, реакціонный министръ Рехбергъ предназначивалъ имперскому сейму состоять изъ одной палаты, а по либеральному Шмерлингу вышли двѣ палаты. По Рехбергу, что могло бы выдти въ томъ случаѣ, если бы провинціальныи сеймы послали въ имперскій совѣтъ либеральное большинство? Вышло бы плохо. Вѣдь палата одна; либеральное большинство предлагаетъ, — или совѣтуетъ, — сдѣлать что нибудь въ своемъ либеральномъ духѣ; вотъ министерству и приходится отвергать несоотвѣтствующій съ одной стороны и съ другой стороны совѣтъ. А либераль Шмерлингъ устранилъ всякую возможность этой непріятности. Къ палатѣ имперскаго совѣта, составляющейся изъ депутатовъ провинціальныи сеймовъ, онъ

прибавилъ палату, въ которой одна часть членовъ засѣдаетъ по праву рожденія, другая по назначенію министерства. Вотъ теперь попробуй въ нижней палатѣ составиться либеральное большинство, верхняя палата будетъ отвергать всѣ предложенія нижней палаты, и до министерства они не дойдутъ и министерству не будетъ надобности отвергать ихъ...

За исключеніемъ этой разности, выказывающей все превосходство Шмерлинга надъ Рехбергомъ въ предусмотрительности, все остальное у Шмерлинга вышло точно такъ же, какъ выходило у Рехберга.

Оно какъ будто и такъ, а пожалуй, что и не такъ: есть одно важное усовершенствованіе. Вспомните, читатель, что устанавливаемый законами 27 февраля новый имперскій совѣтъ, какъ народное представительство (по праву рожденія и по назначенію отъ министерства), замѣняетъ собою прежній совѣтъ, какъ усиленный имперскій совѣтъ; а тотъ же прежній постоянный совѣтъ замѣняется другимъ учрежденіемъ — государственнымъ совѣтомъ. Вотъ вы вникните теперь, что такое за вещь этотъ новоучреждаемый государственный совѣтъ. Приводимъ существенные пункты изъ его устава.

«Президентъ государственнаго совѣта имѣетъ санъ министра и присутствуетъ при совѣщаніяхъ совѣта министровъ, не имѣя въ немъ права голоса. Онъ назначается императоромъ, какъ и всѣ члены государственнаго совѣта.

«Общее назначеніе государственнаго совѣта совѣтнически помогать умомъ, знаніями и опытностію своихъ членовъ императору и его министерству къ достиженію прочныхъ, зрѣлыхъ и послѣдовательныхъ принциповъ. А въ особенности передаются на совѣщаніе Государственнаго совѣта проекты законовъ, какіе министерство намѣрено предложить имперскому совѣту или провинціальнымъ сеймамъ или проекты законовъ, возникшіе изъ инициативы имперскаго совѣта или провинціальныхъ сеймовъ и представляемые ими на утвержденіе императора. Проекты эти вносятся на совѣщаніе государственнаго совѣта его президентомъ или по повелѣнію императора, или по рѣшенію совѣта министровъ.

«Поступившія такимъ образомъ въ государственный совѣтъ дѣла президентъ поручаетъ обсуждать или всему государственному совѣту, или нѣкоторымъ членамъ его, по своему выбору.»

Въ переводѣ съ австрійскаго языка это значить вотъ что: между обѣими палатами имперскаго совѣта и министерствомъ ставится государственный совѣтъ, какъ между второю палатою имперскаго совѣта и министерствомъ ставится первая палата. Какъ первая палата имперскаго сейма отвращаетъ отъ министерства всѣ покушенія второй палаты, такъ покушенія и всѣ вообще непріятныя отношенія къ обѣимъ палатамъ имперскаго совѣта слагаются съ министерства на государственный совѣтъ. Если въ имперскомъ совѣтѣ кто нибудь скажетъ что нибудь непріятное для министровъ, министры въ сторонѣ. Государственный совѣтъ потрудится за нихъ опровергнуть или отвергнуть все непріятное. Опять, если министрамъ понадобится вносить въ имперскій совѣтъ что нибудь непріятное, напримѣръ потребовать увеличенія налоговъ, разъяснять спасительность какихъ нибудь мѣръ, осаднаго положенія и т. д., министры тоже въ сторонѣ: государственный совѣтъ потребуетъ и докажетъ все это отъ своего имени. А самъ государственный совѣтъ надеженъ потому, что всякое дѣло отдастся въ немъ на обсужденіе именно лишь тѣмъ членамъ и только тѣмъ членамъ, которые согласны съ министрами по этому дѣлу.

Значить, опять таки мы открываемъ ошибку въ прежнихъ нашихъ словахъ: мы сказали, что важѣйшій изъ организаціонныхъ законовъ 27-го февраля—законъ объ имперскомъ совѣтѣ. Оно на первый разъ такъ и кажется неопытному уму; а на дѣлѣ выходитъ, что имперскій совѣтъ обращенъ въ ничтожество статутомъ государственнаго совѣта.

Смотрите же, какая градація: вторая палата имперскаго совѣта связана первою палатою имперскаго совѣта; первая палата вмѣстѣ со второю палатою связана государственнымъ совѣтомъ; государственный совѣтъ связанъ благоусмотрѣніемъ своего президента, а президентъ государственнаго совѣта — чиновникъ, назначаемый министрами.

Любопытно однако узнать, въ какой обстановкѣ наслонились эти организаціонные пласты. На пробу приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ вѣнской корреспонденціи Times'a. Изъ нихъ мы увидимъ, какими конституціонными мыслями занимался Шмерлингъ съ своими товарищами и начальниками, когда сочинялъ и обнародовалъ основанія конституціоннаго устройства Австрійской имперіи. Мы сначала прочтемъ отрывки изъ Times'a подъ рядъ, безъ всякихъ замѣчаній. Факты довольно ясны сами по себѣ.

«Вѣна, 20 февраля.»

«Съ недѣлю тому назадъ военные сановники сообщали своимъ друзьямъ, что въ Венгріи, не вынѣ—завтра, провозглашается военное положеніе; но я убѣжденъ, что кабинетъ не прибѣгнетъ къ такой крайней мѣрѣ, если не будетъ серьезныхъ смутъ, сопровождаемыхъ движеніями въ сосѣднихъ турецкихъ провинціяхъ. Здѣсь полагаютъ, что въ Венгріи господствуетъ полная анархія; но двое изъ моихъ знакомыхъ, только что возвратившіеся изъ Пешта, говорятъ, что съ возстановленіемъ комитатскихъ властей стало больше порядка, чѣмъ прежде. Комитатскія конгрегаціи продолжаютъ вести оппозицію правительству; но ни сами не нарушаютъ порядка, ни другимъ не дозволяютъ нарушать его безнаказанно. Эти слова могутъ показаться неправдоподобны, потому я замѣчу, что они вполне подтверждаются донесеніями князя Франца Лихтенштейна, командующаго войсками въ Венгріи. Теперь въ Венгріи, Трансильваніи и проч. находится 80,000 человѣкъ войска; такая сила можетъ охранить спокойствіе, потому введеніе осаднаго положенія было бы излишнею роскошью. «Пештскій Ллойдъ» сообщилъ вчера, что въ Лугошѣ (въ Банатѣ) арестованъ и посаженъ въ темешварскую крѣпость Ашботъ, бывшій генераломъ венгерской арміи въ 1849 г. Эта новость нѣсколько удивила публику, которой извѣстно было, что Ашботъ просилъ и получилъ разрѣшеніе возвратиться на родину. Но жители Вѣны консервативно сообразили, что Ашботъ вѣроятно составлялъ заговоръ. Года два Ашботъ служилъ въ компаніи французско-австрійской желѣзной дороги, но мѣсяца полтора тому назадъ, вышелъ въ отставку и съ той поры жилъ очень уединенно. Семейство Ашбота не знаетъ причины его ареста. Провозглашеніе осаднаго положенія въ Фиуме свидѣтельствуетъ, что австрійскія начальства находятся въ страхѣ; а при этомъ не удивительно, что они употребили насилие противъ человѣка, прославившагося въ войнѣ 1849 г.

«Вѣна, 2 марта.»

«Жители Вѣны недовольны повою конституціею, но телеграммы изъ Праги, Бронна, Троппау и Граца говорятъ, что она принята чехами, мораванами, силезцами и штирійцами съ восторгомъ. Посмотримъ однако же, совершенно ли вѣрны эти официальные извѣстія, или они также не точны, какъ извѣстія, сообщенныя начальствами въ октябрѣ при обнародованіи диплома. Впечатлѣніе, произведенное новыми рескриптами въ Венгрію, можно ясно видѣть изъ послѣднихъ нумеровъ Sürgöny, Hirnök, Naplo и Magyar Ország.—Газета «Sürgöny», органъ Венгерскаго придворнаго канцлера барона Вая, говорить, что обнародованіе статутовъ вынуждаетъ ее принять тонъ нѣсколько иной, чѣмъ какимъ говорила она прежде.

«Мы считали, говорить *Sürgöny*», дипломъ 20 октября хорошею «точкою отправления», твердо думая, что интересы династіи одинаковы съ интересами венгерскаго народа. Но документы, обнародованные 26 февраля, составляютъ странное дополнение къ императорскому диплому. Вопросъ разрѣшенъ одностороннимъ образомъ и наше положеніе существенно измѣнилось. Что должна дѣлать венгерская нація при настоящемъ положеніи обстоятельствъ? Если она желаетъ возстановить постоянный порядокъ дѣлъ, она должна собрать сеймъ, законный свой органъ.»

«*Hirnök*, органъ ультра-консервативной партіи, говоритъ, что новыми документами начинается второй періодъ реакціи противъ Венгріи.

«Единодушіе (продолжаетъ *Hirnök*) необходимѣе, чѣмъ когда нибудь, и венгерцы должны зорко заботиться о томъ, чтобы бразды правленія не выскользнули изъ ихъ рукъ въ руки австрійской бюрократіи.»

«*Narlo*, главный органъ умѣренныхъ либераловъ Венгріи, находитъ въ новой конституціи слѣдующіе недостатки.

I. «Министры по прежнему остаются отвѣтственны только предъ государемъ.

II. «Выборы на провинціальныя сеймы отчасти производятся не самимъ народомъ, а выборы въ имперскій совѣтъ всѣ вполне, потому что члены совѣта выбираются провинціальными сеймами.

III. «Право инициативы сеймовъ и совѣта ограничивается лишь нѣкоторыми дѣлами.

IV. «Ультра-консервативный элементъ будетъ такъ господствовать въ обѣихъ палатахъ имперскаго совѣта, что невозможно будетъ сдѣлать никакихъ улучшеній въ конституціи.»

«*Magyar Ország*, представитель ультра-либеральной партіи, утверждаетъ, что не придаетъ важности новой конституціи, которая, по его словамъ, останется недѣйствительною для Венгріи.

«Мы думаемъ, говоритъ *Magyar Ország*, что ни придворному канцлеру, ни жупанамъ нѣтъ надобности выходить въ отставку. Императорскіе рескрипты 26 февраля подписаны министрами, не получившими полномочія быть представителями или защитниками венгерскихъ интересовъ. Его величество обнародовалъ конституцію, какъ государь наслѣдственныхъ провинцій своей имперіи (то есть провинцій, входящихъ въ составъ нѣмецкаго Союза), а не какъ король венгерскій, потому что иначе онъ нарушилъ бы наши основныя законы. По отношенію къ Венгріи эта конституція только королевское «предложеніе», представляемое на благоусмотрѣніе сейму. Если оно не будетъ принято сеймомъ, оно останется недѣйствительною для Венгріи и можетъ быть поддерживаемо лишь употребленіемъ насильственныхъ мѣръ.»

«Всѣ частныя свѣдѣнія получаемыя изъ Пешта, показываютъ, что бездна, раздѣляющая венгерскую націю и австрійскую династію, сильно расширена рескриптами 22 февраля, и въ Вѣнѣ говорятъ, что ничѣмъ, «кроме вооруженной силы, не будутъ усмирены венгры». Спорный вопросъ между Австріею и Венгріею такъ щекотливъ, а сохраненіе цѣлости Австрійской имперіи такъ полезно, что вообще я остерегаюсь высказывать свое мнѣніе; но теперь я обязанъ замѣтить, что новая конституція не даетъ венграмъ гарантіи въ томъ, что дѣвгги, имъ доставляемыя на государственныя надобности, не будутъ растрачиваться на содержаніе арміи, не соразмѣрной со средствами имперіи.

«Протестъ пештскаго городского управления противъ введенія осаднаго положенія въ городѣ Фиуме съ его округомъ породилъ недоразумѣніе между кроатами и венграми. Кроаты утверждаютъ, что Фиуме принадлежитъ къ Кроатскому королевству и винятъ венгровъ въ томъ, что они обнаруживаютъ такой же духъ захватыванія и надменности, какъ въ 1848 и 1849 гг. Австрійцы очень рады тому, что венгры, кроаты и сербы начинаютъ ссориться между собою; но они не отваживаются питать надежду, что кроаты и сербы опять будутъ сражаться противъ венгровъ въ защиту имперіи.»

«Вѣна, 8 марта.

«Въ концѣ 1860 г. императоръ опредѣлилъ, что Темешварскій Банатъ и Сербская Воеводина должны быть присоединены къ Венгріи, а мадярамъ было сообщено, что имъ

будет предоставлено согласиться по спорнымъ вопросамъ съ жителями этихъ областей безъ внимательства императорскаго правительства. Сербь, румыны и вѣмцы, населяющіе Банатъ и Воеводину, были довольны этимъ распоряженіемъ; но патриархъ Раяичъ напомнилъ правительству о данномъ въ октябрѣ обѣщаніи созвать иллирійскій національный конгрессъ «для возстановленія старинныхъ правъ и привилегій греко-восточнаго населенія провинцій, принадлежавшихъ къ Венгріи». Пока была надежда, что венгры откажутся отъ требованія, чтобы Венгрія имѣла свой особенный бюджетъ, исключительно зависящій отъ венгерскаго сейма, просьбы Раяича были оставляемы безъ вниманія, но какъ только обнаружилось, что венгры не сдѣлаютъ уступки по этому вопросу, правительство снова стало возстановлять одну національность противъ другой. Результатомъ этихъ возбужденій было, что кроаты объявили венграмъ свое рѣшеніе не отказываться отъ правъ на Фиуме, а сербамъ выразили сильную симпатію. Чтобы сербы также имѣли случай поссориться съ венграми, государственный министръ созвалъ сербскій національный конгрессъ подъ предсѣдательствомъ патриарха Раяича. Въ императорскомъ рескриптѣ говорится, что этотъ конгрессъ «долженъ представить императору предложенія о томъ, какъ обезпечить права и привилегіи сербскаго народа» и что результаты его совѣщаній должны быть представлены въ Вѣну «до открытія засѣданій» венгерскаго сейма. Определить способъ выбора членовъ конгресса поручено патриарху Раяичу. Этотъ рескриптъ, данный 5-го марта, конечно произведетъ сильное раздраженіе въ Венгріи, потому что нарушаетъ одинъ изъ основныхъ принциповъ венгерской конституціи. Онъ данъ не на имя венгерскаго канцлера, а на имя государственнаго министра Шмерлинга, который, по диплому 20 октября, не можетъ заниматься венгерскими дѣлами. Кроатскій конгрессъ въ Аграмѣ, очень недоволенъ вѣнскимъ правительствомъ за то, что оно отказало жителямъ военной границы въ правѣ выбрать депутатовъ на этотъ конгрессъ.»

Дѣло такъ просто, что не стоило бы объяснять его, но мы чувствуемъ желаніе поразъяснить его еще.

Въ австрійскомъ правительствѣ съ конца прошлаго года, когда убѣдилось оно въ невозможности склонить венгровъ къ добровольному отказу отъ стремленій 1848 года, вопросъ идетъ не о томъ, каковъ долженъ быть окончательный способъ развязки венгерскихъ отношеній, а только о томъ, пора или еще не пора приступить къ нему, собраны ли или еще не собраны достаточныя средства для надлежащаго осуществленія такой развязки, подготовлены ли тѣ связи, пробуждены ли въ достаточной силѣ тѣ антипатіи, опираться на которыя надобно будетъ при этой развязкѣ. А развязка эта — усмиреніе венгровъ по примѣру 1849 г. Кромѣ дипломатическихъ отношеній, въ разборъ которыхъ мы не намѣрены входить теперь, какъ и никогда не входимъ, съ одной стороны по ихъ совершенной неизвѣстности для насъ, съ другой стороны по ихъ общенизвѣстности рѣшительно для каждого, — кромѣ дипломатическихъ отношеній, важнѣйшее обстоятельство тутъ — надобность вооружить южныхъ австрійскихъ славянъ противъ венгровъ. Мѣры къ этому приняты. Южные австрійскіе славяне принадлежатъ одному племени, раздѣляются какъ извѣстно, читателю, на два какъ будто бы народа по вѣрѣ: западная часть ихъ, называемаяя кроатами, держится католичества; восточные, удержавшіе родовое имя сербовъ, остаются православными. Съ тѣми и съ другими повторяется теперь австрійскимъ правительствомъ тотъ самый маневръ, который такъ превосходно удался въ 1848 году. У кроатовъ австрійское министерство созвало сеймъ подъ руководствомъ своихъ чиновниковъ и обѣщаетъ этому сейму полную независимость отъ Пештскаго сейма, стараясь убѣдить кроатовъ, что венгры хотятъ поработить ихъ, о чемъ венгры не только теперь не думаютъ, но и никогда не думали. У сербовъ австрійское правительство также созвало сеймъ подъ руководствомъ патриарха Раяича, бывшаго вѣрнымъ исполнителемъ вѣнскихъ инструкцій въ 1848 г. и

успѣвшаго тогда арестовать и отдать на судъ австрійцамъ тѣхъ сербовъ, которые находили, что сербамъ слѣдуетъ принять выгодныя условія, предлагавшіяся имъ со стороны венгровъ. Чрезвычайно важенъ вопросъ, пойдутъ ли и нынѣ кроаты и сербы противъ венгровъ, какъ пошли въ 1848 году. Мы подробно разсматривали шансы того или другого оборота дѣлъ мѣсяца три тому назадъ. Съ той поры какъ будто нѣсколько увеличилась вѣроятность, существовавшая уже и тогда, что южные австрійскіе славяне будутъ увлечены въ борьбу за австрійцевъ противъ венгровъ. Но такъ ли будетъ, или возьмутъ верхъ иныя стремленія, могущія вести этихъ славянъ къ союзу съ венграми, все еще трудно сказать и теперь. Венгры, впрочемъ, говорятъ, что ни за что на свѣтѣ не хотятъ воевать ни съ кроатами, ни съ сербами: если вы не хотите союза съ нами, говорятъ имъ венгры, дѣлайте что хотите, лишь только не мѣшайте намъ, венграмъ, отстаивать свою независимость. При этомъ венгры стараются доказать южнымъ славянамъ, что на обѣщанія австрійцевъ не слѣдуетъ полагаться. По этому послѣднему вопросу печатаютъ венгры очень много разсужденій, кажушихся намъ не основательными. Вотъ одинъ фактъ такого рода, надѣлавшій большаго шума, потому что изложенъ былъ не на венгерскомъ, а на англійскомъ языкѣ. Этотъ документъ — напечатанное въ Times'ѣ письмо къ редактору газеты.

«Милостивый государь! при настоящихъ попыткахъ австрійскаго правительства не лишено будетъ интереса чтеніе документа, показывающаго степень довѣрія, какую можно имѣть къ его обязательствамъ.

«Извѣстно, что въ прошлогодною итальянскую войну формировался въ Піемонтѣ венгерскій легіонъ. При окончаніи войны виллафранкскимъ миромъ легіонъ имѣлъ уже около 5 тысячъ челоуѣкъ, раздѣлявшихся на двѣ бригады, изъ которыхъ одною командовалъ полковникъ Николай Коссъ, другою — полковникъ Даніэль Тарзъ.

«Императоръ французовъ, принимая живое участіе въ судьбѣ этихъ правыхъ людей, не забылъ вытребовать въ самомъ договорѣ полную амністію легіонерамъ, которые пожелаютъ возвратиться на родину. Съ другой стороны временное правительство Тосканы приглашало ихъ въ свою службу.

«Начальники легіона, пораженные виллафранкскимъ договоромъ, продолжали однако же уважать императора французовъ. Потому они не посовѣтовали легіонерамъ принять тосканское предложеніе. Но они знали по опыту, какую цѣну надобно придавать обѣщаніямъ, и видѣли всѣхъ легіонеровъ въ ужасѣ отъ одной мысли — быть взятыми въ австрійскую службу; потому они почли своею обязанностію объявить, что легіонеры не примутъ разрѣшенія возвратиться въ Венгрію иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы, кромѣ полной амністіи, было дано имъ освобожденіе отъ всякой военной службы подъ австрійскими знаменами, и чтобы это освобожденіе было гарантировано формальнымъ обязательствомъ австрійскаго правительства передъ императоромъ французовъ.

«Императоръ французовъ получилъ формальную гарантію этихъ условій и увѣдомилъ о томъ короля сардинскаго слѣдующею телеграфическою депешою:

«Императоръ французовъ королю сардинскому, Графъ фонъ-Рехбергъ далъ письменное обѣщаніе, что венгерцы иностраннаго (венгерскаго) легіона получаютъ амністію и освобожденіе отъ всякой военной службы.»

«Депеша эта была послана изъ Віаррица и получена въ Туринѣ 16 сентября 1859 года, и была официально сообщена легіону.

«Послѣ этого начальники легіона, уже не колеблясь, распустили своихъ солдатъ: они имѣли не двусмысленное обѣщаніе Австріи, которому не повѣрили бы, а формальное обѣщаніе, закрѣпленное ручательствомъ императора французовъ, который счумѣлъ бы заставить Австрію уважать его.

«Каждый легіонеръ, возвращаясь на родину, былъ снабженъ удостовѣреніемъ,

что онъ получилъ амнистію и освобожденіе отъ австрійской военной службы. Съ этимъ документомъ у каждаго изъ нихъ, пошли они небольшими отрядами на родину.

«Посмотримъ, что было съ ними, какъ Австрія исполнила свои обязательства. Вотъ копія съ подлиннаго документа, о которомъ говорилъ я въ началѣ письма.

«Въ городѣ Масса дн Каррари, 8 іюня 1860 года, Стефенъ Хетени, родомъ изъ Джонджо въ Венгріи, бывшій унтеръ-офицеръ австрійскаго вазасскаго пѣхотнаго полка, а въ 1859 г. служившій подпоручикомъ въ первой бригадѣ венгерскаго легіона въ Піэмонть, по приведеніи его къ присягѣ г. Шиніо Бриньоли, присяжнымъ стряпчимъ, въ присутствіи свидѣтелей, сдѣлалъ слѣдующее показаніе:

«Я, Стефенъ Хетени, бывшій подпоручикъ венгерскаго легіона, объявляю подъ присягою, что венгерскій отрядъ, получивъ, вслѣдствіе цюрихскихъ переговоровъ, формальную гарантію полной и совершенной амнистіи и освобожденія отъ всякой военной службы въ австрійской арміи, былъ распущенъ, и мы были отрядами отправлены къ французской границѣ, а тамъ переданы были военнымъ начальствамъ, предварительно увѣдомленнымъ о нашемъ прибытіи.

«Я былъ въ послѣднемъ отрядѣ. 2 сентября 1859 г. я съ своими товарищами поѣхалъ изъ Александрии по желѣзной дорогѣ, подъ наблюденіемъ піэмонтскаго офицера. 3 сентября мы прибыли въ Пескьеру, были тамъ переданы австрійскому офицеру и немедленно отправлены въ Верону. Прибывъ туда 4 сентября, мы были заключены въ тюрьму, гдѣ оставались восемь дней. 13 сентября насъ повели къ генералу Фецлару, который до войны былъ моимъ полковымъ командиромъ. Онъ заговорилъ съ нами грубо; съ угрозами твердилъ намъ, что мы недостойны принадлежать къ Австрійской имперіи, потому что сражались, какъ лвы, за Венгрію въ войнѣ 1848—1849 г. противъ Австріи, а въ войнѣ 1859 надобно было артиллеріею заставлять насъ идти на французовъ и итальянцевъ. По окончаніи своихъ угрозъ онъ велѣлъ, отобравъ у насъ всѣ наши деньги, отвести насъ назадъ въ тюрьму.

«16 сентября поручики венгерскаго легіона Майко, Шеда, Кертези, Киссъ, Мальмаръ, подпоручики Варзи, Хорватъ и я и еще одинъ, фамилію котораго не припомню, были приведены къ австрійскому капитану, который велѣлъ надѣть на насъ австрійскій мундиръ. Одинъ изъ нашихъ товарищей, подпоручикъ Кемати, сталъ между солдатами, которые не предали его. Мы, остальные 11 человѣкъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, были подъ военнымъ конвоемъ отведены въ маленькій фортъ, отстоящій на полчаса пути отъ крѣпости, и тамъ оставались 24 часа заперты въ тюрьмѣ, каждый часъ ожидая, что насъ разстрѣляютъ, какъ грозилъ генераль Фецларъ, и лишившись всякой надежды.

«По истеченіи 24 дней мы, подъ военнымъ конвоемъ, были отвезены по желѣзной дорогѣ въ Венецію и тамъ снова посажены въ тюрьму; проведя тамъ ночь, мы были конвоированы въ Триестъ, гдѣ оставались въ тюрьмѣ до 14 октября, когда командующій войсками извѣстилъ насъ, что мы будемъ отданы рядовыми солдатами въ польскіе, нѣмецкіе и чешскіе полки. Я былъ разлученъ съ сотоварищами бѣдствія и, несмотря на мои протестаціи и доводы объ амнистіи и освобожденіи отъ военной службы, въ чемъ имѣли мы письменныя удостовѣренія, былъ отданъ рядовымъ солдатомъ въ пѣхотный полкъ Росъ-Карло № 40. Прослуживъ 4 мѣсяца, я былъ переведенъ въ Полу, гдѣ стоялъ 2-й батальонъ, и тамъ, не находя больше возможности переносить обиды и оскорбленія, дѣлавшіяся мнѣ офицерами, я рѣшился уйти изъ-подъ австрійскаго знамени, служить подъ которымъ былъ принужденъ насиліемъ, въ противность трактатамъ. 2 апрѣля я и четырнадцать товарищей (изъ нихъ три венгра и одиннадцать итальянцевъ) захватили лодку и, послѣ многихъ опасностей, вышли на берегъ 3 апрѣля въ Порто-Корсини (близъ Равенны), откуда пошли въ Равенну, гдѣ были радостно встрѣчены народомъ.

«Товарищи, о которыхъ говорилъ я выше, всѣ были отправлены по разнымъ полкамъ.

«Подобнымъ же образомъ 8 іюня 1860 г. Иванъ Камукъ, родомъ изъ Надъварада въ Венгріи, нынѣ служащій унтеръ-офицеромъ коноваломъ въ піэмонтской масской бригадѣ, объявилъ подъ присягою у того же потаріуса, что служилъ до 16 января 1860 г. въ австрійскомъ Донъ Мишеля полку; онъ знаетъ, что Стефенъ Керкизъ и Самуэль Вейсъ, бывшіе поручики австрійскаго легіона, были въ сентябрѣ 1860 г. сдѣланы

«солдатами въ этомъ полку, по приказу командира того полка, въ противность данному имъ письменному удостовѣренію объ амнистіи и освобожденіи отъ военной службы, на которое они ссылались.»

«Эти документы подписаны многими свидѣтелями, и подлинность присланныхъ намъ отъ нотаріуса копій засвидѣтельствована генералъ-интендантомъ Массе-каррарскаго округа.»

«Могу прибавить, что начальники венгерскаго легіона, настаивая передъ императоромъ Наполеономъ о необходимости формальнаго условія, избавляющаго легіонеровъ отъ всякой военной службы, указывали, что безъ такого условія всякое обѣщаніе амнистіи было бы обобщеніемъ, потому что если легіонеры не будутъ освобождены отъ службы, австрійскіе офицеры получаютъ приказаніе поступать съ ними сурово подъ предлогомъ несправностей по службѣ.»

«МАДЯРЬ.»

Мы вполнѣ привели это длинное письмо съ выпускомъ лишь нѣкоторыхъ (впрочемъ довольно многихъ) рѣзкихъ выраженій и со смягченіемъ нѣкоторыхъ фактовъ. Вполнѣ привели мы его потому, что безпристрастіе повелѣваетъ намъ выслушивать аргументы враговъ для полнѣйшаго въ послѣдствіи разъясненія ихъ. Мы привели слова одной стороны. Выслушаемъ теперь опроверженіе ихъ, напечатанное въ официалномъ органѣ австрійскаго правительства — «Вѣнской Газетѣ».

«Ни одинъ изъ возвратившихся не былъ подвергнутъ никакому наказанію за свое военно-политическое поведеніе, за измѣну и предательство. Но противно здравому смыслу выводить изъ упоминаемой статьи трактата освобожденіе оныхъ индивидуумовъ отъ всѣхъ обязанностей подданства (къ которымъ, конечно, очевидно принадлежитъ и законная военная повинность). Всѣ принятыя нами по походѣ 1859 г. пѣмзятско-венгерскіе легіонеры, въ числѣ болѣе 3,000, были размѣнены въ Пескьерѣ, частію въ Веронѣ (въ послѣдней крѣпости, въ помѣщеніяхъ форта Гесса), продовольствованы, по надобности одѣты, по мѣрѣ средствъ, чрезвычайно занятыхъ тогда работою желѣзныхъ дорогъ, транспорты пересланы въ вербовальныя округа ихъ полковъ, въ каковыхъ мѣстахъ до будущаго распоряженій уволены въ отпускъ. Это распоряженіе было тогда тѣмъ естественнѣе, что уменьшеніе состава арміи по окончаніи войны было мѣрою, совершенно необходимою и оправдываемою заключеніемъ мира. Касательно вышеозначеннаго отпуска, относительно возвратившихся въ числѣ, какъ выше сказано, сверхъ 3 тысячъ головъ (Körpe), только въ 12 индивидуумахъ было сдѣлано исключеніе, каковыя, изъ уваженія къ ихъ желанію повышенія, обращены были на дѣйствительную военную службу. Эти 12 индивидуумовъ были политически въ высокой степени подозрительны, имѣли при себѣ значительныя денежныя суммы отъ 400 до 500 флориновъ, были измѣннически бѣглые, императорско-королевскіе солдаты, которые въ ономъ легіонѣ приняли высшія чины, чѣмъ какіе имѣли въ императорско-королевской арміи. Въ заключеніе же существуетъ на пространствѣ всей имперіи распоряженіе, которымъ гражданскія начальства обязываются, солдатъ, поведеніемъ своимъ во время отпуска подающихъ основательный поводъ къ опасеніямъ за законную тишину и порядокъ, указывать подлежащимъ военнымъ начальствамъ къ немедленному прекращенію отпуска. Посему едва ли сомнительно, что нѣкоторые изъ оныхъ 3 тысячъ возвратившихся, быть можетъ, неожиданно были призваны изъ отпуска на дѣйствительную военную службу; но въ этомъ случаѣ ихъ призвать на службу былъ одною изъ тѣхъ обыкновенныхъ мѣръ предосторожности, безъ которыхъ никакое, слѣдовательно и австрійское, правительство не можетъ обойтись, и каковыя должны находить въ интересѣ общественнаго порядка ко всѣмъ безъ различія подданнымъ государства примѣненіе, столь же безпристрастное, какъ и безусловное.»

Надобно удивляться легкости, съ какою опровергнута этими немногими словами клевета «Мадяра»: факты, имъ приведенные, не отвергаются, но становится ясно, какъ донь, что напрасно ставить ихъ въ порицаніе австрійскому правительству: во первыхъ, данное обѣщаніе слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, въ какомъ поняли

его легіонеры; во вторыхъ, если обѣщаніе и было дано въ такомъ смыслѣ, какъ говорить «Мадаръ», то по обстоятельствамъ невозможно было исполнить это обѣщаніе; въ третьихъ, легіонеры не были принуждены служить; въ четвертыхъ, если и были принуждены, то по особеннымъ обстоятельствамъ.

Кстати, о тяжбахъ австрійцевъ съ венграми въ Англіи передъ европейскою публикою. Читатель знаетъ, что австрійское правительство подало въ англійскій канцлерскій судъ просьбу о томъ, чтобы литографщикамъ Дэ, которымъ Кошутъ заказалъ сдѣлать венгерскіе банковые билеты, запрещено было передавать эти билеты въ руки Кошута. Пренія по этой тяжбѣ еще не начинались, а пока взято канцлерскимъ судомъ показаніе отъ Кошута, — вотъ извлеченіе изъ этого документа:

«Показаніе, подъ присягою данное въ канцлерскомъ судѣ по дѣлу между Францомъ-Іосифомъ, императоромъ австрійскимъ, королемъ венгерскимъ и богемскимъ, истцомъ, и Уильямомъ, Джономъ Дэ, Джоозефомъ Дэ и Людвигомъ Кошутомъ отвѣтчиками.

Я, Людвигъ Кошутъ, нынѣ жительствующій на Бедфордской площади, близъ Россель-сквера, въ графствѣ Миддлсекскомъ *), показываю нижеслѣдующее:

«Я родомъ венгерецъ, дворянинъ изъ Земпленскаго комитата въ королевствѣ Венгерскомъ. Когда Фердинандъ V, бывшій король венгерскій, пересталъ быть королемъ венгерскимъ и чрезъ то престолъ остался не занятъ, я былъ отъ собраннаго и учрежденнаго венгерскаго сейма, состоящаго изъ двухъ палатъ, апрѣля 14 числа 1849 года, назначенъ и наименованъ быть президентомъ-правителемъ до того времени, когда сеймъ установитъ окончательную форму правительства для королевства; и апрѣля 19 числа, въ присутствіи вышесказаннаго сейма въ главной реформатской церкви города Дебrecина, далъ я торжественную присягу, опредѣленную для меня сеймомъ въ званіи правителя-президента, и клятвенно обѣщался вѣрно и неизмѣнно соблюдать власть и обязанности, возложенныя на меня вышесказаннымъ сеймомъ. Вышеобъясненное назначеніе и наименованіе и возложенныя чрезъ то на меня власть и обязанности остаются доселѣ неотмѣненными и неизмѣненными и не воспослѣдовало доселѣ никакого иного назначенія и наименованія; никто съ того числа, когда Фердинандъ V пересталъ быть королемъ венгерскимъ, не былъ призванъ занять престолъ венгерскій, и не былъ принятъ или коронованъ, король венгерскій, вышесказаннымъ венгерскимъ сеймомъ, которому, по основнымъ венгерскимъ законамъ, исключительно принадлежитъ власть совершать эти акты.

«Истецъ не имѣетъ и никогда не имѣлъ исключительнаго права выпускать въ Венгрію билеты для обращенія въ качествѣ денегъ. Даже въ качествѣ короля венгерскаго, онъ не имѣлъ бы привилегіи и власти безъ согласія сейма, и не только не была никогда даваема венгерскимъ сеймомъ эта привилегія и власть ни одному изъ королей венгерскихъ, но венгерскій сеймъ формально постановилъ запрещеніе, чтобы король не могъ выпускать кредитныхъ билетовъ собственной властью. Единственное лицо, которому когда либо дана была венгерскимъ сеймомъ власть и право выпускать билеты для денежнаго обращенія въ Венгрію и единственное лицо, когда либо имѣвшее законную власть выпускать такіе билеты, я, — которому, во время бытности моей въ 1848 году отвѣтственнымъ министромъ финансовъ тогдашняго короля Фердинанда V, право и власть выпускать такіе билеты была дана государственнымъ сеймомъ, и которому, по моемъ назначеніи, наименованіи и приведеніи къ присягѣ въ званіе президента-правителя Венгріи въ 1848 г., было государственнымъ сеймомъ возобновлено право выпускать такіе билеты на удовлетвореніе тогдашнихъ надобностей.

«Истецъ не имѣетъ и никогда не имѣлъ исключительнаго права уполномочивать на приложеніе національнаго герба, неправильно названнаго въ той жалобѣ королевскимъ венгерскимъ гербомъ, къ какой либо бумагѣ, предназначенной для обнародованія и для обращенія въ Венгрію. Даже въ качествѣ короля венгерскаго онъ не имѣлъ бы этой привилегіи и власти. Королевскаго венгерскаго сейма не существуетъ и никогда не существо-

*) То есть, въ части Лондона, лежащей на сѣверномъ (лѣвомъ) берегу Темзы.

вало. Корона венгерская, составляющая важнѣйшую часть въ венгерскомъ гербѣ, есть собственность націи.

«Несправедливо и противно истинѣ, что я, по полученіи билетовъ неправильно названныхъ въ упомянутой жалобѣ «поддѣльными билетами», намѣревался немедленно послать ихъ въ Венгрію. Я утверждаю и объявляю, что при нынѣшнемъ положеніи Европы и австрійскаго правительства, считая не только возможными, но и очень вѣроятными перемѣны въ отношеніяхъ права къ насилію, я считалъ себя обязаннымъ принять зависящія отъ меня средства на случай вѣроятныхъ обстоятельствъ, и потому распорядился объ изготовленіи этихъ билетовъ и о ихъ сохраненіи въ Англіи до того времени, когда представятся обстоятельства, при которыхъ можно будетъ употребить ихъ въ Венгрію, сообразно событіямъ. Лишь тогда, когда произойдетъ то, что истецъ называетъ революціею, билеты, упомянутые въ жалобѣ истца, могутъ пріобрѣсти цѣнность въ Венгрію.

«Жизнь моя и дѣйствія мои извѣстны свѣту. И моимъ желаніемъ и заботою было никогда не совершать въ Англіи дѣйствий, которыя были бы или могли бы зататься нарушеніемъ законовъ Англіи.

«Дано подъ присягою 16 марта 1861 года».

Кстати уже о тяжбахъ. Въ прошедшій разъ мы упоминали объ оффиціальной брошюрѣ «Франція, Римъ и Италія»,—французскіе епископы вооружились на нее въ своихъ пастырскихъ посланіяхъ, и особенно сильно выразилъ свои чувства епископъ пуатьерскій,—это все извѣстно читателю; вотъ отрывокъ изъ корреспонденціи Times'a по этому дѣлу:

«Парижъ, 28 февраля.»

«Въ Monde напечатано посланіе епископа пуатьерскаго къ духовенству его епархіи: «О нориціяхъ, возводимыхъ на святѣйшаго отца и на французское духовенство въ брошюрѣ г. Лагероньера—«Римъ, Франція и Италія». Оно наполняетъ почти цѣлыхъ шесть столбцовъ газеты. Епископъ пуатьерскій—одинъ изъ самыхъ крайнихъ людей между французскими преатами. Въ нынѣшнемъ своемъ словоизліаніи онъ совершенно забываетъ Лагероньера, направляя свои удары гораздо выше. Я приведу два отрывка, изъ которыхъ вы увидите, какое чувство возбуждено въ духовенствѣ брошюрою.

«Послѣднее основаніе надеждъ нашихъ (говоритъ епископъ)—явное смущеніе, обнаруживаемое въ послѣдній часъ людьми, господствующими надъ нами. Да, справедливо говорить они, что есть въ Европѣ вопросъ, который выше всѣхъ другихъ. Да, «Римъ доселѣ остался величайшею и страшнѣйшею задачею нашего времени!» Римское папство—«ключевой камень свода европейскаго мира. Поразивъ разрушительнымъ молотомъ всѣ части зданія, рѣшительная рука медлитъ и дрожитъ при мысли дать упасть этому главному камню, этому священному камню, который связанъ со всѣмъ и которымъ все держится. Они понимаютъ, что когда папа не останется на своемъ мѣстѣ, никакая земная власть не будетъ спокойна на своемъ мѣстѣ и вся земля потрясется. Потому съ приближеніемъ роковой развязки они стараются доказать, что не черезъ нихъ стала она невозможна.

«Катастрофа будетъ такъ ужасна, что никто не хочетъ принимать на себя отвѣтственности за нее, и вотъ выдумываютъ сложить все преступленіе на самую жертву. «О, какъ жестоко ошибся тутъ авторъ, дѣлающій истолкованія, столь оскорбительныя для тѣхъ, кого хотѣло защитить перо его. Враги Рима повсюду говорятъ, что эта брошюра—«послѣднее притворство почтенія, но что въ сущности смыслъ ея непремѣнно тотъ, что «послѣ этого послѣдняго возгласа о своемъ доброжелательствѣ воспользуются первымъ предлогомъ, первымъ случаемъ, который легко предусматривается и легко можетъ быть порожденъ, и что Римъ будетъ преданъ честолюбію, требующему его. Брошюра утверждаетъ «противное и мы ей вѣримъ: но какое несчастіе, что всѣ могли усомниться въ ея искренности. Нѣтъ, не оправдаются торжественныя пѣсни еретическаго и революціоннаго нечестія; нѣтъ, не повторится при насъ одна изъ самыхъ ненавистнѣйшихъ подробностей «страданій Спасителя.

«Мы принадлежимъ къ вѣрующимъ въ данное слово и потому отвергаемъ выводы, «какіе придавались брошюрѣ.

«По симъ причинамъ, призвавъ имя Божіе святое,

«Мы постановили и повелѣли, постановляемъ и повелѣваемъ слѣдующее:

Статья 1. «Мы отвергаемъ и апаодематизируемъ обвиненія въ неблагодарности, за-
«косненіи, несправедливости, пристрастномъ духѣ, и другія оскорбительныя порицанія про-
«тивъ римскаго первосвященника и французскаго духовенства, содержаціяся въ вышеска-
«занной брошюрѣ.

Статья 2. «Мы совѣтуемъ вѣрующимъ предостерегаться противъ всѣхъ нечестивыхъ
«клеветъ нѣкоторыхъ газетъ по поводу настоящихъ событій въ ихъ отношеніи къ религіи
«и церкви.

Статья 3. «Общественныя молитвы, повелѣныя нами, должны продолжаться по
«прежнему. Мы требуемъ у всѣхъ благочестивыхъ душъ удвоеннаго усердія. Молитвою уже
«достигнуты великіе результаты; да не утомится она, и она будетъ вполне услышана.

Статья 4. «И будетъ наше настоящее повелѣніе читано за обѣднею въ приход-
«скихъ церквахъ нашего города Пуатье и другихъ городовъ нашей епархіи, а также въ
«другихъ приходяхъ, священники которыхъ будутъ имѣть причину думать, что до ихъ при-
«хожанъ достигла брошюра, на которую мы отвѣчаемъ.

«Дано въ Пуатье, въ нашемъ епископскомъ дворцѣ, подъ нашу печать, нашимъ
«гербомъ и контрастигировкою нашего секретаря, 22 февраля, лѣта отъ рожденія Бога
«Слова 1061-е, въ день празднованія каедръ Апостола Петра Антиохійской.

«† Людовикъ-Эдуардъ, епископъ Пуатьерскій.»

«Это посланіе произвело чрезвычайное впечатлѣніе. Многія лица сознаютъ
свой страхъ о томъ, какъ подѣйствуютъ эти слова въ глубинѣ провинцій, когда это
пламенное изобличеніе будетъ читаться въ каждой церкви за обѣдней. Нынѣ былъ
слухъ, что Monde и Union будутъ запрещены за напечатаніе этого документа и что
вопросъ о посланіи будетъ представленъ государственному совѣту. Но отъ этого
конечно стало бы еще хуже.»

«Парижъ, 1 марта.»

«Война между правительствомъ и епископами разгорается. Все это происходитъ отъ
«неблагоразумнаго и не слишкомъ почтеннаго метода говорить съ націею посредствомъ полу-
«официальныхъ брошюръ. Вчера я говорилъ вамъ о побѣннѣ Лагероньера епископомъ пуа-
«тьерскимъ. Епископу пуатьерскому отвѣчали не черезъ памфлетиста, а черезъ диспутанта,
«болѣе надежнаго. Въ споръ выѣхалась власть, и результатъ сообщается Монитеромъ:

«Епископъ пуатьерскій обнародовалъ въ газетѣ Monde пастырское посланіе, содер-
«жащее намеки, оскорбительныя для императорскаго правительства, и могущее волновать
«общественное мнѣніе. Вслѣдствіе того и, согласно статьѣ 6 закона 18 жерминаля 10 года,
«это посланіе было предложено верховной юрисдикціи государственнаго совѣта, которому
«подсудны всѣ случаи злоупотребленія церковной власти.»

«Въ добавленіе къ тому министръ внутреннихъ дѣлъ послалъ слѣдующее письмо
«къ префекту вьенскаго департамента (гдѣ лежитъ городъ Пуатье).

«Г. Префектъ! въ отвѣтъ на вашу вчерашнюю депешу, сообщающую мнѣ пастыр-
«ское посланіе монсеньора епископа пуатьерскаго, увѣдомляю васъ, что правительство
«внесло въ государственный совѣтъ дѣло о злоупотребленіи церковной власти прелатомъ,
«отважившимся употребить авторитетъ своего сана на служеніе страстямъ, чуждымъ инте-
«ресу религіи. Перепечатка этого письма въ газетахъ и въ видѣ брошюры, сверхъ его спе-
«ціального круга публикаціи, могла бы дать причину къ административному или судебному
«наказанію. Но какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, я почелъ, что противно было бы интересу
«правительства отнимать подобныя излишества у суда общественнаго мнѣнія. Потому я рѣ-
«шилъ не принимать никакихъ мѣръ въ предупрежденіе печатанія документа, съ такою
«отважностію раскрывающаго тайныя мысли партіи, которая подъ покровомъ религіи имѣетъ
«единственную цѣль нападать на избранника французскаго народа.»

Теперь дѣло кончилось тѣмъ, что государственный совѣтъ призналъ посланіе
епископа пуатьерскаго достойнымъ «порицанія».

Объ итальянскихъ дѣлахъ мы здѣсь не имѣемъ надобности говорить, напеча-
тавъ письмо г. Т—нова изъ Турина, а отъ американскихъ извѣщаемъ на нынѣш-
ній разъ читателя: мы теперь еще знаемъ только, что Линкольнъ вступилъ въ зва-
ніе президента, но еще не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ, уступчивая ли
политика умѣренныхъ республиканцевъ (представитель которой въ новомъ каби-
нетѣ—Сьюардъ), или политика аболиціонистовъ, желающихъ войны (представитель
которыхъ — Чезъ) восторжествуетъ въ общественномъ мнѣніи Сѣверныхъ Шта-
товъ,—отложимъ подробности до слѣдующаго раза, потому что въ нынѣшней книжкѣ
уже и безъ того есть большая статья о Сѣверной Америкѣ.

ПОЛИТИКА.

Апрѣль 1861.

АВСТРІЙСКІЯ ДѢЛА. — ВЕЛИКОДУШІЕ КАВУРА НАДЪ ГАРИБАЛЬДИ. — ОБЪЯВЛЕНІЕ ВОЙНЫ
ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ.

Консервативные люди справедливо скорбятъ о непрочности нынѣшняго положенія дѣлъ на континентѣ западной Европы. Куда ни посмотришь тамъ, повсюду путаница, которая такъ и напрашивается на то, чтобъ ее хоть какъ нибудь распутали. А главный узелъ этой путаницы теперь въ Австріи. О, если бы возстановился въ Австріи порядокъ! Тогда надолго была бы отвращена опасность и отъ другихъ странъ западнаго континента. Австрійцы не замедлили бы убѣдить императора французовъ, чтобъ онъ или самъ потрудился внушить благоразуміе итальянцамъ, или разрѣшилъ бы имъ, австрійцамъ, похлопотать надъ этимъ. А когда бы зловредная язва революціи была бы покрыта струпомъ въ Италіи, этотъ поучительный примѣръ на нѣсколько лѣтъ отнялъ бы охоту къ зловреднымъ помысламъ и въ другихъ западныхъ странахъ, гдѣ безумныя надежды легкомысленныхъ прогрессистовъ возбуждаются успѣхами итальянцевъ. Къ сожалѣнію, внутренняя неурядица заставляетъ австрійцевъ съ мѣсяца на мѣсяцъ откладывать дѣло устроенія итальянцевъ. Каждая двѣ недѣли, если не чаще, разносится слухъ, что вотъ-вотъ, идутъ австрійцы въ Ломбардію и въ Романью,—и не даромъ разносится слухъ: желанье дѣйствительно есть, но обстоятельства все мѣшаютъ каждый разъ. Въ концѣ октября Бенедекъ назначили главнокомандующимъ въ Венецію, съ намѣреніемъ немедленно начать войну,—оказалось, еще нельзя; недѣли черезъ двѣ, черезъ три, осматривая свои войска и крѣпости Бенедекъ опять объявлялъ, что вотъ не нынѣ-завтра начнется походъ,—опять вышло, что еще нельзя. А почему еще нельзя? Все венгры мѣшаютъ, и въ послѣдней своей прокламаціи Бенедекъ (самъ венгерецъ) указываетъ войску уже не одного врага, какъ прежде, а двухъ,—кромѣ внѣшняго, еще и внутренняго: мы съ вами (говоритъ онъ своимъ солдатамъ) готовы, если понадобится, усмирить пештскихъ бунтовщиковъ. Если бы говорилъ это князь Лихтенштейнъ или князь Виндишгрецъ, можно бы еще сомнѣваться, достойны ли наказанія венгерскіе либералы: вѣдь человѣкъ одного племени несудья въ дѣлахъ другаго племени, и лучше всего каждому поступать по нашему примѣру: не судить о дѣлахъ другихъ народовъ, не навязывать имъ своихъ мыслей, а предоставить всякому изъ нихъ быть тамъ себѣ, какъ самъ хочетъ. Читатель знаетъ, какъ ненарушимо дер-

жимся мы этого правила. Но вѣдь Бенедекъ самъ венгерецъ, — значить, можетъ судить, что хорошо, а что дурно у венгровъ и для венгровъ. Это не то, что мы только такъ заключаемъ: онъ самъ говорилъ, когда былъ въ Пештѣ, и теперь говоритъ, находясь уже не въ Пештѣ, что очень горячо желаетъ добра венграмъ и готовъ пешихъ о нихъ, какъ родной отецъ. Значить, мы тутъ сами отъ себя ничего не придумываемъ и ни о чемъ не судимъ, а только основываемся на словахъ Бенедека. Съ его справедливой точки зрѣнія мы и будемъ смотрѣть на дѣла.

Пріятно сказать намъ, что Шмерлингъ совершенно сходится во взглядѣ съ Бенедекомъ и съ нами (если дозволительно упомянуть намъ о себѣ подлѣ этихъ сильныхъ именъ). Пріятно по многимъ обстоятельствамъ. Во первыхъ потому, что оправдывается этимъ нашъ лестный отзывъ о Шмерлингѣ, сдѣланный при самомъ назначеніи его въ министры, когда легкомысленные люди прокричали было о немъ Богъ знаетъ сколько пустяковъ. Мы предсказывали, что онъ будетъ вести себя прилично получаемому назначенію, — онъ такъ и держитъ себя. Это пріятно. Во-вторыхъ, пріятно, что благомыслящіе люди всѣ сходятся между собою во взглядѣ, къ какой бы націи ни принадлежали. Шмерлингъ — нѣмецъ, Бенедекъ — венгерецъ, а думаютъ о венгерскомъ вопросѣ они одинаково. Въ-третьихъ, пріятно сознавать, что самъ, хотя и неважный человѣкъ, принадлежишь по образу мыслей къ лицамъ, высоко поставленнымъ судьбою, и что они похвалили бы тебя, если бы знали, какъ глубоко входишь ты въ ихъ чувства, какъ вѣрно оцѣниваешь ихъ положеніе, какую справедливость отдаешь имъ, какъ искренно убѣжденъ, что они дѣйствуютъ совершенно согласно сознаваемымъ ими высокимъ обязанностямъ. (Правда, примѣшивается тутъ и небольшое огорченіе, что они не знаютъ тебя и твоего образа мыслей, — да, не знаютъ, что есть на свѣтѣ Петръ Ивановичъ Добчинскій). Но это все въ сторону; размышленія наши привязаны къ тому факту, что въ началѣ апрѣля происходилъ въ Австріи министерскій кризисъ. Сечень, Вай и сотоваришъ ихъ по участию въ австрійскомъ правительствѣ Апони, который долженъ былъ открывать венгерскій сеймъ въ званіи императорско-королевскаго коммиссара находили, что надобно лстить безпокойнымъ венграмъ хотя нѣкоторыми обѣщаніями, хотя нѣсколько подходящими къ нѣкоторой части ихъ желаній. Шмерлингъ доказывалъ, что дѣлать это — значить потакать злоумышленникамъ. Онъ былъ правъ. Къ чему въ самомъ дѣлѣ обѣщать то, что не будетъ исполнено? Это первое. А второе: къ чему видимымъ колебаніемъ ободрять преступныя надежды, противъ которыхъ имѣешь въ сердцѣ непреклонную рѣшимость? Наконецъ въ-третьихъ: всегда всего благороднѣе дѣйствовать на чистоту и говорить на чистоту: да, такъ да, и ужъ безъ всякихъ за-таенныхъ мыслей; а если нельзя сказать такого «да», то ужъ и говори прямо «нѣтъ». Но вполнѣ оправдывая Шмерлинга, мы вполнѣ оправдываемъ и барона Вая съ графомъ Апони, хотя по Шмерлингу выходитъ, что Вай губитъ государство, а по Ваю выходитъ, что Шмерлингъ губитъ государство. Мы же думаемъ, что и Шмерлингъ и Вай въ равной мѣрѣ полезны спасенію государства. Мы рѣшаемся думать это собственно потому, что въ сущности и сами они такъ думаютъ другъ о другѣ. Они только погорячились тогда, что наговорили другъ противъ друга рѣзкихъ вещей (что жъ, человѣческая слабость!). А вѣдь кончилось тѣмъ, что остались и Шмерлингъ и Вай вмѣстѣ управлять дѣлами. Но вѣдь это ужъ развязка кризиса, а мы только коснулись еще начала его. Императоръ призналъ

уважительными доводы Вая, Сечена и Аппони. Шмерлингъ съ другими министрами, раздѣлявшими его взглядъ, подалъ въ отставку или хотѣлъ подать въ отставку. Но лица высшаго придворнаго круга, руководящаго дѣлами въ Австріи, выказали тутъ высокое благоразуміе, соотвѣтствующее ихъ положенію и оправдывающее тотъ вѣсъ, какой предоставляется имъ въ государствѣ: они показали, что превосходятъ министровъ своею проницательностію; они объяснили Шмерлингу съ его товарищами, что при наступленіи надлежащей поры онъ увидитъ исполненіе своихъ желаній и ему будетъ указано принять относительно Венгріи мѣры, отъ которыхъ прекратятся нынѣшніе безпорядки; но что теперь пока еще надобно нѣсколько выжидать, пока будутъ кончены приготовленія къ такимъ мѣрамъ. Шмерлингъ взялъ назадъ свою просьбу объ отставкѣ, увидѣвъ, что все ведется къ лучшему и что мнимое колебаніе императора есть только благоразумная осмотрительность, подъ которою лежитъ твердость, долженствующая обнаружиться, когда придетъ желаемая минута возможности подавить мятежный духъ. И такъ венгерскій сеймъ былъ открытъ согласно программѣ Вая, Сечена и Аппони.

Перейдемъ теперь въ Пештъ. На выборахъ обнаружилось, что крайняя партія приобрѣла рѣшительный перевѣсъ въ венгерскомъ народѣ. Огромное большинство депутатовъ принадлежитъ ей. И не въ одной палатѣ депутатовъ, служащей представительницею средняго сословія и простонародья, выразилось такое настроеніе умовъ: между самими магнатами, составляющими наслѣдственную верхнюю палату, большинство точно таково же. Это явленіе прискорбное, — прискорбное до того, что мы не хотѣли бы ему вѣрить. Къ несчастію, въ такъ называемыхъ національныхъ вопросахъ, — вопросахъ, чреватыхъ вредомъ для благоустроенныхъ государствъ и порожденныхъ только коварствомъ анархистовъ, прикрывающихъ себя маскою патріотизма, — въ этихъ такъ называемыхъ и мнимыхъ вопросахъ о національной независимости и тому подобныхъ мечтаніяхъ исчезаетъ сословная разница интересовъ, и напримѣръ венгерскій магнатъ не стыдится подавать руку поселянину; поселянинъ же, облагодѣтельствованный австрійскимъ правительствомъ, безсовѣстно забываетъ всякую признательность къ благодѣтельной власти, по наущенію магната. Надобно отдать честь постоянному усердію австрійскаго правительства о предотвращеніи столь страннаго единомыслія; но сѣмена падали на каменистую почву, какъ теперь оказывается, и не приносятъ желаннаго плода. Всѣ сословія венгерской націи одинаково проникнуты мечтаніями.

Читатель знаетъ, что для удержанія сейма въ границахъ умѣренности, вѣнское министерство постановило, чтобы онъ засѣдалъ не въ городѣ Пештѣ, а въ крѣпости Офенѣ или по-венгерски Будѣ, лежащей на другомъ берегу Дуная противъ Пешта. Венгры говорили, что не допускать этого. Злонамѣренность толпы довела и депутатовъ до такой наглости, что на предварительныхъ совѣщаніяхъ въ Пештѣ огромное большинство ихъ объявило рѣшимость не показываться въ Офенѣ, хотя снисходительное правительство уже сказало, что только церемонія открытія сейма будетъ исполнена въ Офенѣ, и тотчасъ же разрѣшено будетъ сейму перенести свои засѣданія въ Пештъ. Нельзя не похвалить тутъ Деака-Этвеша (нынче ужъ такъ и пишутъ ихъ обоихъ подъ-рядъ, будто одного человѣка за ихъ примѣрную политическую дружбу: не знаемъ только, осуществится ли на ихъ мечта Манлова, какъ начальство узнавъ о дружбѣ его и Чичикова, награждать ихъ за это примѣрное чувство), которые мужественно объявили

(или который мужественно объявилъ,—не знаемъ, какъ правильнѣе выразиться), что пойдетъ въ Офенъ хотя бы одинъ. Онъ сдержалъ свое слово, но слишкомъ немногіе послѣдовали его примѣру. Итакъ церемонія открытія происходила въ залѣ, почти пустой. Но что же?—И тутъ, въ малочисленной средѣ людей умѣреннѣйшихъ, гдѣ и слѣдовало бы ожидать благоумѣреннѣйшихъ, обнаружилась стропотливость, и притомъ еще именно въ палатѣ магнатовъ, которыми слѣдовало бы держать себя приличнѣе. Какъ только кончилъ Аппоніа свою рѣчь, временный президентъ палаты магнатовъ графъ Эстергази, сѣдовласый старецъ, привѣтствовавъ возобновленіе законной законодательной власти, перешелъ къ тому, что горестъ овладѣвать имъ: не увидать магнаты среди себя благороднѣйшаго своего собрата, который убитъ врагами Венгріи за любовь къ отечеству.—Онъ говорилъ о Людвигѣ Батіани, казненномъ за измѣну въ 1849 г. Отчаяваешься въ людяхъ, когда видишь, что даже и старцами овладѣваетъ такая преступная мечтательность.

При такой закоснѣлости палаты магнатовъ, чего можно было ожидать отъ палаты депутатовъ? Послѣ церемоніи открытія, засѣданія были перенесены въ Пештъ и только тутъ наполнились залы палаты. Деакъ-Этвешъ вздумалъ было склонить своихъ товарищей, депутатовъ, къ соблюденію оффиціального приличія,—предложилъ имъ вотировать адресъ къ императору. Предводитель рѣшительной партіи, Телеки, отвѣчалъ, что въ этомъ нѣтъ никакой надобности, и что вѣнское правительство можетъ узнать чувства и требованія венгровъ обыкновеннымъ путемъ,—изъ рѣшеній, какія будутъ приняты сеймомъ.—Огромное большинство депутатовъ согласилось съ Телеки.—Да, въ своемъ упорствѣ венгры доходятъ до забвенія даже первыхъ правилъ свѣтскаго обращенія. Вотъ, на примѣръ, какой случай произошелъ въ первые дни засѣданій сейма (по разсказу вѣнскаго корреспондента *Times'a*).

«Вѣна, 12 апрѣля.

«Въ первомъ засѣданіи палаты магнатовъ венгерскаго сейма произошелъ случай, очень непріятно подѣйствовавшій въ вѣнскихъ оффиціальныхъ кругахъ. Графъ Форгачъ, служащій въ австрійской арміи полковникомъ, явился на засѣданіе въ австрійскомъ мундирѣ. Графъ Эммануэль Зичи потребовалъ, чтобы онъ удалился изъ залы. Графъ Форгачъ ушелъ; но послѣ засѣданія прислалъ къ своему сочлену по палатѣ магнатовъ капитана Немета съ вызовомъ на дуэль. Графъ Зичи сказалъ Немету, что поручилъ объясненіе по этому дѣлу графу Кеглевичу. Неметъ отправился къ нему и Кеглевичъ сказалъ, что его другъ графъ Зичи не можетъ драться съ графомъ Форгачемъ. Тогда былъ созданъ такъ-называемый «судъ чести» и также объявилъ, что графъ Зичи не можетъ драться съ графомъ Форгачемъ, потому что «замаралъ бы себя» дуэлью съ нимъ, а что графъ Форгачъ не долженъ являться въ палату магнатовъ, пока не успеетъ оправдать своихъ поступковъ въ 1849 г., когда сражался въ австрійскихъ рядахъ. Графъ Форгачъ немедленно уѣхалъ изъ Пешта.—Изъ лицъ, получившихъ санъ венгерскаго магната отъ австрійскаго правительства послѣ 1849 г., ни одинъ и не пробовалъ являться въ палату магнатовъ.»

Словомъ сказать, венгры упрямо хотятъ получить полную независимость отъ вѣнскаго правительства, и готовы отложиться отъ него въ первую минуту, какъ только найдутъ возможность. Главною задержкою тутъ имъ служить, какъ мы говорили нѣсколько разъ, неизвѣстность, какую роль стали бы играть южно-австрійскіе славяне въ случаѣ войны между ними и австрійскимъ правительствомъ: если бы южные славяне рѣшились сражаться противъ австрійцевъ, венгры тотчасъ взяли бы

за оружіе; довольно было бы для нихъ, если бы южные славяне хотя стали сохранять нейтралитетъ. Но до послѣдняго времени сильнѣе казался тотъ шансъ, что южные славяне послѣдовали бы тѣмъ вѣнскимъ внушеніямъ, какими были увлечены къ войнѣ съ венграми въ 1848 г. Теперь какъ будто бы склоняется вѣроятность на другую сторону. Ни за что ручаться еще нельзя; но по крайней мѣрѣ развивается и между сербами и между кроатами ожесточеніе противъ австрійцевъ.

Кроаты, т. е. западная половина южно-венгерскихъ славянъ, еще недавно были очень возстановлены противъ венгровъ тѣмъ, что Фіуме, итальянскій городъ, лежащій на адріатическомъ берегу, выразилъ желаніе принадлежать къ венгерскому королевству, а не къ кроатскому, къ которому теперь причисляется. Главная причина симпатіи очевидна: венгры рѣшительные враги вѣнскаго правительства, слѣдовательно фіумскіе итальянцы не могутъ не предпочитать ихъ кроатамъ, пока кроаты колеблются. Но Фіуме отдѣленъ отъ собственно венгерской земли всею шириною Кроаціи. Читатель знаетъ, что въ надеждѣ противодействовать венгерскому сейму австрійское правительство льстило разными обѣщаніями кроатскимъ депутатамъ, собравшимся въ Аграмъ. Отъ имени «генеральнаго конгрегациа аграмскаго комитата» былъ въ началѣ марта разосланъ ко всемъ венгерскимъ, трансильванскимъ, сербскимъ комитатамъ циркуляръ, написанный языкомъ, напоминавшимъ прежніе годы ожесточенной вражды кроатовъ противъ венгровъ. Тутъ перечислялись жалобы на прежнее притѣсненіе кроатовъ венграми, особенно говорилось, будто бы венгры и теперь хотятъ подавлять кроатскую національность, и сильнѣе всего обвинялись венгры за фіумцевъ. Еслибъ венгры имѣли такую же безтактность, возобновилась бы прежняя вражда. Но венгры понимаютъ, что должны добиваться рѣшительнаго примиренія съ кроатами, и на аграмскій циркуляръ отвѣчали, что готовы на все, чего хотятъ сами кроаты. Вотъ, напримѣръ, отрывки изъ отвѣта, напечатаннаго Деакомъ.

«Циркуляръ аграмскаго комитата написанъ съ такою горечью, что производитъ впечатлѣніе, какъ будто его авторъ не желаетъ дружескаго соглашения между Венгією и Кроацією. Аграмскій писатель обвиняетъ Венгію между прочимъ въ томъ, что она желаетъ отдѣлить Фіуме отъ Кроаціи и принудить славянъ юговосточныхъ частей своихъ къ употребленію венгерскаго языка. Фіуме принадлежалъ къ Венгіи въ теченіе цѣлаго столѣтія, и венгры не виноваты въ томъ, что жители этого города желаютъ принадлежать къ Венгіи. Важнѣйшее обвиненіе противъ венгровъ то, которое относится къ языку. Въ 1844 году (когда употребленіе латинскаго языка на венгерскомъ сеймѣ было отмѣнено) кроатскіе депутаты предлагали, чтобы по прежнему продолжали употреблять на сеймѣ латинскій языкъ; но это было отвергнуто, и сеймъ постановилъ употреблять въ своихъ преніяхъ венгерскій языкъ.

«Если кроаты желаютъ, продолжаетъ Деакъ, законъ 1844 г. можно отмѣнить.— Венгерскій сеймъ 1848 г. желалъ относительно Военной кроатской границы, того же самого, чего теперь требуютъ кроаты, желалъ, чтобы отмѣнено было стѣснительное и разорительное военное устройство этой земли и жители ея получили гражданскія и политическія права, которыхъ лишены австрійскимъ правительствомъ. Аграмскій циркуляръ говоритъ, что венгры желали бы привести кроатовъ и другія племена въ положеніе турецкихъ подданныхъ христіанъ; по законы 1848 г. доказываютъ несправедливость этого обвиненія». О томъ, каковы теперь чувства венгровъ относительно кроатовъ, Деакъ говоритъ:

«Присоединится или не присоединится Кроація къ Венгіи, это зависитъ отъ самой Кроаціи. Если она пошлетъ депутатовъ на вѣнскій имперскій совѣтъ, если она захочетъ предоставитъ свои военныя, финансовыя и коммерческія средства — власти австрійскаго министерства, соединеніе съ Венгією будетъ невозможно. Венгія едва ли

пошлетъ своихъ депутатовъ на имперскій совѣтъ, потому что нерасположена жертвовать своею законною независимостью. Но если Кроація желаетъ быть независимою отъ вѣнскаго министерства, то и безъ всякихъ переговоровъ Венгрія готова поддерживать ее.»

Деакъ продолжаетъ, что союзъ кроатовъ съ венграми одинаково полезенъ для той и другой націи; но что если кроаты хотятъ остаться отдѣльными отъ венгровъ, венгры чужды всякой мысли мѣшать имъ поступать, какъ угодно. Если въ этомъ тонѣ говоритъ Деакъ, то, разумѣется, еще гораздо сильнѣе высказывается прогрессивнымъ большинствомъ венгровъ желаніе предоставить кроатамъ полную свободу дѣйствій и не ссориться съ ними ни за что и ни въ какомъ случаѣ. Эти увѣренія, надобно полагать, имѣли нѣкоторое вліяніе на кроатовъ; но еще сильнѣе подѣйствовала на нихъ странная нерасчетливость самого австрійскаго правительства.

Кроатское племя дѣлится по своему гражданскому положенію на двѣ половины: сѣверная его полоса, называемая королевствами далматскимъ, кроатскимъ и славянскимъ, находится подъ гражданскимъ управленіемъ. Южная полоса составляетъ такъ называемую Военную границу, жители которой обязаны поголовною военною службою, разорены этою повинностью, и управляются военною дисциплиною и въ своей частной жизни. Сѣверная половина кроатовъ, разумѣется, сочувствуетъ бѣдственному быту своихъ собратьевъ и просила чрезъ кроатскаго бана Сокчевича, чтобы императоръ уничтожилъ прежнее изнурительное устройство Военной границы и сравнялъ жителей ея въ правахъ и обязанностяхъ съ ними, съ сѣверными кроатами. Просьба была отвергнута. Вотъ изъ вѣнской корреспонденціи Times'a отрывокъ, относящійся къ этому дѣлу.

«Вѣна, 29 марта.»

«Общая конгрегація аграмскаго комитата страшно недовольна баномъ Сокчевичемъ за то, что онъ не настаивалъ на разрѣшеніе жителямъ Военной границы прислать депутатовъ на кроатскій сеймъ; конгрегація объяснила ему, что не имѣетъ къ нему довѣрія. Говорятъ, это такъ раздражило Сокчевича, что онъ просилъ императора уволить его отъ должности бана. Кажется, что расположеніе умовъ въ Кроаціи сильно измѣнилось въ послѣднее время: кроаты говорятъ теперь, что не могутъ дѣлать приготовленій къ коронаціи императора въ Аграмѣ королемъ кроатскимъ, славянскимъ и далматскимъ, пока не установятъ окончательно своихъ отношеній къ Венгріи.—Жители Военной границы находятся подъ военнымъ управленіемъ, потому что не имѣютъ права подавать просьбы; но они прислали въ Аграмъ нѣсколько адресовъ, въ которыхъ объясняютъ свое бѣдственное положеніе и просятъ измѣнить его. Вчера нѣсколько австрійскихъ генераловъ въ разговорѣ увѣрили меня, что жители Военной границы не должны жаловаться, потому что правительство печется за нихъ. Предкамъ ихъ даны были земли отъ правительства на условіи защищать границу отъ турокъ, но теперь по два и по три батальона изъ каждого полка посылаются повсюду, гдѣ бы ни вела войну Австрія. Въ мирное время Военная граница ставитъ въ армію до 45,000 человѣкъ, а въ военное время до 100,000 человѣкъ (между тѣмъ какъ все населеніе этихъ округовъ не простирается до 1.100,000 человѣкъ). Такимъ образомъ цѣлая десятая часть всего населенія Военной границы уходитъ въ солдаты при всякой австрійской войнѣ.»

Напрасно вѣнское правительство отступило тутъ отъ обыкновеннаго правила: при нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ, расчетливѣе всего было бы дать кроатамъ обѣщаніе и принять нѣкоторые полумѣры, какъ будто бы въ исполненіе даннаго слова; а потомъ, когда затрудненіе миуетъ, возстановить прежній порядокъ. А теперь говорятъ, что кроаты, раздраженные отказомъ, склоняются на

сторону венгровъ. Такое же расположеніе обнаруживается и въ восточной половинѣ южно-австрійскихъ славянъ, у сербовъ, населяющихъ Банатъ и Воеводину. Мы говорили, что сербскому патріарху Раячичу, преданности и искусству котораго обязаны были австрійцы въ 1848 г. ссорю сербовъ съ венграми, поручено было теперь созвать сербскій сеймъ съ тою же цѣлью. Къ сожалѣнію, несмотря на всю усердную ловкость Раячича, собравшіеся на сеймъ сербы нашли, что венграмъ они могутъ вѣрить, а вѣнскому министерству не могутъ—послѣ того, что испытывали въ послѣднія 13 лѣтъ. Приводимъ отрывокъ изъ вѣнской корреспонденціи Times'a.

«Вѣна, 5 апрѣля.

«На своихъ предварительныхъ собраніяхъ передъ открытіемъ венгерскаго сейма, венгерскіе депутаты установили единодушную программу дѣйствій по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ. Между прочимъ они хотятъ провозгласить совершенное равенство славянскаго племени съ мадарскимъ и уступать желаніямъ кроатовъ и славонцевъ.—Политическое броженіе въ Воеводинѣ такъ сильно, что вѣнское правительство навѣрное раскаивается въ своемъ согласіи на созваніе сербскаго національнаго конгресса. Представители сербскаго народа выражаютъ чрезвычайное ожесточеніе противъ австрійской системы. Сербскій конгрессъ назначилъ для разсмотрѣнія представляющихъ ему вопросовъ комитатъ изъ 22 лицъ и, къ отчаянію патріарха Раячича, придумавшаго съ австрійскимъ правительствомъ сербскій конгрессъ, 19 человекъ изъ этихъ 22 лицъ говорили въ пользу соединенія съ Венгеріею. Въ органѣ южноавстрійскихъ славянъ, газетѣ «Востокъ и Западъ» мы читаемъ, что комитатъ сдѣлаетъ конгрессу слѣдующія предложенія:

«1) Соединеніе съ Венгеріею во всевозможныхъ случаяхъ.

«2) Вѣнское министерство объявляется не имѣющимъ власти въ сербскихъ дѣлахъ.

«3) Посылаются депутаты на венгерскій сеймъ.

«4) Воеводина объявляется частью Венгерскаго королевства.

Изъ числа трехъ членовъ комитата, противившихся этимъ предложеніямъ и державшихъ сторону австрійскаго правительства, одинъ, Стояновичъ, 3 апрѣля былъ застрѣленъ.»

Видно, что раздраженіе противъ австрійцевъ очень сильно между сербами, когда въ опасности между ними жизнь тѣхъ немногихъ, которые служатъ агентами вѣнскаго правительства.

Итакъ, шансы отношеній къ южнымъ славянамъ кажутся теперь рѣшительно въ пользу венгровъ. Но мы все-таки остережемся положительно предсказывать союзъ между ними въ приближающемся столкновеніи венгровъ съ австрійскимъ правительствомъ. Чехи, напримѣръ, высказываютъ чувство преданности австрійскому императору, чего трудно было надѣяться.

Читатель знаетъ, что распредѣленіе избирательныхъ округовъ въ королевствѣ Богемскомъ, по диплому 20 октября и органическимъ законамъ 26 февраля, было устроено такъ, что большинство депутатовъ на богемскій сеймъ избирается нѣмцами, которые по официальной австрійской статистикѣ составляютъ лишь одну треть, а на самомъ дѣлѣ гораздо меньшую долю населенія Богемскаго королевства. Чешское огромное большинство имѣетъ на сеймѣ лишь четвертую часть голосовъ. Эта чешская партія рѣшила признавать составъ нынѣшняго сейма неправильнымъ, законъ, по которому онъ составлялся, неудовлетворительнымъ, и Ригеръ, ея предводитель, предложилъ, чтобы сеймъ призналъ себя не имѣющимъ права называться собраніемъ представителей Богемскаго королевства и выбрать отъ имени этого королевства депутатовъ на имперскій совѣтъ. Но видя свое безсиліе на сеймѣ, чешская партія нашла нужнымъ нѣсколько смягчить это требованіе и Ригеръ за-

мѣнилъ прежнее свое предложеніе о совершенномъ отказѣ сейма отъ выборовъ на имперскій совѣтъ, предложеніемъ только отерочить эти выборы. Однако и въ этой смягченной формѣ протестъ чешской партіи былъ такъ рѣшителенъ, что по-видимому, слѣдовало ожидать отъ чеховъ твердаго сопротивленія преобладанію вѣнскаго правительства надъ чешскими національными стремленіями. Вотъ окончательная форма, въ какой сдѣлано было предложеніе Ригера (переводимъ изъ *National Zeitung*):

«Когда 18 апрѣля чешскій сеймъ хотѣлъ приступить къ выбору депутатовъ на имперскій совѣтъ, Ригеръ представилъ слѣдующее предложеніе:

«По соображенію, что избирательный законъ для чешскаго сейма не соответствуетъ высочайше выраженному принципу: «равенство правъ и равенство обязанностей для всѣхъ племенъ имперіи»; по соображенію, что согласно выраженной 20 октября 1860 г. волѣ его величества, число представителей въ имперскомъ совѣтѣ должно распредѣляться по населенію и пространству провинціи и количеству платимыхъ ею налоговъ, а это невозможно на основаніи избирательнаго закона для сейма, изъ котораго происходятъ депутаты имперскаго совѣта; наконецъ, по соображенію, что хотя улучшение этого избирательнаго закона предоставлено сейму, но при искусственно созданныхъ этимъ закономъ отношеніяхъ сеймъ не можетъ исполнить этого иначе, какъ съ трудомъ, и послѣ долгихъ преній, а быть можетъ и вовсе не въ состояніи исполнить, и что искреннѣйшее желаніе сейма содѣйствовать устроенію сильной справедливой ко всѣмъ національностямъ всеавстрійской имперіи скорымъ совершеніемъ выборовъ въ имперскій совѣтъ, но не иначе, какъ на справедливомъ основаніи,—богемскій сеймъ рѣшаетъ: 1) просить его величество, нашего императора и короля, преобразовать данный для нашего сейма избирательный законъ собственною высочайшею властью, по внушенію его мудрости, и въ сообразность съ высочайше выраженными справедливыми принципами. 2) Выборъ депутатовъ на имперскій сеймъ отложить до полученія высочайшаго отвѣта на эту просьбу.

«Послѣ долгихъ преній сеймъ рѣшилъ отвергнуть это предложеніе и немедленно произвести выборъ депутатовъ въ имперскій совѣтъ.

«Когда предложеніе Ригера было отвергнуто, онъ подалъ протестъ, подписанный 80 лицами изъ членовъ сейма. Въ протестѣ этомъ, написанномъ по-чешски, говорится, что правила избирательнаго закона для Богеміи составлены къ невыгодѣ ея славянскаго населенія и что всѣми дѣйствіями богемскаго сейма доказывается, что члены славянскаго происхожденія подавлены на сеймѣ. Въ заключеніе своего протеста члены, его подписавшіе, объявляютъ однако же, что они хотятъ единства Австрійской имперіи и потому вмѣстѣ съ другими членами будутъ участвовать въ выборѣ депутатовъ на имперскій сеймъ. Но они говорятъ, что предвидя торжество нѣмецкаго большинства и въ этихъ выборахъ, и потому заранее протестуютъ противъ ихъ результатовъ.»

Нѣменкое большинство сейма, разумѣется, отвергло протестъ чешской партіи. Но что же потомъ? Вѣроятно чехи тверже прежняго убѣдились въ коренномъ противорѣчій вѣнскаго нѣмецкаго правительства съ ихъ желаніями? Вѣроятно они стали говорить, подобно мадярамъ, что не могутъ имѣть ничего общаго съ вѣнскимъ министерствомъ? Нѣтъ, такое подозрѣніе оказалось гнусною клеветою на чеховъ. Когда одинъ изъ нѣмецкихъ депутатовъ богемскаго сейма, Газе, вздумалъ высказать его, Ригеръ проникся негодованіемъ на злонамѣренное сомнѣніе въ преданности чеховъ австрійскому правительству и сказалъ слѣдующее (опять переводимъ изъ *National Zeitung*):

«Мы богемцы славянскаго языка,—это фактъ, о которомъ вы можете справиться въ официальной статистикѣ Чорнига; если вамъ угодно, это несчастіе. Между нами есть люди, называющіе это несчастіемъ. Но что же дѣлать, мы уже созданы такими, и вы должны, господа, принимать насъ такими, каковы мы есть. Согласившись въ этомъ, мы

хотимъ, чтобы съ чешскимъ племенемъ поступали точно такъ же, какъ со всѣми другими. Мы не можемъ одобрить того, что намъ даются такія правила выборовъ, по которымъ чешское племя искусственно ставится въ меньшинство».—Это одна сторона; а вотъ и другая. «Мы протестуемъ также противъ мнѣнія, что мы не хотимъ Велико-Австріи (Grossösterreich); напротивъ, именно мы-то и хотимъ ея. Тѣ, которые хотятъ раздѣлить Австрію на двѣ половины,—тѣ мало-австрійцы, а не велико-австрійцы (sind Kleinösterreicher und keine Grossösterreicher). Мы хотимъ создать Австрію, въ которой равноправны всѣ народы и области, а не Австрію, раздѣленную на двѣ половины. Мы должны создать раму, которая приходилась бы по всѣмъ, и въ которой части гармонически соединялись бы съ цѣлымъ. Вотъ къ чему мы стремимся; и мы протестуемъ противъ мнѣнія, будто бы мы знаемъ только одинъ гербъ Богеміи. Мы знаемъ гербъ Австріи; знаемъ и гербъ королевства Богемскаго, которому никогда не измѣнимъ. Но гербъ королевства Богемскаго мы и не можемъ себѣ представить отдѣльнымъ отъ герба все-австрійскаго. Итакъ, господа, тѣ которые хотятъ отрицать гербъ королевства Богемскаго, противники наши и всегда останутся нашими противниками.»

Вѣроятно не лишнимъ будетъ пояснить смыслъ терминовъ, употребляемыхъ тутъ Ригеромъ. Приверженцами всеавстрійской монархіи (Gesammtmonarchie) называются люди, ставящіе цѣльность и нераздѣльность Австрійской имперіи выше всѣхъ національныхъ вопросовъ. Они же называются и великоавстрійцами (Grossösterreicher) въ противоположность малоавстрійцамъ (Kleinösterreicher), которые соглашались, чтобы Венгрія съ Кроаціею и Трансильваніею имѣла управление, независимое отъ вѣнскаго. Такимъ образомъ Ригеръ, предводитель чешской партіи, провозглашаетъ, что чехи готовы на все для поддержанія цѣльности Австрійской имперіи, что они преданы вѣнскому правительству и не могутъ представить свою жизнь иначе, какъ въ зависимости въ Вѣны. Своею преданностью они спасли австрійское правительство въ 1848 году, когда оно рѣшилось усмирять возставшую Вѣну. Судя по словамъ Ригера, надобно думать, что съ той поры они мало измѣнились.—По диплому 20 октября и органическимъ законамъ 26 февраля, политическое значеніе провинціальныхъ сеймовъ ограничивается единственно тѣмъ, что они выбираютъ членовъ въ палату депутатовъ имперскаго совѣта; при такихъ избирательныхъ законахъ, по которымъ, напримѣръ, въ Богеміи большинство сейма составляютъ нѣмцы, нельзя было опасаться, чтобы въ члены этой палаты попало много лицъ, дурно расположенныхъ къ нынѣшней австрійской системѣ. И дѣйствительно, даже тотъ изъ провинціальныхъ сеймовъ, въ который всего больше попало либераловъ, сеймъ эрцгерцогства Нижне-австрійскаго (т. е. области гдѣ находится Вѣна) избралъ депутатами въ имперскій совѣтъ почти исключительно людей, преданныхъ владычеству системѣ. Выборы другихъ провинціальныхъ сеймовъ были еще благопадежнѣе (разумѣется, мы говоримъ о тѣхъ сеймахъ, которые послали депутатовъ на имперскій совѣтъ; въ провинціяхъ, въ которыхъ, несмотря на искусныя правила избирательнаго закона, сеймы оказались неблагорасположены, сеймы эти и не послали депутатовъ на имперскій совѣтъ); слѣдовательно, мы должны быть увѣрены, что палата депутатовъ имперскаго совѣта не будетъ служить затрудненіемъ для вѣнскаго министерства. Но кромѣ этой гарантіи, которую приготовило себѣ правительство разсчитливыми правилами избирательнаго закона, оно обезпечило себя хорошимъ составомъ «палаты господъ» или верхней палаты. Засѣдать въ ней назначены знатные сановники съ такимъ проникательнымъ и осторожнымъ разборомъ, что не дано это званіе даже барону Гюбнеру, который (если помнить читатель) былъ

министромъ по заключеніи Виллафранкескаго мира и уволенъ въ отставку черезъ нѣсколько недѣль за то, что считалъ нужнымъ сдѣлать небольшія уступки тогдашнему общему недовольству. Кромѣ принцевъ императорскаго дома, архіепископовъ и другихъ лицъ, засѣдающихъ въ палатѣ господъ по своимъ наслѣдственнымъ титуламъ или по должностямъ, членами ея назначены почти исключительно генералы, безусловно проникнутые мыслью о строжайшемъ поддержаніи порядка: Виндшгрецъ, Гюлай, Бенедекъ и проч.

Конечно, ограничиваясь скромною, но полезною ролюю—соглашаться во всемъ съ правительствомъ, имперскій совѣтъ не будетъ служить самостоятельному опоромъ для министерства; но имѣя въ своемъ распоряженіи многочисленную армію, оно и не нуждается ни въ какихъ другихъ опорахъ: оно хочетъ только, чтобы имперскій совѣтъ не былъ ему стѣсненіемъ. Цѣль эта вполне достигнута. Оно и дѣйствительно, дѣло зависить не отъ имперскаго сейма, а отъ того, каковы будутъ успѣхи арміи въ усмиреніи венгровъ.

Объ Италіи въ нынѣшній разъ почти нечего рассказывать. Появленіе Гарибальди въ туринской палатѣ, горячая рѣчь его въ защиту волонтеровъ, завоевавшихъ Неаполь и разогнанныхъ за вредный образъ мыслей министрами, которыми дали они прекраснѣйшую въ Европѣ страну, которыхъ возвысили они изъ министровъ второстепеннаго государства въ министры новой великой европейской державы; рѣшеніе туринской палаты, что Гарибальди съ волонтерами во-первыхъ кругомъ виноваты, во-вторыхъ ничего не значать, а Кавуръ и Фанти во всемъ правы и за все заслуживаютъ признательность отечества, которое освободили и возвеличили не Гарибальди съ волонтерами, а собственно они, Кавуръ и Фанти; снисходительность, съ какою Кавуръ просилъ палату не слишкомъ сердиться на простяка Гарибальди, виноватаго больше по неразумію, чѣмъ по злоумышленности; согласіе палаты изъ уваженія къ Кавуру погладить по головкѣ Гарибальди, уже достаточно наказаннаго; наконецъ, провозглашаемое газетами примиреніе великодушнаго Кавура съ Гарибальди,—все это не больше какъ рядъ эффектныхъ сценъ, которыя не имѣютъ никакого существеннаго значенія для хода дѣлъ. Гарибальди и рѣшительная партія все еще отлагаютъ войну съ Австріею не по рѣшеніямъ туринской палаты, не по надеждамъ на Кавура, а просто потому, что еще не успѣли приготовиться къ нападенію на австрійцевъ и, главное, потому, что еще не пришла минута развязки венгерскихъ дѣлъ.

А въ Америкѣ уже какъ будто начинается развязка. Новый президентъ, когда принялъ власть, нашелъ дѣла союзнаго правительства отлично обработанными въ пользу отдѣлившихся отъ Союза плантаторовъ. Союзное казначейство было пусто; союзныя войска были уведены подальше отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ могли бы они мѣшать плантаторамъ, или остались безъ офицеровъ, перешедшихъ на сторону отдѣлившихся штатовъ; а между тѣмъ инсургенты, пользуясь покровительствомъ прежняго союзнаго правительства, успѣли вполне организовать: деньги и оружіе были переданы имъ ихъ союзниками, министрами Буханана; они уже собрали довольно большую армію, и терроризируя преданное Союзу большинство населенія въ хлопчатобумажныхъ штатахъ, уже начинали терроризировать Виргинію и Сѣверную Каролину, за которыми принуждены были бы отдаться инсургентамъ и другіе пограничные невольническіе штаты. При такомъ дурномъ положеніи дѣла, надобно было Линкольну нѣсколько повременить, пока успѣетъ

онъ подготовить средства, которыхъ былъ совершенно лишенъ правительствомъ своего предшественника. Потому-то все и носилась слухи, что онъ колеблется между твердымъ образомъ дѣйствій и уступчивостью. Но въ мѣсяцъ новое правительство успѣло нѣсколько приготовиться, и вотъ уже провозглашена война. Но это мы знаемъ теперь еще только изъ телеграфическихъ депешъ, и должны подождать подробныхъ извѣстій, чтобы видѣть, будетъ ли война серьезна, или инсургенты уже смиряются и покоряются: этотъ второй шансъ былъ бы самый неудовлетворительный, потому что примиреніе ничего не рѣшило бы. Для блага Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, какъ мы говорили уже нѣсколько разъ, надобно желать, или серьезной войны Сѣвера съ Югомъ, или совершеннаго признанія отдѣльности новаго плантаторскаго Союза отъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, потому что въ этомъ случаѣ невольничество быстро стало бы исчезать въ южныхъ штатахъ мирнымъ процессомъ; о которомъ приводили мы выписки изъ книги Эббота. Замазываніе сущности дѣла неудовлетворительными ни для кого уступками—ни къ чему путному не ведетъ. Нужно или то, чтобы мирно разошлись люди, которые не могутъ жить вмѣстѣ, или, чтобы они порѣшили между собою международнымъ судомъ, войною, если не умѣютъ разойтись мирно.

ПОЛИТИКА.

М а й 1861.

АМЕРИКАНСКІЯ ДѢЛА.—ПОЛОЖЕНІЕ ДѢЛЪ ВЪ ИТАЛІИ И ВЕНГРИИ.

Скудны источники нашихъ свѣдѣній объ американскихъ дѣлахъ; мы должны ограничиваться европейскими газетами, въ которыхъ американскія событія занимаютъ, разумѣется, лишь второстепенное мѣсто. Изъ американскихъ газетъ мы можемъ хотя нѣсколько своевременно, всего недѣлями двумя или тремя позже, чѣмъ слѣдовало бы по разсчету почтовыхъ сроковъ,—получать одну New York Herald да и ту лишь въ еженедѣльномъ изданіи *), которое въ одинъ листъ за цѣлую недѣлю собираетъ всѣ нумера ежедневнаго изданія за цѣлую недѣлю, такъ что въ этой выжимкѣ остается не очень много толку. Оно впрочемъ было бы еще сносно получать хотя только еженедѣльное изданіе ежедневной газеты, если бы газета была сколько нибудь приличная; но на бѣду единственная американская газета, получаемая нами—самая пошлая изъ всѣхъ 5 или 6 тысячъ американскихъ газетъ. Она теперь прокликаетъ «измѣнниковъ и бунтовщиковъ», требуя примѣрнаго наказанія, пожалуй, хотя колесованьемъ или содраніемъ шкуръ съ живыхъ. А не дальше какъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ она точно такъ же проклинала новое вашингтонское правительство, требовала, чтобы Линкольнъ отказался отъ должности, уступилъ власть предводителямъ сецессионистовъ, которые совершенно правы и одни достойны называться американскими гражданами. Она имѣетъ даже наглость—винить Линкольна, зачѣмъ онъ только 15 апрѣля издалъ прокламацію о войнѣ,—это слѣдовало бы ему сдѣлать въ самый же первый день вступленія въ должность, 4 марта: она утверждаетъ, что тогда же, въ первыхъ числахъ марта, совѣтовала ему сдѣлать это, а прежде того съ самаго декабря требовала немедленной и безпощадной войны противъ бунтовщиковъ отъ прежняго президента Буханана: «Бухананъ не хотѣлъ слѣдовать нашему совѣту; Линкольнъ также долго сопротивлялся ему, наконецъ слѣдуетъ теперь, и—прекрасно; полная честь правительству Линкольна за это!» На президентскихъ выборахъ она отвергала даже

*) Читатель знаетъ, что англійскія и американскія ежедневныя газеты дѣлаютъ кромѣ этого полнаго своего изданія еще два изданія въ сокращеніи: одно изъ сокращенныхъ изданій—двухдневное; тутъ изъ двухъ листовъ ежедневнаго изданія дѣлается выборка на одинъ листъ такого же формата, какъ нумеръ ежедневнаго изданія; изъ трехъ такихъ листовъ двухдневнаго изданія дѣлается такимъ же порядкомъ выборка на одинъ такой же листъ еженедѣльнаго изданія.

Дугласа, кандидата сѣверныхъ демократовъ, называла и его такимъ же врагомъ родины, какъ Линкольна, за то, что Дугласъ и его партія не согласились помогать заговорщикамъ, приготовлявшимъ отторженіе южныхъ штатовъ, собиравшихъ тамъ армію для завоеванія сѣверныхъ штатовъ съ цѣлью распространить въ нихъ невольничество; она самымъ восторженнымъ образомъ поддерживала Брекенриджа, кандидата этихъ заговорщиковъ, выставляя его единственнымъ, несравненнымъ патріотомъ и доказывая, что не только Линкольнъ, но и Дугласъ—революціонеры, стремящіеся убить свободу Соединенныхъ Штатовъ и ввести военный деспотизмъ. Это говорено было ежедневно вплоть до 6 ноября, а съ 6 ноября вплоть до 13 апрѣля доказывалось, что отдавъ свои голоса Линкольну, сѣверные штаты доказали нравственную испорченность свою, неспособность свою къ самоуправленію, и тѣмъ возложили на невольническіе штаты священную обязанность завоевать ихъ, сѣверные штаты, чтобы перевоспитать и исправить ихъ своимъ господствомъ, какъ Англія просвѣщаетъ и перевоспитываетъ Остъ-Индію. Это было вплоть до 13 апрѣля. Съ 14 апрѣля въ той же газетѣ говорится: «перечитывая рѣчи Брекенриджа и его сотоварищей въ прошломъ засѣданіи конгресса и въ прежнихъ засѣданіяхъ за нѣсколько лѣтъ, мы находимъ въ самыхъ этихъ рѣчахъ явные доказательства тому, что они уже нѣсколько лѣтъ составляли злодѣйскій замыселъ, который съ весны прошлаго года обратился въ формальный заговоръ для поработенія всего Американскаго Союза военному деспотизму,—заговоръ, дѣйствовавшій подкупомъ, похищеніемъ государственныхъ денегъ, не отвращавшійся ни отъ яда, ни отъ алчныхъ машинъ», и т. д. Отъ чего произошла такая перемѣна съ New York Herald'омъ, мы увидимъ ниже. А здѣсь мы выставляли ее лишь съ намѣреніемъ показать, что на подобную газету полагаться никакъ нельзя. Еслибъ мы вмѣсто нея получали хотя какую нибудь чарльстонскую газету въ духѣ крайнихъ приверженцевъ невольничества, мы все-таки могли бы довольно многимъ пользоваться изъ нея: мы знали бы, что хотя о нѣкоторыхъ предметахъ она сообщаетъ вѣрныя извѣстія, потому что какими нибудь мнѣніями дорожить, успѣху какихъ нибудь намѣреній дѣйствительно сочувствуетъ, стало быть должна же говорить основательно,—напримѣръ хотя бы о вооруженіяхъ Юга: она желаетъ побѣды Югу, слѣдовательно стала бы правдиво выставять, въ чемъ эти вооруженія должны быть усовершенствованы или пополнены, и изъ этихъ замѣчаній можно было бы видѣть положеніе военной части у инсургентовъ. New York Herald не таковъ; это—чистая спекуляція, основанная на биржевыхъ разчетахъ, въ родѣ газетъ, которыя издавалъ Мпрееъ: у него все говорилось только по разчету предпринимаемыхъ имъ операций: нынѣ онъ хочетъ купить биржевыя бумаги по дешевой цѣнѣ, чтобы черезъ двѣ недѣли взять премію за нихъ при возвышеніи цѣны; потому нынѣ его газеты доказываютъ, что война Англіи съ Франціею неизбежна и начнется на дняхъ, а черезъ двѣ недѣли доказываютъ, что никогда никакой возможности подобной войны не существовало и не будетъ существовать. Разчетъ, по которому издается New York Herald, нѣсколько иной: онъ просто старается льстить нью-йоркской биржѣ, чтобы нью-йоркскіе негоціанты рекомендовали его своимъ конторщикамъ и шкиперамъ, а конторщики и шкиперы—ломовымъ извозчикамъ, матросамъ и т. д. Если бы нью-йоркская биржа почла выгоднымъ для своихъ оборотовъ ссору Америки съ Англіею, New York Herald сталъ бы доказывать, что жители Англіи—не англичане, что англичане всѣ переселились въ Америку, а въ Англіи остались только люди не англосаксонскаго племени:

жиды, цыгане, бѣглые французы. Нью-йоркская биржа долго думала, что сѣверные штаты могутъ быть склонены смириться передъ южными; пока она хотѣла этимъ путемъ избѣжать войны, New York Herald провозглашаетъ справедливость Юга. Но когда война оказалась неизбежной, биржа поняла, что надобно Сѣверу вести ее энергически, чтобы она скорѣе кончилась и чтобы у Юга навсегда была отбита охота заводить смуты; тогда и New York Herald сталъ доказывать необходимость энергическаго веденія войны. По обыкновенію льстецовъ, онъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ доводилъ до крайности мнѣніе своей покровительницы: пока биржа совѣтовала уступать, онъ кричалъ: уступайте безусловно все; когда биржа стала говорить: усмирите Югъ скорѣе, — онъ сталъ кричать: беспощадно истребляйте мятежниковъ.

Единственная получаемая нами американская газета нигде не годится, брать изъ нея мы ничего не можемъ, потому что ни на одно слово ея нельзя положиться, и стало быть должны заимствовать свѣдѣнія о текущихъ американскихъ дѣлахъ только изъ европейскихъ газетъ, слишкомъ скудныхъ по этой части. Нечего дѣлать, удовольствуемся тѣмъ, что можемъ имѣть и переведемъ нью-йоркскую корреспонденцію Times'a, которая дѣлаетъ и подробнѣе всѣхъ другихъ знакомитъ насъ съ сѣверо-американскими событіями. И она сильно измѣнила тонъ съ половины апрѣля: до той поры корреспондентъ не вѣрилъ въ единодушіе Сѣвера, и откровенно признается, что оно изумило его. Онъ смотрѣлъ на высшіе классы, видѣлъ ихъ колеблющимися, порицающими аболіціонистовъ, ждалъ апатіи, раздоровъ; но когда пришла пора правительству обратиться къ массѣ народа, оно получило такую патріотическую поддержку, что и высшіе классы были увлечены общимъ стремленіемъ. Въ предисловіе къ переводимымъ письмамъ сдѣлаемъ самый короткій очеркъ предшествующаго этимъ письмамъ времени, о которомъ болѣе или менѣе подробно рассказывали въ прошлыхъ обзорѣняхъ.

Читатель знаетъ, что правительство Буханана участвовало въ замыслѣ инсургентовъ и передавало имъ оружіе и деньги, такъ что Линкольнъ нашелъ казну пустой, сѣверные арсеналы пустыми, южные арсеналы отданными въ руки инсургентовъ. Надобно было ему около мѣсяца, чтобы приготовиться къ войнѣ противъ южной конфедераціи, которая уже собрала армію и часть ея двинула на Вашингтонъ. Когда нѣсколько оружія и денегъ было заготовлено, вашингтонское правительство объявило находившимся въ Вашингтонѣ уполномоченнымъ южной конфедераціи, что дастъ инсургентамъ три недѣли срока одуматься и смириться, а если въ этотъ срокъ они не изъявятъ покорности, будутъ двинуты войска для возвращенія Союзу собственности, захваченной ими: форты и арсеналы, взятые ими, будутъ отняты у нихъ. Это было 11 апрѣля. Коммисары Юга тотчасъ же отправили въ столицу новой конфедераціи Монтгомери телеграфическія депеши такого содержанія: «начинайте военныя дѣйствія, потому что всякая надежда на уступки Сѣвера исчезла». На другой день южныя войска уже бомбардировали фортъ Семтеръ, о которомъ такъ много говорилось въ послѣднее время. Осада эта замѣчательна лишь страннымъ обстоятельствомъ, что ни одинъ человѣкъ изъ гарнизона не былъ убитъ безчисленными бомбами, разрушившими всѣ постройки въ фортѣ. Американцы объясняютъ это превосходнымъ устройствомъ блиндажей и прикрытій для прислуги, находившейся при орудіяхъ. Въ южномъ войскѣ также никто не былъ убитъ выстрѣлами изъ форта; но это понятнѣе: командиръ форта Андерсонъ направлялъ

выстрѣлы исключительно на баттарен, не желая стрѣлять ни по войскамъ, ни по Чарльстону, половину котораго могъ бы разрушить; да и въ баттарен онъ стрѣлялъ очень мало и съ осторожностью, чтобы не дѣлать напраснаго кровопролитія. Онъ видѣлъ, что сопротивленіе невозможно и защищался только для формы. Послѣ 30-часоваго бомбардированія фортъ сдался. Денеши объ этомъ произвели въ Сѣверѣ потрясающее дѣйствіе, народъ повсюду требовалъ быстрыхъ и сильныхъ мѣръ противъ инсургентовъ. Правительство Союза тотчасъ же объявило, что призываетъ народъ къ вооруженію, и черезъ два дня, которые прошли въ составленіи плановъ похода, расчисленіи войскъ и т. д., издана была прокламація президента, требовавшая сформированія 75-тысячной арміи. Помѣщаемъ теперь корреспонденцію Times'a.

«Нью-Йоркъ, 16 апрѣля.

«Жребій брошенъ, и теперь въ Америкѣ война. Посылаю вамъ газеты съ подробными разсказами о бомбардированіи и паденіи форта Семтера. Штаты Мексиканскаго залива безъ причины возмутились, и теперь должны отвѣчать за свой поступокъ: штаты, оставшіеся вѣрными Союзу, единодушно теперь въ рѣшимости поддержать правительство и во что бы то ни стало, не щадя никакихъ жертвъ, подавить злую измѣну, которая, не будучи ничѣмъ обижена, захотѣла низвергнуть свободное правительство и замѣстить его военнымъ деспотизмомъ подъ властью безотвѣтственной олигархіи. Борьба будетъ продолжительна или коротка, смотря потому, присоединятся ли къ Югу или останутся вѣрны правительству пограничные штаты; но продолжительна ли или коротка будетъ она, результатъ будетъ имѣть она одинъ, если есть хоть сколько нибудь истины въ проявленіяхъ чувства, происходящихъ въ сѣверныхъ штатахъ. Пусть не обманываютъ себя въ Европѣ ни относительно этого результата, ни относительно характера борьбы. Черта, раздѣляющая противниковъ,—черта ясная. На одной сторонѣ стоятъ приверженцы свободнаго правительства,—люди, хотящіе сохранить свободныя учрежденія, отвращающіеся военнаго деспотизма, вѣрные благороднымъ принципамъ англо-саксонской свободы, возвеличившимъ Англію; а на другой сторонѣ люди, предпочитающіе военное правительство и считающіе рабство божественнымъ учрежденіемъ, которому правительство должно покровительствовать во вредъ всѣмъ другимъ отраслямъ общественной дѣятельности. Въ этой борьбѣ я на сторонѣ правительства Соединенныхъ Штатовъ—говорю это прямо. Разсказывать вамъ о взятіи Семтера я не буду—подробности вы узнаете по телеграфу раньше моего письма. Прокламацію президента я прилагаю къ письму; и затѣмъ лучше всего мнѣ приложить къ нему вырѣзки изъ нью-йоркскихъ газетъ разныхъ партій, чтобы видѣли вы, съ какимъ единодушіемъ всѣ онѣ поддерживаютъ правительство. Ждали, что въ минуту борьбы будутъ раздоры и анархія: всѣ раздоры исчезли и теперь у есѣхъ одианъ девизъ: «защищать конституцію».

«Начинаю съ New York Herald'a, какъ съ газеты, которая до сихъ поръ считалась благопріятствовавшею сецессионистамъ.

«Видя, что всыхнула наконецъ междоусобная война, торговый свѣтъ началъ заботиться о будущности страны (говоритъ New York Herald). Сколько мы знаемъ, всѣ наши капиталисты совершенно согласны въ томъ, что надо поддержать правительство. Каждый скорбитъ о страшномъ бѣдствіи, постигнувшемъ республику. Но не думаютъ нью-йоркскіе купцы и капиталисты заминать дѣло или уклоняться отъ отвѣтственности за него. Въ доставленіи средствъ къ войнѣ главная доля упадетъ на Нью-Йоркъ: наше биржевое общество принимаетъ эту обязанность, и исполнить ее. Это—рѣшимость всеобщая между нашими капиталистами, въ числѣ ихъ п тѣми, которые до сихъ поръ симпатизировали Югу. Если правительство станетъ исполнять свой долгъ, ему не нужно беспокоиться о деньгахъ. По мнѣнію нашихъ главныхъ банкировъ, если на издержки войны въ теченіе года понадобится 100 милліоновъ долларовъ, сверхъ обыкновенныхъ доходовъ правительства, сумма эта дана будетъ нью-йоркскою биржею на условіяхъ, никакъ не обременительныхъ тѣхъ, на какихъ Франція и Англія дѣлали займы въ русскую войну. Если для окончанія войны и для прекращенія раздора на вѣки понадо-

бится больше денегъ, будетъ дано больше. Сколько мы знаемъ нью-йоркскую биржу, она готова усердно и щедро поддерживать правительство.»

Послѣ этого корреспондентъ Times'a приводитъ выписки изъ другихъ газетъ умѣренной демократической и умѣренной республиканской партіи. Мы не имѣемъ надобности повторять ихъ здѣсь, выписанъ отрывокъ Herald'a, еще недавно съ ожесточеніемъ доказывавшей полную справедливость сецессионистовъ. Корреспондентъ Times'a продолжаетъ:

«Отвѣтъ народа на призывъ президента еще выразительнѣй. Массачусетсъ уже выставилъ свою долю войска, оно уже идетъ въ Вашингтонъ.»

Вспомнимъ, что это писано 16 апрѣля, а прокламація была издана 15; значитъ Массачусетсъ уже двинулъ свои войска въ походъ черезъ 24 часа по обнаруженіи прокламаціи предписывавшей формировку ихъ.

«Въ городѣ Нью-Йоркѣ споры между милиціонерами лишь изъ-за того, что въ походъ хотѣтъ идти гораздо больше людей, чѣмъ призывается. Съ запада извѣстія тѣ же самыя: повсюду являются волонтеры. Повсюду народъ горячностью отвѣчаетъ на призывъ, и если бы президентъ вмѣсто 75 тысячъ войска потребовалъ 500 тысячъ, я убѣжденъ, что собралось бы столько.

«Но съ другой стороны надобно думать, что точно такъ же дѣло идетъ и на Югѣ, у котораго впрочемъ меньше денегъ на организацію и содержаніе войска.

«Безполезны были бы попытки угадать будущее. Самый разумный и осммотрительный расчетъ обуславливается событіями и обстоятельствами, могущими въ одинъ мигъ разрушить его. Но мнѣніе биржи выразилось очень ясно. Фонды союзнаго правительства держатся въ цѣнѣ очень крѣпко. Такъ же хорошо держатся въ цѣнѣ фонды сѣверныхъ штатовъ; а фонды Виргиніи, Теннесси и Миссури, еще такъ недавно бывшіе любимыми бумагами биржи, чрезвычайно упали, потому что эти штаты колеблются между Союзомъ и сецессионистами.»

«Нью-Йоркъ, 19 апрѣля.

«Нынѣ ровно 86 лѣтъ тому, какъ сдѣланъ былъ первый выстрѣлъ войны за американскую независимость при Лексингтонѣ, въ Массачусетсѣ, на разсвѣтѣ знойнаго дня. Въ годовщину этого дня телеграфъ нынѣ сообщаетъ намъ о первой крови,—и по странному совпаденію также о массачусетской крови, пролитой въ новой войнѣ, начатой людьми, хотящими уничтожить все, полученное войною за независимость. Вотъ и началась фактически великая междоусобная война, въ возможность которой никто не вѣрилъ: пролита кровь, воспламенилась вражда. Виргинія отложила или скоро отложится, ведя за собою пограничныя невольническіе штаты; Кентукки, Теннесси, Арканзасъ и Сѣверная Каролина, по всей вѣроятности, послѣдуютъ за Виргиніей; Мерилендъ колеблется. Все общасть теперь войну между американскимъ правительствомъ и всею массою невольническихъ штатовъ, взявшихъ за оружіе, чтобы распространить рабство и уничтожить конституціонное правленіе.

«Лишь недѣля прошла нынѣ съ той поры, какъ генераль Борегаръ началъ нападеніе на фортъ Семтеръ. Въ одну недѣлю фортъ Семтеръ сдался, гарнизонъ его перевезенъ въ Нью-Йоркъ, самое существованіе его забыто въ быстромъ ходѣ событий. Ничтожный споръ чарльстонской пристани разросся въ великую междоусобную войну. Взятіе форта произвело на Нью-Йоркъ дѣйствіе неожиданное и потрясающее. Признаніе, я не былъ приготовленъ къ нему: зная, какъ робки предводители сѣверныхъ партій,—я говорю, разумѣется, о политической, а не о личной робости,—я не думалъ, что народное сердце бѣется такою любовью къ національному правительству. Но сильна въ немъ эта любовь, и результатъ изумилъ всѣхъ.

«Прокламація Линкольна, провозглашавшая войну и призывавшая вѣрные штаты прислать войска на защиту правительства, пробудила національную гордость и патрио-

тизмъ во всѣхъ сѣверныхъ штатахъ и съ такою же быстрою оттолкнула пограничные невольничьи штаты къ инсургентамъ. Съ той минуты всякое разногласіе между партіями въ сѣверныхъ штатахъ исчезло, и общее негодование на инсургентовъ стало такъ сильно, что опасно сдѣлалось кому нибудь обнаруживать симпатію къ Югу. Это чувство уже обнаруживалось въ Нью-Йоркѣ, когда я посылалъ къ намъ прошлое письмо. Но на другой день по его отправленіи, оно уже произвело восторженную манифестацію. 17 апрѣля прибыли въ Нью-Йоркъ первыя войска съ востока на пути въ Вашингтонъ, и объявлено было, что изъ нью-йоркскихъ полковъ первый пойдетъ на защиту столицы нашъ 7-й полкъ, гордость Нью-Йорка, полкъ, въ которомъ рядовые солдаты—сыновья первыхъ негодіантовъ, знаменитыхъ юристовъ, лучшихъ государственныхъ людей. Былъ свѣтлый апрѣльскій день, одинъ изъ тѣхъ дней свѣтлой американской атмосферы, которые остаются памяты каждому бывавшему въ Америкѣ. Весь городъ покрыли флаги, усѣянные звѣздами. Они развѣвались съ домовъ. Фестонами переполнялись они улицы; ими убраны были всѣ корабли на пристани; ими убраны были всѣ омнибусы и частныя экипажи. Кто не видаль этого, тотъ не можетъ вообразить себѣ, какъ быстро и энергично выказалась любовь народа къ національному знамени. Едва отплылъ массачусетскій полкъ, какъ узнали, что подходитъ къ берегу «Baltic» съ гарнизономъ форта Семтера и майоромъ Андерсономъ. Пристань въ минуту наполнилась народомъ, и сцена встрѣчи была восторженная.

«А нынѣ у насъ была сцена энтузіазма, какого я никогда не видывалъ. Въ 6 часовъ вечера отплывалъ въ Вашингтонъ 7-й полкъ. Было объявлено, что онъ выйдетъ изъ своего сборнаго мѣста въ 4 часа и пойдетъ на пристань по Broadway *). Въ 12 часу мы получили изъ Балтимора депеши, что тамъ идетъ стычка, что массачусетскія войска, отплывшія отсюда вчера, подверглись нападенію при проходѣ чрезъ Балтиморъ и пробиваются къ станціи вашингтонской желѣзной дороги. Теперь оказывается, что нападеніе на нихъ не имѣло такой организаціи, какъ мы сначала полагали; но все-таки они были принуждены стрѣлять, чтобы защититься. Можете вообразить, какъ отозвалось это извѣстіе въ душѣ отцовъ, матерей, сестеръ, братьевъ и друзей, прощавшихся съ близкими родственниками, отправлявшимися черезъ тотъ же враждебный городъ. Можете вообразить, какое чувство овладѣло всѣми. Я стоялъ у окна въ Metropolitan Hotel, на Broadway, откуда на цѣлыя двѣ мили видны улицы, по которымъ долженъ былъ проходить 7-й полкъ. Задолго до его появленія вся Broadway наполнилась толпою, — тутъ были одни только мужчины. Женщины стояли въ окнахъ и на кровляхъ. Рядомъ со мною у окна стояла вдова, единственный сынъ которой пошелъ въ рядовые въ 7-й полкъ. Она не могла не плакать, но все-таки благословляла его за то, что онъ идетъ въ походъ. Когда полкъ еще не показывался, я не понималъ, какъ онъ пройдетъ по улицѣ черезъ эту силошнюю массу. Но масса разступалась передъ полкомъ съ восторженными криками и снова смыкалась позади его. Не могу описать вамъ сцены, какую видѣлъ я, когда онъ поровнялся съ домомъ, гдѣ я былъ. Такого энтузіазма я никогда не видывалъ.

«Не думайте, что это минутное увлеченіе массы, не находящее себѣ отвѣта въ богатомъ классѣ. Вчера былъ митингъ нью-йоркскихъ негодіантовъ. Онъ былъ восторженъ и единодушенъ въ рѣшимости безусловно поддерживать правительство. Тутъ были люди всѣхъ политическихъ партій, были люди, прежде сочувствовавшіе Югу. Когда они предлагаютъ деньги, когда требуютъ отъ правительства войны, то можете быть увѣрены, что они не шутятъ. Вотъ рѣшенія, принятыя этимъ митингомъ:

« «Нью-йоркскіе негодіанты съ живымъ удовольствіемъ узнали рѣшимость президента всѣми средствами защищать правительственную власть и законъ. Забывая прежнія разницы политическихъ мнѣній, они единодушно общаются всѣми силами своими поддерживать кредитъ правительства и помогать его финансовымъ операціямъ. Они оплакиваютъ возникновеніе междоусобной войны, въ которую ввергнута страна безуміемъ Юга, но убѣждены, что и политическое благоразуміе и человѣколюбіе одинаково требуютъ самыхъ быстрыхъ и энергическихъ мѣръ,—потому они совѣтуютъ правительству немед-

*) Broadway—главная улица Нью-Йорка.

ленно принять такой сильный и непреодолимый образъ дѣйствій, чтобы на вѣки искоренена была измѣна. Экземпляры этихъ рѣшеній должны быть разосланы коммерческимъ палатамъ другихъ городовъ съ приглашеніемъ къ содѣйствію мѣрамъ, нужнымъ для усиленія правительственныхъ средствъ. Настоящій митингъ назначаетъ комитатъ изъ... (слѣдуютъ имена) для пособія правительству по военнымъ приготовленіямъ.»»

«Нью-Йоркъ, 24 апрѣля.

«Прошлое письмо мое оканчивалось демонстраціею въ честь 7 полка, отплывшаго въ Вашингтонъ. Возвращаюсь къ исторіи этого замѣчательнаго переворота въ народныхъ чувствахъ или, вѣрнѣе сказать, этого взрыва подавлявшихся чувствъ. Ни на какомъ языкѣ невозможно изобразить вполне это великое народное движеніе на защиту страны и ея учреждений, на избавленіе государства отъ внутренней анархіи. Маколей описывалъ, какъ вооружалась Англія, когда узнала о приближеніи Армады; но какъ ни живо его описаніе, оно холодно и мертво сравнительно съ пылкостью, одушевляющею всѣ сословія на Сѣверѣ. И не думайте, что этотъ духъ можетъ охладиться неудачами или медленностью первыхъ успѣховъ: повѣрьте не охладится. Если будутъ въ Вашингтонѣ неудачи, которыхъ и должно ждать, духъ, теперь возбужденный, только усилится и укоренится ими; а что онъ преодолѣетъ наконецъ все, что достигнетъ онъ торжества, заслуживаемаго его справедливостью, что Мерилендъ, Виргинія и всѣ другіе штаты, противящіеся правительству, будутъ неизбѣжно побѣждены,—въ этомъ никто здѣсь не сомнѣвается. Но возвращаюсь къ разсказу. Онъ остановился у меня на 19 числѣ, когда мы только-что узнали о нападеніи бальтиморской черни на массачусетскія войска. Съ той поры прошло лишь четыре дня, а мы какъ будто прожили много лѣтъ. Нью-Йоркъ, не дальше какъ за педѣлю бывший мирнымъ торговымъ городомъ, сталъ огромнымъ лагеремъ, въ которомъ каждый исполненъ военной пылкости и энтузіазма; торговля дѣла совершенно остановилась, прежніе раздоры прекратились; всѣ теперь готовы на защиту Союза.

«Въ субботу (20 апрѣля) мы узнали, что войска Новой Англіи прибыли моремъ въ фортъ Монро *), и теперь онъ достаточно защищенъ. Потерять этотъ важный пунктъ, значило бы потерять власть надъ Чизапикскимъ заливомъ. Но массачусетскій полкъ, исполнившій это дѣло, составляетъ лишь часть войскъ, уже посланныхъ этимъ небольшимъ штатомъ **). Другой массачусетскій полкъ уже проложилъ себѣ путь къ Вашингтону черезъ бальтиморскую черню. Вслѣдъ за этими двумя полками двинуты изъ Массачусетса еще три, съ быстротою, возбуждившею удивленіе и благородное соревнованіе въ другихъ штатахъ. Въ одномъ изъ этихъ полковъ есть рота, составленная изъ жителей Мербельгеда, рыбаковъ. Они были въ морѣ на ловлѣ, когда пришелъ въ ихъ городъ призывъ къ походу. Ихъ извѣстили по телеграфу, чтобы они вернулись и къ вечеру всѣ сборы ихъ были кончены и они уже были на дорогѣ въ Нью-Йоркъ. Энергія отряда изъ Конкордіи ***)) еще замѣчательнѣе. Люди эти были подняты съ постелей извѣщеніемъ губернатора позже 12 часовъ ночи, а съ первымъ утренимъ поѣздомъ они уже отправились. Если вѣспомнимъ, что всѣ эти отряды—мѣстная милиція, составленная преимущественно изъ людей рабочаго класса, занятыхъ постоянными мастерствами, и что она идетъ сражаться за родину не по сосѣдству съ своими домами, а за 500 миль, гдѣ теперь властвуетъ возстаніе, то можно будетъ хоть нѣсколько вообразить себѣ, какъ глубока въ этихъ людяхъ патріотическая энергія. Впрочемъ Массачусетсъ не удовольствовался тѣмъ, что послалъ свою регулярную милицію. Онъ кромѣ того организовалъ и отправилъ другіе вновь набранные отряды. Я видѣлъ одинъ изъ нихъ. Волонтеры, его составляющіе, еще рекруты, но это съ излишкомъ вознаграждается превосходнымъ ихъ вооруженіемъ,

*) На южной половинѣ виргинскаго берега, при входѣ въ Чизапикскій заливъ.

**) Массачусетсъ имѣетъ только 367 кв. миль; но его населеніе простирается до 1,231,000 человекъ, то есть больше блага населенія Виргиніи, самаго сильнаго изъ невольническихъ штатовъ; она имѣетъ только 1,105,000 человекъ блага населенія. Читатель знаетъ, что въ Массачусетсѣ лежитъ Бостонъ, главный городъ всей Новой Англіи, которая имѣетъ болѣе 3,100,000 жителей и проникнута духомъ аболіціонизма.

***)) Конкордія—городъ того же массачусетскаго штата.

умственным развитіемъ и рѣшимостью, такъ что отрядъ очень хорошъ. Командиръ ихъ увѣрялъ меня, что всѣ они набраны, вооружены, экипированы и перевезены въ Нью-Йоркъ въ трое сутокъ. Отсюда они отправляются моремъ въ Аннаполисъ. Нѣкоторые другіе штаты Новой Англіи дѣйствуютъ съ такой же быстротой. Маленькій штатъ Родъ-Айлендъ, отправивъ превосходный отрядъ кошной артиллеріи, собралъ и на свой счетъ отправилъ моремъ пѣхотный полкъ, составленный почти исключительно изъ людей состоятельныхъ, занимающихъ видное положеніе въ обществѣ и командуемый лично самимъ губернаторомъ. Пенсильванія дѣятельно собираетъ войска, но нѣтъ у ней запасовъ оружія, которыхъ лишило ее предательство заговорщиковъ, управлявшихъ при Бухананѣ Соединенными Штатами. Западъ такъ же дѣятельно вооружается, но подробностей я еще не могу сообщить вамъ, потому что здѣсь все вниманіе поглощено опасностью, угрожающею Вашингтону и восторженными сценами въ самомъ Пью-Йоркѣ. Объ этихъ сценахъ я постараюсь дать вамъ понятіе, начиная свой рассказъ съ субботы (20 апрѣля). Наканунѣ отправился изъ Нью-Йорка 7-й полкъ, а въ этотъ день прибылъ массачусетскій полкъ и былъ быстро отправленъ далѣе въ Филадельфію, при крикахъ восторженной толпы. Казалось, что въ этотъ день были брошены каждымъ всѣ его личныя дѣла для общественныхъ. Знамена, развѣвавшіяся наканунѣ съ домовъ, размножились во сто разъ къ этому дню и развѣвались почти изъ каждого окна. Почти у каждого мужчины былъ на груди значокъ изъ національных цвѣтовъ—краснаго, бѣлаго и синяго. Почти у каждой дамы былъ уборъ также съ этими цвѣтами. Лавки и конторы опустѣли; на перекресткахъ и у газетныхъ конторъ толпился народъ, жадно спрашивавшій о послѣднихъ извѣстіяхъ съ Юга, потому что были слухи (къ вечеру они подтвердились), что мосты по желѣзнымъ дорогамъ около Балтимора сожжены и Нью-Йоркъ отрѣзанъ отъ сообщеній съ Вашингтономъ. Къ двумъ часамъ дня толпы стали сосредоточиваться къ центру города, и къ тремъ часамъ великолѣпная Broadway была такъ наполнена народомъ, что трудно было прохъать экипажу. Огромный митингъ на защиту Союза происходилъ въ 3 часа на Союзной Площади. Я видѣлъ въ Европѣ много громаднхъ собраній народа: открытіе всемірной выставки, ея закрытіе, похороны герцога Вашингтона; торжество раздачи орловъ войскамъ въ Парижѣ; но нигдѣ я не видѣлъ такого огромнаго, такого одушевленнаго многочисленнаго и такого серьезнаго порядка, какъ въ субботу на Союзной Площади. Тутъ было все населеніе огромнаго Нью-Йорка, понимавшаго важность событій и готоваго поддерживать Союзъ, которому онъ обязанъ своимъ величіемъ. Патриотизмъ и энтузіазмъ массы побѣдилъ ея предводителей, и у двохъ изъ нихъ, недѣли три тому назадъ бывшихъ сепаратистами, вынудилъ сильныя рѣчи въ пользу безотлагательной и энергической войны. Я сталъ на такомъ мѣстѣ, что мнѣ видна была вся великолѣпная площадь: она была вся набита людьми; тутъ было не меньше 150 тысячъ человѣкъ. На площади находится статуя Вашингтона. Въ руку ей вложили изстрѣлянное знамя, развѣвавшееся надъ фортомъ Семтеромъ; видя горячій, но вмѣстѣ спокойный энтузіазмъ одушевлявшій всѣхъ, слыша крики, которыми отзывался народъ на всякое обращеніе ораторовъ къ этому знамени, и при каждомъ требованіи войны вылеталъ живой отвѣтъ изъ груди массы, я чувствовалъ, что и республиканцы и демократы ошибались въ этомъ народѣ, что Югъ дѣйствительно «обманутъ»; горько, страшно обманутъ», по выраженію одного изъ ораторовъ. Я видѣлъ новую надежду, новую будущность для Американскаго Союза: оживленный этимъ духомъ, онъ выйдетъ изъ своихъ нынѣшнихъ опасностей, очистившись ими.

«Въ разныхъ мѣстахъ огромной площади было поставлено нѣсколько эстрадъ для ораторовъ; въ всѣхъ эстрадъ и съ нѣсколькихъ импровизированныхъ трибунъ въ сосѣднихъ улицахъ говорились рѣчи.

«Въ субботу вечеромъ городъ волновался извѣстіями съ Юга. Корридоры большихъ нью-йоркскихъ гостиницъ были наполнены людьми, разсуждавшими о событіяхъ дня, ждавшихъ извѣстій, которыя отъ времени до времени появлялись на доскѣ телеграфическихъ депешъ (въ большой нью-йоркской гостиницѣ обыкновенно бываетъ телеграфическая контора).

«Прекрасное, мягкое утро апрѣльского дня въ воскресенье началось маршемъ массачусетскаго полка черезъ городъ. Непохожъ былъ этотъ день на обыкновенныя тихія нью-йоркскія воскресенья: три полка города Нью-Йорка, массачусетскій полкъ, родъ-

айленскій полкъ должны были отплыть вечеромъ въ Аннаполисъ (въ эту минуту они должны быть уже тамъ). Одинъ изъ нихъ, 71 нью-йорскій полкъ, соперничествуетъ съ 7-мъ полкомъ «овершепствомъ дисциплины и тактическаго обученія. Въ другомъ, 12-мъ нью-йорскомъ полку прежніе рядовые превосходно обучены; но число новобранцевъ въ немъ больше, чѣмъ прежнихъ милиціонеровъ, и хотя эти рекруты вообще молоды, крѣпкіе люди, но имъ еще надобно учиться. Послѣдняго изъ трехъ нью-йорскихъ полковъ, 6-го, я не видѣлъ. Энтузіазмъ простонародья былъ теперь еще сильнѣе, чѣмъ при отправленіи 7 полка. День былъ теплый, окна можно было отворить, не боясь холоднаго зимняго вѣтра. Въ два дня передъ этимъ удивительно выросъ урожай знаменъ; а воскресенье—праздникъ, простолюдины были нарядны и больше въ толпѣ было женщинъ въ платьяхъ свѣтлыхъ цвѣтовъ. Потому энтузіазмъ не имѣлъ грустнаго оттѣнка, съ какимъ отчасти представлялся при демонстраціи 19 апрѣля.

«На слѣдующій день (22 апрѣля, въ понедѣльникъ) около 12 часовъ мы получили извѣстія изъ Вашингтона. Курьеръ, который привезъ ихъ, пробрался нереодѣтымъ. По его словамъ, Вашингтонъ былъ въ опасности (позднѣйшія извѣстія заставляютъ сомнѣваться въ этомъ). Вечеромъ былъ митингъ нью-йорскихъ адвокатовъ и судей для формальнаго выраженія ихъ сочувствія правительству. Какой энтузіазмъ, какую рѣшимость ни видѣлъ я между простолюдинами на улицахъ, но адвокаты и судьи превзошли самихъ простолюдиновъ. Чтобы вы могли нѣсколько понять, каковы чувства образованныхъ сословій, я расскажу вамъ нѣкоторые изъ эпизодовъ этого митинга, который будетъ историческимъ событіемъ въ ходѣ нынѣшняго кризиса. Главный судья верховнаго суда былъ приглашенъ занять предсѣдательское кресло. Онъ демократъ, онъ въ оппозиціи правительству, но сынъ у него поступилъ рядовымъ въ 7 полкъ. Изъ семи вице-президентовъ митинга шестеро были люди, вотиновавшіе на президентскихъ выборахъ противъ Линкольна; изъ 4 секретарей трое также вотивовали тогда противъ Линкольна; вѣроятно вотивовали противъ него три четверти изъ числа всѣхъ присутствовавшихъ. Но тѣмъ не менѣе они съ восторженными аплодисментами приняли рядъ рѣшеній, изъ которыхъ я приведу лишь одно для образца:

««Мы будемъ исполнять за каждаго судью или адвоката, служащаго въ арміи или флотѣ Соединенныхъ Штатовъ, обязанности и дѣла, ему порученныя, съ предоставленіемъ ему всего дохода и безъ всякихъ тратъ для него.»» Митингъ вотивовалъ собрать сумму на пособіе тѣмъ адвокатамъ, которые пойдутъ въ волонтеры, и въ нѣсколько минутъ была собрана отъ присутствовавшихъ сумма болѣе 5,000 ф. стерлинговъ. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нью-йорскихъ адвокатовъ, первый записывая въ этомъ списокѣ свое имя, что жертвуетъ 500 долларовъ, сказалъ, что полгода тому назадъ умеръ у него старшій сынъ, но оставалось еще двое и оба они отправились третьяго дня въ ряды 71 полка. Многіе другіе, записывая свои пожертвованія, говорили, что уже отправили своихъ сыновей на войну,—вы понимаете, отправили на войну не офицерами, а простыми рядовыми. Одинъ сказалъ, что отправилъ своего племянника и своего пріемнаго сына. Одинъ изъ судей, служившій прежде офицеромъ въ милиціи, сказалъ, что онъ отправляется самъ и что должность его взялся исполнять его товарищъ. Другой адвокатъ сказалъ, что онъ подписать пожертвованія не можетъ, потому что его сынъ и соучастникъ его фирмы уже отправились въ походъ и онъ общалъ содержать ихъ семейства. Слова эти произносились не въ духѣ похвалы,—это были слова спокойныхъ, твердыхъ, мужественныхъ людей, говорившихъ правду, отъ полноты сердца, и рѣчи ихъ глубоко дѣйствовали на всѣхъ слышавшихъ. Когда такіе люди посылаютъ своихъ сыновей и племянниковъ рядовыми сражаться за отечество и щедро даютъ деньги болѣе бѣднымъ лицамъ своего званія въ помощь при вооруженіи, то видишь, что они не шутятъ, и что страна, граждане которой дѣлаютъ такіе жертвы, можетъ быть увѣрена въ развѣзкѣ дѣла, хотя бы въ началѣ его и встрѣтились неудачи по недостаточности приготовленій.

«Вчера возобновились сцены, бывшія въ воскресенье. Три нью-йорскіе полка,—8, 13 и 69, отплыли въ Аннаполисъ; такимъ образомъ, менѣе, чѣмъ въ одну недѣлю отправились изъ Нью-Йорка въ Вашингтонъ болѣе 10,000 человекъ. 8 полкъ—одинъ изъ лучшихъ полковъ нью-йорской милиціи. 69 полкъ составляютъ ирландцы, не хо-

тѣвшіе встрѣчать принца Уэльскаго. Эту невѣжливость противъ прежняго своего знамени они загладили теперь преданностью новому. Явилось 6,500 человекъ волонтеровъ, желавшихъ поступить въ этотъ полкъ, который долженъ былъ имѣть только 1,000 человекъ. Вся Broadway была усыпана прландскими служанками, вышедшими проводить своихъ соотечественниковъ, и восторженность ихъ, какъ вы сами угадаете была безгранична.»

«27 апрѣля.

«Послѣдніе трое сутокъ прошли у насъ довольно спокойно по сравненію съ прежними днями. Тишина приготовленія и работы замѣнила горячку перваго волненія. Новыхъ полковъ въ эти дни не отправлялось. Вашингтонъ, бывшій дня четыре отрѣзанъ отъ сообщеній съ Сѣверомъ, теперь занятъ нью-йоркскими и массачусетскими полками, посланными отсюда 19, 20, 21 и 22 числа. Гарнизонъ форта Монро сильно подкрѣпленъ и входъ въ Чизапикскій заливъ оберегается. У правительства тамъ столько военныхъ судовъ, что инсургенты не могутъ показаться туда; а оградивъ отъ опасности Вашингтонъ и Чизапикскій заливъ, мы имѣемъ теперь время поосмотрѣться, сообщить, сколько потеряно и сколько выиграно нами въ первую недѣлю войны и каково положеніе воюющихъ сторонъ.

«Президентъ призываетъ 75.000 человекъ войска. Ему будетъ дано больше. Около 10.000 войска уже послано въ Вашингтонъ изъ Нью-Йорка; еще тысячи двѣ человекъ были отправлены въ Чизапикскій заливъ прямо изъ Бостона моремъ. Сверхъ того были посланы войска изъ Пенсильваніи, но сколько именно, я не умѣю сказать, потому что пенсильванскіе полки вооружаясь передвигались по разнымъ арсеналамъ. Массачусетскіе пошлетъ еще новыя войска. Онъ теперь посылаетъ два полка. Народъ отвѣчаетъ на призывъ президента съ большимъ усердіемъ, и волонтеры платятъ деньги за то, чтобъ ихъ приняли. Гнѣвъ на бальтиморцевъ очень силенъ въ Массачусетсѣ. Когда одинъ изъ массачусетскихъ полковъ проходилъ чрезъ Нью-Йоркъ, изъ толпы спросили одного рядового, куда они идутъ. «Сдѣлать поискъ о двухъ недостающихъ товарищахъ» *). Президентъ кажется проникнуть тѣмъ же духомъ. Другіе штаты Новой Англіи не отстаютъ отъ Массачусетса. Маленькій Вермонтъ, въ которомъ населеніе только 300 тысячъ, назначилъ на войну 1,000 долларовъ и уже выслалъ полкъ, а другой маленький штатъ Родъ-Айлендъ, который еще меньше Вермонта, сдѣлалъ еще больше. Городъ Нью-Йоркъ продолжаетъ приготовленія въ огромномъ размѣрѣ. На одномъ краю города выстроены у насъ лагерь для двухъ полковъ, три полка уже стоятъ лагеремъ въ другомъ концѣ и еще два въ третьемъ лагерѣ. Устраивается четвертый лагерь. Кромѣ того уже организованъ полкъ зуавовъ изъ нью-йоркской пожарной команды, и могу сказать безъ преувеличенія, что въ прибавокъ къ 8 тыс. регулярной милиціи города Нью-Йорка, уже отправившимся въ Вашингтонъ, и семи полкамъ, стоящимъ лагерями въ городѣ, уже сформировано еще по крайней мѣрѣ 6 тыс. человекъ изъ одного города Нью-Йорка (говорю: «по крайней мѣрѣ» потому, что съ точностью, разумѣется, нельзя знать числа), а между тѣмъ постоянно записываются новыя волонтеры и организуются новыя полки. Не менѣе усердны люди, которымъ нельзя идти въ походъ, и дамы. Подъ управленіемъ знаменитѣйшихъ нью-йоркскихъ хирурговъ быстро формируется госпитальная часть арміи. Множество комитатовъ энергически заботится о заготовленіи платя, лекарствъ и другихъ вещей для войска. Капиталисты, которымъ нельзя идти на войну, не уступаютъ никому въ патриотизмъ. Деньги льются рѣками на всѣ надобности. Какой нибудь полкъ долженъ только объявить, въ чемъ у него недостатокъ, онъ тотчасъ снабжается всѣмъ. Дѣла по сбору и расходованію денегъ сосредоточиваются въ «центральному комитатѣ» приверженцевъ Союза; члены этого комитата—важнѣйшіе нью-йоркскіе негодіанты. Одинъ изъ гражданъ, Эсторъ, уже пожертвовалъ 22 тыс. долларовъ; многіе другіе уже дали по 5, 10 и 15 тысячъ. Каждый понимаетъ, что война теперь за существованіе націи, и каждый готовъ жертвовать всѣмъ, чтобы не стерлась ни одна

*) То есть о двухъ массачусетскихъ милиціонерахъ, убитыхъ въ Бальтиморѣ.

звѣзда съ національнаго флага. Энергія, которой съ самаго начала охарактеризовались дѣйствія нью-йоркскихъ негоціантовъ, начинать обнаруживать свое дѣйствіе въ Вашингтонѣ, и я не боюсь предсказать, что уже не будутъ теперь сжигаемы корабли для спасенія ихъ отъ захвата инсургентами. Правительство наняло всѣ или почти всѣ американскіе пароходы, бывшіе въ Нью-Йоркѣ, чтобы употребить ихъ на военныя дѣйствія или на перевозку войскъ. Нью-Джерси извѣщаетъ, что всѣ четыре полка его контингента уже готовы. Войска изъ глубины нью-йоркскаго штата также готовы. Одинъ городъ Нью-Йоркъ предлагаетъ больше войскъ, чѣмъ требовалось отъ дѣла нью-йоркскаго штата. Впрочемъ они еще пригодятся, потому что президентъ скоро сдѣлаетъ новый призывъ. Пенсильванія, отъ которой требуется 20 тыс. войска, уже предлагаетъ 30 тыс. По извѣстіямъ съ Запада дѣло тамъ идетъ живо. Огайо, Индіана, Иллинойсъ предложить больше войскъ, чѣмъ требуется отъ нихъ. Говорятъ, что эти войска будутъ оставлены на Западѣ. Часть ихъ, конечно, будетъ назначена для обороны Каира, при впаденіи рѣки Огайо въ Миссисипи. Я пишу вамъ наскоро, чтобы не опоздать на почту, и успѣлъ указать лишь главные факты. О Югѣ мы, разумѣется, мало имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Инсургенты хотѣли занять своими войсками Балтиморъ и надѣялись, что города Филадельфія и Нью-Йоркъ станутъ на ихъ сторонѣ. Отъ неожиданнаго единодушія Сѣвера и быстроты, съ какою нью-йоркскія войска поспѣшили на призывъ правительства, планъ этотъ разрушился и линія рѣки Потамака *) остается въ рукахъ правительства.

«Нью-Йоркъ, 30 апрѣля.

«Третьяго дня Herald напечаталъ списокъ суммъ, пожертвовавшихъ на Сѣверѣ для веденія войны,—кромѣ огромныхъ пожертвованій, сдѣланныхъ въ пользу того или другаго полка и съ тому подобными частными назначеніями. Огромность этой суммы удивить cadaго, думавшаго, что обнаружатся на Сѣверѣ разногласія, какъ начнется война. Итогъ безусловныхъ пожертвованій по списку Herald'a—11,239,000 долларовъ (болѣе 15 милліоновъ рублей серебромъ) **).

«Достойна вниманія та народная организація, содѣйствіемъ которой собрано это огромное количество денегъ и приняты чрезвычайныя мѣры для веденія войны. Мало представляетъ исторія учреждений, равняющихся этой организаціи бодростью и успѣшностью дѣйствій. Прошло только двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ президентъ провозгласилъ военное положеніе. Два дня послѣ того было употреблено, чтобы распределить, сколько отъ какого штата требуется войскъ; потомъ произошли безпорядки въ Балтиморѣ и пять дней народъ сѣверныхъ штатовъ былъ отрѣзанъ отъ всякихъ сношеній съ своимъ правительствомъ. А между тѣмъ, несмотря на всѣ эти препятствія, было, кромѣ войскъ, отправленныхъ другими штатами, послано отъ 10 до 12 тыс. войска изъ города Нью-Йорка, и всѣ они были уже вполнѣ вооружены и приготовлены къ дѣлу; а больше чѣмъ половина этихъ людей еще и не была внесена въ списки дней за 10 передъ тѣмъ, а за двѣ недѣли передъ тѣмъ всѣ эти люди мирно занимались своими дѣлами. Войска, находящіеся теперь въ Вашингтонѣ, должны были бороться съ затрудненіями, которыя были бы тяжелы и для старыхъ солдатъ. Одному полку пришлось пробиваться чрезъ балтиморскую чернь. Знаменитый 7-й нью-йоркскій полкъ (въ которомъ всѣ рядовые—джентльмены) шелъ изъ Аннаполиса въ Вашингтонъ, поправляя полотною желѣзной дороги, испорченное сецессионистами, а полкъ, составленный изъ лозльскихъ машинныхъ работниковъ, чинилъ между тѣмъ машины и поправлялъ мосты. Денегъ собирается больше, чѣмъ пока нужно, и уже заготовлены большіе запасы ихъ на будущія надобности. Снабженъ гарнизономъ фортъ Монро и отправленъ въ Европу агентъ для

*) На которой стоитъ Вашингтонъ.

**) Мы отъ себя замѣтимъ, что по словамъ самого Herald'a этотъ списокъ пожертвованій не полонъ и относительно тѣхъ штатовъ, которые вошли въ него; а вошли въ него далеко не всѣ сѣверные штаты: изъ западныхъ штатовъ Herald имѣлъ свѣдѣнія о пожертвованіяхъ почти только въ одномъ Уисконсинѣ. Такимъ образомъ лишь въ одной половинѣ сѣверныхъ штатовъ, въ теченіе какихъ нибудь 10 дней, пожертвованія простирались болѣе, чѣмъ до 15 милліоновъ рублей серебромъ.

закупки оружія. Исполнительная власть, которая сдѣлала все это, устроилась такимъ образомъ: при первомъ извѣстїи о взятїи форта Семтера, нью-йоркскіе граждане, дѣйствуя черезъ свою торговую палату, назначили комитатъ «для защиты Союза» *). Городское управленіе признало комитатъ и назначило въ его распоряженіе миллионъ доллоровъ. Правительственные Соединенныхъ Штатовъ дѣйствуютъ по согласію съ этимъ комитатомъ, такъ что комитатъ и правительство взаимно сообщаютъ другъ другу о всѣхъ своихъ расходахъ и распоряженіяхъ. Такимъ образомъ правительство въ критическую минуту пользуется содѣйствіемъ лицъ, замѣчательныхъ дарованіями въ практическомъ веденїи дѣлъ. Мнѣ кажется, что безъ такого комитата правительство было бы парализовано,—по крайней мѣрѣ много было бы надобно ему времени, чтобы дойти до нынѣшней здоровой энергіи въ сецессионной атмосферѣ Вашингтона. Теперь комитатъ занятъ распоряженіями по отправкѣ 75,000 войскъ, которыя должны идти чрезъ Нью-Йоркъ. Но онъ нашелъ время хлопотать объ учрежденіи подобныхъ организацій въ другихъ штатахъ, городахъ и деревняхъ. Онъ думаетъ, что подобный комитатъ долженъ устроиться въ каждомъ округѣ и городѣ свободныхъ штатовъ, чтобы содѣйствовать центральному комитату. Нью-Йоркъ, по своему положенію и богатству, во всю войну долженъ остаться центромъ всѣхъ исполнительныхъ мѣръ, и какъ увеличилась сила свободныхъ штатовъ отъ этого комитата! Результатъ уже замѣтенъ въ томъ, что мериландскіе сецессионисты поколебались, а кентуккійскіе и виргинскіе встревожены. Прискорбна будетъ неизбежная участь пограничныхъ невольническихъ штатовъ, если они будутъ продолжать противиться правительству. Мериландъ уже падаетъ духомъ. Его законодательное собраніе не вотируетъ отпаденіе Союза, а частныя письма изъ Балтимора увѣряютъ насъ, что онъ будетъ держать себя смирно. Виргинія захотѣла соединить свою судьбу съ отложившимися штатами; но испуганный силою правительства, губернаторъ ея говоритъ, что не имѣетъ мысли нападать на вашингтонское правительство. Оно наконецъ стало единодушно въ рѣшимости вести войну энергически. Я прямо отъ вышнихъ его членовъ знаю, что оно «пойдетъ впереди народа». Всѣ мысли объ уступкахъ брошены. Члены правительства просили меня увѣрить васъ, что дадутъ миръ лишь тогда, когда отберутъ отъ инсургентовъ всѣ захваченныя ими крѣпости, деньги и корабли Соединенныхъ Штатовъ и возстановятъ власть вашингтонскаго правительства надъ всѣмъ союзомъ.

«Изъ войскъ, собираемыхъ по первой прокламаціи президента, 18-тысячъ уже въ Вашингтонѣ, 5 тысячъ въ Аннаполисѣ **), 4 тыс. ѣдутъ черезъ Мериландъ изъ Пенсильванїи, а 2 тысячи вчера отплыли изъ Нью-Йорка моремъ. Такимъ образомъ послѣзавтра къ вечеру, генераль Скоттъ будетъ имѣть въ Вашингтонѣ около 30 тысячъ войска. Изъ нихъ 5 тысячъ будутъ стоять въ Аннаполисѣ, который будетъ укрѣпленъ, и вся линїя желѣзной дороги изъ Аннаполиса въ Вашингтонъ будетъ занята войсками. Если Балтиморъ не покорится мирно, онъ будетъ усмирень военными средствами, потому что для похода на югъ необходимо владѣть этимъ городомъ, гдѣ производится большая торговля хлѣбомъ и существуютъ машинныя фабрики: инсургенты получали изъ Балтимора продовольствіе, пушки и артиллерійскіе снаряды. Президентъ призвалъ еще 75 тысячъ войска, такъ что теперь создается 150 тысячъ съ прежними 75 тысячъ. Генераль Вуль, командующій въ нью-йоркскомъ штатѣ, говоритъ, что, если нужно, будетъ и вторе больше войска. Кромѣ войскъ, уже отправленныхъ, въ одномъ городѣ Нью-Йоркѣ формируется еще 19 полковъ; они почти уже готовы къ походу. Одинъ изъ нихъ, называющійся «Горнымъ-Шотландскимъ», весь составленъ изъ шотландцевъ или ихъ дѣтей, родившихся въ Америкѣ. Нынѣ я видѣлъ этотъ полкъ на учены; онъ очень хорошъ. Есть у насъ нѣмецкіе полки, отличный французскій полкъ и англійскій полкъ. Привязанностью къ Союзному правительству переселенцы не уступаютъ природнымъ американцамъ. Изъ полковъ, отправлявшихся вчера, особенно замѣчателенъ Пожарный-Зуавскій полкъ, составленный изъ отборныхъ людей нью-йоркской пожарной команды: по атлетической силѣ сол-

*) Въ одномъ изъ переведенныхъ нами писемъ уже было разсказано о митингѣ негоднатовъ, назначившемъ этотъ комитетъ.

**) Ближайшая къ Вашингтону гавань, въ которой высаживаются войска, отправляемая изъ Нью-Йорка на Югъ моремъ. Аннаполисъ лежитъ въ Мериландѣ.

дать нѣтъ, я думаю, въ арміяхъ цѣлаго міра такого полка: каждый въ немъ богатырь испытаннаго мужества. Вся пожарная команда нью-йоркская собралась вчера провожать товарищей на пароходъ, и, если бы я думалъ, что вы не утомлены моими разсказами о прежнихъ демонстраціяхъ, я описалъ бы вамъ эту, которая многочисленностью и блескомъ превосходила всѣхъ прежнія. Изъ глубины нью-йоркскаго штата сообщаютъ, что сѣльское населеніе такъ же взволновано и войска его сходятся въ Эльмирѣ *). Войска штата Огайо собираются подъ командою генерала Макъ-Клелланда, искусство котораго генералъ Скоттъ цѣнить чрезвычайно высоко. Въ Огайо явилось волонтеровъ слишкомъ вдвое больше, чѣмъ требовалось Пенсильванія въ теченіе полутора мѣсяца пошлетъ въ походъ 50 тысячъ войска, превосходно вооруженнаго; многіе полки вооружены штуцерами Миппе и энфильдскими; подъ командою генерала Паттерсона они впервые двинутся въ отложившіеся штаты.

«Что дѣлается на Югѣ, — разумѣется, я не могу разсказать вамъ въ точности. Здѣсь полагаютъ, что сецессіонистская горячка охладѣваетъ въ Георгіи, Алабамѣ и Луизианѣ, а въ Сѣверной Каролинѣ, Теннесси и Виргиніи она свирѣпствуетъ. Кажется, что сильныя лекарства, приложенныя къ Мериланду, уже излечили его. Здѣсь надѣются, что ни Кентукки, ни Миссури не будутъ заражены болѣзнью. Если же заразятся, то задача правительства нѣсколько затруднится, но конецъ будетъ таковъ же.»

Извѣстія, помѣщаемыя въ Times'ѣ, получаютъ здѣсь нѣсколькими днями позже, чѣмъ сообщаемыя нѣмецкими газетами; въ нумерахъ Times'а находящихся у насъ, нью-йоркская корреспонденція доходитъ только до 30 апрѣля, а въ газетахъ, издаваемыхъ ближе къ намъ, есть уже письма болѣе поздняго времени. Потому продолжаемъ разсказъ Times'а слѣдующимъ письмомъ нью-йоркскаго корреспондента газеты «National Zeitung». Оно отправлено изъ Америки 13 мая, т. е. двумя недѣлями позднѣе послѣдняго изъ переведенныхъ нами писемъ Times'а.

«Приготовленія къ великой битвѣ, которая должна рѣшить судьбу американскаго континента, все еще не кончены. Главнокомандующій войсками Союза, Скоттъ, думаетъ, что союзное правительство непременно должно одержать побѣду въ первой же битвѣ, чтобы война не затянулась. Потому онъ двинется впередъ лишь тогда, когда будетъ имѣть громадный перевѣсъ въ силахъ. Говорятъ, онъ хочетъ выступить не меньше, какъ съ арміею въ 50 тысячъ и съ резервомъ такой же силы. Впрочемъ, ждать этого времени недолго. Около Вашингтона собралось уже 30 тысячъ войска; между Вашингтономъ и Пенсильваніею еще отъ 15 до 20 тысячъ. — Виргинскія гавани уже совершенно блокированы; уже блокируются и нѣкоторыя изъ болѣе южныхъ гаваней, напримѣръ, Чарльстонская и Саваннская. Провозъ оружія и провіанта въ возмущившіеся штаты по сухому пути успѣшно прекращенъ. — Суммы добровольно пожертвованныя (т. е. подаренныя, а не данныя займы) корпораціями и частными лицами въ теченіе одного мѣсяца, простираются почти до 30 милл. долларовъ (около 40 милл. р. сер.). Размѣръ этихъ пожертвованій на войну покажется еще громаднѣе, если сообразить, какимъ ужаснымъ убыткамъ подверглись свободные штаты отъ безстыднаго банкротства возмущившихся штатовъ. Какъ все возстаніе съ самаго начала было основано на грабежѣ, воровствѣ, и обманѣ, такъ оно теперь логически дошло до отказа отъ всѣхъ частныхъ долговъ. Губернаторы возмущившихся штатовъ объявляютъ публично въ своихъ прокламаціяхъ, какъ непреложный принципъ международнаго (въроятно центрально-африканскаго) права, что при войнѣ между двумя странами всѣ частныя долги жителей одной страны жителямъ другой — уничтожаются. Этого мало: намекается даже, что если южный должникъ платитъ долгъ сѣверному кредитору, онъ совершитъ этимъ актъ предательства и будетъ наказанъ, какъ измѣнникъ. Потери, понесенныя черезъ то негодіантами сѣверныхъ штатовъ, простираются до 100 милл. долларовъ.

«Да и вообще «образецъ наивысшей цивилизаціи», какъ называетъ себя Югъ, отличается прекрасными вещами. Въ поощреніе благороднымъ крейсерамъ монтгомерійскій

*) Эльмира лежитъ въ срединѣ линіи, составляющей южную границу Нью-Йоркскаго штата; въ этомъ городѣ сходятся желѣзныя дороги, перерѣзывающія нью-йоркскій штатъ и продолжающіяся на Югъ непрерывною линіею чрезъ Пенсильванію и Мериландъ до самаго Вашингтона.

конгрессъ назначилъ 20 долларовъ преміи за *убійство* каждаго лица, захваченнаго на военномъ кораблѣ Соединенныхъ Штатовъ, и 25 долларовъ за доставленіе живаго плѣнника. Разница въ 5 долларовъ установлена не изъ гуманности, — надъ такими слабостями возвысились американскіе дагомейцы. — а для того, чтобы пользоваться живыми плѣнниками, какъ заложниками... А быть можетъ и то, что по африканскому международному праву плѣнниковъ хотѣть продавать въ рабы. Не смѣйтесь, дѣло это не совсѣмъ нечестно. Нѣсколько недѣль тому назадъ крейсера инсургентовъ захватили транспортный пароходъ союзнаго правительства *Star of the West*; на немъ находились три свободные негра (матросъ, поваръ и боцманъ). Они были отправлены изъ Техаса вмѣстѣ съ другими военнопленными на сѣверъ; но въ Монтгомери, резиденціи султана Джефферсона Девиса, ихъ отдѣлили отъ товарищей, продали съ публичнаго торга въ рабы, и покупщики тотчасъ же увели ихъ связанными на плантаціи. Они были свободные люди, военнопленные, которыхъ по условіямъ капитуляціи слѣдовало возвращать на родину въ сѣверные штаты.

«Когда ежедневно происходятъ подобныя постыдныя дѣла въ этомъ пандемоніумѣ, называемомъ Конфедерированными Штатами, когда ежедневно совершаются насилія, грабежи и убійства подозрительныхъ людей цѣлыми тысячами, — то разумѣется, что на Сѣверѣ энергичскіе люди получаютъ перевѣсъ надъ педантами. При извѣстїи, что инсургенты снаряжаютъ крейсеровъ, самые консервативные демократы на Сѣверѣ стали думать, что на такую низость надобно отвѣчать возмущеніемъ негровъ. Но правительство еще отвергаетъ мысль о такомъ возмездїи. Уже въ то время, когда инсургенты шли на Вашингтонъ, вашингтонская полиція выдала въ Виргинію бѣглаго невольника! Въ Каннадѣ, Филадельфіи и Бостонѣ формировалось изъ негровъ столько батальоновъ, что изъ нихъ составила бы цѣлая бригада; они предлагали правительству свои услуги, которыя состояли бы преимущественно въ призывѣ южныхъ негровъ къ оружію. Но правительство съ глубокимъ нравственнымъ ужасомъ отвергло такое предложеніе, — отвергло въ тотъ самый день, когда было обнаружено, что инсургенты въ Мерилендѣ пытались отравить цѣлый батальонъ союзныхъ войскъ подмѣсю стрихнина въ пищу! Удивительно ли, что на Югѣ привыкли считать сѣверныхъ людей малодушными трусами, не способными къ сильнымъ страстямъ и энергическимъ дѣламъ, «золотушную сволочью», какъ теперь выражаются южныя газеты.

«Миссури — невольническій питъ, но «золотушная сволочь» выказала тамъ энергію. Въ Сентъ-Луисѣ нѣмцы сформировали изъ себя шести-тысячное войско, и оно взяло въ плѣнъ толпу инсургентовъ въ числѣ 800 человекъ, занимавшихъ важнѣйшій пунктъ города въ сообщничествѣ съ губернаторомъ Миссури, сецессионистомъ. Нѣмцы окружили 10 мая лагерь инсургентовъ, поставили противъ нихъ 4 батареи и потребовали безусловной сдачи отъ своихъ противниковъ. Разумѣется, инсургенты сдались, были обезоружены и арестованы. Партизаны ихъ изъ горожанъ напали потомъ на нѣмцевъ, но нѣмцы открыли по нападающимъ огонь и человекъ 20 сецессионистовъ было тутъ убито. На другой день слабый отрядъ этой нѣмецкой арміи подвергся внезапному нападенію и потерялъ 4 человека убитыми; но столько же убитыхъ и много раненыхъ было у нападавшихъ.»

Авторъ этого письма, какъ видно, очень горячій абolicіонистъ, недовольный умѣренностью правительства. Значитъ онъ — свидѣтель пристрастный, и мы поступили бы несправедливо, если бы «не выслушали и другую сторону». А вотъ мы послушаемъ ее; сначала черезъ посредство человека посторонняго и умѣреннаго, чтобы переходъ не былъ чрезмѣрно рѣзокъ, а потомъ представимъ уже настроенному нѣсколько въ пользу Юга читателю мнѣніе самого президента южной конфедераціи.

Когда оказалось, что разрывъ Юга съ Сѣверомъ нешуточный, *Times*’ы отправили особеннаго корреспондента въ отдѣлившіеся штаты; такъ обыкновенно поступаетъ эта газета, какъ только гдѣ происходитъ что нибудь особенное: «спеціальный» корреспондентъ отправляется въ эту мѣстность. Первая письма отправившагося на югъ корреспондента заключали въ себѣ рассказъ о взятїи форта Семтера, и т. п. Во всемъ этомъ не было ничего важнаго. Военныя дѣйствія подъ фортомъ были сами по себѣ ничтожны, вся сила ихъ состоятъ во впечатлѣніи, какое произвели они на Сѣверъ, а не въ нихъ самихъ. Но слѣдующее письмо уже относится къ сущности дѣла.

«Штатъ Южная Каролина, 30 апрѣля.

«Все иное, что я могъ бы сказать, не важно передъ однимъ фактомъ, въ которомъ я принужденъ убѣдиться относительно мыслей, господствующихъ между джентльменами Южной Каролины. Я пробылъ между ними уже довольно долго; посѣщалъ ихъ плантаціи, они бесѣдовали со мной откровенно въ томъ открытомъ, любезномъ и изящномъ тонѣ, который составляетъ непреодолимую очаровательность ихъ общества. Отъ всѣхъ слышалъ я одно и тоже, нѣтъ разногласія въ этомъ мнѣніи, оно съ удивительною силою и одинаковостію слышится по всей странѣ. Тѣни Георга III, Норта, Джонсона и всѣхъ ратовавшихъ противъ отпаденія американскихъ колоній отъ Англіи— слышите ли вы хоръ, звучащій по Южной Каролинѣ?—Если слышите, вы руковоплещете съ торжествомъ. Голосъ этотъ говоритъ: «если бы могли мы получить въ королѣ себѣ какого нибудь изъ англійскихъ принцевъ, мы были бы довольны». Прошу васъ не сомнѣваться въ этомъ. Мысль эта повторялась передо мною сотни разъ. Они согласны въ томъ, что исполниться ихъ желанію трудно, но они искренно восхищаются монархическими учрежденіями въ англійской формѣ, существованіемъ привилегированныхъ сословій, поземельной аристократіи. Они жалѣютъ, что нѣкогда отложились отъ Англіи и готовы были бы завтра же вернуться къ ней. Въ нихъ сильная привязанность къ англійскому устройству: многіе изъ нихъ находятся въ родствѣ съ англійскими знатными фамиліями, и смотрятъ съ невообразимымъ отвращеніемъ на жителей Сѣвера, который по ихъ мнѣнію неисцѣлимо зараженъ ядомъ «пуританства». Объясните какъ хотите, но это такъ. «Южная Каролина была основана джентльменами», говорятъ они мнѣ, «а не фанатиками, которые принесли въ сѣверныя колоніи бѣшеную нетерпимость».—Если бы потонулъ проклятый корабль, на которомъ ѣхали въ Америку сектанты, основавшіе Массачусетсъ, мы никогда не были бы доведены до такой крайности», говоритъ одинъ. — «Мы еще могли бы ужиться съ этими фанатиками, если бы они были джентльмены, но между ними нѣтъ джентльменовъ», говоритъ другой. — «Лучше что хотите, восклицаетъ третій: лучше, какая хотите форма правительства; но» — тутъ слѣдуетъ площадное ругательство— «но ни за что на свѣтѣ мы не покоримся Союзу съ невѣжественными, негодными ханжами новой Англіи, не понимающими и не уважающими джентльменскихъ чувствъ. Лучше мы готовы умереть всѣ до одного». Вообразите, что подобныя тирады произносятся людьми свѣтскими, благовоспитанными, очень цѣнящими свѣтскую деликатность, и вы нѣсколько поймете силу ненависти къ свободнымъ штатамъ въ джентльменахъ южныхъ штатовъ. Въ Европѣ есть національныя антипатіи, довольно сильныя и упорныя. Ненависть итальянца къ австрійцу, грека къ турку, турка къ русскому—не слишкомъ холодное чувство. Но всѣ эти ненависти— просто равнодушіе, нейтральность сравнительно съ враждою южно-каролинскихъ джентльменовъ къ «сѣверной сволочи».

«Войны роялистовъ съ пуританами при Карлѣ I, вандейцевъ, съ республиканцами были деликатными шутками по правиламъ утонченнѣйшаго рыцарства, сравнительно съ тѣмъ, какъ будутъ воевать Югъ и Сѣверъ, если дѣла ихъ будутъ соответствовать словамъ. Нѣтъ въ темныхъ углахъ человѣческаго сердца ничего столь жестокаго и смертельнаго, какъ ненависть южно-каролинцевъ къ янки. Ненависть эта росла много лѣтъ, и стала теперь жизнью ихъ. Она заставила Южную Каролину упорно работать надъ приготовленіемъ средствъ къ борьбѣ. Я убѣжденъ, что нѣкоторые въ Южной Каролинѣ имѣли этотъ глубокой замыселъ уже лѣтъ 30 тому назадъ и съ каждымъ годомъ росла эта партія, хотѣвшая разорвать союзъ при первомъ удобномъ случаѣ. Сѣверъ для Южной Каролины—страна испорченная, дьявольская; Новая Англія—воплощеніе нравственной и политической гнусности. Она—источникъ всего ненавистнаго южнымъ каролинкамъ: свободы мысли и аболіціонизма, страна безчестная, развратная, желающая разграбить Югъ; но онъ будетъ спасенъ Южною Каролиною. Джентльмены Южной Каролины помнятъ, что они произошли отъ тѣхъ англійскихъ джентльменовъ, которыхъ преслѣдовали при Кромвелѣ,—не предки, эта сволочь не имѣетъ предковъ, — а тогдашніе представители людей, населяющихъ теперь Сѣверъ. Южный джентльменъ гордится своею старинною фамиліею, родословною связью съ фамиліями англійскихъ ари-

стократовъ. Его плантація — древнее пожалованіе его предку отъ короля; онъ съ восхищеніемъ воспоминаетъ, что когда Стюарты были выгнаны изъ Англіи, Южная Каролина избрала изгнаннаго Карла своимъ королемъ, предложила ему убѣжище и престолъ. Въ войну за независимость половина плантаторовъ, если не больше, оставались приверженцами Георга III, и Вашингтонъ долженъ былъ послать противъ нихъ армію.»

Читатель видитъ, что дѣло именно таково, какъ мы говорили мѣсяца три или четыре тому назадъ. Вражда Юга къ сѣверу — сословная вражда, ненависть патриціевъ къ темнымъ плебеямъ, вражда высшаго сословія къ республиканскому устройству. Южнымъ джентльменамъ хочется быть придворными.

Безпристрастный читатель согласится, что ошибаются тѣ легкомысленные писатели, которые безусловно порицаютъ Югъ; онъ можетъ быть убѣдился теперь, что хорошій образъ мыслей имѣютъ южные штаты. Оно и дѣйствительно надобно только прочесть нѣкоторые отрывки изъ длиннаго посланія президента южной конфедераціи къ ея законодательному собранію, чтобы не осталось въ этомъ никакого сомнѣнія. Мы говоримъ: «нѣкоторые отрывки», потому что посланіе имѣетъ, къ сожалѣнію, и слабыя стороны: но мы не будемъ выставлять ихъ.

Джефферсонъ Девисъ говоритъ, что долженъ изложить ходъ событій, «чтобы человечество могло произнести основательный и безпристрастный судъ о причинахъ и пѣляхъ настоящей войны». Чтобы содѣйствовать по мѣрѣ силъ нашихъ этой прекрасной цѣли, мы приведемъ важнѣйшія мѣста изъ очерка дѣлъ, представляемаго самимъ Девисомъ.

«Какъ только сѣверные штаты, уничтожившіе въ своихъ предѣлахъ невольничество (говоритъ президентъ южной конфедераціи), увеличились въ своемъ населеніи столько, что ихъ представители получили перевѣсъ на конгрессѣ, они приняли постоянную и организованную систему враждебныхъ мѣръ противъ правъ рабовладѣльцевъ въ южныхъ штатахъ. Непрерывный рядъ мѣръ, ими принимаемыхъ, клонился къ тому, чтобы поколебать права рабовладѣльцевъ; фанатическія общества, располагавшія деньгами, возбуждали недовольство между невольниками, доставляли имъ средства бѣжать и научали ихъ этому; законное обязательство возвращать бѣжавшихъ владѣльцамъ сначала было неисполняемо подъ разными предлогами, потомъ открыто объявлено нарушеніемъ долга совѣсти и религіозныхъ обязанностей; общества эти учили, что хорошо поступаютъ люди, уклоняющіеся отъ исполненія и противящіеся исполненію законовъ, правильно изданныхъ въ обезпеченіе конституціоннаго обязательства; противъ рабовладѣльцевъ собирався въ сѣверныхъ штатахъ народъ и даже убивалъ ихъ, когда они являлись въ сѣверные штаты требовать выдачи бѣглаго невольника» (когда же это были убиваемы рабовладѣльцы въ сѣверныхъ штатахъ? этого что-то не было слышно; а что собирався народъ и осмивалъ ихъ, это такъ). «Догматы этихъ частныхъ организацій получили господство въ законодательныхъ собраніяхъ многихъ сѣверныхъ штатовъ и были изданы въ нихъ законы, подвергавшіе разорительнымъ штрафамъ и продолжительному заключенію тѣхъ гражданъ южныхъ штатовъ, которые потребуютъ полицейскаго содѣйствія къ возвращенію своихъ бѣжавшихъ невольниковъ» (но вѣдь когда полиція какого нибудь сѣвернаго города хотѣла выдать бѣжавшаго невольника пріѣхавшему за нимъ рабовладѣльцу, городъ волновался, происходила драка народа съ полиціей, словомъ сказать, рабовладѣлецъ своимъ требованіемъ нарушалъ общественное спокойствіе; затѣмъ онъ дѣлалъ это, когда ему предлагали денежное вознагражденіе, лишь бы онъ не требовалъ выдачи бѣглаго? Онъ хлопоталъ не изъ денежнаго разсчета, а изъ наглости, чтобы доказать сѣвернымъ штатамъ ихъ безсиліе передъ южными). «Ободренные успѣхомъ, они перенесли арену волненія и нападокъ на законныя права южныхъ штатовъ въ конгрессъ; на общій совѣтъ націи посылались сенаторы и представители, главнымъ правомъ которыхъ на это отличіе былъ духъ крайняго фанатизма и заботою которыхъ было не обезпеченіе внутренняго спокойствія,

а пробужденіе жесточайшей ненависти противъ южныхъ согражданъ яростными нападкамі на ихъ учрежденія» (то есть на невольничество); «веденіе общественныхъ дѣлъ было замедляемо постоянными усиліями этихъ людей произвести конгрессу незаконную власть, чтобы повредить прочности невольничества и поставить въ низкое положеніе невольническіе штаты. Наконецъ составилаь большая партія съ цѣлью пріобрѣсти себѣ правительственную власть въ открытомъ намѣреніи употребить ее на исключеніе невольническихъ штатовъ отъ всякаго участія въ земляхъ, пріобрѣтенныхъ всѣми штатами вмѣстѣ» (Девисъ говоритъ о программѣ республиканской партіи, не хотѣвшей допускать невольничества въ территоріяхъ, то есть его насильственного распространенія на земли, населеніе которыхъ не хотѣло допускать его, какъ было напримѣръ въ Канзасѣ), «съ цѣлью совершенно окружить невольническіе штаты свободными штатами и черезъ это отнять цѣну у невольниковъ. Эта партія въ прошломъ ноябрѣ успѣла выбрать своего кандидата президентомъ Соединенныхъ Штатовъ.

«Между тѣмъ въ благорастворенномъ климатѣ южныхъ штатовъ, при внушаемой разсчетомъ и человѣколюбіемъ попочительности о благосостояніи работниковъ, число невольниковъ отъ 600 тысячъ, бывшихъ при установленіи конституціи, возросло слишкомъ до 4,000,000» (по ценсу число ихъ менѣе 4 милл.). «Въ нравственномъ и общественномъ отношеніи они возвышены были изъ грубыхъ дикарей въ послушныхъ, умныхъ и цивилизованныхъ земледѣльческихъ работниковъ и снабжаются не только матеріальными благами, но и заботливымъ религіознымъ обученіемъ. Подъ наблюденіемъ высшей расы трудъ ихъ направлялся такъ, что давалъ возможность постепенно и чувствительно улучшать ихъ положеніе и обращать сотни тысячъ миль пустыни въ воздѣланныя земли, покрытыя счастливымъ народомъ; возникали города и быстро возрастали богатствомъ и населеніемъ подъ южными учрежденіями» (напримѣръ, въ знаменитомъ любимомъ городѣ плантаторовъ Чарльстонѣ населеніе, простиравшееся въ 1850 г. до 42,000, въ 1860 г. простиралось до 40,000 *); это значитъ, что оно «быстро возросло»; точно такъ же возросло населеніе во всѣхъ другихъ южныхъ городахъ, кромѣ тѣхъ, изъ которыхъ невольники удалены; а въ свободныхъ штатахъ съ 1850 къ 1860 г. населеніе городовъ возросло вообще въ полтора и въ два раза). «Продукты юга—хлопчатая бумага, рисъ, сахаръ и табакъ, для которыхъ былъ и остается необходимъ невольническій трудъ, возрасли такъ, что составляютъ почти три четверти всего вывоза изъ Соединенныхъ Штатовъ и сдѣлались безусловно необходимыми для потребностей цивилизованнаго человѣка» (мы имѣли случай нѣсколько разъ говорить, какъ успѣшно экономическое производство невольническихъ штатовъ: вывозъ товаровъ изъ нихъ дѣйствительно великъ, потому что они производятъ всѣ свои товары исключительно на вывозъ; но зато всей выручки за этотъ вывозъ недостаетъ южнымъ штатамъ на уплату долговъ сѣвернымъ штатамъ, изъ которыхъ получаютъ они не только всѣ мануфактурныя издѣлія, но даже обувь, даже хлѣбъ. Жатва хлопчатой бумаги всегда бываетъ продана нью-йоркскимъ купцамъ за годъ впередъ; напримѣръ, осенью 1860 г. была уже продана жатва нынѣшняго года). — «При опасности, угрожавшей интересамъ столь громаднымъ, народъ южныхъ штатовъ былъ припужденъ поступками сѣвера предпринять что-нибудь для отвращенія опасности. Онъ рѣшилъ, что обиды, имъ понесенныя и бѣдствія, ему угрожающія, требуютъ, чтобы онъ отдѣлился отъ Союза. Онъ вступилъ въ новый союзъ и устроилъ новое правительство, опирающееся на его энтузіазмъ; и еслибы не вмѣшалось правительство Соединенныхъ Штатовъ въ это законное дѣло, то странѣ нашей улыбались бы нынѣ миръ, счастье и процвѣтаніе.»

Послѣ этого Дэвисъ очень подробно доказываетъ, что южная конфедерація не предпринимала и не хотѣла предпринимать никакихъ военныхъ дѣйствій противъ Союзнаго правительства. Эту часть документа мы не станемъ сообщать публикѣ, потому что «судъ челоуѣчества» къ сожалѣнію не можетъ подтвердить словъ Дэвиса; южная конфедерація съ самого начала составлялась съ намѣреніемъ по-

*) Въ цифрахъ очевидная опечатка. Къ сожалѣнію я не могъ отыскать рукописи этой страницы и потому приходится оставить эту опечатку неисправленной.

слать войско въ сѣверные штаты, чтобы силою заставить ихъ разрушить прежній Союзъ и составить новый Союзъ, изъ котораго была бы исключена «фанатическая» Новая Англія; заговорщики надѣялись, что нью-йоркскіе соумышленники ихъ отдадутъ имъ въ руки нью-йоркскую биржу; это не удалось, но заговорщики все-таки собрали войско и двинули его на Вашингтонъ; правительство Соединенныхъ Штатовъ вынуждено было уже только этимъ нападеніемъ и бомбардированіемъ форта Семтера принять военныя мѣры противъ южной конфедераціи; слѣдовательно тутъ факты, всеѣмъ извѣстные, обнаруживаютъ нѣкоторую основательность увѣреній Девиса, будто-бы южная конфедерація желала сохранить миръ.—Но мы переведемъ патетическое заключеніе документа, которое скорѣе можетъ разстрогать чувствительнаго читателя. Объяснивъ единодушіе народа въ отложившихся штатахъ,—эту тираду мы не переводимъ потому, что она опять разногласитъ съ обще-извѣстнымъ фактомъ; кромѣ одной Южной Каролины, во всеѣхъ остальныхъ отложившихся штатахъ сецессіонисты составляютъ меньшинство, а большинство только военнымъ терроризмомъ вынуждено подчиняться ихъ господству, опирающемуся на шайки авантюристовъ,—и такъ, объяснивъ единодушіе народа въ южной конфедераціи, президентъ ея кончаетъ слѣдующими патетическими словами.

«Народъ, столь единодушный и твердый, не можетъ отступить ни предъ какими жертвами, какія бы ни потребовались отъ него, и разумъ не допускаетъ сомнѣнія въ томъ, что мы наконецъ восторжествуемъ, какъ бы ни были продолжительны и тяжелы испытанія, которымъ подвергнется наша рѣшимость защищать наше прирожденное право свободы и равенства, какъ наслѣдіе, передать которое въ ненарушимости нашему потомству—первый нашъ долгъ.

«Мы чувствуемъ, что наше дѣло — правое и святое; мы торжественно протестуемъ предъ лицомъ человѣчества, что желаемъ мира, не ищемъ ни завоеваній, ни уступокъ отъ штатовъ, въ союзѣ съ которыми мы прежде были; мы хотимъ только, чтобы насъ оставили въ покоѣ, чтобы тѣ, которымъ никогда не были мы подвластны, не пытались поработить насъ оружіемъ. Этого мы хотимъ, этому мы будемъ противиться до послѣдней крайности. Когда эта претензія будетъ покинута ими, мечъ выпадетъ изъ нашей руки и мы будемъ готовы вступить съ ними въ дружескіе и торговые договоры, которые неизбежно будутъ полезны для обѣихъ сторонъ. А пока эта претензія существуетъ, мы съ твердымъ упованіемъ на божественную силу, облакающую своимъ покровительствомъ правое дѣло, будемъ продолжать бороться за прирожденное наше право, за свободу, независимость и самоуправленіе.»

Послѣ этихъ выписокъ намъ нечего прибавлять отъ себя. Судѣаемъ лишь самое короткое перечисленіе главныхъ фактовъ. 12 апрѣля, когда началось бомбардированіе форта Семтера (гарнизонъ котораго, какъ знаетъ читатель, имѣлъ всего 70 человѣкъ), южная конфедерація состояла изъ 7 штатовъ Мексиканскаго залива (Южная Каролина, Георгія, Флорида, Алабама, Миссиссиппи, Луизіана, Техасъ). Все они вмѣстѣ имѣютъ (по ценсу 1860 г.) около 2,650,000 бѣлаго населенія и около 2,300,000 невольниковъ. Когда Линкольнъ объявилъ войну, армія этихъ штатовъ, простиравшаяся тысячъ до 20 или до 30, была уже недалеко отъ Вашингтона, куда пошла изъ Южной Каролины черезъ Сѣверную Каролину и Виргинію, а изъ Луизіаны и Миссиссиппи черезъ Теннесси и Виргинію, изъ Техаса черезъ Арканзасъ и Теннесси. Такимъ образомъ изъ 8 пограничныхъ невольническихъ штатовъ, колебавшихся между вашингтонскимъ и монтгомерійскимъ правительствомъ, 4 штата—Арканзасъ, Теннесси, Сѣверная Каролина и Виргинія—были заняты войсками южной конфедераціи; при объявленіи войны

приверженцы союза въ этихъ четырехъ штатахъ конечно были подавлены военною силою и къ южной конфедераціи присоединилась еще огромная полоса земли, имѣющая около 2,925.000 бѣлаго населенія и 1,210,000 невольниковъ. Въ остальныхъ четырехъ невольническихъ штатахъ пропорція невольниковъ уже гораздо меньше, чѣмъ въ 11 отдѣлившихся: при 3,690,000 бѣлаго населенія, Делаваръ, Мериландъ, Кентукки и Миссури имѣютъ только 440,000 невольниковъ. Делаваръ остался вѣренъ правительству; значительная часть Мериланда также; сѣверныя половины Кентукки и Миссури населены людьми, имѣющими ненависть къ невольничеству и уже пославшими довольно много волонтеровъ въ сѣверную армію. Читатель видѣлъ, напримѣръ, что въ Сентъ-Луисѣ, важнѣйшемъ городѣ Миссури, оставилось 6 — тысячное войско изъ людей враждебныхъ невольничеству и побѣдило сецессионистовъ; а Сентъ-Луисъ лежитъ на Миссиссиппи, дѣлящей Миссури на двѣ почти равныя половины; и притомъ въ большихъ городахъ, каковы Сентъ-Луисъ, сецессионисты особенно сильны по торговымъ связямъ этихъ городовъ съ хлопчатобумажными штатами; приверженцамъ свободы въ Миссури и Кентукки обѣщана помощь сосѣднихъ свободныхъ штатовъ Айовы, Иллинойса, Индіаны; такъ что Кентукки и Миссури или раздѣлятся пополамъ между враждебными лагерями, или сохранять нейтралитетъ. Въ Мериландѣ возставшая половина штата уже усмирена: Балтиморъ занятъ союзными войсками и вмѣстѣ съ своимъ округомъ объявленъ въ осадномъ положеніи; мериландскія власти умоляютъ теперь о нейтралитетѣ. Слѣдовательно четыре изъ пограничныхъ штатовъ или будутъ имѣть внутреннюю борьбу или сохранять нейтралитетъ и во всякомъ случаѣ не дадутъ большой прибавки силъ ни той, ни другой сторонѣ. Остальные 11 невольническихъ штатовъ (4 пограничныхъ и 7 хлопчатобумажныхъ) имѣютъ около 5,500,000 бѣлаго населенія, — вотъ весь источникъ военныхъ силъ для инсургентовъ. Населеніе свободныхъ штатовъ слишкомъ вътрое больше, оно превышаетъ 18 милліоновъ человѣкъ. И такъ, если даже не считать нравственнаго, денежнаго и техническаго перевѣса Сѣвера надъ Югомъ, борьба была бы слишкомъ неравна, хотя бы въ возмущившихся штатахъ все бѣлое населеніе было на сторонѣ инсургентовъ, или по крайней мѣрѣ во всѣхъ частяхъ этой территоріи принуждено къ повиновенію терроризмомъ инсургентовъ, какъ принуждено къ тому въ Южной Каролинѣ. Но ни того, ни другаго нѣтъ. Мы нѣсколько разъ говорили, что во всѣхъ возмущившихся штатахъ, кромѣ одной Южной Каролины, сецессионисты составляютъ меньшинство; а большинство бѣлаго населенія ждетъ лишь случая, чтобы свергнуть съ себя ихъ иго. Этого мало: на обоихъ противоположныхъ концахъ возмущившейся территоріи, — на сѣверномъ краю ея (въ западной части Виргиніи) и на южномъ краю (въ Техасѣ) — часть населенія, враждебная невольничеству, уже взялась за оружіе, чтобы свергнуть насильственное господство сецессионистовъ. Западная Виргинія (за Аппалачскими горами) населена людьми, пришедшими съ Сѣвера; депутаты этой части штата, составляющей по пространству около 4-й доли его, а по населенію, если не ошибаемся, около третьей доли, уже собрались и объявили, что будутъ воевать съ партіею, отдѣлившею остальные части Виргиніи отъ Союза. Въ Техасѣ противниками сецессионистовъ командуетъ генералъ Густонъ, губернаторъ штата, не согласившійся на отторженіе штата, которое провозглашалъ техасскій конвентъ. Густонъ знаменитъ своими подвигами въ мексиканскую войну и подъ его начальствомъ былъ

занять Техасъ американцами.—Такимъ образомъ около половины мая положеніе дѣлъ было слѣдующее. Конфедераціонные отряды, быстро двигавшіеся на взятіе Вашингтона, остановились въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ него, потому что уснѣла собраться тамъ изъ сѣверныхъ штатовъ сила болѣе многочисленная. Вашингтонское правительство скоро начнетъ, теперь быть можетъ и начало, наступательныя дѣйствія. Планъ похода хранится въ глубочайшей тайнѣ, но очевидно, что будетъ наступленіе по двумъ направленіямъ: съ сѣвера прямо на югъ, изъ Вашингтона и мериландскаго приморья двинутся войска сѣверовосточныхъ штатовъ—Пенсильваніи, Нью-Йорка и Новой Англіи; войска сѣверозападныхъ штатовъ спустятся по Миссиссиппи, также въ направленіи съ сѣвера на югъ, въ Арканзасъ и Луизиану, потомъ пойдутъ на востокъ; общее направленіе этихъ двухъ армій будетъ на Южную Каролину. По другому направленію будетъ дѣйствовать третья армія, составленная также изъ восточныхъ войскъ: она отправится моремъ въ Техасъ на помощь Густону. Это ясно. Но будутъ кромѣ того высадки съ атлантическаго побережья въ Виргиніи или Сѣверной Каролинѣ, въ Южной Каролинѣ или въ Георгіи и Флоридѣ. Какіе пункты нападенія будутъ выбраны тутъ, отгадать нельзя. Это общее наступленіе со всѣхъ сторонъ, съ сѣвера, съ востока, съ южнаго побережья, съ запада и сѣверозапада, начнется, какъ полагаютъ, уже осенью, около октября, потому что лѣтній зной въ хлопчатобумажныхъ штатахъ былъ бы обременителенъ для сѣверныхъ войскъ. До той поры театромъ военныхъ дѣйствій будетъ только сѣверный край возставшей территоріи,—восточная Виргинія и, быть можетъ, Теннесси. Союзныя войска очистятъ отъ отрядовъ южной конфедераціи это пространство въ теченіе лѣта.

Если инсургенты будутъ биться до послѣднихъ силъ, война кончится не очень скоро,—вѣроятно не раньше слѣдующей весны, потому что обширность захваченной инсургентами территоріи огромна: 11 штатовъ, составившихъ южную конфедерацію, занимаютъ пространство болѣе 35,000 кв. миль, то есть земля эта равняется величиною Пиренейскому полуострову съ Франціею, Германскимъ Союзомъ и всѣми прусскими и австрійскими владѣніями. Надобно нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы армія могла дойти отъ Вашингтона до Чарльстона или отъ Синсиннати до Новаго Орлеана: каждый изъ этихъ путей составляетъ болѣе 1,500 верстъ.

Но увидимъ ли мы отчаянную борьбу южныхъ сецессионистовъ? Вудутъ ли они, потерявъ Виргинію, обороняться въ Сѣверной Каролинѣ, потерявъ ее, въ Южной Каролинѣ и въ Георгіи? Они увѣряютъ въ этомъ. Но можетъ случиться иное: они могутъ упасть духомъ, смириться. Въ такомъ случаѣ снисходительность снова появится на Сѣверѣ и рѣшеніе вопроса будетъ отсрочено. Это наименѣе благопріятная развязка очень правдоподобна, но и при ней нынѣшнія событія все-таки останутся не совершенно безплодны.

Впрочемъ объ этомъ мы еще успѣемъ поговорить, когда виднѣе будетъ, чего надобно ждать, примиренія ли, съ нѣкоторыми лишь уступками отъ плантаторовъ, или рѣшительнаго конца съ результатомъ въ духѣ аболіціонистовъ. А теперь надобно же сказать хоть нѣсколько словъ и о европейскихъ дѣлахъ, въ которыхъ все еще нѣтъ ничего рѣшительнаго, все еще длится натянутое положеніе.

Въ Вѣнѣ собрался имперскій совѣтъ, на который присланы депутаты лишь отъ провинцій, составляющихъ только половину имперіи по населенію. Венгрія, Трансильванія, Кроація, Истрія, Венеція не захотѣли участвовать въ дѣлѣ, прин-

цину котораго враждебны. Впрочемъ это ни мало не мѣшаетъ имперскому совѣту удовлетворительно исполнять свое предназначеніе, выражать сочувствіе къ правительству и обѣщать ему поддержку противъ венгровъ. Венгерскій сеймъ очевидно выжидаетъ обстоятельствъ и длить свои засѣданія, не предпринимая ничего рѣшительнаго; какихъ обстоятельствъ онъ выжидаетъ, мы уже говорили много разъ. Венгры ведутъ переговоры съ кроатами и сербами и, повидимому, не совсѣмъ безуспѣшно. Кроатскій сеймъ протестуетъ противъ вѣнскихъ распоряженій и уже начинаетъ прямо говорить, что вѣрнѣе кроатамъ полагаться на Пештъ, чѣмъ на Вѣну. Кромѣ того ведутся сношенія съ итальянцами, то есть съ гарибальдинцами и маццинистами черезъ посредство Кошута, Клапки и Тюрра, которые разбѣзжаютъ по Италіи и безпрестанно имѣютъ совѣщанія съ рѣшительными приверженцами итальянскаго единства. Кавуръ, конечно, чистъ отъ этихъ злоумышленій и по мѣрѣ возможности мѣшаетъ имъ. Онъ надѣется, что въ сплахъ будетъ сдержатъ свое обѣщаніе: не допустить маццинистовъ и венгерскихъ эмигрантовъ вторгнуться въ Венецію и Венгрію. Очень можетъ быть, что ему и удастся задержать ихъ нынѣшнимъ лѣтомъ: весны прошло ужъ очень много и ему удавалось; почему же не продлится такому успѣху еще нѣсколько мѣсяцевъ? Онъ надѣется, что французская армія передастъ ему Римъ. На исполненіе этихъ хлопотъ меньше надеждъ. Переговоры между Парижемъ и Туриномъ о Римѣ ведутся, составляются разные планы соглашенія, отчасти одобряются, почти совершенно одобряются, потомъ опять отвергаются,—обыкновенная исторія лавировки для выпрыска времени. Пересказывать эту исторію мы не намѣрены, потому что сами не посвящаемся и никого не хотимъ посвящать въ дипломатическія тайны, которыя, впрочемъ, можно прочитывать въ каждой газетѣ.

Затѣмъ, разумѣется, все обстоитъ тихо, слѣдовательно благополучно.

ПОЛИТИКА.

Іюнь 1861.

ФРАНЦУЗСКІЯ ДѢЛА.—ВѢНСКІЙ ІМПЕРСКІЙ СОВѢТЪ И АДРЕСЪ ВЕНГЕРСКАГО СЕЙМА.

Давно ужъ мы не говорили подробно о французскихъ дѣлахъ, потому что не представлялось въ нихъ отдѣльныхъ фактовъ, которые сами по себѣ могли бы назваться важными. Декретъ 24 ноября, давшій нѣсколько больше простора парламентскимъ преніямъ, циркуляры Персигни о предоставленіи нѣсколько большаго простора журналистикѣ, пренія законодательнаго корпуса объ адресѣ, потомъ о бюджетѣ, теперь проэктъ закона объ уменьшеніи административнаго тяготѣнія надъ газетами,—все это пока только однѣ формальности, не дѣлающія никакой перемѣны въ дѣйствительномъ порядкѣ вещей, все это—мѣры, изъ которыхъ каждая незначительна. Вниманія заслуживаютъ онѣ лишь тогда, если разсматривать вмѣстѣ весь рядъ ихъ, чтобы различить по его направленію, къ чему идутъ дѣла. Направленіе времени ясно: существующая система видитъ свое несоотвѣтствіе съ расположеніемъ умовъ и входитъ въ сдѣлки съ нимъ. Одна сдѣлка за другою оказывается неудовлетворительна, и система дѣлаетъ надъ собою новыя усилія, чтобы вынудить у самой себя новую уступку, которая раздѣляетъ судьбу прежнихъ уступокъ, оказывается неудовлетворительна, потому что никакая система не можетъ серьезно отрицать сама себя, стало быть не можетъ предложить ничего удовлетворительнаго направленію, отрицающему ее. О декретѣ 24 ноября мы говорили въ свое время. Расширеніе круга преній въ законодательномъ корпусѣ было, при нынѣшнемъ составѣ его, одною формальностью, потому что изъ 250 депутатовъ только пятеро имѣютъ независимость; всѣ остальные выбраны были по рекомендаціи правительства и не могутъ не поддерживать его во всемъ, связавъ свою судьбу съ его участіемъ. Набрать такое число преданныхъ лицъ нельзя было иначе, какъ изъ людей, безусловно преданныхъ тому, что называется во Франціи «старымъ порядкомъ», то есть изъ приверженцевъ порядка дѣлъ, существовавшаго до революціи 1789 г. Но въ нѣкоторыхъ вещахъ правительство, по дипломатическимъ или торговымъ надобностямъ, должно отступать отъ принциповъ стараго порядка. Такъ, напримѣръ, затруднительно было бы изгнать войска и правителей Виктора-Эммануэля изъ присоединенныхъ къ Итальянскому королевству земель бывшей Папской области. А по понятію приверженцевъ стараго порядка слѣдуетъ сдѣлать это и возстановить папскую власть во всемъ ея прежнемъ размѣрѣ. Съ другой стороны, для упроченія союза съ Англіею и раз-

витія французской торговли надобно было правительству понижать тарифъ; а значительная доля приверженцевъ стараго порядка—промышленники, заинтересованные въ поддержаніи протекціонизма; да и съ принципами стараго порядка согласна только запретительная система. Поэтому въ вопросахъ о тарифѣ и объ итальянскихъ дѣлахъ большинство членовъ законодательнаго корпуса—враждебно политикѣ правительства. Но связавъ себя съ нимъ безвозвратно, оно не можетъ противиться ему и въ этихъ случаяхъ и принуждено довольствоваться тактикою такого рода: вотировать противъ правительства оставляетъ оно лишь самымъ крайнимъ своимъ членамъ, а въ массѣ своей подаетъ голосъ за правительство; но чтобы ясно выказать свою враждебность, не могущую перейти въ дѣло, и чтобы вынудить эту враждебностью нѣкоторыя уступки у правительства, большинство предоставляетъ говорить рѣчи только людямъ крайняго своего отдѣла, которые будутъ вотировать противъ правительства, такъ что характеръ преній прямо противорѣчитъ результату слѣдующаго за нимъ вотирования и служитъ предостереженіемъ для правительства. Такимъ образомъ пренія о параграфѣ адреса, относящемся къ Риму, и о таможенныхъ преобразованіяхъ были очень горячи во французскомъ законодательномъ корпусѣ; правительство тутъ было защищено только официальными своими представителями, а рѣчи противъ него были очень многочисленны и сильны. Франція, давно не слышавшая парламентскихъ преній, слѣдила за ними съ большимъ одушевленіемъ. Этотъ фактъ выставляется теперь доказательствомъ, что она желаетъ возстановить парламентское правленіе. Видите ли, девять лѣтъ не было открытыхъ признаковъ желанія, потому самое желаніе предполагалось несуществующимъ,—хотя не выражалось оно лишь благодаря мѣрамъ, принятымъ къ устраненію всякой возможности ему выражаться. Находились люди, принявшіе въ буквальный смыслъ циркуляры новаго министра внутреннихъ дѣлъ Персиньи, что правительство признаетъ теперь необходимость свободы для Франціи; люди эти стали готовиться къ тому, чтобы воспользоваться провозглашенными уступками. Они были подкрѣплены въ своей увѣренности новымъ циркуляромъ Персиньи, приглашавшимъ всѣхъ замѣчательныхъ людей всѣхъ партій принять участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Циркуляръ этотъ доказывалъ только, что существующая система уже чувствуетъ недостаточность опоры, получаемой отъ ея приверженцевъ, и желаетъ привлечь на свою службу вліятельныхъ людей изъ другихъ партій. Но значительная часть общества всегда расположена понимать подобные документы не въ настоящемъ ихъ смыслѣ, а въ смыслѣ произвольно влагаемомъ въ нихъ только ея собственными желаніями. Въ іюнѣ должны были происходить выборы въ члены департаментскихъ совѣтовъ. Во времена парламентскаго правленія на департаментскіе совѣты обращалось мало вниманія. Эти собранія играютъ довольно значительную роль въ мѣстныхъ дѣлахъ: занимаются раскладкою государственныхъ податей, устанавливаютъ мѣстные сборы для департаментскихъ надобностей, дѣлаютъ соображенія и выражаютъ требованія по мѣстнымъ дѣламъ. Но политическими дѣлами при существованіи парламента занимались они мало. Теперь не то. При нынѣшнемъ составѣ законодательнаго корпуса нельзя ждать отъ него дѣйствительнаго вмѣшательства въ государственныя дѣла,—онъ не можетъ не поддерживать правительства во всемъ. Люди, по несообразительности своей полагавшіе, что возможна оппозиція при господствующей системѣ, хотѣли войти въ департаментскіе совѣты, чтобы придать имъ политическую роль. И отчего же не войти? Циркуляръ Персиньи обѣщалъ свободу выборовъ. Но

правительство увидѣло опасность и, не смотря на свои циркуляры, министр внутренних дѣлъ нашелъ надобность заниматься подготовленіемъ требуемаго результата выборовъ энергичнѣе, чѣмъ когда нибудь. Надобно впрочемъ отдать ему справедливость, что онъ умѣлъ согласить эту нужду съ прежними своими общаніями. Онъ приглашалъ людей всѣхъ партій заняться общественными дѣлами. Что жъ, правительство предлагало свою поддержку каждому человѣку, какой бы ни былъ онъ партіи, если только онъ обяжется защищать правительство. Значитъ, правительство въ самомъ дѣлѣ готово было допустить къ общественной дѣятельности благонамѣренныхъ людей изъ всѣхъ партій. Но оно, не щадя усилій, отстраняло людей неблагонамѣренныхъ, то есть несогласившихся давать требуемыя обязательства. Благодаря этимъ усиліямъ, мало было выбрано непріятныхъ ему кандидатовъ. Оно такъ и должно быть: существующая во Франціи система такова, что оппозиція при ней невозможна. Система эта не можетъ выносить даже противорѣчія и той ничтожной группы пяти человѣкъ, которые успѣли попасть въ нынѣшній законодательный корпусъ. Они говорятъ въ законодательномъ корпусѣ безъ всякаго фактическаго вліянія на ходъ дѣлъ въ немъ: что бы ни говорили они, собраніе вотируетъ всѣ проэкты, представляемые правительствомъ. Но все-таки рѣчи этихъ пяти человѣкъ очень вредно дѣйствуютъ на существующую систему, потому что возразить противъ нихъ она ничего не можетъ: она можетъ только заставлять законодательный корпусъ вотировать все, чего требуетъ. А если остается безъ опроверженія взглядъ, противоположный нашему, нашъ взглядъ страдаетъ.

Рѣчи пяти противниковъ существующей системы въ законодательномъ корпусѣ важны тѣмъ, что степенью ихъ рѣзкости измѣряется непрочность системы. Мы не будемъ помѣщать здѣсь этихъ рѣчей, потому что онѣ были переводимы въ русскихъ газетахъ; и мы не хотимъ утомлять читателя повтореніемъ того, что онъ, конечно, уже знаетъ. Довольно будетъ привести изъ корреспонденціи *Times'a* отчетъ объ одномъ изъ засѣданій законодательнаго корпуса, отчетъ, очерчивающій кромѣ содержанія рѣчи, сказанной Жюлемъ Фавромъ, и фізіономію законодательнаго корпуса. Мы выбираемъ для примѣра засѣданіе 18 іюня, когда преніе шло о проектѣ закона, смягчающаго нынѣшнюю зависимость французской журналистики отъ административнаго благоусмотрѣнія. Сказавъ, что вниманіе французской публики занято ходомъ выборовъ въ департаментскіе совѣты, парижскій корреспондентъ *Times'a* продолжаетъ:

«Но превосходная рѣчь Жюля Фавра о журналистикѣ отвлекаетъ вниманіе публики отъ выборовъ. Тема была достойна такого оратора, и его противники признаются, что нѣсколько подобныхъ рѣчей нанесутъ тяжелый ударъ стѣснительнымъ законамъ, подъ покровительствомъ, которыхъ можетъ только процвѣтать политическая продажность. А противники Жюля Фавра знатоки этого дѣла. Доводы его въ пользу свободы журналистики остались безъ отвѣта, потому что опровергнуть ихъ было нечѣмъ. Когда онъ говорилъ, ренегаты, обязанные своимъ возвышеніемъ свободѣ журналистики и задушившіе ее, сидѣли какъ на иголкахъ. Онъ сказалъ, что представленный правительствомъ проектъ самъ по себѣ не заслуживаетъ критики, но достойно величайшаго вниманія положеніе журналистики, котораго онъ касается. Обязанностью палаты становится разсмотрѣть, полезно ли это положеніе и сообразно ли оно съ достоинствомъ націи. По декрету 24 ноября пренія законодательнаго корпуса стали печататься въ газетахъ, чего прежде не бывало,—результатъ этой перемѣны долженъ служить урокомъ: публика жадно читаетъ пренія, значитъ она интересуется общественными дѣлами. Но если па-

лата хотеть быть въ связи съ націею, она должна сдѣлать то, чтобы голосъ націи безпрепятственно доходилъ до нея. Если же депутаты, думая читать независимое мнѣніе писателя, читаютъ только мнѣніе, предвѣсанное министромъ, то очевидно, они вводятся въ ошибку, которая будетъ гибельна. А положеніе вещей во Франціи дѣйствительно таково; таково вліяніе правилъ, только смягчаемыхъ, но сохраняемыхъ прозѣтомъ закона. Потому прозѣтъ — не больше какъ насмѣшка надъ палатою. Она должна понимать нужду въ совершенномъ отмѣненіи всѣхъ правилъ, стѣсняющихъ журналистику, которая одна въ силахъ подвергать администрацію дѣйствительной отвѣтственности передъ закономъ. Для этого нужно поставить газеты въ независимость отъ администраціи. Это требованіе называютъ слишкомъ поспѣшнымъ; но непостижимо, какимъ образомъ называютъ слишкомъ поспѣшнымъ требованіе отмѣны декрета, уже 9 лѣтъ тяготящаго надъ Франціею. Съ 17 февраля 1852 года обстоятельства перемѣнились: признана надобность установить иной порядокъ дѣлъ, возстановить законность. Сохраненіе декрета 17 февраля — анахронизмъ.

«Морни, президентъ законодательнаго корпуса, прервалъ оратора замѣчаніемъ, что слова его противны присягѣ, данной нынѣшнему правительству (депутаты должны присягать, что признаютъ нынѣшнюю конституцію). Императоръ былъ избранъ довѣріемъ страны, чтобы спасти ее отъ гибельныхъ друзей г. Жюль Фавра. — Жюль Фавръ сказалъ, что имѣетъ право сдѣлать объясненіе противъ замѣчанія президента. Нѣкоторые депутаты кричали, что они не хотятъ слушать его объясненій. Но Жюль Фавръ настоялъ на своемъ. Онъ сказалъ: «я противопоставляю время диктатуры періоду, когда законы устанавливаются свободною волею націи. Декретъ 1852 г. установленъ не волею націи, а волею одного человѣка». Члены палаты закричали, что воля этого человека была волею націи. Жюль Фавръ сказалъ: «я — юристъ и растолкую вамъ вещи, которыхъ вы не понимаете». Графъ д'Орнано сказалъ: «намъ не нужно юристовъ». Жюль Фавръ продолжалъ: «закономъ у насъ называется то, что установлено правильно избранными національными собраніями, разсматривавшими и одобрившими прозѣтъ. Постановленій, не имѣвшихъ такого происхожденія, я не признаю закономъ». Президентъ протестовалъ противъ такой теоріи и сказалъ, что Жюль Фавръ зналъ, какой конституціи присягалъ, становясь депутатомъ, и потому нынѣшнія слова его противорѣчатъ его присягѣ. — Жюль Фавръ отвѣчалъ, что если такъ, у него отнимается свобода называть дурные законы дурными. — Морни сказалъ, что не смущается подобными условками: «Вы можете порицать законъ и, кажется, я предоставлялъ вамъ полную свободу въ этомъ; но какъ президентъ, я не позволю вамъ порицать происхожденіе существующей власти». — Жюль Фавръ возразилъ: «я говорилъ не о происхожденіи власти, а о законѣ, и я имѣлъ право сказать, что онъ дуренъ и указать причины, по которымъ такъ думаю». Послѣ этого онъ продолжалъ свою прежнюю рѣчь, доказывая необходимость контроля независимой журналистики надъ администраціей. Онъ приводилъ примѣры тому, какъ при недостаткѣ этого контроля во Франціи похищаются у публики деньги биржевыми спекулянтами, дѣйствующими подъ защитою сильныхъ людей, и какъ нарушается право личной свободы. Онъ кончилъ свою рѣчь словами: «прошу васъ припомнить то замѣчательное засѣданіе, въ которомъ были произнесены слова, которая вѣроятно не забыты вами. Франція начинала итальянскую войну. Я сказалъ тогда, что придетъ время, когда я потребую отъ правительства отчета о принципахъ, во имя которыхъ начинается оно это дѣло. Война была успѣшна, Италія освободилась и я теперь требую того отчета. Во имя вѣчнаго права, я требую, чтобы моей родинѣ были возвращены ея законныя права. Свобода преній въ законодательномъ собраніи возстановлена. Должна быть возвращена свобода газетамъ.»

Мы привели этотъ отрывокъ не потому, что любопытно для насъ мнѣніе Жюль Фавра, — оно давно извѣстно, и, вѣроятно, ни одинъ читатель не нуждался въ разъясненіяхъ нынѣшняго французскаго порядка дѣлъ, представляемыхъ знаменитымъ ораторомъ. Но любопытна неуступчивость, съ какою Жюль Фавръ твердитъ и твердитъ свои мысли палатѣ, въ противность ея негодованію, восклицаніямъ ея членовъ, замѣчаніямъ ея президента, — и замѣчательна уступчивость, съ какою

палата и президентъ ея даютъ Жюлю Фавру одолѣвать ихъ сопротивленіе,—замѣчательно одолѣвающее ихъ чувство необходимости выслушивать Жюля Фавра, отвѣчающаго на ихъ требованія замолчать, что онъ—не замолчитъ, потому что право на его сторонѣ. Два года назадъ, даже годъ назадъ, этого еще не было: Жюль Фавръ останавливался, когда запрещали ему говорить, онъ чувствовалъ, что борьба будетъ напрасна; теперь не то. Онъ сознаетъ свою силу, палата передъ нимъ парализована сознаниемъ своего безсилія.

Дѣйствительно, сами кліенты существующей системы съ дерзостью отчаянія напоминаютъ ей о необходимости свернуть съ прежней дороги, бросить прежнія претензіи, уличаютъ бесполезность усилій скрывать отъ палаты истину, которая уже извѣстна всѣмъ, и подрываетъ существующую систему. Это особенно выразилось въ преніяхъ о бюджетѣ. Уже года два или три законодательный корпусъ пересталъ принимать бюджеты съ прежнимъ безусловнымъ признаніемъ всѣхъ цифръ за истину; уже года три онъ сталъ толковать о дефицитѣ, о чрезмѣрности расходовъ. Но тогдашнія замѣчанія были робки и деликатны. Теперь они высказываются другимъ тономъ: люди изъ большинства, люди, отдавшіе себя душою и тѣломъ во власть существующей системы,—вотъ ужъ и они начинаютъ говорить тономъ Жюля Фавра. Они теперь уже прямо называютъ цифры бюджета «фальшивыми», «подложными», говорятъ министрамъ: вы обманываете палату и Францію,—и министры такъ же чувствуютъ себя безсильными передъ ними, какъ они чувствуютъ себя безсильными передъ Жюлемъ Фавромъ. Не противники правительства,—нѣтъ, самые близкіе кліенты его рѣзко говорили въ нынѣшній разъ о необходимости подвергнуть дѣйствія министровъ строгому контролю законодательнаго корпуса относительно расходованія государственныхъ суммъ. Они разсчитали, что министерство содержитъ подъ знаменами около 75 тысячъ солдатъ больше, чѣмъ могутъ содержать по бюджету, и что деньги на содержаніе этихъ лишнихъ солдатъ были получены или взяты незаконнымъ образомъ.

Но много разъ мы говорили о томъ, какъ отклоняются мысли французской публики отъ внутреннихъ дѣлъ внѣшними столкновеніями. Вотъ, напримѣръ, и теперь всѣ внутреннія дѣла забываются для соображеній, какъ императорское правительство развяжетъ свои разнорѣчащія отношенія по римскому вопросу. Газеты уже нѣсколько мѣсяцевъ наполняются извѣстіями и догадками о переговорахъ парижскаго правительства съ туринскимъ и напскимъ. Итальянское королевство послѣ долгихъ переговоровъ наконецъ признано Франціей. Что жъ изъ этого? Какую существенную перемѣну произвелъ или означаетъ этотъ фактъ въ отношеніяхъ Франціи къ Италіи? Никакой перемѣны. Франція и прежде объявляла, что не одобритъ австрійцевъ, если они начнутъ войну для возстановленія своего перевѣса въ Италіи; точно то же остается и теперь. Прежде Франція объявляла, что не одобритъ туринское правительство, если оно начнетъ войну съ австрійцами для завоеванія Венеціи. Точно то же и теперь. Прежде Франція говорила, что ей самой неспрiятно занимать Римъ своими войсками, что она выведетъ ихъ при первой возможности, но что для этого надобно оградить какую-то пезависимость папы. Точно то же и теперь. Чтѣ же выигрываетъ Итальянское королевство отъ его признанія Франціей? Ничего не выигрываетъ, кромѣ того, что признано Франціей. Или само это признаніе было для чего нибудь нужно? Быть можетъ Франція угрожала существованію Итальянскаго королевства и признаніе было ручательствомъ, что Франція

отказалась отъ мысли послать свои войска для разрушенія Итальянскаго королевства. Но подобной мысли французское правительство никогда не имѣло и сами итальянцы не имѣли подобнаго опасенія. Что же важнаго въ томъ, признано или не признано Итальянское королевство Франціею? Но вопросъ о признаніи удивительно занимать собою и французскую и итальянскую публику. — Дѣло объ очищеніи Рима французскими войсками нимало не измѣнилось отъ признанія Итальянскаго королевства Франціею. Переговоры о Римѣ давно уже ведутся между Парижемъ и Туриномъ. Ясно для всѣхъ, что французскія войска не могутъ долго оставаться въ Римѣ: желаніями туринскаго правительства теперь уже нельзя пренебрегать, потому что Итальянское королевство имѣетъ больше населенія чѣмъ Пруссія и несмотря на всю медленность педантизма, съ какою формируется итальянская армія, она теперь простирается уже до 200 тысячъ, а скоро будетъ имѣть 300 тыс. солдатъ. Занимать столицу такого государства становится тяжело. Очищеніе Рима отъ французскихъ войскъ было рѣшено походомъ Гарибальди на Неаполь. Задача состоитъ въ томъ, надолго ли удастся оттянуть эту развязку, и нельзя ли будетъ получить за передачу Рима итальянцамъ какую нибудь уступку отъ нихъ.

Смерть Кавура до сихъ поръ еще не произвела замѣтной перемѣны въ ходѣ итальянскихъ дѣлъ, да вѣроятно и не произведетъ ея, кромѣ развѣ той разницы, что Рикасоли, занявшій мѣсто Кавура, не имѣетъ, да вѣроятно и не приобрететъ такой репутаціи непогрѣшительнаго и незамѣнимаго министра, какою пользовался Кавуръ. «Кавуръ нашелъ это нужнымъ»; или: «Кавуръ считаетъ это невозможнымъ»; или: «самъ Кавуръ сказалъ, что надобно понимать дѣло вотъ какъ», — послѣ этого у большинства итальянской, да и всей европейской публики не оставалось уже никакихъ сомнѣній, что это дѣйствительно такъ, что дѣло ведется наилучшимъ образомъ. Какъ велось оно при Кавурѣ, рассказываетъ краткій очеркъ его политической роли, помѣщенный въ этой книжкѣ «Современника», а подробности разъясняется личность и дѣятельность Кавура въ біографіи, начало которой также помѣщено въ этой книжкѣ. Но какъ бы ни судили мы о дѣятельности Кавура, большинство думало иначе, а отъ мнѣнія много зависитъ. Подъ предводительствомъ человѣка, въ которомъ толпа увѣрена, она дѣйствуетъ смѣлѣе и ея смѣлость ободряетъ самого предводителя. Поэтому были бы расположены мы думать, что смерть Кавура—значительная потеря для итальянскаго дѣла, еслибъ оно сколько нибудь двигалось партіею, имѣвшею своимъ представителемъ Кавура. Впрочемъ, уже ни въ какомъ случаѣ не была смерть знаменитаго министра выигрышемъ для итальянскаго дѣла: партія, представителемъ которой былъ онъ, такъ многочисленна, что сохранила управленіе дѣлами въ своихъ рукахъ, и Рикасоли, преемникъ Кавура, объявилъ, какъ извѣстно читателю, что будетъ неуклонно слѣдовать программѣ своего великаго предшественника. Посмотримъ, скоро ли приобрететъ Рикасоли такой же авторитетъ геніальности, какой упрочился за Кавуромъ; а въ самодовольствіи онъ не уступаетъ Кавуру.

Мы не говоримъ о мелкихъ волненіяхъ, вспыхивающихъ по временамъ то въ одномъ, то въ другомъ итальянскомъ городѣ или округѣ, особенно въ бывшихъ неаполитанскихъ владѣніяхъ на материкѣ. Публика совершенно справедливо находитъ, что поводомъ къ этимъ беспорядкамъ, которые легко подавляются и не представляютъ никакой серьезной опасности Итальянскому королевству, служатъ происки бурбонскихъ эмиссаровъ, и что съ отъѣздомъ Франциска II изъ Рима

(при будущем удаленіи французовъ изъ Рима) этотъ поводъ исчезнетъ и страна успокоится. Разумѣется, такъ; но почему же бурбонскіе эмиссары успѣваютъ поднимать безпорядки противъ новаго правительства?—Новое правительство еще не нашло времени подумать о доставленіи простому народу какихъ нибудь существенныхъ выгодъ отъ новаго порядка вещей. Образованное общество, проникнутое потребностью политической свободы и національной независимости, предано новому порядку вещей; но какія преимущества онъ имѣетъ надъ прежнимъ, еще не видно для массы итальянскихъ простолюдиновъ, которые знаютъ только величину платимыхъ ими налоговъ.

Австрія чрезвычайно огорчена тѣмъ, что императоръ французовъ призналъ титулъ короля Италіи за Викторомъ-Эммануэлемъ, какъ будто силы Виктора-Эммануэля зависятъ отъ формы, по которой надписывается адресъ на депешахъ, передаваемыхъ его министрамъ парижскими министрами, или какъ будто бы какой нибудь титулъ можетъ помѣшать объявленію войны и отнятію областей, если имѣешь на то силу. Вѣдь вся Европа признавала за императоромъ австрійскимъ титулъ короля ломбардо-венеціанскаго, но это ни мало не помѣшало Кавуру отнять у него Ломбардію при первой возможности. Значительнымъ утѣшеніемъ австрійскому правительству служить преданность нѣмецкой партіи въ палатѣ депутатовъ имперскаго совѣта. Депутаты эти чрезвычайно либеральны: съ обыкновеннымъ жаромъ аплодируютъ Шмерлингу, превозносящему либерализмъ; и съ такимъ же жаромъ аплодируютъ ему, когда онъ говоритъ о необходимости спасти австрійское общее отечество отъ гибельныхъ замысловъ славянъ, мадаръ и итальянцевъ, составляющихъ три четверти населенія Австрійской имперіи. Нѣмецкая партія имперскаго совѣта убѣждена, что либерализмъ требуетъ подавить венгерское самовольство вооруженною рукой и не дать гибельной воли чехамъ, желающимъ признанія какихъ-то правъ какой-то своей національности, которой вѣнскіе либералы рѣшительно не находятъ у чеховъ, а видятъ у нихъ однѣ только невѣжественныя мечты о сохраненіи этой мнимой славянской своей національности. По мнѣнію вѣнскихъ либераловъ, совершенно согласныхъ съ Шмерлингомъ, конституціонный порядокъ въ Австрійской имперіи долженъ быть упроченъ военными мѣрами противъ венгровъ, чеховъ и другихъ враговъ либерализма. Впрочемъ хороши и чехи: однимъ изъ правъ своихъ на свободу они выставляютъ то, что Виндингрець покорился въ 1848 г. мятежную Вѣну чешскими войсками. Сначала чешскіе депутаты, называющіе себя гусситами и демократами, вступили было въ союзъ съ клерикальной и ультра-аристократической партіей, съ графомъ Кламъ-Мартиницемъ и кардиналами Рауномъ и Шварценбергомъ, которые не только демократовъ и гусситовъ, но и нынѣшнихъ вѣнскихъ министровъ считаютъ революціонерами, достойными всякихъ временныхъ и вѣчныхъ казней за вражду противъ іезуитскаго владычества и феодальныхъ правъ. Такой союзъ свидѣтельствуетъ о степени политическаго такта у членскихъ депутатовъ. Но почему-то онъ оказался непроченъ, и предводитель чешской партіи Ригеръ (впрочемъ достойнѣйшій человѣкъ съ прекраснѣйшими намѣреніями), освободившись отъ своихъ феодальныхъ и клерикальных союзниковъ, могъ въ засѣданіи палаты депутатовъ публично провозгласить, что онъ дѣйствительно гусситъ и демократъ, а не то, что приверженецъ іезуитовъ и феодаля.

Чехи впрочемъ грѣшатъ только безтактностью, слѣдствіемъ недостаточности политическаго образованія. Нѣмецкая партія въ палатѣ депутатовъ имперскаго

совѣта безтактностью не уступаетъ чехамъ: устройство, кажущееся ей либеральнымъ, она надѣется упрочить помощью военныхъ мѣръ, ведущихъ къ результату прямо противоположному, — но кромѣ того, и самая цѣль ея стремленій несправедлива: она непременно хочетъ подчинить всѣ народности Австрійской имперіи нѣмецкому элементу и связать въ государство, подобное Франціи, имперію, разноплеменные части которой могли бы ужиться только подъ формою федераціи. Пока австрійскіе нѣмцы будутъ слѣдовать за людьми такого образа мыслей, какъ Шмерлингъ и нѣмецкіе депутаты имперскаго совѣта, ничего хорошаго не дождутся они и для самихъ себя. У чеховъ, напротивъ того, основное стремленіе справедливо: они хотятъ, чтобы земля каждаго племени составляла особенное независимое цѣлое, связанное съ другими сосѣдними государствами только союзомъ на равныхъ правахъ. Но на вѣнскомъ имперскомъ совѣтѣ чехи находятся въ меньшинствѣ и неприклонное большинство составляютъ нѣмецкіе централизаторы.

Въ этомъ надобно искать коренную причину невозможности примиренія между Венгрією и западною частью Австрійской имперіи, подчиняющеюся вѣнской централизаціонной системѣ или по сочувствію централизаціоннымъ принципамъ, какъ нѣмецкія области, или какъ Чехія по безсилію, пропеходящему отъ политической неопытности. Формальною причиною сопротивленія венгровъ вѣнской системѣ выступаютъ старинныя права Венгріи на совершенную независимость отъ вѣнскаго правительства. Сами венгры обыкновенно довольствуются указаніемъ на эти свои права; но, разумѣется, преданіе потеряло бы живую силу, если бы дѣйствія, имъ оправдываемыя, не были внушаемы настоящимъ положеніемъ вещей. Венгры — народъ способный къ дѣйствительному, а не мнимому только конституціонному порядку и самоуправленію. Они видятъ, что западная половина Австрійской имперіи еще не въ силахъ провести въ свою жизнь ни того, ни другаго принципа, что она еще остается подчинена принципамъ совершенно плаго направленія и что соединиться съ этою частью въ какихъ бы то ни было имперскихъ совѣтахъ или парламентахъ, значило бы для Венгріи подчинить свою судьбу рѣшеніямъ такого большинства депутатовъ, которое неспособно отстаивать чьи бы то ни было права противъ произвола. Венгры дальновиднѣе чеховъ по своей политической опытности, и понимаютъ, что перенести рѣшеніе своихъ дѣлъ въ Вѣну было бы то же самое, что согласиться на добровольное подчиненіе прежней системѣ произвольнаго управленія. При своемъ политическомъ развитіи не могутъ они согласиться на это. А вѣнская система не захочетъ отказаться отъ господства надъ Венгрією безъ борьбы; изъ Пешта она можетъ быть вытѣснена лишь тѣмъ же способомъ, какъ изъ Венеціи. Потому едва ли можно избѣгнуть военной развязки венгерскаго вопроса. Венгры знаютъ это очень хорошо, и дѣло идетъ у нихъ лишь о томъ, какъ провести время до наступленія обстоятельствъ, при которыхъ война съ Австрією имѣла бы шансы успѣха. Одни думаютъ, что надобно въ это промежуточное время дѣйствовать рѣзко; другіе считаютъ преждевременную рѣзкость дѣломъ слишкомъ рискованнымъ и стараются избѣгать столкновеній. Въ этой разницѣ и состоитъ главное разнорѣчіе между радикальною и умѣренною партіями венгерскаго сейма. Конечно, сами предводители умѣренной партіи, Деакъ и Этвешъ, могутъ и вовсе не желать войны; но масса депутатовъ, слѣдующихъ за ними, вовсе не раздѣляетъ этого мнѣнія: она, подобно радикальной партіи, считаетъ войну неизбѣжною и подаетъ голосъ за нѣкоторыя смягченія въ формахъ дѣйствій лишь временнымъ образомъ, въ ожиданіи

благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ. При ихъ наступленіи, на сторонѣ Этвеша и Деака останется очень мало голосовъ; да и теперь большинство сейма принадлежить радикальной партіи, которая впрочемъ и сама въ иныхъ случаяхъ считаетъ полезнымъ уступать большинству защитникамъ болѣе мягкихъ формъ. Такъ было, напримѣръ, при подачѣ голосовъ о главномъ предметѣ первыхъ преній венгерскаго сейма, — о томъ, въ какой формѣ сеймъ выразитъ вѣнскому правительству требованія Венгріи: въ формѣ ли адреса императору, какъ предлагала умѣренная партія, или въ формѣ простаго «рѣшенія», представляемаго на принятіе императору. Форма адреса была предлагаема съ тою цѣлью, чтобы не выражать официальнымъ образомъ господствующаго въ Венгріи мнѣнія, что императоръ австрійскій пользуется до сихъ поръ только фактической властью надъ Венгерією, а по закону не признается королемъ Венгріи, которая не утверждала своимъ соглашеніемъ этой власти за нимъ. Форма «рѣшенія» прямо показывала бы, что венгерскій сеймъ не признаетъ законной власти надъ Венгерією за императоромъ австрійскимъ. Радикальная партія не соглашалась съ доводами въ пользу адреса, и по своему принципу должна была защищать форму «рѣшенія». Но послѣ долгихъ преній открылось новое соображеніе, заставившее и радикальную партію желать, чтобы принята была форма адреса. Если бы послано было въ Вѣну «рѣшеніе», вѣнское правительство могло бы долго оставлять его безъ отвѣта подъ тѣмъ предлогомъ, что нужно дать отвѣтъ подробный, требующій много времени для обработки. А если будетъ посланъ адресъ, положеніе дѣлъ должно будетъ тотчасъ же разъясниться принятіемъ или непринятіемъ депутаціи, которая повезетъ его къ императору: если депутація не будетъ принята, значитъ, вѣнское правительство само провозглашаетъ невозможность примиренія; если депутація будетъ принята, императоръ долженъ будетъ отвѣчать на ея рѣчь словами, по тону которыхъ будетъ видно, каковъ крайній предѣлъ уступокъ со стороны вѣнскаго правительства. Поэтому радикальная партія на предварительномъ своемъ собраніи рѣшила, что извѣстное число ея членовъ должны подать голосъ за адресъ, чтобы доставить ему большинство. Такимъ образомъ и доставлено было адресу большинство трехъ голосовъ. Не допуская умѣренную партію провести чрезъ сеймъ форму адреса, радикальная партія измѣнила въ своемъ духѣ проектъ адреса, составленный Деакомъ. Изъ этихъ измѣненій наиболѣе важны два, показывающія, въ чемъ заключается главный предметъ разногласія между партіями. Въ проектѣ Деака адресъ начинался словами: «свѣтлѣйшій императоръ и король!» Радикальная партія потребовала замѣнить слова «императоръ и король» словомъ «господинъ». Это было принято сильнымъ большинствомъ. Въ проектѣ Деака была фраза: «мы хотимъ покрыть завѣсой страданія прошлаго», — это, разумѣется, означало, что сеймъ готовъ забыть незаконное по его мнѣнію управленіе послѣднихъ одиннадцати лѣтъ. Радикальная партія потребовала выбросить эти слова, потому что Венгрія не намѣрена забывать страданій, которымъ подвергалась. Большинство рѣшило вычеркнуть эту фразу.

О томъ, чего требовать отъ австрійскаго правительства, преній никакихъ не было, потому что въ этомъ обѣ партіи совершенно согласны: умѣренные одинаково съ радикалами хотятъ, какъ извѣстно читателю, совершенной отдѣльности Венгріи отъ остальной Австріи.

По телеграфическимъ депешамъ мы знаемъ, что послѣ долгихъ колебаній вѣнское правительство рѣшило не принимать адреса, въ которомъ венгры не даютъ

императору австрійскому титула: «императоръ и король». Прежде говорили, что отвергнувъ адресъ, какъ документъ мятежнаго содержанія, императоръ распуститъ имперскій сеймъ и немедленно возстановится прежній военный порядокъ управленія Венгрією. Дешеш молчатъ объ этомъ. Во всякомъ случаѣ непріятіемъ адреса начинается второй фазисъ вопроса: коренное несогласіе венгерскихъ требованій съ австрійскою системою признано. Посмотримъ, какія мѣры будутъ приняты австрійскимъ правительствомъ для усмиренія венгровъ и какъ разсудятъ венгры о возможности вооруженнаго сопротивленія при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, не представляющихъ для него благопріятныхъ комбинацій.

Въ Турціи умеръ одинъ султанъ, на мѣсто его провозглашенъ по законному порядку другой. Газеты разсуждаютъ о томъ, какую перемѣну произведетъ это въ турецкой системѣ.—Чтобы мы стали разсуждать объ этомъ, читатель конечно и не ожидаетъ.

Въ Америкѣ начались наступательныя дѣйствія союзныхъ войскъ противъ инсургентовъ, которые уже принуждены были безъ сопротивленія бросить одну изъ главныхъ своихъ позицій, крѣпость Гарперсъ-Ферри; этимъ отступленіемъ очистили они сѣверную часть Виргініи, и театръ войны переносится теперь въ среднюю полосу этого штата, который вѣроятно и весь будетъ мѣсяца черезъ полтора или два очищенъ отъ инсургентовъ. Значительныхъ сраженій еще не было; но уже произошло нѣсколько довольно большихъ стычекъ, въ которыхъ сѣверныя войска одерживали верхъ, какъ и слѣдовало ожидать.

Июль 1861.

ТАКТИКА ВЕНГЕРСКИХЪ РАДИКАЛОВЪ. — КРОАТСКИЙ СЕЙМЪ. — НѢМЦЫ И СЛАВЯНЕ НА ВѢНСКОМЪ СЕЙМѢ. — ПРЕНІЯ ВЪ АНГЛІЙСКОЙ ПАЛАТѢ ОБЩИНЪ ОБЪ УСТУПКѢ ОСТРОВА САРДИНІИ. — ПЕРЕМѢЩЕНІЕ ЛОРДА РОССЕЛЯ ВЪ ПАЛАТУ ПЕРОВЪ. — СЪВѢРО-АМЕРИКАНСКІИ ДѢЛА.

Съ недѣли на недѣлю, съ мѣсяца на мѣсяцъ тянется почти все одно и то же положеніе дѣлъ въ Венгріи, благодаря тактикѣ большинства на венгерскомъ сеймѣ: когда сеймъ собирался четыре мѣсяца тому назадъ, венгры надѣялись, что вспыхнетъ война въ Италіи. Но Кавуръ не отважился начать военныя дѣйствія въ противность волѣ императора французовъ, и пришлось венграмъ ждать другихъ комбинацій, чтобы приняться за осуществленіе своего плана. Ближайшею цѣлью ихъ сдѣлалось то, чтобы продлить существованіе своего сейма, избѣгая рѣшительныхъ дѣйствій. Задача была очень трудная, потому что избиралось большинство сейма вовсе не съ такими мыслями: люди, выбранные для провозглашенія войны—должны были заботиться теперь объ отсрочкѣ столкновеній. Чтобы достигать этой цѣли, они должны были жертвовать своимъ самолюбіемъ, предоставляя одерживать побѣду въ преніяхъ сейма умѣренному меньшинству, надѣявшемуся примирить австрійское правительство съ Венгріею. Кромѣ непріятностей для личнаго самолюбія, существовала по-видимому и значительная опасность въ этой системѣ добровольныхъ уступокъ большинства меньшинству. Что, если бы австрійское правительство согласилось на требованія умѣренной партіи? Большинство, допускавшее этимъ требованіямъ проходить черезъ сеймъ, принуждено было бы провозгласить примиреніе Венгріи съ Австріею, когда вѣнское правительство приняло бы программу умѣренной партіи. Но предводители большинства очень вѣрно предусматривали, что вѣнское правительство не сѣмѣетъ воспользоваться выгодами, какія получило отъ нерѣшительности туринскаго кабинета, что оно не сѣмѣетъ понять истиннаго положенія дѣлъ, не сѣмѣетъ примириться съ умѣренною партіею. Будучи увѣрены въ томъ, предводители венгерскаго большинства предоставляли умѣренной партіи истощать всѣ способы къ соглашенію съ вѣнскимъ правительствомъ; черезъ это выигрывалось время, и съ тѣмъ вмѣстѣ все тверже укоренялось, послѣ каждой неудачной попытки умѣренной партіи, убѣжденіе, что надобно будетъ начать войну при первой возможности, что безъ войны Венгрія ничего не получитъ. Послѣдніе два фазиса тактики,

имѣвшей такую цѣль, требовали очень сильнаго самообладанія отъ предводителей большинства: они должны были дѣлать маневры, подвергавшіе ихъ насмѣшкамъ отъ людей, которымъ еще не понятенъ былъ ихъ расчетъ.

Читатель помнитъ, что большинство венгерскаго сейма, отвергавшее форму адреса, согласилось пропустить адресъ чрезъ палату, чтобы выиграть время. Но въ проэктѣ адреса, составленномъ главою умѣренной партіи, Деакомъ, оно сдѣлало перемѣны, очень важныя съ формальной точки зрѣнія: оно отвергло титулъ императора и короля, который давался императору австрійскому въ первоначальномъ проэктѣ адреса. Императоръ сказалъ депутаціи венгерскаго сейма, отправленной къ нему для поднесенія адреса, что не можетъ принять документа, въ которомъ не признается за нимъ его титулъ. Онъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ возстановленіе выраженій, находившихся въ первоначальномъ проэктѣ. Что теперь было дѣлать большинству венгерскаго сейма? Оно отвергло эти выраженія; возстановить ихъ значило бы навлечь на себя упреки въ трусости. Но возстановить ихъ значило выиграть время, что всего дороже при настоящемъ положеніи дѣлъ. Существенную выгоду большинство предпочло расчетамъ самолюбія. Оно рѣшило не противорѣчить умѣренному меньшинству, и выраженія первоначальнаго проэкта были возстановлены.

Австрійское министерство какъ будто было увѣрено, что венгерскій сеймъ не сдѣлаетъ этого. По крайней мѣрѣ, когда присланъ былъ въ Вѣну адресъ по формѣ, какой оно требовало, оно было разстроено, и долго не могло рѣшить, какъ поступить. Болѣе недѣли шли въ кабинетѣ сильные споры о характерѣ отвѣта на адресъ, котораго не принять было уже нельзя. Представители венгерской національности въ министерствѣ, Вай и Сечень, доказывали необходимость уступокъ требованіямъ сейма. Шмерлингъ не соглашался. Проэктъ рескрипта, представленный Ваемъ и Сеченомъ, былъ наконецъ отвергнутъ, и принятъ другой проэктъ въ духѣ Шмерлинга. Тогда Вай и Сечень, уже считавшіеся въ Венгріи измѣнниками, вышли въ отставку.

Когда присланъ былъ въ Пештъ рескриптъ, написанный въ духѣ Шмерлинга, онъ произвелъ такое неблагоприятное впечатлѣніе, что Аппони, служащій представителемъ вѣнскаго правительства при венгерскомъ сеймѣ, нѣсколько разъ посылалъ по телеграфу увѣренія въ необходимости взять рескриптъ назадъ и замѣнить другимъ, болѣе уступчивымъ. На всѣ представленія онъ получалъ рѣшительный отказъ. Пришелъ день, назначенный для формальнаго сообщенія сейму отвѣта на его адресъ. Въ 12 часовъ должно было начаться засѣданіе сейма, — за полчаса Аппони сдѣлалъ еще попытку убѣдить Шмерлинга въ необходимости измѣнить рескриптъ. Пробыло 12 часовъ, сеймъ ждалъ чтенія, — Аппони отлагалъ чтеніе, пока получитъ депеша изъ Вѣны. Наконецъ, она получена: Шмерлингъ непреклоненъ. Началось чтеніе рескрипта.

Надобно отдать справедливость искусному тону, которымъ написанъ рескриптъ; онъ наполненъ увѣреніями, лестными для венгровъ, которыхъ императоръ австрійскій называетъ въ немъ возлюбленными и вѣрными своими подданными, обращаясь къ нимъ въ выраженіяхъ, очень милостивыхъ. Всего рескрипта мы не будемъ приводить здѣсь, во первыхъ потому, что онъ довольно длиненъ; во вторыхъ потому, что переводъ его уже сообщенъ русской публикѣ нашими газетами; въ третьихъ потому, что значительнѣйшая часть его занята техническими подробностями, кото-

рыя потребовали бы очень длинныхъ объясненій. Мы приведемъ лишь самыя характеристическія мѣста. Вотъ начало рескрипта.

«Мы Францъ-Іосифъ I, и проч. и проч. и проч. Собравшимся по нашему созванію 2 апрѣля текущаго года въ сеймъ магнатамъ и представителямъ нашего вѣрнаго королевства Венгріи посылаемъ наше привѣтствіе и благоволеніе.

«Возлюбленные вѣрноподданные! видя, что данному въ нашемъ рескриптѣ къ вамъ отъ 30-го Іюня приглашенію представить посылаемый вамъ всеподданнѣйшій вашъ адресъ въ такой формѣ, чтобы его принятіе согласовалось съ охраняемымъ нами «отъ всякаго нападенія достоинствомъ короны и съ нашими наслѣдственными правами, «вы послѣдовали съ соотвѣтственно вашимъ обязанностямъ готовностію, за что мы «уже выразили вамъ наше удовольствіе; мы радуемся, что, по выраженному вамъ на- «шему общанію и живому желанію, можемъ откровенно высказаться о высоко-важныхъ «дѣлахъ, заключающихся въ этомъ адресѣ, чтобы такимъ образомъ чрезъ ясное и по- «слѣдовательное разсмотрѣніе достигъ успѣшнаго и прочнаго рѣшенія настоящихъ затруд- «неній».

Послѣ этого разсматриваются поочередно всѣ мнѣнія и желанія, выраженные въ адресѣ, и доказывается съ одной стороны неосновательность каждаго изъ нихъ, съ другой стороны вредность для самыхъ венгровъ, или для всей Австрійской имперіи, съ третьей стороны несогласіе его съ конституціею 26 февраля, которую императору угодно сохранять неизмѣнно, съ четвертой стороны несогласіе его съ волею императора, которая остается верховнымъ закономъ для Австріи. Потому всѣ требованія адреса одно за другимъ отвергаются; послѣ всего этого рескриптъ имѣетъ слѣдующее окончаніе:

«Вотъ что всемилостивѣйше желали мы отвѣчать на всеподданнѣйшее представ- «леніе собранныхъ сеймо-образно магнатовъ и представителей, справедливо ожидая, что «мы нашу главнѣйшую заботливость направимъ къ тому, чтобы наше королевство «Венгріа, успокоенное относительно самостоятельности своего внутренняго управленія, «нашло непоколебимыя опоры въ обезпеченіе своего будущаго блага; и что сеймо- «образно собранные магнаты и представители, съ надлежащимъ соображеніемъ отношеній «Венгріи къ прочимъ прагматическою санкціею неразрывно соединеннымъ съ нею коро- «левствамъ и землямъ, не откажутъ въ своемъ сообразномъ конституціи содѣйствіи «этому предначертываемому нами сообразному совокупнымъ интересамъ устроенію еще «нуждающихся въ ономъ отношеніи. Но такъ какъ мы во вниманіе къ тому, что скаж- «ковъ въ управленіи или законодательствѣ какой либо страны нельзя дѣлать безъ глу- «бокаго потрясенія всѣхъ отношеній, разрушенія благосостоянія и поврежденія свя- «щеннѣйшихъ интересовъ, уже въ нашихъ рѣшеніяхъ отъ 20 октября 1860 г. поста- «новили, чтобы всѣ существующіе, какъ для самой области чрезвычайно важные, точно «также и съ существенными интересами нашихъ прочихъ земель соображенные законы «и постановленія, въ особенности же на сколько они относятся къ доставленію средствъ «на покрытіе потребностей нераздѣльной имперіи, продолжали существовать во всей «силѣ и со всю рѣшительностію поддерживались, пока не произойдетъ ихъ измѣненіе «конституціоннымъ путемъ,—то напоминаемъ мы о семъ собраннымъ въ сеймѣ магна- «тамъ и представителямъ, съ сильнымъ внушеніемъ, чтобы этимъ нашимъ приказаніямъ «впредь оказывать точнѣйшее повиновеніе. — Впрочемъ остаемся къ вамъ неизмѣнно «расположены нашею императорскою и королевскою любовью и милостію.»

Мы сказали, что по своему тону рескриптъ написанъ очень искусно. Но о языкѣ его мы не выражали своего мнѣнія,—въ Вѣнѣ находятъ, что и языкъ его очень хорошъ. Вотъ свидѣтельство вѣнскаго корреспондента одной изъ нѣмецкихъ газетъ:

«Рескриптъ къ венгерскому сейму обнародованъ. Здѣшняя публика хвалитъ ясность и простоту языка, которымъ онъ написанъ.»

Не столь выгодно было впечатлѣніе, произведенное рескриптомъ на заграничную публику. Французскія и англійскія газеты нашли, что онъ сильно повредить интересамъ вѣнскаго правительства *).

Если таково мнѣніе иностранцевъ, то разумѣется само собою, что самимъ венграмъ рескриптъ еще больше не понравился. По нашему понятію, тонъ рескрипта очень любезенъ и милостивъ. Венгры несогласны даже и съ этимъ,—они остались недовольны не только содержаніемъ, но и тономъ рескрипта. Но мы, не желая сами излагать ихъ мнѣніе, предоставимъ говорить пештскому корреспонденту Times'a. Вотъ два его письма:

«Пештъ, 23 іюля.»

«Рескриптъ, данный венгерскому сейму, обнаруживаетъ нынѣ растянутый и многословный, онъ представляетъ рѣзкій контрастъ ясному, дѣловому адресу Даака, на который хочеть служить отвѣтомъ. Духъ этого документа, по словамъ венгровъ,—духъ незнакомый Венгріи, а языкъ и тонъ его, по словамъ стариковъ-депутатовъ, знакомыхъ съ формами, таковы, что Вѣна никогда не говорила съ венгерскимъ сеймомъ подобнымъ образомъ. Рескриптъ начинается общаніемъ прямодушно разсмотрѣть поднятые вопросы для вѣчнаго устранинія нынѣшнихъ непріятностей. Къ несчастію, это общаніе совершенно опровергается всѣмъ слѣдующимъ содержаніемъ рескрипта. Тѣ немногіе, которые ожидали примирительнаго рѣшенія, подверглись полному разочарованію. Рескриптъ оказался совершенно противоположенъ ихъ надеждамъ. По содержанію и тону его (говорятъ венгры) надобно предположить одно изъ двухъ: или Францъ-Іосифъ непонятнымъ путемъ пришелъ въ послѣднюю недѣлю къ убѣжденію, что разсѣялись всѣ опасности, грозившія его имперіи, или совѣтниками ему служатъ люди, мало заботящіеся о судьбахъ имперіи, ставящіе личное минутное торжество выше прочности государства. Всѣ говорятъ здѣсь, что никогда еще не бывало документа, столь необдуманнаго и опаснаго. Что австрійское правительство при нынѣшнемъ своемъ положеніи, при недостаткѣ денегъ и при всяческихъ своихъ затрудненіяхъ бросаетъ прямо въ лицо венграмъ перчатку, это принимается здѣсь за безразсудство, объясняемое лишь тѣмъ, что вѣнское правительство рѣшительно не знаетъ истиннаго положенія дѣлъ въ Венгріи, особенно не знаетъ единодушія и непоколебимой рѣшимости всѣхъ сословій націи. Если бы императоръ и его совѣтники пріѣхали въ Пештъ внезапно, хотя на нѣсколько дней, послушали бы и посмотрѣли что здѣсь происходитъ, то поспѣшили бы они измѣнить рескриптъ. раздражающій здѣсь всѣхъ. Если послѣ 12 лѣтъ произвольнаго управленія Францъ-Іосифъ, при своемъ характерѣ и при своихъ фамиліальныхъ преданіяхъ, нашелъ нужнымъ уступить конституціонному духу Венгріи, это очень ясно показываетъ, что онъ чувствовалъ надобность въ расположеніи и поддержкѣ со стороны венгровъ. Очевидно онъ думаетъ, что эта надобность прошла: иначе невозможно объяснить, что онъ отвѣчалъ такимъ рескриптомъ на представленія венгерскаго парламента. Но ультра-либеральная партія въ Венгріи чрезвычайно обрадована этимъ рескриптомъ, потому что онъ соединяетъ въ одно цѣлое всѣ венгерскія партіи, и потому, что положеніе ясно опредѣленное лучше неопредѣленнаго. Императоръ, говорятъ ультра-либералы, ясно и

*) Мы не будемъ спрашивать мнѣнія у либеральныхъ англійскихъ газетъ, потому что оно извѣстно впередъ; но любопытно узнать, какъ думаютъ объ австрійскомъ отвѣтѣ венгерскому сейму англійскіе консерваторы. Мы приведемъ слова Saturday Review, еженедѣльной газеты, служащей самымъ вліятельнымъ органомъ торійской партіи. Вотъ что говоритъ Saturday Review: «императоръ австрійскій конечно восхитилъ своимъ рескриптомъ друзей Кошута и не обманулъ надежды той венгерской партіи, которая согласилась на адресъ къ нему. Ея предводители были съ самаго начала убѣждены, что вѣнское правительство не согласится удовлетворить венгровъ серьезными уступками. Рескриптъ въ сущности равнозначителенъ объявленію войны, которую венгры не начнутъ теперь же только потому, что выжидаютъ благоприятѣйшихъ обстоятельствъ для поднятія брошенной имъ перчатки. Этотъ рескриптъ уничтожилъ всякое несогласіе въ мнѣніяхъ между венгерскими партіями и сдѣлалъ вопросъ о войнѣ только вопросомъ о времени для начала войны.»

положительно объявил наконецъ, чего онъ хочетъ и чего не хочетъ; мы знаемъ, чего намъ ожидать, и можемъ рѣшительно выбрать для себя путь дѣйствія, «Еслибъ у насъ только было оружіе на 150 тысячъ человѣкъ, стали говорить мнѣ венгры по полученіи рескрипта, не было бы у насъ и рѣчи объ отсрочкахъ и разсужденіяхъ. Мы немедленно дали бы отвѣтъ». Это чувство очень сильно и выражается оно спокойнымъ тономъ, безъ хвастовства. Венгры смотрятъ на рескриптъ, какъ на вызовъ, на который охотно отвѣчали бы на полѣ сраженія. Но оружія и денегъ у нихъ нѣтъ; потому они должны удовольствоваться нравственнымъ сопротивленіемъ и тѣмъ, что по прежнему будутъ отказываться отъ платежа податей, въ ожиданіи поры, когда можно будетъ начать борьбу болѣе дѣятельнымъ путемъ; а до той поры рѣшились они не нарушать тишины. Низшіе классы, сильно интересующіеся политическими дѣлами, готовы были бы подняться теперь же; но представители націи увѣряютъ меня, что успѣютъ удержать народъ.

«Если вы читали мои письма, то не нужно мнѣ вновь говорить, что ни въ какомъ случаѣ не пошлютъ венгры депутатовъ на вѣнскій имперскій совѣтъ (въ чемъ состоитъ главное требованіе рескрипта). Уступка эта столько же вѣроятна, какъ то, чтобы члены венгерскаго сейма процессіею пошли на берегъ Дуная и утопились всѣ до послѣдняго. Кто хотя нѣсколько наблюдалъ расположеніе въ мысляхъ венгровъ, характеръ и энергію націи, тому рескриптъ долженъ казаться рядомъ требованій, на исполненіе которыхъ не имѣютъ ни малѣйшей надежды сами составители рескрипта, если хоть сколько нибудь знаютъ Венгрію. Одно изъ двухъ: или австрійскій кабинетъ ровно ничего не понимаетъ въ венгерскихъ дѣлахъ, или цѣль рескрипта только та, чтобы возбудить въ Венгріи безпорядки, которые послужили бы предлогомъ для крутыхъ мѣръ. Есть въ Пештѣ нѣсколько человѣкъ, старающихся убѣдить себя, что не вся еще надежда на Вѣну потеряна, и что скоро мысли австрійскаго правительства могутъ измѣниться. Но большинство теперь думаетъ, что никакой справедливости не должна ждать Венгрія отъ Вѣны, пока не предъявитъ своихъ требованій съ оружіемъ въ рукахъ. Что благопріятныя для того обстоятельства представятся скоро, въ этомъ никто здѣсь не сомнѣвается. Въ людяхъ горячихъ замѣтно нетерпѣніе, но унынія нѣтъ ни въ комъ. Венгры въ состояніи ждать: нынѣшній день для нихъ неблагопріятенъ, по завтрашній твердо считаютъ они своимъ.»

25 іюля.

«По прочтеніи рескрипта, венгерскій сеймъ отсрочилъ свои засѣданія на нѣсколько дней, и каждая изъ двухъ партій назначила свой комитатъ изъ восьми членовъ, чтобы во время этой отсрочки засѣданій рассмотреть рескриптъ и составить программу для дальнѣйшаго образа дѣйствій. Эти два комитата соединились въ одинъ; о совѣщаніяхъ въ немъ происходящихъ ничего неизвѣстно, потому что члены его взаимно обязались хранить тайну. Но надобно полагать, что онъ положитъ отвѣчать императору на его рескриптъ. Есть люди, которые не хотѣли бы отвѣчать императору, а вмѣсто того издать манифестъ къ венгерской націи. Это едва ли будетъ сдѣлано, потому что вѣроятно повело бы къ распусценію сейма. А по господствующему здѣсь мнѣнію, чѣмъ больше можно продлить существованіе нынѣшней палаты, тѣмъ лучше для венгерскаго дѣла. Нынѣшнее положеніе выгодно для него, а каждую благопріятную перемѣною политическихъ обстоятельствъ венгры вполне воспользуются. По всѣмъ свѣдѣніямъ, какія получаются въ Пештѣ изъ разныхъ частей страны, отказъ въ платежѣ податей идетъ успѣшно и достигаетъ желаемой цѣли. Тамъ или здѣсь, какой нибудь несчастный городокъ или деревня, не имѣя возможности долѣе содержать солдатъ, которыхъ ставятъ въ наказаніе за неплатежъ, уступать и платить; но большая часть населенія остается непреклонна. Вѣдъ Венгрія такъ велика, что солдатъ недостаетъ для всеобщаго исполненія плана вынуждать платежъ налоговъ этими экзекуціями. А прибѣгать къ продажѣ имущества за неплатежъ — невозможно. Сборщикъ податей можетъ объявлять объ аукціонѣ, но не можетъ никого принудить къ покупкѣ продаваемаго. Ультра-либеральная партія чрезвычайно довольна рескриптомъ, который доказалъ, что она была права въ своемъ убѣжденіи о невозможности ждать ничего удовлетворительнаго изъ Вѣны. Она

радуется, что рескриптъ соединилъ обѣ партіи сейма въ одну. Сліяніе комитатовъ обѣихъ партій въ одинъ служить доказательствомъ дѣйствительности этого соединенія между ними.

«Въ ожиданіи конца трудовъ этого комитата, газеты и публика занимаются разборомъ рескрипта. Здѣсь говорятъ, что онъ написанъ какимъ-то иностранцемъ Вареномъ, который состоитъ по литературной части при кабинетѣ министровъ. Но кто бы ни былъ авторъ рескрипта, это сочиненіе плохо рекомендуетъ тактъ и умъ своего автора. Самыя рѣзкія замѣчанія возбуждаются тѣмъ мѣстомъ рескрипта, гдѣ неизвѣстный авторъ заставляетъ императора говорить, что онъ не признавалъ и никогда не признаетъ тѣхъ частей конституціи 1848 года которыя несогласны съ его рѣшеніями 20 октября 1860 и 26 февраля 1861. и что онъ «не считаетъ себя лично обязаннымъ признавать эти части».—Почти столь же сильно раздражаются венгры и тѣми отдѣлами рескрипта, которые относятся къ вопросу о національностяхъ. Когда созывался венгерскій сеймъ, правительство должно было, по закону, пригласить на него представителей Трансильваніи и Кроаціи. Оно этого не сдѣлало,—съ тѣмъ, по мнѣнію венгровъ, чтобы сеймъ остался пеймбующимъ права принимать какіе бы то ни было законы. Въ адресѣ Деака прямо говорится, что «пока представители всѣхъ земель, входящихъ въ составъ Венгерскаго королевства, не будутъ призваны на сеймъ, онъ не можетъ считать себя въ правѣ принимать законы» (и всѣ венгры такъ думаютъ), а къ числу законовъ, которые болѣе всего желаютъ они принять, принадлежатъ законы, которыми дано было бы полное удовлетвореніе не-венгерскимъ національностямъ. Соблюдая конституціонное правило, что сеймъ не можетъ принимать никакихъ законовъ, пока не будетъ въ полномъ составѣ, онъ и не принялъ до сихъ поръ ни одного, а только совѣщался о проэктахъ законовъ. Потому и невозможно было ему рѣшить вопросъ о національностяхъ. А между тѣмъ въ рескриптѣ вѣнское правительство, возбуждающее кроатовъ и трансильванцевъ противъ венгровъ, требуетъ, чтобы сеймъ немедленно принялъ законы о сравненіи всѣхъ другихъ національностей въ правахъ съ венгерскою. Но само оно знаетъ, сеймъ не можетъ заняться этимъ, пока не будутъ призваны къ участію въ сеймѣ кроатскіе и трансильванскіе депутаты, чему оно противится. Ясно, къ чему это клонится. Австрійскіе агенты внушаютъ кроатамъ и трансильванцамъ, что вѣнское правительство чрезвычайно ревностно защищаетъ ихъ права, но что не можетъ склонить венгерскій сеймъ къ признанію этихъ правъ. Маневръ этотъ очень можетъ достигъ успѣха и вновь возбудить между національностями вражду, которая повела въ 1848 году къ войнѣ, но послѣ того уступила было мѣсто болѣе дружельнымъ чувствамъ?»

Теперь для насъ ясно, почему ультра-либеральная партія венгерскаго сейма рѣшилась пренебречь укоризнами за непостоянство, согласившись возстановить первоначальный, деаковскій видъ адреса: она предвидѣла, каковъ будетъ отвѣтъ на него и рассчитывала показать всѣмъ венграмъ на фактѣ, что никакія уступки со стороны ихъ не приведутъ къ успѣшному окончанію дѣла. Когда былъ полученъ отвѣтъ въ томъ духѣ, и пропелъ то впечатлѣніе, какъ она рассчитывала, она рѣшилась повторить опять тотъ же маневръ, который, какъ ни тяжелъ для нея, но ведетъ къ цѣли, которую имѣетъ она въ виду. Она согласилась продолжать переговоры, чтобы еще болѣе укрѣпилось единодушіе въ венграхъ новою бесполезностью переговоровъ, и чтобы выигралось еще нѣсколько времени. Эта тактика чрезвычайно ловкая, но требующая чрезвычайнаго самообладанія и возможная только при полной увѣренности въ свойствахъ противника. Что, если вѣнскій кабинетъ воспользуется возобновляющимся случаемъ кончить дѣло выгодно для австрійскаго правительства, примиреніемъ съ венграми? Но ультра-либеральная партія твердо убѣждена, что вѣнское правительство не сдумѣетъ воспользоваться и этимъ случаемъ, какъ не сдумѣло воспользоваться прежнимъ, что оно будетъ неотступно держаться своей системы, ведущей къ утвержденію венгровъ въ мысли о невозможности примиренія.

Совершенно иное представляют намъ дѣйствія кроатскаго сейма, которому скорѣе всего готовы были бы мы сочувствовать, но который поступаетъ очень нерасчетливо. Сами по себѣ кроаты слишкомъ слабы: если они не въ союзѣ съ венграми, они въ полной зависимости отъ Вѣны. Но они воображаютъ, что безъ помощи венгровъ получаютъ все, чего желаютъ. И вотъ, кроатскій сеймъ рѣшаетъ, что вопросъ объ отправленіи депутатовъ на венгерскій сеймъ онъ отлагаетъ до будущаго времени, а самъ вступаетъ въ переговоры съ Вѣною. Многое можетъ измѣниться до паступленія кризиса; но судя по началу, надобно опасаться, что будетъ повторена кроатами ошибка, сдѣланная ими въ 1848 г. Вѣна будетъ длить переговоры до послѣдней минуты, чтобы удерживать кроатовъ въ разъединеніи съ венграми; когда понадобится помощь кроатовъ для войны съ венграми, Вѣна обѣщаетъ кроатамъ все, чего они хотятъ — и начнутся тѣ же самые подвиги, какія совершалъ Еллаичичъ въ 1848 году, съ тою же наградою въ случаѣ побѣды намъ венграми.

Вѣнскій сеймъ не уступаетъ въ политическомъ искусствѣ кроатскому. Всѣ нѣмцы, засѣдающіе въ палатѣ депутатовъ имперскаго совѣта, называютъ себя либералами; Шмерлингъ увѣряетъ ихъ, что и онъ либераль. Въ полномъ удовольствіи отъ этого, они свирѣпствуютъ на венгровъ, не подчиняющихся волѣ такого либеральнаго министра, и своими голосами склоняютъ всѣхъ нѣмецко-австрійскихъ либераловъ поддерживать вѣнское правительство въ будущей войнѣ съ венграми. Но желая побѣды Шмерлингу, они не соображаютъ, что нужны ему сами только для побѣды надъ венграми, а когда Венгрія будетъ усмирена, то всякая надобность въ нихъ прекратится для вѣнскаго кабинета, и они будутъ отправлены по домамъ. Съ такою же ловкостью держатъ себя эти австрійско-нѣмецкіе либералы и относительно славянъ, засѣдающихъ на имперскомъ сеймѣ: все, требуемое славянами, они отвергаютъ, какъ противное либеральнымъ планамъ Шмерлинга. Славяне, разумѣется, раздражаются этимъ, и въ досадѣ уже хвалятся тѣмъ, что чешскими полками была усмирена Вѣна въ 1848 году, — стало быть, можно предвидѣть, что когда Шмерлингу прійдетъ пора усмирять либеральныхъ нѣмцевъ въ вынѣшній разъ, чехи тоже не откажутся усмирять ихъ съ полнымъ усердіемъ. Но то когда еще будетъ, а ловкость свою уже показываютъ они и въ настоящемъ. Благодаря избирательному закону, давшему нѣмецкимъ округамъ въ Чехіи и Моравіи гораздо больше депутатовъ, чѣмъ славянскимъ округамъ, славяне составляютъ въ вѣнскомъ имперскомъ совѣтѣ лишь меньшинство. Нѣмецкое большинство систематически поддерживаетъ Шмерлинга во всемъ противъ нихъ. Ни малѣйшаго своего требованія или желанія не могутъ провести они черезъ имперскій совѣтъ. Но Шмерлингу необходимо, чтобы на этомъ вѣнскомъ сеймѣ были славяне, — иначе, если бы остались на немъ только одни нѣмцы, нельзя было бы опираться на него: вѣдь надобно, чтобы казался онъ представителемъ не однихъ австрійскихъ нѣмцевъ, которые слишкомъ малочисленны, а всѣхъ областей имперіи, кромѣ венгерскихъ и итальянскихъ, чтобы Шмерлингъ могъ говорить: «я опираюсь на представителей большинства населенія въ имперіи, а вы, венгры и итальянцы, составляете только мятежное меньшинство». При такомъ положеніи, славяне могли бы вытребовать всего, чего хотятъ, если бы поступили рѣшительно. Но они ничего себѣ, засѣдаютъ и засѣдаютъ, ни расчетомъ, ни чувствомъ оскорбляемой національности не приводятся они къ тому, чтобы понять, какъ слѣдовало бы поступить.

Свою способность упорствовать въ роли, унижительной и вредной для нихъ, и свою способность дѣйствовать сообразно достоинству и интересу своему недавно выказали они самымъ мастерскимъ образомъ. Одинъ изъ чешскихъ депутатовъ говорилъ о неуваженіи вѣнскаго правительства къ чешской національности. Президентъ палаты сдѣлалъ ему выговоръ за оскорбительныя будто бы для нѣмцевъ его выраженія. Всѣ славянскіе депутаты протестовали противъ этого выговора, несправедливаго и пристрастнаго по ихъ мнѣнію. Тогда президентъ сказалъ: «дѣлаю выговоръ всѣмъ депутатамъ, протестующимъ противъ моего прежняго выговора», — это значило, что онъ дѣластъ выговоръ всѣмъ славянскимъ депутатамъ. Они оскорбились и ушли изъ залы, объявивъ, что оскорблены. Такъ. Что же дальше? Воротились на другой день въ залу, принесли оправданіе въ томъ, что вчера ушли изъ нея: «мы, дескать, ушли не потому, что хотѣли удалиться, а для того только, чтобы поохладиться, — мы де вчера были разгорячены». Президентъ сказалъ, что выговоръ вчера сдѣлалъ онъ имъ основательно; тѣмъ дѣло и кончилось. И сѣли славянскіе депутаты на прежнихъ мѣстахъ въ ожиданіи новыхъ оскорбленій.

Читатель видитъ, какъ мы безпристрастны: и кроаты, и чехи, и австрійскіе нѣмцы одинаково сообразительны кажутся намъ. Какъ подумаешь хорошенько, то и не удивишься долговѣчному существованію Австрійской имперіи. Еще бы не держаться ей при такомъ отличномъ политическомъ тактѣ связанныхъ ея границами національностей.

Въ Италіи все идетъ по старому. Мѣсяцъ тому назадъ, мы оплакивали смерть Кавура, какъ министра незамѣнимаго. Теперь оказывается, что плачь нашъ былъ совершенно напрасенъ: Рикасоли совершенно замѣнилъ своего предмѣстника, и самыя труднѣйшія изъ наслѣдованныхъ отъ Кавура дипломатическихъ интригъ водить съ такимъ же, повидимому, некуствомъ. Извѣстно теперь, напримѣръ, что за Римъ Кавуръ предполагалъ заплатить уступкою острова Сардиніи. Дѣло это подвигается впередъ успѣшно, какъ видимъ изъ объясненій, недавно происходившихъ въ англійской палатѣ общинъ. — Но позвольте, вѣрно ли то, что Кавуръ предполагалъ уступить Сардинію Франціи? Поклонники Кавура могутъ вздумать, что мы понапрасну чернимъ имя незамѣнимаго министра. Чтобы удостовѣрить ихъ въ противномъ, приведемъ извлеченіе изъ рѣчи Кинглека, — того самаго Кинглека, который первый заговорилъ въ англійскомъ парламентѣ объ условіи, уступавшемъ Франціи Савойю и Ниццу.

Какъ только разнеслись слухи о намѣреніи французскаго правительства овладѣть островомъ Сардиніею, Россель отправилъ въ Туринъ депешу съ инструкціями англійскому посланнику при туринскомъ дворѣ, поручая ему потребовать отъ Кавура формальнаго обязательства не уступать никакихъ земель Франціи. Кавуръ отказался дать требуемое обязательство, а сослался только на рѣчь, недавно имъ произнесенную въ сардинской палатѣ и объявлявшую, что не уступить онъ ни одного дюйма земли въ Италіи. Это несогласіе дать прямое формальное удостовѣреніе англійскому правительству не разсѣивало предположеній о преднамѣренной уступкѣ острова Сардиніи, а напротивъ, подкрѣпляло ихъ. Во-первыхъ, рѣчь передъ палатою не до такой степени связываетъ министра, какъ дипломатическое объясненіе съ другою державою. Мнѣніе палаты можетъ измѣниться; тогда она освободитъ министра отъ обязательства, даннаго передъ нею, уполномочить его поступить иначе. Во-вторыхъ, и самая рѣчь Кавура передъ сардинскою палатою имѣла дву-

«смысленность, безъ сомнѣнія, рассчитанную. Англійское министерство требовало, чтобы онъ обязался не отдавать французамъ никакой земли, а Кавуръ говорилъ сардинской палатѣ, что не отдастъ только «итальянской земли»; тутъ оставлялась возможность истолковать впослѣдствіи времени, что къ острову Сардиніи это обѣщаніе ни мало и не относилось, потому что островъ Сардинія—вовсе не составляетъ часть итальянскаго материка, а что Кавуръ говорилъ только объ итальянскомъ материкѣ.—Россель потребовалъ объясненій и у французскаго правительства; французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Тувенель отвѣчалъ, что Франція не желаетъ приобрести островъ Сардинію. Но черезъ недѣлю по полученіи такого отвѣта, Россель вѣроятно замѣтилъ новые факты, несогласные съ нимъ, потому что черезъ полторы недѣли написалъ къ англійскому посланнику въ Парижѣ депешу, приказывавшую ему потребовать новыхъ объясненій отъ французскаго правительства. Что же получено въ отвѣтъ? Англійское правительство считаетъ неудобнымъ обнародовать отвѣтъ, полученный на этотъ разъ отъ французскаго правительства. Значить, отвѣтъ былъ неудовлетворителенъ. Что же теперь видно по обнародованнымъ депешамъ? Англійское правительство пришло къ сомнѣнію; оно желало, чтобы итальянское правительство и французское правительство опровергли это сомнѣніе. Итальянское правительство отказалось опровергнуть его; французское правительство въ первый разъ опровергло его, во второй разъ не опровергло. Такимъ ходомъ переговоровъ подтверждается слухъ, что существуетъ между итальянскимъ и французскимъ правительствами обязательство объ уступкѣ острова Сардиніи. Слѣдующую часть рѣчи Кинглека мы передаемъ подлинными словами англійскаго оратора:

«Если предположить, что дѣйствительно существуетъ такое обязательство, то какихъ фактовъ должны мы ожидать? Вотъ какихъ. Жители острова Сардиніи будутъ чувствовать, что итальянское правительство хочетъ уступить ихъ Франціи. На ихъ островѣ будутъ дѣлаться приготовленія къ тому. Черезъ нѣсколько времени Франція почтетъ за нужное объявлять, что не участвуетъ въ этихъ приготовленіяхъ. Король итальянскій, ободренный положительностью этихъ увѣреній, вообразитъ, что онъ освобожденъ имя отъ прежняго обязательства. Но Франція тотчасъ же выскажетъ ему свое неудовольствіе за то и покажетъ, что онъ долженъ исполнять данное обязательство. Такихъ фактовъ мы должны ждать, судя по тому, какъ велось совершенно подобное дѣло объ уступкѣ Ниццы и Савойи. И дѣйствительно мы видимъ всѣ эти факты. На островѣ Сардинія ведется агитація, съ цѣлью убѣдить его жителей, что онъ неизбежно перейдетъ подъ власть Франціи. У меня въ рукахъ листъ газеты, издающейся въ Кальяри совершенно въ этомъ духѣ. Пьемонтскіе чиновники на островѣ Сардиніи убѣждены, что скоро придется имъ шить новые мундиры по французской формѣ. Въ Туринѣ всѣ близкіе къ правительству люди также убѣждены, что оно обязалось уступить островъ Сардинію. Скажу больше. Графъ Кавуръ пригласилъ къ себѣ человѣка, фамилію котораго я еще не въ правѣ открыть палатѣ,—но она извѣстна англійскимъ министрамъ, и я полагаю, что получу полномочіе сообщить ее палатѣ, если это будетъ нужно,—графъ Кавуръ пригласилъ его къ себѣ и сказалъ, что проситъ его отправиться на островъ Сардинію и посмотрѣть, до какой степени успѣха достигли французскія приготовленія къ приобретенію острова. Человѣкъ, получавшій такое порученіе, натуральнымъ образомъ спросилъ графа Кавура: «но въ какомъ же положеніи находится ваши переговоры съ Франціею? уступаете ли вы островъ?» Графъ Кавуръ отвѣчалъ: французское правительство вынуждаетъ меня уступить; но я до сихъ поръ еще сопротивляюсь». Этотъ человѣкъ отправился на островъ Сардинію и тамъ удостовѣрился, что французская агитація ведется точно такъ же, какъ велась прежде въ Ниццѣ и Савойѣ; что тамъ учреждены два комитата, подготовляющіе переходъ острова подъ

власть Франціи. Я могу назвать лицо, руководящее дѣйствіями комитатовъ. Лицо это — французскій сенаторъ Піетри, тотъ самый, который руководилъ подобнымъ дѣломъ въ Ниццѣ и Савойѣ. Перейдемъ теперь въ Парижъ. Когда законодательный корпусъ въ предварительныхъ секретныхъ собраніяхъ по своимъ отдѣленіямъ (бюро) разсматривалъ бюджетъ французскаго флота, одинъ изъ депутатовъ замѣтилъ, что по этому бюджету французскій флотъ доводится до чрезмѣрной многочисленности, такъ что французскіе военные порты не могутъ вмѣстить такого числа кораблей. На это правительственный комиссаръ отвѣчалъ ему, что Франція ведетъ переговоры, по которымъ приобрѣтеть на Средиземномъ морѣ новыя военныя гавани. Эти слова прямо указываютъ на островъ Сардинію, имѣющій двѣ очень большія и превосходныя гавани. — Если мы соединимъ всѣ эти факты, мы увидимъ, что существуютъ сильнѣйшія причины къ безпокойству для насъ. Недавно Рикасоли сказалъ въ сардинской палатѣ, что не согласенъ уступать никакой части итальянской земли; я имѣю причину думать, что около того же времени французское правительство отрекалось передъ англійскимъ правительствомъ отъ намѣренія приобрести островъ Сардинію. Но точнѣе же послѣ того французскіе официальные журналы стали говорить, что островъ Сардинія будетъ приобретень Франціею, не смотря на сопротивленіе Рикасоли. Я имѣю причины думать, что французскій министръ иностранныхъ дѣлъ послалъ Рикасоли депешу, въ которой выражалъ неудовольствіе на увѣреніе, данное имъ сардинской палатѣ. Въ какомъ духѣ французское правительство расположено дѣйствовать, можно видѣть изъ *Revue Contemporaine*, издаваемого французскимъ правительствомъ. Вотъ отрывокъ изъ этого журнала:

«Мы надѣялись приобрести островъ Сардинію, который будетъ намъ полезенъ, «потому что лежить на пути въ Алжирію, представляетъ превосходный лѣсъ для нашего флота и хорошія гавани для нашихъ кораблей. Островъ Сардинія продолженіе «Корсики. Это островъ — болѣе французскій, чѣмъ итальянскій; жители его любятъ «Францію, чувствуютъ, что она дастъ имъ счастье и съ энтузіазмомъ вотивовали бы «свое присоединеніе къ Франціи, еслибы по необходимости или по случаю были они «освобождены отъ своихъ обязанностей къ Итальянскому королевству; но вотъ г. Рикасоли разрушаетъ наши патріотическіе сны. Правда, что могутъ возникнуть обстоятельства, которыя заставятъ итальянское правительство нѣсколько измѣнить свою «программу относительно Франціи и различить островъ Сардинію отъ Италіи. Мы не «думаемъ, чтобы французское правительство захотѣло приобрести эту вторую Корсику «насиліемъ, хотя она необходима для сохраненія самой Корсики; но наше правитель- «ство конечно не откажется отъ Сардиніи, если она будетъ предложена ему, особенно «если жители Сардиніи, будучи спрошены о своихъ чувствахъ, дадутъ такой же еди- «нодушный отвѣтъ, какъ Ницца и Савойя.»

«Я не сомнѣваюсь (продолжаетъ Кинглекъ), что г. Піетри съумѣетъ получить «единодушное согласіе жителей Сардиніи. Я помню, что въ Ниццѣ исполнялъ онъ подоб- «ную обязанность съ такою ревностью, что по словамъ г. Моккара, секретаря француз- «скаго императора, число голосовъ въ пользу присоединенія было значительно больше «всего числа людей, подававшихъ голосъ.»

Рѣчь Кинглека кончается вопросомъ, раздѣляетъ ли англійское министерство опасенія оратора, или можетъ успокоить ихъ какими нибудь данными. Россель отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, что опасенія существуютъ и у него, и что никакихъ серьезныхъ успокоеній противъ нихъ онъ не имѣетъ; что Рикасоли конечно искрененъ, когда говоритъ, что не желалъ бы уступать островъ Сардинію; но что одно желаніе тутъ ничего не значить и можетъ явиться необходимость Рикасоли дѣйствовать противъ собственной воли.

Само собою разумѣется, что вопросъ этотъ не былъ бы возбужденъ въ палатѣ общинъ, если бы Кинглекъ и само англійское министерство не видѣли, что дѣло объ уступкѣ острова Сардиніи энергически продолжается. Всѣ англійскія партіи согласны, что оно имѣетъ несравненно болѣе важности для Англіи, чѣмъ уступка

Савойи и Ниццы. Островъ Сардинія имѣетъ превосходныя гавани и большіе корабельныя дѣла. Стремленіе Франціи завладѣть этимъ островомъ они понимаютъ какъ стремленіе усилить французскій флотъ на Средиземномъ морѣ до того, чтобы отнять тамъ перевѣсъ у нихъ, и на этотъ разъ можно вѣрить серьезности словъ Росселя, сказавшаго, что подобное дѣло повело бы къ войнѣ. Во всякомъ случаѣ до войны однако же еще далеко; и быть можетъ французское правительство отсрочить свое намѣреніе овладѣть островомъ Сардиніею, когда убѣдится, что англичане принимаютъ этотъ вопросъ гораздо ближе къ сердцу, чѣмъ вопросъ о присоединеніи Ниццы и Савойи.

Во внутреннихъ дѣлахъ самой Англіи должна постепенно произойти довольно значительная перемѣна отъ перемѣны прежнихъ отношеній между разными отѣнками либеральной партіи. Читатель знаетъ, что виги имѣли въ послѣднее время не одного предводителя, какъ бывасть обыкновенно, а двухъ: Пальмерстона и Росселя. По своей ловкости въ парламентской тактикѣ, Пальмерстонъ все больше и больше бралъ перевѣсъ надъ Росселемъ, такъ-что Россель согласился наконецъ принять титулъ пера, съ именемъ графа Росселя Россельскаго (Russell of Russell) и перейти въ палату лордовъ,—иначе сказать, перешелъ какъ будто въ половинную отставку отъ живаго участія въ борьбѣ партій, которая имѣетъ своимъ мѣстомъ палату общинъ. Онъ въ палатѣ общинъ служилъ связью между частью виговъ мало расположенною къ прогрессу, т. е. партіею Пальмерстона, и прогрессистами. Теперь надобно ждать, какое новое лицо, какого отѣнка мнѣній и какой силы характера займетъ посредническое положеніе между Пальмерстономъ и прогрессистами, или какъ уладится прямая связь между ними безъ особеннаго посредника. Нынѣ у той части виговъ, которая имѣла своимъ предводителемъ Росселя, нѣтъ въ палатѣ общинъ человѣка, особенно выдающагося надъ другими, и по духу газетныхъ разсужденій о послѣдствіяхъ перехода Росселя въ палату лордовъ надобно полагать, что этотъ отдѣлъ виговъ распадется, примкнувъ своимъ большинствомъ къ Пальмерстону, а другою меньшею своею частью къ прогрессистамъ, которые усилившись этимъ присоединеніемъ, добьются болѣе выгодныхъ условій для своего обыкновеннаго союзничества съ вигами. По крайней мѣрѣ газеты указывали на это по поводу перемѣнъ въ составѣ кабинета, происшедшихъ отъ перехода Росселя въ палату лордовъ. Пальмерстонъ при этой перестановкѣ роздалъ должности почти исключительно вигамъ, не давъ прогрессистамъ ни одного новаго важнаго мѣста. Всѣ газеты вигистской партіи нашли, что онъ поступилъ неразсчитливо, что надобно было бы предоставить прогрессистамъ нѣсколько больше прежняго участіе въ кабинетѣ; газеты предполагаютъ, что самъ Пальмерстонъ убѣдится въ необходимости такой уступки: нынѣшняя сессія парламента почти уже кончается и время серьезной борьбы между партіями уже прошло; но къ началу слѣдующей сессіи, говорятъ газеты, Пальмерстонъ конечно явится подкрѣпленный участіемъ свѣжихъ силъ въ своемъ кабинетѣ. Посмотримъ, такъ ли это будетъ, какъ слѣдуетъ ждать по нынѣшнимъ отношеніямъ разныхъ отѣнковъ либеральной партіи.

Когда мы готовились писать первыя строки замѣтокъ о положеніи дѣлъ въ Америкѣ, намъ принесли телеграфическую депешу, которая, скажемъ откровенно, разрушаетъ многія изъ предположеній, казавшихся намъ за полчаса передъ этимъ очень вѣрными. Войска союзнаго правительства потерпѣли неудачу, и вѣроятно довольно чувствительную, въ большой (?) битвѣ. Конечно, при полученіи подроб-

ныхъ извѣстій окажется, что депеша преувеличивала важность этого дѣла и характеръ неудачи, что это было не генеральное сраженіе, а только авангардная атака, произведенная быть можетъ, и въ довольно большихъ силахъ, но далеко не всею массою союзныхъ силъ, сосредоточивавшихся для нападенія,—вѣроятно, какой нибудь корпусъ пришелъ къ назначенному мѣсту элпикомъ рано и началъ атаку, не дождавшись другихъ корпусовъ, которые все-таки продолжаютъ подвигаться впередъ, несмотря на его неудачу. Но все-таки не слѣдовало по прежнимъ извѣстіямъ ожидать и такой неудачи. Впрочемъ, какова бы ни была она, общій ходъ войны отъ нея не измѣнится: если она велика, Сѣверъ только воодушевится къ усиленію, еще болѣе энергическимъ. Это ясно каждому, читавшему сѣверныя газеты и пренія вашингтонскаго конгресса. Мы начнемъ съ расположенія умовъ въ самомъ сомнительномъ пунктѣ Сѣверныхъ Штатовъ, Нью-Йоркъ, и притомъ въ самомъ сомнительномъ пунктѣ самого Нью-Йорка, на биржѣ. Съ этимъ познакомить насъ корреспондентъ 'Times'a.

Финансовыя соображенія его, изложенныя въ письмѣ, отправленномъ дня за три до открытія конгресса, любопытны потому, что представляютъ собою отголосокъ мыслей, господствовавшихъ на Нью-Йоркской биржѣ. Притомъ же, свѣдѣнія, которыми онъ пользовался, оказались совершенно точными: министръ финансовъ предложилъ (и конгрессъ принялъ) тѣ самыя пошлпны, о которыхъ говоритъ онъ.

Корреспондентъ 'Times'a начинаетъ тѣмъ, что легко было бы союзному правительству получить очень большія суммы отъ прямого налога, источника, которымъ до сихъ поръ оно вовсе не пользовалось. Но нью-йоркская биржа полагала, что этимъ источникомъ правительство еще не захочетъ пользоваться въ нынѣшнемъ году; почему же, какъ вы думаете? по какимъ-нибудь существеннымъ затрудненіямъ? Во все нѣтъ: только потому, правительство хочетъ (говоритъ корреспондентъ 'Times'a), чтобы чрезвычайное засѣданіе конгресса имъ созываемое, было непродолжительно, а распредѣлить въ короткое время прямой налогъ невозможно, при большомъ разнообразіи мѣстныхъ условій. Почему же правительство не хочетъ, чтобы чрезвычайное засѣданіе конгресса было продолжительно? Быть можетъ тутъ были бы какія нибудь важныя неудобства? Нѣтъ, дѣло просто въ томъ, что самимъ членамъ конгресса не хочется связывать себя продолжительною сессіею въ лѣтнее время, которымъ каждый изъ нихъ разсчиталъ воспользоваться для другихъ дѣлъ. Еслибы встрѣтилась существенная надобность, это соображеніе о личныхъ удобствахъ было бы отложено въ сторону. Но большой надобности длить засѣданія конгресса нѣтъ, потому что и безъ прямого налога представляются достаточные источники чрезвычайнаго дохода. «Потому въ Нью-Йоркѣ предполагаютъ, что правительство отложить проэктъ о прямомъ налогѣ до времени обыкновеннаго собранія конгресса», то есть, до декабря. «Но довольно любопытно знать, какую сумму принесть прямой налогъ, когда будетъ установленъ. По слишкомъ низкой опѣнкѣ, сдѣланной для взиманія мѣстныхъ налоговъ, сумма подлежащей налогу собственности въ штатахъ, вѣрныхъ союзному правительству, простирается до 7,000 милліоновъ долларовъ (около 10,000 милліоновъ рублей сер.) Налогъ въ 1⁰/₁₀ дастъ сумму въ 70 милл. долларовъ (100 милл. р. сер.), и я увѣренъ, что правительство со временемъ воспользуется этимъ источникомъ. Нація, которая не хочетъ приносить пожертвованій въ настоящемъ, уклоняется отъ налоговъ на чрезвычайные расходы, слагая бремя это на будущность посредствомъ займовъ, не имѣетъ ува-

женія къ себѣ. Сѣверъ не расположенъ дѣлать такую ошибку. Сколько я знаю общественное мнѣніе, я долженъ сказать, что собственники будутъ платить сколько понадобится, безъ неудовольствія.—Но если, какъ я думаю, правительство рѣшитъ отложить установленіе прямаго налога до времени обыкновенной сессіи конгресса, есть другіе совершенно непочатые источники дохода, и деньги изобильно польются изъ нихъ по первому желанію министра финансовъ. Напримѣръ, чай и кофе вотъ уже лѣтъ 20 освобождены отъ пошлины. Чая въ вѣрныхъ правительству штатахъ потребляется болѣе 28 милл. фунтовъ (то есть англійскихъ; это составитъ около 31 милл. русскихъ фунтовъ, по $1\frac{2}{3}$ ф. на человѣка); если установить пошлину въ 15 центовъ съ фунта (англійскаго, то есть около 17 к. съ русскаго фунта), эта одна статья дастъ 4,200,000 долларовъ. Кофе въ свободныхъ штатахъ будетъ и во время войны потребляться не меньше 150 милл. фунтовъ (по 9 русскихъ фунтовъ на человѣка); пошлина въ 5 центовъ съ фунта дастъ 7 съ половиной милліоновъ долларовъ. Сахара потребляется въ свободныхъ штатахъ не меньше 330 тыс. тоннъ (болѣе 20 милл. пудовъ, то есть слишкомъ по пуду на человѣка); пошлина отъ $2\frac{1}{2}$ до 4 цент. (отъ $3\frac{1}{2}$ до 5 коп. съ русскаго фунта) съ разныхъ сортовъ дастъ 17 милл. долларовъ; соответственная тому пошлина съ патоки еще 3 съ половиной милл. долларовъ. Такимъ образомъ умѣренные налоги на чай, кофе и сахаръ дадутъ 32,200,000 долларовъ (около 42 милл. р. сер.).—Если понадобится, можно получить еще больше посредствомъ такихъ акцизовъ, которые по своей легкости будутъ почти нечувствительны. Акцизъ съ солода и спиртныхъ напитковъ въ англійскомъ размѣрѣ дастъ въ однихъ сѣверныхъ штатахъ 50 милл. долларовъ (болѣе 65 мил. р. сер.). Съ нѣкоторыми акцизами на предметы роскоши эти пошлины на чай, кофе, сахаръ и спиртные напитки дадутъ около 100 милл. долларовъ (130 милл. р. сер.). Такую же сумму легко получить отъ прямаго налога.—Понятна самоувѣренность страны, которая безъ обремененія для себя можетъ въ прибавку къ прежнему своему бюджету собрать еще 250 милліоновъ р. сер. дохода на веденіе войны. Но, какъ мы замѣтили, любопытнѣе всего здѣсь то, что доказывая возможность вести войну самымъ энергическимъ образомъ безъ обремененія для націй, корреспондентъ Times'a служить представителемъ мнѣнія, господствующаго на нью-йоркской биржѣ. Очень велика должна быть сила и всеобщность національнаго энтузіазма, чтобы торговое сословіе давало правительству поощреніе вести войну самымъ настойчивымъ образомъ, не опасаясь недостатка въ средствахъ.

Если биржа такъ рѣшительно говоритъ о легкости собрать денежные средства для энергическаго веденія войны, то можно предположить, какъ твердо готовы жертвовать всѣмъ для успѣха дѣла другія сословія и масса населенія.

Дѣйствія вашингтонскаго конгресса вполне подтверждаютъ это ожиданіе. Онъ вотируется единодушно, борьба партій исчезла, всѣ онѣ слились въ одну партію. Патриотизмъ конгресса доходитъ до энергіи, почти безпримѣрной въ исторіи. Правительство требуетъ доведенія военныхъ силъ до 400,000 человѣкъ и кредита въ 400 милліоновъ долларовъ на ихъ содержаніе. Конгрессъ даетъ ему больше, чѣмъ оно само проситъ,—500 милліоновъ долларовъ и 500 тысячъ человѣкъ войска,—это вотируется единодушно. Не довольствуясь тѣмъ, палата представителей формально объявляетъ, что даетъ столько лишь потому, что неловко же ей слишкомъ далеко опережать размѣръ требованій правительства,—но что она предлагаетъ ему

потребовать еще гораздо больше, чѣмъ назначила она. Вотъ рѣшеніе, ею принятое 16 іюля:

«Палата представителей обязывается вотивовать какую бы то ни было сумму денегъ и какое бы то ни было число войска для быстрого и кореннаго подавленія мятежа и для прочнаго возстановленія союзной власти на всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ.»

Это рѣшеніе было принято большинствомъ 121 голосовъ противъ 5 голосовъ.

Понятно, что при такомъ безпредѣльномъ патріотизмѣ и при той неистощимости средствъ, какую раскрываетъ передъ нами корреспондентъ Times'a, торжество Сѣвера надъ плантаторами непобѣжимо. Какая-нибудь ошибка авангарднаго командира не можетъ имѣть тутъ никакого вліянія, кромѣ того, что послужить новымъ возбужденіемъ къ энергіи.

Сама телеграфическая депеша, о которой мы говоримъ, указываетъ на это: при первомъ извѣстіи о потерянномъ сраженіи кинулись на театръ войны новые десятки тысячъ волонтеровъ Сѣвера.

Ходъ военныхъ дѣйствій до этой неудачи былъ таковъ. Инсургенты занимали линію верстъ въ 150 длины параллельно рѣкѣ Потомаку. Лѣвое крыло ихъ стояло въ Западной Виргиніи, главные массы въ Восточной противъ Вашингтона. Ключомъ всей этой линіи была станція Манассасъ-Гапъ по желѣзной дорогѣ изъ Вашингтона въ Западную Виргинію и къ южной границѣ Восточной Виргиніи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ соединяются двѣ эти линіи, расходящіяся верстахъ въ 30 отъ Вашингтона, одна на западъ, другая на юго-западъ. Союзныя войска должны были сойтись у Манассасъ-Гапа съ двухъ сторонъ. Главныя силы двигались изъ Вашингтона, съ востока на западъ. Первымъ шагомъ тутъ была переправа черезъ широкую рѣку Потомакъ, на сѣверной сторонѣ которой стоитъ Вашингтонъ, между тѣмъ какъ въ нѣсколькихъ верстахъ по южному берегу расположены были сильныя отряды инсургентовъ. При такихъ условіяхъ переправа совершалась очень медленно, и мы полагаемъ, что главная масса сосредоточенныхъ около Вашингтона войскъ еще оставалась на сѣверномъ берегу Потомака, когда произошло дѣло, о которомъ говоритъ телеграфическая депеша.

Съ сѣверо-запада, изъ Огайо и Индіаны, подъ командою Макъ-Клелланда двигались войска къ Манассасъ-Гапу черезъ западную Виргинію, съ верховья Потомака по южному его берегу, занятому инсургентами. Макъ-Клелландъ сбилъ съ позицій эти отряды, составлявшіе лѣвое крыло инсургентовъ; они отступали къ Манассасъ-Гапу, онъ горячо преслѣдовалъ ихъ.

Судя поэтому, надобно полагать, что авангардъ главной арміи, ободренный слухами о побѣдахъ Макъ-Клелланда, горячо бросился на Манассасъ-Гапъ, не дождавшись, пока масса арміи будетъ въ состояніи подкрѣпить его. Во всякомъ случаѣ битва была только у небольшой части союзныхъ силъ съ главными силами инсургентовъ, въ родѣ авангарднаго дѣла, за которымъ должно послѣдовать рѣшительное сраженіе при совершенно иныхъ условіяхъ успѣха, если инсургенты не отступятъ, воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ мимолетный успѣхъ вѣроятно открылъ для нихъ путь отступленія, который готовились отрѣзать союзныя войска.

ПОЛИТИКА.

Августъ 1861.

АМЕРИКАНСКІЯ ДѢЛА И ОТНОШЕНІЕ КЪ НИМЪ АНГЛІИ.—ПОРАЖЕНІЕ СОЮЗНЫХЪ ВОЙСКЪ ПРИ МАНАСАСѢ, ЕГО ПРИЧИНЫ И ПОСЛѢДСТВІЯ.—НАЗНАЧЕНІЕ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМЪ СОЮЗНОЙ АРМІИ МАКЪ-КЛЕЛЛАНДА.—ФИНАНСОВЫЯ МѢРЫ, ПРИНЯТЫЯ КОНГРЕССОМЪ.—ОБЪЯВЛЕНІЕ СВОБОДНЫМИ НЕГРОВЪ, КОТОРЫХЪ ВЛАДѢЛЬЦЫ ПРИНЯЛИ УЧАСТІЕ ВЪ ВОЙНѢ ПРОТИВЪ СОЮЗА.—СРАЖЕНІЕ ПРИ СПРИНГФІЛДѢ.—ВЕНГЕРСКІЯ ДѢЛА: ПОСЛѢДНІЙ АДРЕСЪ ВЕНГРОВЪ И РАСПУЩЕНІЕ ПЕШТСКАГО СЕЙМА.—ИТАЛІЯ: РЕАКЦІЯ ВЪ НЕАПОЛѢ ПОДЪ ВПЛОМЪ РАЗВОЙНИЧЬИХЪ ШАЕКЪ.

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца американскія дѣла возбуждали самыя противорѣчивыя толки и предсказанія въ европейскихъ газетахъ. Запутанность и противорѣчія самихъ извѣстій, получавшихся изъ Америки, оправдывали до нѣкоторой степени колебанія журналистики въ сужденіяхъ о событіяхъ и о вѣроятномъ ихъ результатѣ. Но нельзя не видѣть въ большей части этихъ сужденій и другаго мотива, вытекающаго болѣе изъ положенія нашихъ европейскихъ дѣлъ, нежели изъ безпристрастнаго наблюденія американскихъ событій. Всего болѣе заинтересована въ дѣлѣ Англія: ей нуженъ хлопокъ, котораго получить изъ Америки она не можетъ въ достаточномъ количествѣ, если война продолжится; увѣряютъ даже, что еще годъ войны—и въ Англіи неизбѣженъ промышленный кризисъ. Кромѣ того англичане боятся покушеній правительства Сѣверныхъ Штатовъ на Канаду, вѣлѣдствіе чего рѣшили даже послать туда подкрѣпленіе изъ 2,500 человекъ. Все это заставляетъ ихъ желать, во-первыхъ, окончанія сѣверо-американской войны, какъ можно скорѣе и во что бы то ни стало, и во-вторыхъ сохраненія за Югомъ права образовывать особую, рабовладѣльческую республику, которая бы всегда могла поддерживать антагонизмъ съ Сѣверомъ и такимъ образомъ избавлять Англію отъ опаснаго соперничества... Поэтому Times, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда вопросы еще не были поставлены такъ рѣшительно, —бывшій расположеннымъ къ Линкольну, теперь постоянно вооружается противъ безумія Сѣвера и доказываетъ, что ему не одобровать. Вліяніе Times'а отражается, разумѣется, и на континентальныхъ газетахъ, и потому газетныя извѣстія обыкновенно передаются въ такомъ видѣ, что способны внушить публикѣ самое извращенное понятіе о дѣлѣ. Два пораженія, нанесенныя федеральнымъ войскамъ, чуть не приняты были за полное торжество Юга; недостатки, обнаружившіеся при этомъ въ войскахъ Сѣвера, —чуть не за пол-

ную его неспособность вести войну. Теперь, по сличенію многихъ разнообразныхъ извѣстій, можно нѣсколько выяснитъ истину, и мы попробуемъ сдѣлать это. Но прежде приведемъ одну изъ руководящихъ статей Times'a, найденную нами въ одномъ изъ послѣдне-полученныхъ нумеровъ его. Статья эта, выпадающая изъ силъ, чтобы доказать Сѣверу невозможность успѣха, довольно полно резюмируетъ извѣстнаго рода умствования объ этомъ предметѣ, вѣроятно не разъ попадавшіяся въ газетахъ нашимъ читателямъ.

«Если бы Англія теперь объявила намѣреніе въ наискорѣйшемъ времени завоевать Францію, или если бы Франція сдѣлала такое же объявленіе относительно Англіи, — міръ посмѣялся бы только неслыханному безумію, внушившему этотъ умыселъ и это хвастовство. Міръ согласился бы, что — допуская въ томъ или другомъ изъ этихъ двухъ народовъ достаточную степень сумасбродства и упрямства — каждый изъ нихъ могъ бы нанести противнику огромный, невоснаградимый вредъ, но не иначе, какъ съ такимъ же вредомъ для самого себя. Разъ война была бы рѣшена, — счастье могло бы благоприятствовать той или другой сторонѣ; оно могло бы дать каждой блестящія побѣды и періоды значительнаго перевѣса, могло бы наконецъ доставить одной рѣшительное торжество, — но все это не иначе какъ цѣною усилій, совершенно несоотвѣтствующихъ печальному результату. А между тѣмъ теперь, по ту сторону Атлантическаго океана, происходитъ именно такого рода дѣло. Два союза сражаются между собою. Одна половина отжившаго свое время федеральнаго тѣла — хочетъ принудить другую къ исполненію федеративныхъ обязанностей. Мы говоримъ, что тамъ происходитъ дѣло подобнаго рода; но, прежде чѣмъ мы пойдемъ дальше, нужно замѣтить, что положеніе сѣверо-американцевъ, во многихъ важныхъ отношеніяхъ, труднѣе, чѣмъ было бы наше. Они не такъ дружны, какъ всегда были мы въ нашихъ войнахъ. Ихъ пограничные штаты колеблются между обими сторонами. Имъ приходится защищать пограничную линію длиною болѣе чѣмъ въ тысячу миль, и въ томъ числѣ пространство, гдѣ непріятель тѣснитъ настойчиво, и гдѣ кругомъ — враги или ненадежные союзники. Говоря тѣмъ же языкомъ, какъ и противники ихъ, они не имѣютъ возможности удалить шпионовъ отъ своихъ линій или даже исключить измѣнниковъ изъ своихъ рядовъ. Имъ приходится создавать вновь и армію, и флотъ. Имъ приходится еще только начинать знакомство съ основными началами военнаго дѣла и даже дисциплины. Они не имѣютъ ни солдатъ, ни офицеровъ, которые бы могли подготовить ихъ и командовать ими. Ихъ доходовъ передъ войной, въ лучшее время, едва достало бы на уплату процентовъ по долгу, который придется сдѣлать въ два года такой войны. И самый доходъ этотъ будетъ уменьшенъ потерей отдѣлившихся штатовъ и остановкой торговли. Едва ли новые налоги успѣютъ сдѣлать больше, чѣмъ, пополнить этотъ недочетъ. Кредитъ американцевъ слабѣе англійскаго; да и трудно думать, чтобы распадающійся федеративный союзъ могъ имѣть такой кредитъ, какъ дружная нація. Наконецъ, мы знаемъ, что характеръ войны мѣняется сообразно съ обстоятельствами. Въ каждой мѣстности успѣхъ ея обуславливается соблюденіемъ особенныхъ правилъ. Въ американскихъ войнахъ перевѣсъ всегда былъ на сторонѣ обороняющагося. Наши наступательныя предпріятія всегда осѣкались объ укрѣпленныя позиціи, объ насыпи, накиданныя въ ночь, объ лѣса, скрывавшіе невидимаго врага, о пагубное дѣйствіе жары, голода и жажды, о всегда грозящее фланговое нападеніе, о печальное убѣжденіе въ томъ, что каждый шагъ уменьшаетъ число, силу и запасы нашихъ войскъ и увеличиваетъ средства непріятеля. Настоящая война могла бы составить главу въ исторіи нашихъ собственныхъ гибельныхъ войнъ въ этомъ краѣ. Войска Сѣвера двинулись противъ укрѣпленной позиціи, отстоящей всего на одинъ переходъ отъ Вашингтона. Они пришли туда уже значительно ослабленные, съ числомъ людей, далеко не соотвѣтствующимъ спискамъ, истомленные жаромъ, голодомъ, жаждой и длиннымъ переходомъ. Ихъ встрѣтило внезапное появленіе полѣзовъ съ войсками на ихъ обоихъ флангахъ. И между тѣмъ какъ это происходило въ Виргиніи, почти въ виду Вашингтона, 8,000 федералистовъ, наткнувшись въ четырехъ или пяти стахъ верстахъ къ западу оттуда, у Спрингфильда, на тройныя силы непріятеля, испытали ту же

участь, и, безъ сомнѣнія, по тѣмъ же самымъ причинамъ. Судьба какъ бы хотѣла показать сѣвернымъ штатамъ, что эта неудача не была дѣломъ случая или какихъ нибудь особенныхъ обстоятельствъ, или личныхъ ошибокъ,—а результатомъ неизбежнаго закона.

«Одно только предпріятіе можетъ быть сравнено съ этимъ: это испанскій, по сумасбродный походъ перваго Наполеона въ Россію. Основаніемъ ему служилъ огромный политическій союзъ, заключавшій самую населенную и богатую часть европейскаго материка и располагавшій лучшими его солдатами. Наполеонова армія вступила въ территорію, которой разсѣянное и бѣдное населеніе едва превосходило численностью массу наступавшихъ ополченій. Зима была, можетъ быть, непосредственной причиною, но она служить и оправданіемъ ужасающаго истребленія, которымъ кончился походъ. Если кто нибудь попробуетъ сравнить средства федералистовъ со средствами Наполеона, то онъ увидитъ, что они во всѣхъ отношеніяхъ далеко не выдерживаютъ этого сравненія. А съ другой стороны нѣтъ сомнѣнія, что южные штаты гораздо болѣе, чѣмъ русскіе 1812 года, въ состояніи защищать каждый пунктъ, каждую позицію, каждую черту своей территоріи. Въмѣсто степей, у нихъ горные хребты. Населеніе ихъ пріучено къ оружію, и отличается даже излишнимъ стремленіемъ къ употребленію его. Они имѣютъ желѣзныя дороги и избыточное количество запасовъ всякаго рода. Они, очевидно, имѣютъ лучшихъ генераловъ и лучшую военную организацію. Какъ результатъ всего этого, мы видимъ, что до сихъ поръ они умѣли защитить каждый дюймъ своей земли и поддерживать нападающихъ въ постоянномъ страхѣ быть обойденными съ фланга или отброшенными на собственную столицу. Противъ всего этого можно только сказать, что сѣверные штаты имѣютъ перевѣсъ въ бѣломъ населеніи, въ деньгахъ и кредитѣ. Обстоятельство это имѣло бы точно большое значеніе, если бы южные штаты нападали на нихъ и серьезно готовились перетопить въ рѣкѣ св. Лаврентія всѣхъ вооруженныхъ гражданъ Сѣвера. Оно было бы важно и въ случаѣ обыкновенной войны между двумя державами. Но тутъ не то. Они хотятъ подчинить себѣ южные штаты. Они дѣйствуютъ наступательно противъ непріятеля, который на собственной землѣ до-вольствуется обороной, имѣя только въ виду, если представится случай, протянуть свою оборонительную линію до столицы. Опытъ показываетъ, что въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ населеніе, сравнительно слабое, бѣдное деньгами и военными запасами, можетъ однако защищаться весьма энергичеки.

«Мы имѣемъ право предлагать совѣты. Мы можемъ предлагать ихъ сѣвернымъ штатамъ Америки, такъ же какъ и законнымъ государямъ и деспотическимъ дворамъ Европы. Пусть государственные люди въ Вашингтонѣ сдѣлаютъ только то, что Англія уже дѣлала сто разъ, что дѣлала и будетъ дѣлать вся Европа. Это совѣтъ не изъ отжившаго міра. Онъ не проникнутъ закваской, которой уничтоженіе было призваніемъ Франклина и Вашингтона. Это послѣднее, новѣйшее слово человѣческаго опыта; оно новѣе пара, электрическаго телеграфа и наръзныхъ пушекъ. Точно ли сѣверные штаты принадлежатъ къ новому міру, или это не болѣе, какъ обломокъ стараго, подобно ему проникнутый тщеславіемъ, ханжествомъ и тиранствомъ, и только разстилающійся по ту сторону океана. Совѣтъ, который мы даемъ имъ, есть слѣдствіе урока, даннаго намъ нѣкогда ими же самими. Мы обращаемся къ нимъ, какъ многіе дѣти къ отцамъ своимъ, со словами: «дѣлайте то, чему учите насъ». Пусть сѣверные штаты «признаютъ совершившійся фактъ», какъ сдѣлали это мы восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ на ихъ собственной землѣ, какъ сдѣлала это Австрія въ Виллафранкѣ и Цюрихѣ. Пусть они сосчитаютъ, чего ихъ планъ будетъ имъ стоить, и уже затѣмъ пустятся тѣснить къ Мексиканскому заливу полмилліона вооруженныхъ людей, защищающихъ свою тысячеверстную территорію. Пусть они подумаютъ, по силамъ ли придется имъ то, что было не подъ силу Наполеону въ апогее его могущества, когда въ его рукахъ было населеніе, запасы и кредитъ, далеко превосходящіе средства американцевъ,—Наполеону съ его военнымъ искусствомъ, опытною, цѣлой школой генераловъ и массами ветерановъ. Вѣдь они хотятъ не равныхъ или нѣсколько большихъ успѣховъ, чѣмъ тѣ, какіе достанутся на долю Юга;—нѣтъ, они добиваются подавляющаго превосходства. Имѣютъ ли они его? Не преувеличено ли это мнѣніе о себѣ? Могутъ ли они погнать южныхъ, какъ стадо овецъ, выкурить ихъ изъ гнѣздъ, какъ ось, преслѣдовать, какъ

кроликовъ, и унести въ ягдташѣ, какъ застрѣленную дичь? Пусть они немного заглянуть въ будущее; пусть посмотрятъ, что будетъ черезъ годъ, и еще черезъ годъ, и черезъ двадцать лѣтъ. Даже мы, которымъ въ 1814 и 1815 году удалось пѣть тѣянія пѣсни славы, чувствовали, что и намъ и всей Европѣ было бы лучше, если бы мы поосмотрѣлись въ 1793 году. Если ясное предвѣдѣніе показываетъ, или должно показывать, необходимость существованія двухъ союзовъ, невозможность мира на другихъ условіяхъ,—то конечно лучше, чтобы онъ былъ заключенъ послѣ года, чѣмъ послѣ десяти или двадцати лѣтъ войны. Кромѣ того, утвержденіе одного или двухъ союзовъ, не составляетъ еще единственнаго возможнаго рѣшенія вопроса. Если война продолжится, никто не можетъ предсказать, какія новыя державы, новыя соединенія могутъ возникнуть, и, въ особенности, какъ долго западные штаты согласятся нести налоги и финансовыя неудобства, вызванныя войной. Совѣтъ, который мы даемъ американцамъ, былъ данъ ими цѣлому свѣту. Это горсть ихъ собственного хлопка, трубка ихъ же табаку. Пусть они взвѣсятъ то, что могутъ сдѣлать—и то, чего не могутъ сдѣлать ни они, ни весь міръ. Теперь они только доставляютъ торжество врагамъ своимъ: нѣтъ кружка старыхъ абсолютистскихъ министровъ и дипломатовъ, гдѣ бы разсказъ объ ихъ затрудненіяхъ не былъ встрѣченъ съ ядовитой улыбкой. Эти кружки услышатъ по крайней мѣрѣ съ уваженіемъ, можетъ быть съ досадой, что Сѣверъ и Югъ рѣшились разстаться друзьями.»

Въ этой статьѣ есть все, что до сихъ поръ говорилось въ какихъ нибудь газетахъ противъ предпріятія Юга: и колебанія пограничныхъ штатовъ, и длина линіи, по которой надо разослать войска, и невозможность удалить шпионовъ и измѣнниковъ, и необходимость создавать вновь армію и флотъ и водворять въ нихъ дисциплину и финансовыя затрудненія, и трудность наступательнаго движенія, словомъ—все, мелкое и крупное, что только можетъ затруднить Сѣверъ. О его преимуществахъ предъ Югомъ упомянуто въ трехъ словахъ, и хотя слова эти имѣютъ значеніе очень существенное, но они такъ обставлены противоположными убѣжденіями, что читатель, не останавливаясь на нихъ, быстро приходитъ къ заключенію статьи, что Сѣверу надо какъ можно скорѣе помириться съ Югомъ... Память о двухъ послѣднихъ пораженіяхъ, понесенныхъ Сѣверомъ, повидимому подтверждаетъ такое заключеніе. Но при всемъ томъ Сѣверъ, какъ оказывается изъ послѣднихъ извѣстій, вовсе не расположенъ слушать добрые совѣты, даваемые ему изъ Европы. Онъ понимаетъ, какъ видно, что эта «горсть его собственного хлопка», подаваемая ему, предлагается собственно изъ-за того, чтобы онъ не мѣшалъ полученію тѣхъ массъ хлопка, которыя привыкла Англія получать изъ Америки. Изъ объясненій одного торговаго дома, не такъ давно печатавшихся въ газетахъ, видно, какъ необходимъ Англіи хлопокъ, хотя у нихъ и есть еще достаточный запасъ его въ Ливерпуль. Они рассчитали, что имъ станетъ хлопка до половины декабря, но затѣмъ предвидятся большія затрудненія. Вотъ изъ-за чего и хлопочутъ англичане, какъ весьма откровенно объяснился Брайтъ въ своей рѣчи на приготовительномъ собраніи ланкастерскихъ избирателей въ Рочдэлѣ. По его словамъ, многіе считаютъ даже нужнымъ, чтобы Англія нарушила блокаду южныхъ портовъ, что, по утверженію Брайта, равнялось бы войнѣ съ Соединенными Штатами. Не одобряя такого образа дѣйствій, Брайтъ весьма справедливо вооружается противъ заключеній, требующихъ уступокъ отъ сѣвернаго правительства. Онъ во-первыхъ, дѣлаетъ сравненіе совсѣмъ другое, нежели какое нашли мы въ началѣ приведенной выше статьи Times'a; онъ говоритъ: «тѣ газеты, которыя теперь побуждаютъ къ уступчивости вашингтонское правительство, будутъ ли возбуждать къ ней лондонское, ежели, напримѣръ, графства ланкастерское и

йоркское захотятъ отдѣлиться отъ Соединеннаго Королевства? Да допустили ль мы даже отдѣленіе Ирландіи, когда она этого хотѣла?» Въ самомъ дѣлѣ, параллель южныхъ и сѣверныхъ штатовъ съ Франціей и Англіей, сдѣланный Times'омъ, рѣшительно произволенъ и ни на чемъ не основанъ. Отдѣлившіеся штаты—вовсе не отдѣльное государство, и сама же статейка Times'a тотчасъ говоритъ о единствѣ языка и племени ея жителей, и эти жители, надо прибавить, несмотря на все развитіе самоуправленія въ штатахъ, все же были связаны между собою до извѣстной степени федеральнымъ управленіемъ, и признавали себя гражданами великой американской республики.

Противъ толковъ о разореніи страны и нажитіи ею неоплатнаго долга въ этой войнѣ, Брайтъ, также замѣчаетъ: «вамъ кричатъ, что они разоряются, а между тѣмъ сумма, которую они тратятъ на эту страшную войну,—не больше той, какую мы тратимъ въ мирное время». На этомъ-то и основана, впрочемъ, вся сила нападеній на Сѣверъ съ этой точки: Америка ничего почти не тратила на войско, и вообще ея государственныя траты были ничтожны, сообразно съ тѣмъ и взималось съ гражданъ очень мало. Теперь понадобилось гораздо больше, несравненно больше; въ Европѣ это бы ничего, потому что тамъ и въ мирное время требуютъ много лишняго на военныя издержки, а въ Америкѣ будетъ дико. Конгрессъ, не побоявшійся вотировать заемъ, колебался, когда дѣло шло о налогѣ на доходы. Итакъ, Америка должна дѣлать займы; но кредитъ ея теперь нехорошъ, и ей придется платить обременительные проценты. Times высчиталъ даже, что при продолженіи войны американскій долгъ можетъ менѣе, чѣмъ въ пять лѣтъ сравняться съ англійскимъ, т. е. Америка принуждена будетъ платить 28 милліоновъ фунтовъ процентовъ.

Такимъ образомъ вся сила аргументаціи основана здѣсь на томъ, захотятъ ли достаточные классы общества поддержать правительство. Въ богатствѣ и огромности ресурсовъ Америки никто не сомнѣвается; не сомнѣвались до послѣдняго времени и въ готовности гражданъ на всевозможныя жертвы, во всеобщемъ энтузіазмѣ къ войнѣ. Два пораженія и послѣдовавшія затѣмъ корреспонденціи вдругъ перевернули всѣ головы, и вмѣсто прежнихъ извѣстій, что приверженцы единства на Югѣ терроризированы плантаторами, теперь уже увѣряютъ, что общественное мнѣніе въ сѣверныхъ штатахъ терроризировано крайнею партіей аболиціонистовъ. Чтобы повѣрить это, покажется нѣтъ другаго средства, какъ прослѣдить ходъ военныхъ дѣйствій, въ связи съ впечатлѣніемъ, ими произведеннымъ, и рѣшеніями, принятыми затѣмъ правительствомъ.

Въ послѣднемъ обзорѣнн нашемъ было упомянуто только телеграфическое извѣстіе и сдѣлано предположеніе, что дѣло, вѣроятно, не такъ важно, какъ кажется съ перваго раза. Съ недѣлю послѣ того казалось, по газетнымъ извѣстіямъ, что предположеніе это было совершенно ошибочно, но потомъ оно стало все болѣе и болѣе оправдываться. Подробности битвы при Манассасѣ въ свое время были сообщены въ газетахъ; поэтому не приводимъ подробнаго разсказа, а выпишемъ нѣкоторые мѣста изъ позднѣйшаго письма корреспондента Times'a, гдѣ указывается только общій ходъ битвы. Письмо это все еще писано подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ понесенной федералистами неудачи, и, какъ видно, въ день отправки письма (24 іюля), послѣ трехъ дней, не было еще положительныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о дѣйствительныхъ размѣрахъ потерь федеральной арміи, равно какъ и о причинахъ

внезапного панического страха, объявшаго одну часть ея. Письмо писано изъ Вашингтона и начинается жалобой на то, что изъ американскихъ газетъ никогда не узнаешь настоящей правды. Затѣмъ корреспондентъ говоритъ о дѣйствіяхъ арміи 21-го іюля.

... «Во весь этотъ день федералистская пѣхота ни разу не ходила въ штыки; ни разу кавалерія сепаратистовъ не пускалась на нихъ въ атаку, пока они еще держались въ полѣ. Не было ни одной рукопашной схватки. Федералисты не взяли и не штурмовали ни одной баттарей. Маскированныхъ баттарей не было устроено вовсе. Не произошло никакого уничтоженія мятежнической кавалеріи, стрѣлковыми или другими зуавами. Залпъ, сдѣланный однимъ какимъ-то батальономъ, ссадилъ трехъ человекъ изъ кавалерійскаго отряда, подошедшаго на нѣкоторое разстояніе. Но затѣмъ батальонъ этотъ отступилъ. Отчаянные усилія были сдѣланы только лицами, которымъ крѣпко хотѣлось убѣжать. Все дѣло, если говорить на чистоту, приводится вотъ къ чему. Федералисты подвигались медленно, но безостановочно, поддерживаемые огнемъ своей артиллеріи. Непріятель, рѣдко показывавшійся изъ-за своихъ прикрытій, отступалъ передъ ними. Его лѣвое крыло и центръ были такимъ образомъ оттѣснены мила на полторы къ Манассасу. Отступая, не-
пріятель также ввелъ въ дѣло свою артиллерію, и обѣ стороны производили довольно живой огонь изъ легкихъ полевыхъ орудій и отчасти изъ наѣзныхъ пушекъ болѣе крупнаго калибра. Разстояніе между сражающимися, рѣдко было меньше 500 ярдовъ. Полки праваго крыла встрѣтили одинъ разъ ружейный огонь не-
пріятеля, и поворотили было назадъ. Но затѣмъ ихъ снова привели въ порядокъ и повели въ дѣло. Сепаратисты опять подались назадъ. Потомъ линіи ихъ еще разъ построили фронтъ и открыли огонь. Тутъ такъ-называемые зуавы и 11-й нью-йоркскій полкъ, стоявшіе на флангѣ, пришли въ рѣшительное разстройство, и, если выразиться очень мягко, въ безпорядкѣ оставили поле сраженія, бросивъ не-
пріятелю орудія, находившіяся подъ ихъ прикрытіемъ. Примѣръ ихъ заразительныя образъ подѣйствовалъ на остальныхъ. Ничто не могло остановить, или, по крайней мѣрѣ, ничто не остановило ихъ. Напрасно имъ напоминали ихъ клятвы—отомстить за смерть Элленворта. Ихъ знамя, распущенное по вѣтру, лишилось своей притягательной силы. Они разбѣжались во всѣ стороны съ величайшею поспѣшностью.

«Я рассказываю дѣло, какъ оно было рассказано мнѣ человекомъ, имѣвшимъ случай лучше видѣть ихъ поведеніе, чѣмъ я. Я поспѣлъ на поле сраженія уже поздно, и видѣлъ немного изъ того, что происходило раньше, чѣмъ было дано приказаніе отступать. Хотя я оставилъ Вашингтонъ съ намѣреніемъ вернуться не поздно вечеромъ и лошадей имѣлъ хорошую,—но все же толпы бѣглецовъ предшествовали мнѣ на всемъ протяженіи дороги. Проѣзжая по длинному мосту въ 11 часовъ, я уже слышалъ, что городъ биткомъ набитъ людьми, вернувшимися съ поля битвы. Но какъ ни печальны были результаты безобразнаго паническаго страха и пораженія федералистовъ, они должны еще быть необыкновенно довольны этими результатами. Еслибы сепаратисты знали о своемъ успѣхѣ и воспользовались имъ рано поутру въ понедѣльникъ,—ничто не помѣшало бы имъ или вступить въ Вашингтонъ, или принудить федералистскую армію, которая все отступала по одной только дорогѣ, сдаться военно-плѣнной, со всѣмъ, что при ней было... Если только сепаратисты имѣли кавалерію, о которой такъ много прокричали, то нельзя не сказать, что ихъ генералы распорядились довольно забавнымъ образомъ. Движеніе по боковой дорогѣ изъ Центрвилля въ Германтоунъ въ полчаса поставило бы кавалерію въ тылъ отступавшей толпы, и безъ преувеличенія можно сказать, что она сама отдалась бы въ руки побѣдителя... Нѣмецкій полкъ Блюкера и можетъ быть нѣкоторыя другія части войскъ отступали въ порядкѣ, но въ концѣ концовъ немногіе устояли противъ общаго смятенія. Можетъ быть попытка сформировать линіи на высотахъ Центрвилля, хотя она была и не вполнѣ удачна, спасла Макъ-Дуэля отъ преслѣдованія, которое онъ всѣми силами старался от-
вратить. Дождь, который полилъ въ понедѣльникъ съ самаго ранняго утра, можетъ быть, имѣлъ большое вліяніе на безмѣтежность отступленія федералистовъ, уменьшивъ дѣятельность и предприимчивость не-
пріятеля, между тѣмъ какъ относительно отступавшей арміи можно напротивъ, припомнить всегдашнее замѣчаніе, что войска подъ дождемъ плотно держатся въ рядахъ и идутъ хорошо. Но какія ни допускайте извиненія, недѣятельность сепаратистовъ все-таки остается загадочной.»

Загадка и разъясняется тѣмъ, что сепаратисты сами не ожидали такого успѣха и не только были удивлены имъ, но даже просто ему не повѣрили. Здѣсь между прочимъ открывается одна любопытная черта, показывающая опять относительную силу Сѣвера. Въ началѣ войны федералисты, подъ предводительствомъ Макъ-Клелланда, имѣли нѣсколько значительныхъ успѣховъ въ Виргиніи: никто этому не удивлялся, никто не шумѣлъ объ этомъ, — такъ должно было произойти, всѣ ожидали такихъ результатовъ. Но случилась неудача съ Сѣверомъ — всѣ пришли въ волненіе, всѣ поражены: явно, на чьей сторонѣ общее довѣріе. Но еще это было бы не такъ важно; важно то, что точно въ такомъ положеніи стоятъ къ своему дѣлу и сами партіи: сепаратисты чувствовали сами трудность своего дѣла и вели его осторожно и недовѣрчиво, даже слишкомъ осторожно, такъ что лишились всѣхъ возможныхъ плодовъ своей удачи; федералисты, напротивъ, шли на войну, какъ на парадъ, съ полнѣйшею беззаботностью и съ чрезвычайнымъ азартомъ, вмѣсто истиннаго мужества и хорошей военной подготовки. Оттого, очень натурально, и постигла ихъ эта неожиданная катастрофа.

Что именно отъ небрежности и безпечности федеральныхъ войскъ, бывшихъ въ битвѣ при Манассасѣ, да еще отъ слишкомъ поспѣшнаго и легкомысленнаго энтузіазма произошло пораженіе, въ этомъ убѣждаютъ насъ извѣстія объ организаціи федеральныхъ полковъ и о нѣкоторыхъ фактахъ, предшествовавшихъ битвѣ.

Въ одномъ изъ прежнихъ обзорѣй приведены были письма изъ Times'a, изображавшія энтузіазмъ, съ которымъ отправлялись вновь сформированные полки въ Вашингтонъ. Это были милиціонеры, призванные для военной службы на трехмѣсячный срокъ. Регулярной арміи, какъ извѣстно, во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ было всего отъ 12 до 15 тысячъ, да и той большая часть, благодаря неблаговиднымъ дѣйствіямъ Буханана, перешла, вмѣстѣ съ оружіемъ и запасами, во власть пнсургентовъ. Многіе офицеры были родомъ съ Юга и преданы плантаторскимъ началамъ, почему съ большою охотою и остались тамъ на службѣ; вотъ отчего въ сепаратистской арміи дѣйствительно оказались офицеры лучше, нежели въ сѣверныхъ полкахъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, которые были подъ командою Макъ-Доуэля. Сѣверному правительству ничего не оставалось болѣе, какъ прибѣгнуть къ милиціи: милиція — это національная гвардія каждаго штата; въ ней обязаны служить всѣ, но это исполняется очень не строго, — многіе уклоняются отъ службы; настоящее назначеніе милиціонера — «вставать на защиту своего дома», потому никто не въ правѣ принудить его оставить свой штатъ и идти сражаться вдали отъ него. Такимъ образомъ быстрая мобилизація милиціи сѣверныхъ штатовъ, тотчасъ послѣ призванія ея Линкольномъ, могла служить дѣйствительнымъ доказательствомъ общаго энтузіазма, охватившаго тогда все населеніе Сѣвера. Но энтузіазмъ не давалъ еще ручательства за хорошее устройство арміи. Милиціонеры сами выбрали своихъ офицеровъ, и хотя по настоящему они должны были подвергаться нѣкоторому испытанію, но до экзаменовъ ли было въ то время сѣверо-американцамъ!.. Поэтому офицеры, хотя можетъ быть и отличные малые (потому что почтены были выборомъ согражданъ), не представляли никакихъ гарантій относительно своихъ воинскихъ способностей и техническихъ знаній. И дѣйствительно, битва при Манассасѣ раскрыла многое. Прежде всего — самое движеніе къ Манассасу было преждевременно; противъ него былъ самъ генералъ Скоттъ, главнокомандующій сѣверной арміи. Г. Ричардсонъ, изъ Иллинойса, рассказывалъ въ палатѣ депутатовъ

такого рода разговоръ, происходившій при немъ между Скоттомъ и Линкольномъ. «Ахъ, я величайшая дрянь, какая только можетъ быть въ мірѣ», воскликнулъ вдругъ Скоттъ... Ричардсонъ хотѣлъ возразить, но Скоттъ не далъ ему начать, и продолжалъ: «постойте, я вамъ сейчасъ это докажу. Я позволилъ дать эту битву совершенно противно моему убѣжденію, и президентъ долженъ былъ сейчасъ же отрѣшнить меня за то, что я поступилъ такимъ образомъ. Я сдѣлалъ все, что было въ моей власти, для того, чтобы сначала организовать вполнѣ армію; и я заслуживаю быть отрѣшеннымъ за то, что у меня не достало твердости настоять на своемъ, когда я могъ бы сдѣлать это».—Линкольнъ прервалъ его: вы этимъ хотите сказать, что это я заставилъ васъ дать сраженіе?—Генераль отвѣтилъ: «изъ всѣхъ президентовъ, при которыхъ я служилъ, ни одинъ не оказывалъ мнѣ болѣе расположенія, чѣмъ вы». Это значило отстранить вопросъ, но не отвѣтить на него, по справедливому замѣчанію Ричардсона, и истина состоитъ въ томъ, что дѣйствительно—и самъ Линкольнъ, какъ и Скоттъ, не могъ выдержать противъ настоячивыхъ и громкихъ требованій нетерпѣливыхъ энтузіастовъ. Газета «Tribune» каждый день, во главѣ своего нумера, печатала, какъ новое «Carthago delenda», исполненными буквами: «*Впередъ на Ричмондъ*», и сообразно съ этимъ составлялась вся газета. Первые успѣхи федеральныхъ войскъ подъ начальствомъ Макъ-Клелланда еще болѣе воспламенили сердца сѣверянъ. Имъ вообразилось, что южане уже вовсе не въ состояніи противиться, что имъ придется только гнать передъ собою южные отряды и торжественно водружать союзный флагъ на городахъ рабовладѣльческихъ штатовъ. Поэтому полки, составлявшіе армію, жили спустя рукава, и на все въ нихъ происходившее—начальство смотрѣло сквозь пальцы. Ученій не было, отлучался изъ полка кто и куда хотѣлъ, офицеры предавались кутежу съ такою безцеремонностью, что даже во время битвы оказалось нѣсколько офицеровъ пьяныхъ, которые не могли вести своихъ отрядовъ. Нечего и говорить о соблюденіи военныхъ формъ: свобода въ этомъ отношеніи простиралась до того, что, по увѣренію газетныхъ корреспондентовъ, случалось встрѣчать солдатъ, стоявшихъ на караулѣ безъ брюкъ... Къ этой безурядницѣ присоединилось еще коммисариатское и провіантское воровство, которое подъ шумокъ патріотическихъ возгласовъ, какъ и вездѣ, дѣлало свое дѣло. Все это ни мало не смущало общей самонадѣянности: она между прочимъ выказалась и въ томъ, что въ самый день битвы при Манассасѣ, за нѣсколько часовъ до нея и даже при самомъ началѣ сраженія, нѣкоторые полки покидали армію, потому что въ этотъ пмменно день вышелъ имъ срокъ ихъ трехмѣсячной службы. Нью-Йоркскій корреспондентъ Times'a рассказываетъ, что встрѣтивъ уходившій такимъ образомъ 4-й пенсильванскій полкъ, замѣтилъ одному офицеру: а кажется за вами дерутся,—слышны пушки...—«Да, кажется», хладнокровно отвѣчалъ офицеръ и продолжалъ путь, не обративъ болѣе никакого вниманія на замѣчаніе. Такое равнодушіе ставится многими въ большое преступленіе успешнымъ полкамъ, даже признается трусостью и почти измѣною. Но очевидно, что всѣ подобныя обвиненія преувеличены: очень натурально, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, въ которые не произошло ничего особенно блестящаго, а безпокойство все-таки было, энтузіазмъ многихъ поостылъ, и они не хотѣли оставаться въ арміи долѣе срока. Что же касается до минуты, выбранной ими для ухода, то очевидно, что они не придавали ей рѣшительно никакого значенія. За два дня до манассасской битвы произошла у авангарда федеральныхъ войскъ стычка съ

сепаратистами при рѣчкѣ Буллъ-Рунъ (18 іюля): дивизія генерала Тэйлера, тѣсня отступавшаго непріятеля, по направленію отъ Центревилля къ Манассасу, была встрѣчена при Буллъ-Рунѣ огнемъ маскированныхъ батарей, и послѣ трехъ часовъ сопротивленія, Тэйлеръ принужденъ былъ отступить. Генералъ Макъ-Дуэаль, котораго авангардъ составляла дивизія Тэйлера, такъ былъ увѣренъ въ полной безопасности слѣдованія войскъ, что не позаботился даже прислать никакого подкрѣпленія Тэйлеру. Неудача при Буллъ-Рунѣ могла бы вразумить наступающія войска, и точно—они послѣ этого стали подвигаться впередъ нѣсколько осторожнѣе, все посматривая, нѣтъ ли гдѣ «маскированныхъ батарей», тѣмъ болѣе, что около Ричмонда, какъ столицы Виргиніи и важнаго стратегическаго пункта, они ожидали встрѣтить сильныя оборонительныя работы. Но генералъ Борегаръ, начальникъ сепаратистскаго корпуса, все отступалъ и отступалъ, оборонительныхъ укрѣпленій не оказалось, скрытыхъ батарей не открыли, и черезъ день прежняя самонадѣянность водворилась въ корпусѣ Макъ-Дуэаля. Когда утромъ 21 іюля завязалась перестрѣлка, непріятель все отступалъ, и серьезнаго сопротивленія рѣшительно не предвидѣлось. Даже когда началось самое дѣло, и тутъ никто не сомнѣвался въ благопріятныхъ результатахъ для федеральной арміи. Тотъ же самый корреспондентъ Times'a, который жестоко упрекаетъ полки за удаленіе въ критическую минуту, рассказываетъ, что эта критическая минута была предметомъ любопытства, интереснымъ спектаклемъ для множества гражданъ. Неподдалеку отъ мѣста битвы, на холмѣ, онъ нашелъ толпы зрителей, «какъ будто пріѣхавшихъ на скачку». Въ числѣ ихъ было нѣсколько государственныхъ людей и законодателей, нѣсколько гражданъ верхами, была даже одна дама съ театральнымъ биноклемъ въ рукахъ. А на склонѣ возвышенія стоялъ цѣлый полкъ, склавши ружья, и дѣлалъ критическія замѣчанія о движеніяхъ сражавшихся... Передъ вечеромъ успѣхъ до того казался обезпеченнымъ, что Макъ-Дуэаль счелъ себя въ правѣ послать депешу въ Вашингтонъ о побѣдѣ... Но вдругъ отступление непріятеля прекратилось, и федералисты увидѣли предъ собою свѣжія силы непріятеля—въ корпусѣ генерала Джонстона, подоспѣвшаго на помощь къ Борегару. Тутъ-то и началось замѣшательство, которое превратилось въ совершенную сумятицу, когда какая-то бомба попала въ одну изъ фуръ и фурлейты побѣжали съ криками о маскированныхъ батареяхъ, о кавалерійской атакѣ, и пр. За ними побѣжали и другіе, наконецъ побѣжало почти все, бросая оружіе и запасы. Любители военныхъ спектаклей, находившіеся на дорогѣ, тоже, разумѣется, способствовали увеличенію общаго безпорядка, а потомъ распространенію всевозможныхъ ужасовъ объ истекшемъ днѣ.

На другой день ожидали уже нападенія сепаратистовъ на Вашингтонъ. Но вмѣсто того, они не только не перешли Потомака, а даже не рѣшились и преслѣдовать разбитыя войска. Въ приведенномъ выше письмѣ говорится, что Борегару, если бы умѣлъ воспользоваться случаемъ, легко было бы взять Вашингтонъ или уничтожить федеральную армію. Но въ то время, когда было писано это письмо, корреспонденту, кажется, неизвѣстно было распредѣленіе отдѣльныхъ корпусовъ сѣверной арміи. Дѣло въ томъ, что въ битвѣ при Манассасѣ принимали участіе только полки, бывшіе подъ командою Макъ-Дуэаля, и только къ нимъ могло относиться соображеніе корреспондента. Но затѣмъ остаются сильныя корпуса Вотлера, Патерсона и Макъ-Клелланда, которые могли и остановить движеніе сепаратистовъ.

Таковы были причины и условія, при которыхъ произошло пораженіе корпуса

Макъ-Доуэля. Теперь, каково его значеніе и каковы послѣдствія произведенныя имъ?

По первымъ извѣстіямъ представлялось, что потери были громадны съ одной только стороны. Первая депеша возвѣстила, что вся федеральная армія съ оружіемъ и запасами находится въ рукахъ побѣдителей, что все дороги усеяны убитыми и пр. По разсказамъ сепаратистскихъ газетъ, въ федеральной арміи убито и взято въ плѣнъ до 15,000. Въ первые дни говорили о 4,000 убитыхъ... Настоящихъ цифръ, конечно, добиться трудно и теперь, но по донесенію Макъ-Доуэля, которое не должно быть очень далеко отъ истины, потери федералистовъ въ этомъ дѣлѣ состояли въ слѣдующемъ: 19 офицеровъ и 460 солдатъ убитыхъ и 1,000 раненыхъ, 1,200—пропавшихъ безъ вѣсти, 2,500 ружей и 8,000 ранцевъ, брошенныхъ въ бѣгствѣ, и 13 провіантскихъ фуръ и 3,000 мѣръ овса, захваченныхъ непріателемъ. Далѣе оказалось, что корпусъ Макъ-Доуэля дрался вовсе не такъ плохо, какъ предполагали: онъ стоялъ нѣкоторое время противъ превосходныхъ силъ (у Макъ-Доуэля было 50,000, у сепаратистовъ отъ 60 до 75), и нанесъ непріятелю большой уронъ. По собственному сознанию, онъ потерялъ до 2,000 убитыми и ранеными, и еще можно думать, что цифра эта уменьшена.

Паническій ужасъ, будто бы распространившійся повсюду въ Сѣверныхъ Штатахъ послѣ пораженія, тоже былъ лишь на поверхности, въ праздныхъ толкахъ и опасеніяхъ людей, которымъ и безъ того нечего дѣлать. Но правительство вовсе не потерялось и не потеряло ни одного дня даромъ. На другой же день послѣ сраженія Линкольнъ написалъ къ Макъ-Клелланду, прося его принять главное начальство надъ арміей. Въ отвѣтъ Макъ-Клелланда выразилось, что онъ хочетъ дѣлать дѣло серьезно и что на силы свои надѣется. Онъ—сначала рѣшительно отказался. Тогда Линкольнъ пригласилъ его въ Вашингтонъ для объясненій. Макъ-Клелландъ пріѣхалъ въ Вашингтонъ 25-го іюля, и прямо объявилъ, что не принимаетъ главнаго начальства надъ арміей потому, что она находится въ жалкомъ положеніи, и ежели не переформировать ее, то съ нею ничего хорошаго не сдѣлаешь. Президентъ не сталъ спорить противъ этого и предложилъ Макъ-Клелланду заняться реформами. Генералъ предложилъ тогда свои условія: чтобы надъ нимъ никакого другого начальника не было, чтобы военное министерство рѣшительно не вмѣшивалось въ его распоряженія, чтобы ему дано было право самому назначать отдѣльных генераловъ, и никого не спрашиваясь производить въ арміи все реформы, какія онъ сочтетъ нужными. Это было нѣчто въ родѣ военной диктатуры; но Линкольнъ согласился на все, и старый генералъ Скоттъ безропотно сталъ на второй планъ, понимая, что теперь въ военномъ начальникѣ необходимѣ всего энергія, которой у него неоставало, и которою, какъ видимъ, въ такой сильной степени отличается Макъ-Клелландъ.

Макъ-Клелландъ еще не старъ и конечно, если только не будетъ скоро убитъ, станетъ играть весьма видную роль въ Соединенныхъ Штатахъ. Онъ началъ свою службу въ регулярной арміи и много лѣтъ провелъ въ войнахъ въ Мексикѣ. Въ 1855 году Макъ-Клелландъ былъ въ Крыму, въ числѣ трехъ офицеровъ, посланныхъ президентомъ для наблюденія за ходомъ военныхъ дѣйствій. Тамъ изучилъ онъ англійскіе и французскіе способы вооруженія, военную администрацію, дисциплину, и пр. Исторія крымской войны, написанная имъ по возвращеніи въ Америку, признается весьма замѣчательною въ военномъ отношеніи.

Вскорѣ затѣмъ однакожь онъ вышелъ въ отставку и занялся частными дѣлами. Въ началѣ нынѣшняго года онъ былъ директоромъ одной компаніи желѣзныхъ дорогъ. Штатъ Огайо предложилъ ему начальство надъ своей милиціей, а президентъ—команду войскъ въ западной Виргиніи, которую сепаратисты хотѣли занять и насильно заставить объявить себя въ пользу отпаденія, какъ сдѣлала восточная часть того же штата. Макъ-Клелланду поручено было вытѣснить оттуда сепаратистскаго генерала Гарнета и онъ исполнилъ это въ три дня,—12—14 іюля. Въ этой экспедиціи выказалась энергія и быстрота рѣшеній Макъ-Клелланда его личное мужество и умѣнье вести себя съ подчиненными. Популярность его возрасла необыкновенно.

Понятно теперь, что назначеніе его главнокомандующимъ ободрило федеральныя войска, а недавній урокъ, полученный отъ непріятеля, расположилъ ихъ послушно принять разныя его нововведенія, которые безъ того могли бы, пожалуй, показаться стѣснительными. Макъ-Клелландъ завелъ въ полкахъ частныя ученія, при помощи которыхъ можно сдѣлать отличныхъ воиновъ изъ этихъ рослыхъ и сильныхъ людей, привыкшихъ ко всякаго рода приключеніямъ, и которымъ не доставало только военной сноровки... Занявши полки ученьемъ, Макъ-Клелландъ прекратилъ самовольныя отлучки изъ лагеря. По его распоряженію, только въ самыхъ важныхъ случаяхъ возможно просить разрѣшенія на отлучку у бригаднаго начальника, и уходить непременно съ билетомъ отъ него. Для наблюденія за исполненіемъ этого постановленія назначены особыя лица во всѣхъ полкахъ. Само собою разумѣется, что и общая дисциплина дѣлается при немъ строже прежняго.

Самостоятельность дѣйствій Макъ-Клелланда также много помогаетъ ихъ успѣшности. При немъ нѣтъ безпрестанныхъ *ordres* и *contre-ordres*, что разъ приказано, то держится; нѣтъ и безпрестанной гонки курьеровъ въ разныя стороны для испрашиванія разрѣшеній на ту или другую мѣру. Требованія его отъ конгресса и президента всегда положительны, настоятельны и не встрѣчаютъ отказа.

До сихъ поръ самыя сильныя требованія съ его стороны были—о присылкѣ подкрѣпленій. И судя по всѣмъ извѣстіямъ, новые волонтеры дѣятельно собираются. Макъ-Клелландъ предполагаетъ, между прочимъ, оставить вербовку волонтеровъ на три мѣсяца, какъ вовсе непригодную въ теперешнихъ обстоятельствахъ, и вербовать новыхъ волонтеровъ уже на три года. Офицеровъ положено подвергать серьезному испытанію.

Конгрессъ тоже не унывалъ и въ самый день полученія извѣстія о пораженіи объявилъ, что Сѣверные Штаты ведутъ войну не для завоеванія Южныхъ, а для поддержанія ненарушимости конституціи, но что никакое бѣдствіе не сильно будетъ отклонить его отъ достиженія предположенной цѣли, и всѣ возможныя средства будутъ употреблены для усмиренія и пораженія *мятежниковъ*.

Въ то же время на конгрессъ утвержденъ законъ о конфискаціи имѣній сепаратистскихъ, находившихся въ неотдѣлившихся штатахъ.

Такимъ образомъ пораженіе, о которомъ прокричали такъ много, не произвело на Сѣверъ никакого существеннаго разстройства, а еще принесло ему значительную пользу.

Вотъ изъ *Times*'а отрывокъ одного письма, писаннаго уже въ то время, какъ впечатлѣніе отъ понесенной неудачи и принятыхъ затѣмъ мѣръ достаточно уже опредѣлилось.

«Нью-Йоркъ, 6 августа

«По мѣрѣ того, какъ разъясняются обстоятельства печальнаго дѣла при Манас-сѣ, становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что сепаратистскія войска потерпѣли больше, чѣмъ федералисты, несмотря на постыдное пораженіе и бѣгство послѣднихъ. Ихъ потери гораздо значительнѣе; особенно важно то, что они лишились гораздо лучшихъ офицеровъ. Вообще они потерпѣли такъ много, что не могли воспользоваться своей побѣдой и извлечь изъ нея какія бы то ни было выгоды. Между тѣмъ какъ они отдыхали, колебались и пополняли свои ряды, энергическія и мастерскія распоряженія генерала Макъ-Клелланда возвратили разстроеннымъ войскамъ правительства увѣренность въ самихъ себѣ. Если несвѣдущіе члены конгресса оставлять его въ покоѣ, то онъ конечно раньше осени сформируетъ армію изъ тѣхъ превосходныхъ матеріаловъ, которые онъ получилъ въ видѣ толпы. Войска продолжаютъ во множествѣ прибывать въ Вашингтонъ. Лучшіе нью-йоркскіе полки выведены изъ форта Монро и отправлены на защиту столицы... Сѣверные штаты также присылаютъ войска почти ежедневно. Распоряженіе объ испытаніи офицеровъ оохладило усердіе пріобрѣтателей полковъ; но за то солдаты обнаруживаютъ двойную готовность идти въ бой, видя, что правительство не хочетъ отдавать ихъ на жертву неспособнымъ начальникамъ, какъ было это сдѣлано при Буллъ-Рунъ и Манассѣ. Нѣтъ ни малѣйшаго ослабленія энтузіазма или рѣшимости. Напротивъ, принятіе командованія генераломъ Макъ-Клелландомъ возбудило новую увѣренность въ успѣхѣхъ и новый восторгъ.

«Послѣ мѣсяца споровъ и колебаній, конгрессъ уступилъ наконецъ желанію націи насчетъ введенія нѣкоторыхъ налоговъ...

«Извѣстія о выборахъ въ Кентукки свидѣтельствуютъ о значительномъ большинствѣ въ пользу союза. Представитель этого штата, мистеръ Вичлайфъ, объявилъ объ этомъ сегодня утромъ въ палатѣ и былъ встрѣченъ повторенными рукоплесканіями. Вездѣ, въ невольничьихъ штатахъ, гдѣ можно было вотировать не изъ-подъ палки, оказывалось значительное большинство въ пользу союза: въ Миссури, Кентукки и Мерилендѣ оказалось большинство;—во всѣхъ прочихъ штатахъ, кромѣ Южной Каролины, сильное меньшинство, представляющее значительную долю матеріальныхъ ресурсовъ края.»

Въ письмѣ упоминается между прочимъ о конгрессѣ. Его дѣйствія также заслуживаютъ вниманія. Прежде всего любопытно то, что онъ вовсе не считаетъ отдѣлившіеся штаты изъятыми отъ его власти, и вотируя, напримѣръ, налогъ въ 20 милліоновъ долларовъ на недвижимую собственность, распредѣляетъ ее на всѣ 34 штата. «Хвастовство»—можно опять подумать. Но едва ли конгрессъ для хвастовства пожертвовалъ бы слѣдующимъ соображеніемъ, которое не могло быть имъ упущено изъ виду: налогъ на имущество въ отдѣлившихся штатахъ,—который правительство предоставляетъ себѣ добрать во всякомъ случаѣ впослѣдствіи,—долженъ еще болѣе раздражить южанъ; они будутъ знать, что въ случаѣ торжества Сѣвера, съ нихъ начнутъ драть всѣ недоимки по налогамъ, вотированнымъ во время войны,—и страхъ подобной перспективы только придастъ имъ упорства. Но, какъ видно, конгрессъ не боится его, считая его или слишкомъ безслыннымъ, или находя, что къ ожесточенію, въ какомъ находятся южане, прибавитъ уже ничего невозможно.

Кромѣ налога 20 милліоновъ на поземельную собственность, 30 іюля конгрессъ вотировалъ также налогъ на доходы. Вудетъ взиматься по 3% со всякаго дохода выше 800 долларовъ. Такимъ образомъ, кто имѣетъ 900 долларовъ дохода, тотъ платитъ 3 доллара налога; кто имѣетъ 1000, платитъ 6 дол. и т. д. Этотъ налогъ (income tax) могъ бы дать много; но сомнѣваются, чтобы можно было исправно собирать его. Тѣмъ не менѣе конгрессъ распространилъ этотъ налогъ и на тѣхъ гражданъ Союза, которые живутъ внѣ его владѣній.

На конгрессъ возвышенъ также тарифъ, что заставляетъ вопіять европейскія газеты, особенно французскія, такъ какъ французскіе товары пострадали всѣхъ больше. Налогъ на шелкъ и шелковыя матеріи, смотря по достоинству, возвышенъ до 30% и 40% стоимости, на вино—50%, на водку—1 дол. 25 центовъ съ галлона, на всякій товаръ, идущій изъ-за мыса Доброй Надежды на иностранномъ кораблѣ, набавлено 10%. Чай обложенъ пошлиной въ 15 центовъ съ фунта, кофе—4, сахаръ отъ 2 до 6, смотря по достоинству продукта.

Прежде закрытія своего конгрессъ вотировалъ—экстраординарныхъ издержекъ на веденіе войны 260 милліоновъ долларовъ, и далъ родъ полномочія Линкольну въ распоряженіяхъ дѣламъ республики, въ теченіе времени, пока конгрессъ будетъ закрытъ.

Но всего замѣчательнѣе, безъ сомнѣнія, послѣдній законъ, утвержденный конгрессомъ предъ самымъ его закрытіемъ, 5 августа. Это былъ объ освобожденіи негровъ, принадлежащихъ плантаторамъ, поднявшимъ оружіе противъ республики. Этимъ постановленіемъ сдѣланъ рѣшительный шагъ къ уничтоженію невольничества, и война вступила въ новый фазисъ, какъ справедливо указывается въ слѣдующей корреспонденціи Times'a.

«Вашингтонъ, 10 августа.»

«Къ добру или къ худу, но борьба между Сѣверомъ и Югомъ начинаетъ быстро принимать характеръ, котораго на Югѣ ждали и боялись, между тѣмъ какъ Сѣверъ прежде не признавалъ его, да и теперь признаетъ не вполне. Если война продолжится, она обратится въ борьбу между рабствомъ и абolicіоннымъ элементомъ. Весьма вѣроятно, что черезъ день или два президентъ провозгласитъ освобожденіе всѣхъ негровъ, находящихся въ чертѣ арміи Соединенныхъ Штатовъ. Въ послѣдній день засѣданія конгресса былъ объ освобожденіи негровъ, принадлежащихъ мятежникамъ, принявшимъ участіе въ войнѣ, былъ весьма неохотно подписанъ мистеромъ Линкольномъ... Сначала онъ положительно отказался скрѣпить этотъ актъ своею подписью. «Мы за это потеряемъ Кентукки», говорилъ онъ. Но сенаторы настойчиво его уговаривали, и онъ наконецъ уступилъ за десять минутъ до закрытія палаты... Говорятъ, что черезъ нѣсколько дней будетъ сдѣланъ шагъ еще гораздо болѣе рѣшительный, и что перчатка будетъ брошена въ одно и то же время и Югу, и демократамъ Сѣвера. Если такъ, то уже не можетъ быть сомнѣнія на счетъ характера борьбы и средствъ, которыми она будетъ ведена. Но нужно рѣдкое мужество и увѣренность въ себѣ, чтобы поднять споръ объ этомъ вопросѣ въ то самое время, когда конвенція демократовъ въ Нью-Йоркѣ отказалась дѣйствовать за одно съ республиканцами, и когда въ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ частяхъ Союза уже начинаютъ раздаваться крики партій «мира во что бы то ни стало и компромисса, если только можно...»

«До сраженія при Манасассѣ какое нибудь чудотворное ухищреніе, удача и ловкость «злаго духа компромиссовъ» можетъ быть еще успѣли бы привести къ примиренію. Разползшіеся швы и разорванный флагъ Союза можетъ быть еще удалось бы починить. Но теперь Сѣверъ не можетъ безъ позора согласиться на славленіе, гдѣ бы ему пришлось играть роль неблагородной примѣси. Брань, оскорбленія и презрѣніе Юга не дало бы людямъ Сѣвера мѣста на американскомъ материкѣ. Надежда на миръ была бы тутъ такъ же основательна, какъ расчеты товарища стараго Пистоя, который ручательство за миръ и равенство видѣлъ въ получаемыхъ имъ ударахъ, и думалъ, что буйный другъ оставитъ его въ покоѣ, потому что онъ безропотно далъ разбить себя носъ...»

Изъ распоряженій, послѣдовавшихъ по закрытіи конгресса и дошедшихъ до насъ, можно упомянуть о прокламаціи Линкольна, воспреещающей всякія сношенія съ обитателями мятежныхъ штатовъ. Нѣкоторыя газеты уже кричатъ: «вотъ эта рыцарская политика абolicіонизма, вотъ она къ чему приводитъ,—къ налогамъ, высокимъ тарифамъ, паспортамъ, къ лишенію свободы дѣйствій всякаго гражда-

нина, и пр.». Тоже самое возглашается по поводу мѣръ, принятыхъ противъ нѣкоторыхъ газетъ, восхвалявшихъ партію плантаторовъ. Разумѣется, все это очень грустно; но кто же виноватъ, если южная партія прибѣгаетъ къ такимъ скандальнымъ мѣрамъ для своихъ цѣлей, что правительство не можетъ терпѣть этого. Сепаратисты подкупаютъ чиновниковъ на Сѣверѣ, наполняютъ важнѣйшіе города своими шпионами, заставляютъ, напримѣръ, г. Фаукнера, посланника Соединенныхъ Штатовъ въ Парижѣ, закупать во Франціи оружіе для Юга. Еще бы г. Фаукнера не арестовать, когда онъ, совершивъ свое дѣло, преспокойно возвратился въ Вашингтонъ...

Для осуществленія займа, предложеннаго правительствомъ, ведены были переговоры секретаремъ казначейства съ банками нью-йоркскимъ, бостонскимъ и филаделфійскимъ, и рѣшено на томъ, что правительство немедленно выпуститъ билетовъ на 50 милліоновъ долларовъ, съ платою по 7,30⁰/₀, и будетъ выбирать изъ банковъ эту сумму монетою, по мѣрѣ надобности. Затѣмъ *имѣютъ право* взять еще на такую же сумму билетовъ казначейства 15 октября, а потомъ еще 15 декабря...

Въ военныхъ дѣйствіяхъ до сихъ поръ не произошло ничего особенно замѣчательнаго. Битва при Спрингфильдѣ, о которой тоже хотѣли прокричать, какъ о бѣдствіи Сѣвера, оказалась рѣшительно ничтожною и вдобавокъ не совсѣмъ проигранною федеральными войскамъ. Дѣло это происходило въ юго-западной оконечности штата Миссури. Сѣверная часть Миссури объявляла себя въ пользу Союза, но на Югѣ были приверженцы рабства и стояли сепаратистскія войска. Федеральнѣй генералъ Лэйонъ разбилъ ихъ и принудилъ отступить къ Арканзасу. Послѣ сраженія при Манассасѣ сепаратисты рѣшились возобновить попытку овладѣть югомъ штата Миссури. Генералы Джэксонъ и Келлохъ отправились противъ Лэйона съ корпусомъ отъ 20 до 30 тысячъ человѣкъ. У Лэйона всего было отъ 8 до 10 тысячъ, но онъ рѣшился выдти навстрѣчу непріятелю и на первый разъ, сильнымъ дѣйствіемъ своей артиллеріи, даже заставилъ его отступить до самаго лагеря и сожечь его палатки. Но среди сраженія Лэйонъ былъ убитъ, и это имѣло весьма неблагоприятное вліяніе на ходъ битвы. Впрочемъ полковникъ Зигель, принявшій команду послѣ Лэйона, совершилъ отступление въ отличномъ порядкѣ, взявъ съ собою всѣхъ захваченныхъ плѣнныхъ, отбитыхъ лошадей, и даже не позабывъ забрать деньги изъ спрингфильдскаго банка. Отступая, дошелъ онъ до Роллы, откуда по желѣзной дорогѣ могъ имѣть сообщеніе съ главною арміею. Федераллисты въ этомъ дѣлѣ потеряли до 800, а конфедераты до 2,000 убитыми и ранеными.

Теперь, по газетнымъ слухамъ, обѣ стороны усердно готовятся къ большому сраженію, которое должно послѣдовать въ октябрѣ. Впрочемъ газетнымъ слухамъ, особенно въ Америкѣ, и особенно теперь, нельзя придавать почти никакого значенія. Конфедераты не любятъ выдавать своихъ тайнъ: у нихъ и засѣданія конгресса въ Ричмондѣ были тайныя. Макъ-Клелландъ тоже заботится, чтобъ его намѣренія не были заранѣе извѣстны непріятелю. Онъ даже просилъ журнальныхъ корреспондентовъ не дѣлать слишкомъ проникательныхъ соображеній и умныхъ догадокъ относительно его плановъ.

Такимъ образомъ общій ходъ дѣлъ въ Америкѣ постоянно оправдываетъ сдѣланное нами предположеніе, что война Юга съ Сѣверомъ далека отъ мирнаго разрѣшенія и не можетъ кончиться на компромиссѣ, — теперь менѣе, чѣмъ когда либо.

О европейских дѣлахъ приходится на этотъ разъ говорить не очень много.

Венгрія и Италія по прежнему на первомъ планѣ.

Въ прошедшій разъ остановились мы на рескриптѣ 21-го іюля, данномъ императоромъ австрійскимъ въ отвѣтъ на адресъ венгерскаго сейма, и на проэктировавшемся новомъ адресѣ, въ отвѣтъ на рескриптъ. Дѣйствительно, новый адресъ былъ составленъ Деакомъ, 8-го августа прочитанъ и одобренъ въ палатѣ депутатовъ, 10-го утвержденъ палатою магнатовъ, 14-го поднесенъ императору президентами обѣихъ венгерскихъ палатъ, Аппони и Зичи. Императоръ принялъ ихъ, по замѣчанію австрійской «Presse», въ гусарскомъ мундирѣ, сопровождаемый графомъ Эстергази, Форгахомъ (канцлеромъ) и адъютантомъ графомъ Кленвилемъ. Аппони сказалъ очень ловкое привѣтствіе, подавая адресъ: «Венгерскій сеймъ, сказалъ онъ, объясняетъ въ своемъ адресѣ основанія государственнаго права и международнаго положенія своей страны. Онъ это сдѣлалъ какъ по своимъ убѣжденіямъ и по долгу предъ отечествомъ, такъ и вслѣдствіе чувствъ уваженія къ вашему величеству, которымъ онъ измѣнилъ бы, если бы, приглашенный вашимъ величествомъ высказать свое мнѣніе отъ имени народа, выразилъ бы его чувства, убѣжденія и стремленія не съ полною искренностью и вѣрностью». Императоръ отвѣчалъ, что онъ подумаетъ и дастъ отвѣтъ.

Но отвѣтъ извѣстенъ былъ заранѣе, и даже изложенъ въ самомъ адресѣ. Составляя и вотируя послѣдній адресъ, венгры очень хорошо знали, что за нимъ послѣдуетъ распушеніе сейма. Адресъ этотъ чрезвычайно длиненъ, какъ и длиненъ былъ и рескриптъ. Исторія повторяется опять та же самая, какая уже нѣсколько разъ была рассказана въ нашихъ обзорѣяхъ. Потому о ней можно и не распространяться. Венгерскіе депутаты стоятъ на своемъ: неприкосновенность венгерской конституціи и законовъ, законодательныя права сейма и строгое соблюденіе прагматической санкціи. «Изъ содержанія и духа рескрипта, обнародованнаго вашимъ величествомъ 21-го іюля, мы должны были, къ огорченію нашему, заключить, что ваше величество не желаете быть истиннымъ королемъ Венгріи по точному смыслу прагматической санкціи». Это они повторяютъ ужъ разъ десятый. Отъ темы своей они не отступаютъ, и постоянно разбиваютъ всѣ аргументы Австріи своимъ единственнымъ тезисомъ: наша конституція должна быть неприкосновенна. На этотъ разъ они высказываются даже нѣсколько рѣзче прежняго, съ явнымъ намѣреніемъ положить конецъ переговорамъ. Въ рескриптѣ напримѣръ, сказано, что венгерцамъ оставляется ихъ «конституціонное самоуправленіе». Адресъ возражаетъ: «конституціонное самоуправленіе страны нарушено уже тѣмъ, что ваше величество собственною властью предписываете намъ законы, не спрашивая на то предварительнаго согласія сейма, и даже не обратившись къ нему съ запросомъ о томъ, одобрить ли онъ такое существенное измѣненіе въ конституціи». Затѣмъ цитируются факты для доказательства, что Венгрія никогда не составляла единой страны съ Австріей, никогда не отказывалась отъ своей самостоятельности, — принимала участіе въ совѣщаніяхъ о войнѣ и мирѣ, имѣла свое собственное, отдѣльное войско, опредѣляла у себя налоги, и пр. Что же касается до словъ рескрипта о потрясеніяхъ, нарушившихъ и отмѣнившихъ конституцію, адресъ отвѣчаетъ: «эти потрясенія произведены были не законами 1848 года, а именно несоблюденіемъ ихъ—и препятствіями къ ихъ точному исполненію. Какъ были устроены эти препятствія,—объ этомъ мы готовы умолчать, сколько для того, чтобы не возбуждать печальныхъ

воспоминаний, столько и по чувству уваженія къ вашему величеству». Словомъ, Венгрія ни на какихъ условіяхъ не хочетъ быть австрійской областью, а требуетъ, чтобы ее признали отдѣльной націей съ самостоятельнымъ управленіемъ; тогда она признаетъ Франца-Иосифа своимъ королемъ, если онъ дастъ присягу венгерской конституціи. Иначе, всѣ постановленія имперскаго сейма относительно Венгріи—нація считаетъ незаконными; пынѣшнее же управленіе страны съ неконституціонными чиновниками, съ налогами, назначенными безъ согласія сейма и собираемыми вооруженною силою,—объявляется прямо противозаконнымъ и подлежащимъ уголовному суду.

Заключеніе адреса состоитъ именно въ томъ, что послѣ рескрипта, все ссылающагося на грамоты 20 декабря и 26 февраля, вмѣсто того, чтобы опираться на конституцію, дальнѣйшіе переговоры невозможны, и нить ихъ считается сеймомъ окончательно порванной. Послѣднія слова замѣчательны, какъ намекъ на близость начатія враждебныхъ дѣйствій между Австріей и Венгріей:

«Можетъ быть снова придуть тяжелые дни для нашего отечества; но мы не должны отгонять ихъ изыѣною обязанностямъ венгерскаго гражданина. Конституціонная свобода страны не составляетъ нашей собственности, которою мы могли бы располагать произвольно; нація ввѣрила ее нашей чести, и мы должны отвѣчать за нее передъ отечествомъ и нашей совѣстью. Если ужъ необходимо страдать, нація готова страдать, чтобы только спасти для будущихъ поколѣній ту конституціонную свободу, которую сама она наслѣдовала отъ предковъ. Она не упадетъ духомъ въ своихъ страданіяхъ, подобно тому, какъ не падали ея предки, страдая за защиту правъ страны. То, что отнимается силою и властью, можетъ быть возвращено временемъ и благопріятными обстоятельствами; но то, отъ чего нація сама отреклась, изъ опасенія страданій, возвратитъ бываетъ чрезвычайно трудно. Итакъ нація рѣшается терпѣть, надѣясь на лучшую будущность и вѣря въ правоту своего дѣла.»

Ясно, что тутъ ни для венгровъ, ни для австрійскаго императора, ни для его министровъ нѣтъ ничего новаго. Ясно, что заключеніе послѣдняго адреса могло быть и въ предъидущемъ, и еще раньше; тогда бы и развязка послѣдовала раньше. Но мы говорили, изъ-за чего тянули дѣло венгерцы,—они выжидали времени и благопріятныхъ обстоятельствъ. Что же заставило ихъ теперь повернуть такъ круто? Дождались ли онѣ обстоятельствъ, которыхъ ждали, или, напротивъ, потеряли всякую надежду ихъ дожидаться? Разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ могло бы очень ясно опредѣлиться положеніе Венгріи и ходъ будущихъ дѣлъ въ этой странѣ.

Къ сожалѣнію, до настоящаго времени нельзя этого рѣшить съ достаточною опредѣленностью и увѣренностью. На первый вопросъ отвѣтъ, конечно, готовъ въ фактахъ,—отвѣтъ отрицательный. Если бъ венгры дождались ожидаемыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, Австрія объ этомъ знала бы, и тогда поведеніе ея было бы другое. Тогда послѣдовали бы или уступки, или поневолѣ война. А теперь—адресъ прочитанъ, обсужденъ въ совѣтѣ, и затѣмъ посланъ императорскій рескриптъ, въ которомъ объяснялось, что императоръ всей душою желалъ соглашенія, но что съ такимъ народомъ, какъ эти депутаты, дѣлать нечего, и потому, не ожидая болѣе никакого добра для венгерскаго народа отъ продолженія сейма, императоръ повелѣваетъ ему разойтись, а если понадобится опять обратиться къ представителямъ націи, то въ теченіе шести мѣсяцевъ будетъ созванъ новый сеймъ. Въ

подкрѣпленіе рескрипта посланъ фельдцейхмейстеръ графъ Галлеръ, въ качествѣ королевскаго комиссара, для распущенія сейма, и дано ему полномочіе, чтобы въ случаѣ, если, паче чаянія, сеймъ вздумаетъ выказать сопротивленіе, разогнать его вооруженною силою. Все это было извѣстно заранѣе, и потому еще въ засѣданіи 20 августа читанъ былъ протестъ, составленный тѣмъ же Деакомъ, противъ распущенія сейма. Въ протестѣ снова объявляются австрійскія требованія противозаконными. «Мы сдѣлали все съ своей стороны, говорятъ депутаты, чтобы достигнуть того, что требуется основаніями нашей конституціи, то есть пополненія сейма депутатами изъ другихъ областей и возстановленія отвѣтственнаго министерства; но всѣ наши успія были безуспѣшны, и послѣдній *королевскій* рескриптъ убѣдилъ насъ, что его величество не намѣренъ былъ возстановлять нашу конституцію въ духѣ прагматической санкціи, отъ которой мы никогда не отступали. А если теперь, вмѣсто законнаго пополненія сейма и возстановленія парламентскаго управленія, произойдетъ противозаконное распущеніе сейма, то убѣжденіе это (въ нежеланіи короля соблюдать конституцію) сдѣлается еще сильнѣе». Затѣмъ объясняется, почему распущеніе сейма противозаконно: по смыслу конституціи оно не можетъ послѣдовать ранѣе разсмотрѣнія сеймомъ бюджетнаго отчета и бюджета на будущій годъ, представленныхъ министерствомъ. Далѣе указывается еще условіе, что по закону новый сеймъ долженъ быть созванъ не позже какъ черезъ три мѣсяца; слѣдовательно всякая болѣе долгая отсрочка—противозаконна... Протестъ принятъ и утвержденъ въ обѣихъ палатахъ.

22 августа президентъ палаты депутатовъ Зичи сообщилъ королевскій рескриптъ, прибавивъ заявленіе графа Галлера о возможномъ внимательствѣ военной силы. Тогда всталъ Деакъ и сказалъ: «Господа! Гдѣ военная сила, тамъ преній не можетъ быть. Я съ своей стороны объявляю, что мы вооруженной силой противиться не въ состояніи. Поэтому останемся при протестѣ, который вчера утвержденъ въ этой палатѣ и одобренъ также палатою магнатовъ.»

Тѣмъ дѣло и кончилось; рескриптъ отправленъ въ палату магнатовъ, гдѣ произошло также все, что слѣдовало. Вечеромъ давали серенады подъ окнами президентовъ обѣихъ палатъ, а депутаты поднесли Деаку великолѣпный альбомъ, въ 4,000 флориновъ, съ портретами всѣхъ участвовавшихъ въ сеймѣ. Адресъ, составленный имъ, напечатанъ въ числѣ 300 тысячъ экземпляровъ и разосланъ по всѣмъ комитатамъ.

Между тѣмъ административный комитетъ пештскаго комитата тоже хотѣлъ созвать общее собраніе, чтобы протестовать противъ распущенія сейма. Тогда аудиторская канцелярія распорядилась закрыть засѣданія комитета. Вскорѣ затѣмъ послѣдовало распущеніе совѣта пештскаго комитата и восьми другихъ. Мѣсто ихъ заступили присланные *королевскіе* комиссары.

Ясно, стало быть, что благопріятныхъ обстоятельствъ венгры не дождались еще. Но каковы ихъ дальнѣйшіе расчеты? Потеряли ль они въ самомъ дѣлѣ всякую надежду, по крайней мѣрѣ, на скорое наступленіе благопріятнаго для нихъ времени, или руководятъ ими другія соображенія?

Надѣяться они продолжаютъ,—это вѣрно. Но относительно настоящей минуты у нихъ, повидимому, нѣтъ ничего положительнаго. Сеймъ, конечно, увидѣлъ, что нельзя же переговоровъ съ Вѣною тянуть въ вѣчность, а между тѣмъ невозможность соглашеній съ Австріей показалаь ему уже достаточно выясненною для

нации,—вотъ онъ и рѣшился покончить съ этой исторіей. Весьма естественно, что тутъ былъ и расчетъ, который первыя съ ужасомъ примѣтили австрійскія газеты. Это расчетъ такого рода: двухъ противныхъ системъ правленія въ одной имперіи не можетъ быть въ одно время; если мы будемъ упорно отказываться отъ австрійскихъ грамотъ, а правительство не признаетъ нашей конституціи и распуститъ сеймъ, тогда неизбѣжно должно водвориться въ Венгріи прежнее абсолютное и произвольное управленіе; мы будемъ страдать, но дѣлать нечего,—это самое страданіе вызоветъ реакцію въ прочихъ частяхъ Австрійской имперіи. Съ уничтоженіемъ пештскаго сейма должны будутъ исчезнуть и другіе, не исключая и имперскаго; произволъ, военная сила и безотчетное управленіе въ одной части Австрійской имперіи не могутъ не отозваться плачевнымъ образомъ и на другихъ ея частяхъ; очень скоро всѣ увидятъ, до какой степени искренни конституціонныя намѣренія правительства, и оно опять лишится и той опоры, которую пріобрѣло было въ довѣріи, начавшемъ проявляться къ нему послѣ изданія конституціи... Тогда снова принуждена будетъ Австрія обратиться къ венгерскому сейму, и снова явятся на него тѣ же люди, съ тѣми же непреклонными требованіями. Тогда уже легче будетъ сговориться съ правительствомъ... Въ этомъ родѣ разсуждаетъ «*Ost-deutsche Post*». Легко можетъ быть, что въ значительной части своихъ соображеній она отгадала истину. Только вѣроятно венгерцы надѣются сдѣлать что-нибудь и ранѣе того времени, когда Австрія увидитъ необходимость опять обратиться къ нимъ сейму.

Замѣчательно, что мысль объ оставленіи правительствомъ конституціоннаго пути испугала не однѣ газеты, а даже и членовъ имперскаго сейма. Они-таки во-тировали похвальный адресъ за образъ дѣйствій правительства въ венгерскомъ вопросѣ; но нашлось нѣсколько ораторовъ противъ адреса, осмѣлившихся утверждать, что мѣры, принятія съ Венгріей, легко могутъ дурно отозваться на юной конституціи всей Австрійской имперіи.

Разумѣется, ихъ не послушали, потому что въ рескриптѣ прямо сказано, что императоръ даже и въ Венгріи желаетъ удержать конституціонное самоуправленіе.

А между тѣмъ кроатскій сеймъ тоже готовится къ распущенію и уже на этотъ случай назначаетъ будущее управленіе страны, которое должно будетъ замѣнить его.

Матеріальнымъ образомъ реакція въ Венгріи выказалась пока еще только въ строгостяхъ противъ журналистики и въ насильственномъ сборѣ податей. Взыскивать никакъ нельзя, такъ къ неплательщикамъ ставятъ солдатъ. Есть достаточные люди, которые помѣщаютъ и кормятъ солдатъ очень хорошо, но денегъ не даютъ.

Объ итальянскихъ событіяхъ было въ послѣдній мѣсяцъ чрезвычайно много толковъ и шуму, благодаря тому, что дѣла эти занимаютъ очень близко всю французскую журналистику, которая, какъ извѣстно, должна заниматься тѣмъ, чѣмъ ей приказано. Интересъ постоянно поддерживался въ публикѣ слухами и опроверженіями, доказательствами и противорѣчіями. «*Patrie*», наприимѣръ, восхваляла достоинства острова Сардиніи и увѣряла, что ея жители—вовсе не итальянцы, а французы; когда дѣйствіе казалось достаточнымъ, «*Moniteur*» печаталъ замѣтку, что Франція никогда и не думала о Сардиніи. Когда «*Siècle*» уже слишкомъ

распространялся о томъ, что Австрія на случай смерти папы готовить конклавъ въ Веронѣ, для своихъ цѣлей,—«Pays» начиналъ увѣрять каждый день, что свѣтѣйшій отецъ совершенно здоровъ, и что о преемникѣ ему нечего и думать. Разъ пятнадцать въ мѣсяцъ повторялось въ газетахъ, что скоро французы выйдутъ изъ Рима, и разъ пятнадцать объявлялось, что занятіе Рима французами продолжено на неопредѣленное время. Разъ пятнадцать говорилось, что министерство Рикасоли разсердило тюльерійскій дворъ, и столько же разъ возвышалось, что Франція съ Рикасоли—въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ... Дѣло же все сводится къ двумъ словамъ: въ южныхъ провинціяхъ приняла довольно опасные размѣры бурбонская реакція, организуемая и поддерживаемая изъ Рима; реакціонеры дѣйствовали, какъ шайки разбойниковъ,—манера не новая,—совершенно подобнымъ образомъ въ 1799 году занялъ Неаполь и ввелъ въ него Фердинанда знаменитый кардиналъ Руффо. Опасаясь подобныхъ неожиданныхъ послѣдствій, въ Туринѣ рѣшились принять мѣры серьезныя и послали въ Неаполь Чальдини со всѣми полномочіями. Чальдини нашелъ необходимымъ обратиться къ гарибальдійцамъ и къ нѣкоторымъ изъ членовъ «партіи дѣйствія». Тѣ согласились помогать ему, и дѣло пошло хорошо. Но въ числѣ этихъ лицъ былъ извѣстный Никотера; едва о немъ узнали, какъ въ два дня явилось 800 волонтеровъ, готовыхъ за нимъ въ огонь и въ воду. Извѣстясь объ этомъ, Рикасоли съ Мингетти испугались, что Никотера, пользуясь случаемъ, погубитъ Италію, и приказали Чальдини, что пусть ужъ лучше разбойники остаются, но чтобъ онъ съ Никотерой не связывался. Чальдини посердился, но послушался. Съ тѣхъ поръ его дѣятельность противъ бандитовъ попристихла, и въ дѣло вмѣшался какъ-то, на границахъ неаполитанскихъ и папскихъ владѣній, генераль Гойонъ. Вотъ и все. Когда изъ этого что нибудь выйдетъ, мы расскажемъ поподробнѣе.

Все остальное—слова и слова. Слогъ циркуляровъ барона Рикасоли болѣе силенъ, но не столько плавленъ, какъ у Кавура, а дѣло въ нихъ то же: какъ извѣстно, и тотъ и другой хлопочутъ о Римѣ. Въ Римѣ произошелъ-было скандалъ, отъ котораго ждали важныхъ послѣдствій: генераль Гойонъ далъ кардиналу Мероду, военному министру папы, «моральную пощочину» но оказалось, что и пощочина эта была только на словахъ, а даже въ печати г. Гойонъ отрекся отъ нея, и все обошлось до сихъ поръ благополучно...

Впрочемъ о римскихъ дѣлахъ мы надѣемся скоро напечатать особую статью, въ которой, можетъ быть, представлены будутъ и нѣкоторыя подробности, съ которыми мы не рѣшаемся возиться въ общемъ обзорѣ.

ПОЛИТИКА.

Сентябрь 1861.

РИМСКИЙ ВОПРОСЪ.—СЛУХИ ОБЪ УСТУПКАХЪ СО СТОРОНЫ ВЪНЫ ВЕНГРАМЪ.—СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКІЯ ДѢЛА.

Ничего новаго не случилось въ западной Европѣ за прошлый мѣсяцъ, и мы начинаемъ поэтому склоняться къ мнѣнію многихъ нашихъ передовыхъ людей, полагающихъ, что силы вышесказанной Европы истощены.

Напримѣръ, въ Италіи тянется то же прежнее дѣло о Римѣ и Неаполѣ. Когда французы выйдутъ изъ Рима?—Каждую недѣлю слышится все тотъ же отвѣтъ: «скоро», и недѣли идутъ за недѣлями, такъ-что уже очень сильно наскучилъ этотъ отвѣтъ. Особенно недовольны имъ неаполитанцы, страна которыхъ не можетъ удовлетвориться ничѣмъ, кромѣ перенесенія столицы Итальянскаго королевства въ Римъ. Прогрессивная партія, пользуясь этимъ состояніемъ умовъ, начинаетъ агитировать въ Неаполѣ мысль о томъ, не пора ли двинуть на Римъ стряды волонтеровъ, чтобы французы поскорѣе приобрѣли убѣжденіе въ «зрѣлости римскаго вопроса»,—французы вѣдь только затѣмъ и остаются въ Римѣ, чтобы «вопросъ о немъ созрѣлъ», и обѣщаются отдать его итальянцамъ, какъ только вопросъ «созрѣетъ» или, по другому французскому выраженію, какъ только «настанетъ историческій моментъ» для ихъ выступленія изъ Рима. Итальянцы постепенно убѣждаются, что подъ «зрѣлостью» или «историческимъ моментомъ» французы тутъ понимаютъ невозможность оставаться въ Римѣ иначе, какъ сражаясь съ итальянцами, сражаться съ которыми французы не рѣшятся. Прогрессивная партія съ самаго начала говорила это, и теперь ея вліяніе на умы въ южной Италіи усиливается.—Неаполитанскій намѣстникъ, Чальдини, человекъ простой и честный, тотчасъ же по своемъ пріѣздѣ въ Неаполь увидѣлъ, что всѣ живыя силы неаполитанскаго края находятся въ распоряженіи прогрессистовъ, и что для успешнаго управленія страной необходима ихъ помощь. Не пугаясь страшныхъ толковъ о злонамѣренности гарибальдийцевъ или маццинистовъ, онъ сталъ раздавать мѣста людямъ, пользующимся вліяніемъ на массу. Это онъ дѣлалъ въ очень небольшомъ размѣрѣ, боясь туринскаго правительства, но польза все-таки произошла очень большая. Неаполь началъ быстро успокоиваться; одинъ округъ за другимъ сталъ, подъ руководствомъ прогрессистовъ, очищаться отъ разбойническихъ шаекъ, опустошавшихъ всю южную Италію при прежнихъ вялыхъ и непопулярныхъ администраторахъ, и самъ Чальдини заслужилъ

всеобщее довѣріе. Соединеніе южной Италіи съ сѣвѣрною, подвергавшееся до пріѣзда Чальдини очень сомнительному колебанію, теперь упрочилось,—чего же лучше для туринскаго правительства? Но оно недовольно дѣйствіями Чальдини, и чтобы читатель имѣлъ объ этомъ свѣдѣтельство, котораго нельзя заподозрить, мы приведемъ отрывокъ изъ неаполитанской корреспонденціи Times'a, вовсе не отличающейся расположеніемъ къ маццинистамъ или гарибальдійцамъ.

«Въ началѣ августа центральное правительство показало намъ новый и весьма замѣчательный образчикъ своей завистливо-боязливой политики. Публикѣ про-
«пешествіе это уже извѣстно; но такъ-какъ я слышалъ о немъ отъ одного изъ
«главныхъ лицъ, причастныхъ къ дѣлу, то рассказъ мой можетъ быть покажется
«читателю не лишеннымъ занимательности. 3-го августа въ Неаполѣ, какъ извѣстно,
«распространился паническій страхъ. На слѣдующій день Чальдини призвалъ къ
«себѣ барона Никотеру, и, сообщивъ ему свои предположенія о вѣроятности близкой
«высадки на пространствѣ между Паузлиппо и Музеумомъ, принятомъ имъ за обо-
«ронительную линію города, спросилъ его, возьметъ ли онъ на себя оборону
«остальной части столицы, включающей Форію, старый Неаполь и Марину. Такъ-
«какъ оборона эта требовала содѣйствія простаго народа, то и возникъ вопросъ:
«какъ взглянуть на это центральное правительство? Чтобы обойти затрудненіе, пред-
«ставлявшееся съ этой стороны, рѣшено было всѣхъ желающихъ сражаться включить
«въ ряды подвижной гвардіи. Велѣдъ затѣмъ Никотера и принялся за дѣло. Ге-
«нераль Козенцъ, съ которымъ ему было поручено посовѣтоваться, сначала не
«одобрилъ этой мысли, но переговоривъ съ Чальдини, и онъ выразилъ свое согласіе.
«Поддержанный такимъ образомъ, Никотера началъ свои дѣйствія, и въ три дня
«навербовалъ 2,300 человекъ. По его расчету онъ на пятый или шестой день
«имѣлъ бы отрядъ въ 5,000 или 6,000 человекъ. Но въ среду 6-го августа,
«поздно вечеромъ, онъ былъ потребованъ къ генералу-намѣстнику и тамъ получилъ
«приказаніе остановить всѣ дальнѣйшія распоряженія.

«Приготовленія Никотеры возбудили опасенія туринскаго двора. Тамъ нашли,
«что эта толпа людей можетъ броситься на Римъ, и такимъ образомъ, какъ мнѣ
«кажется, безъ всякой причины ослабили оборонительныя средства города въ минуту
«большой опасности. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ рассказъ о происшествіи, которое
«въ свое время вызвало здѣсь много толковъ и оставило итальянскимъ журналамъ
«матеріалъ на цѣлый рядъ статей. Это новое доказательство той неблагоприятной
«трусости и ревниваго недоброжелательства, которыя постоянно создаютъ новыя
«препятствія примиренію всѣхъ партій, и такимъ образомъ обращаютъ дѣло соеди-
«ненія Италіи въ неисполнимую мечту. Если разобрать дѣло, какъ слѣдуетъ, то
«выходитъ, что партія «дѣйствія» здѣсь слишкомъ сильна, чтобы ею можно было
«пренебречь, и что удержать ее въ рукахъ можно только путемъ примиренія и пре-
«доставленія ей дѣятельности. Являясь въ обществахъ всѣхъ партій и всѣхъ со-
«словій, я видѣлъ много такъ-называемыхъ акціонистовъ, и могу сказать, что, въ
«Неаполѣ по крайней мѣрѣ, они проникнуты готовностью самоотверженія, которой,
«къ несчастію для края, вовсе нѣтъ въ людяхъ, смотрящихъ на нихъ съ негодо-
«ваніемъ.

«Главная цѣль политическихъ стремленій этой партіи заключается, какъ я
«уже писалъ вамъ, въ основаніи итальянскаго единства. Она всегда была и вѣ-
«роятно всегда будетъ передовою дружиною всякаго движенія въ этомъ краѣ. Не-

«похожій въ этомъ отношеніи на своихъ предшественниковъ, Чальдини, удостоить «се своей улыбкой. Эта благоразумная политика дать ему средства управлять тѣми, «которыхъ онъ не могъ бы побѣдить силою».

Очень много шума надѣлалъ неблаговоспитанный Чальдини своимъ рѣзкимъ отвѣтомъ на предложеніе главныхъ лицъ умѣренной партіи неаполитанскаго края. Когда туринскій парламентъ былъ распущенъ, неаполитанскіе члены его изъ министерскихъ рядовъ, возвратившись на родину, вздумали дать намѣстнику урокъ въ деликатной формѣ. Они прислали ему адресъ, въ которомъ предлагали ему содѣйствіе, намекая на то, чтобы онъ отвергъ содѣйствіе Никотеры и другихъ прогрессистовъ. Чальдини отвѣчалъ въ такомъ смыслѣ: «Всѣ неаполитанскіе правители, пользовавшіеся вашими совѣтами и содѣйствіемъ, становились непопулярны и падали. Потому я разсудилъ обходиться безъ вашего сочувствія и пособія». Поднялась страшная буря въ рядахъ умѣренной партіи противъ грубаго солдата. Отвергнутые совѣтники отправили въ Туринъ требованіе, чтобы Чальдини былъ смѣненъ. Министерство само давно хотѣло бы отставить его. Но онъ популяренъ, довѣріемъ неаполитанскаго народа къ нему водворяется въ Неаполѣ тишина; смѣнить его значило бы снова подвергать опасности господство Виктора-Эммануэля надъ Неаполемъ. Рикасоли оказался на этотъ разъ благоразумнѣе, чѣмъ бывалъ въ подобныхъ случаяхъ Кавуръ. Онъ счумѣлъ разсудить, что единство Италіи важнѣе личной неприязни его къ прогрессистамъ, и Чальдини остается пока неаполитанскимъ намѣстникомъ *). Приготовленія неаполитанскихъ прогрессистовъ къ движенію на Римъ даютъ нѣсколько новый видъ римскому вопросу. Туринское правительство усиливаетъ свои хлопоты въ тюлерійскомъ кабинетѣ, чтобы предотвратить столкновеніе итальянскихъ патріотовъ съ французскими войсками. Французское правительство начинаетъ думать, что можетъ попасть въ неспрiятности, оставляя свои войска въ Римѣ: вѣдь на самомъ дѣлѣ не могутъ они сражаться съ итальянцами. Поэтому въ послѣднія недѣли ежедневно стали появляться въ Туринѣ и Парижѣ полуоффиціальныя статьи и брошюры объ условіяхъ, на которыхъ французы могутъ очистить Римъ. Говорятъ, что эти публичныя объясненія довольно близко соотвѣтствуютъ содержанію переговоровъ между Рикасоли и императоромъ французовъ. Главныя черты предполагаемаго рѣшенія таковы: папа сохраняетъ полицейскую власть надъ лютеранскимъ дворцомъ съ сосѣдними кварталами, но большая половина города и всѣ области отдаются въ непосредственное управленіе итальянскаго министерства. Въ своемъ дворцѣ папа можетъ имѣть небольшой отрядъ тѣлохранителей, составленный отчасти изъ итальянцевъ, отчасти изъ другихъ католиковъ. На содержаніе папы дается нѣкоторая часть доходовъ съ прежнихъ его владѣній и всѣ католическія державы приглашаются увеличить это содержаніе добровольными пособіями. Можно полагать, что раньше или позже дѣло устроится на этихъ основаніяхъ, если устроится оно дипломатическими переговорами, а не развяжется какою нибудь популярною катастрофою, которая, конечно, уже не оставитъ папѣ ни тѣлохранителей, ни независимой власти надъ резиденціею.

Начинающееся успокоеніе Неаполя открываетъ итальянскому правительству возможность сосредоточить армію въ сѣверной Италіи и думать о возобновленіи военныхъ дѣйствій противъ Австріи. Но теперь, при министерствѣ Рикасоли, эта пер-

*). Послѣднія телеграфическія депеши говорятъ, что онъ все-таки отставленъ или скоро будетъ отставленъ.

спектива еще очень далека. Разсчитываютъ, что итальянское королевство могло бы выставить нынѣ противъ австрійцевъ до 150 тысячъ войска,—эта цифра вдвое больше той, на какую можно было разсчитывать мѣсяца три, четыре назадъ, когда большая половина войскъ была нужна для сдерживанія общаго недовольства для южной Италіи прежними дурными намѣстниками. Но все-таки 150 тысячъ войска еще слишкомъ мало для борьбы съ австрійцами, у которыхъ въ Венеціи и около Венеціи находится до 300 тысячъ солдатъ. А министерство Рикасоли держится кавуровскихъ принциповъ относительно военной организаціи. Оно не заботится ни о составленіи сильныхъ резервовъ, ни о формированіи волонтеровъ или милиціи. Поэтому австрійскіе министры остаются довольно спокойны насчетъ Рикасоли: они увѣрены, что онъ самъ не въ состояніи ничего начать противъ нихъ. Этою надеждою на безвредность туринскаго правительства объясняется упрямство Шмерлинга въ венгерскихъ дѣлахъ.

Но австрійскіе нѣмцы начинаютъ понимать, что централизационные принципы Шмерлинга не приведутъ ихъ ни къ чему хорошему. Напрасно оффиціальныя вѣнскія газеты увѣряютъ австрійскую публику, что Венгрія раскаявается и смиряется; напрасно увѣряютъ они ее, что масса венгерскаго населенія готова съ удовольствіемъ принять возстановленіе произвольной администраціи, которою Шмерлингъ собируется замѣнить компитатскія собранія, протестующія противъ его дѣйствій; напрасно оффиціальныя вѣнскія газеты доказываютъ что Кroatія будетъ на сторонѣ австрійцевъ противъ венгровъ. Вѣнскіе нѣмцы видятъ, что все это не такъ. Потому съ конца августа носятъ въ Вѣнѣ слухи то объ уступкахъ венграмъ со стороны Шмерлинга, то объ отставкѣ самого Шмерлинга и замѣнѣ его министромъ, могущимъ примириться съ венграми. Вѣнскія газеты до сихъ поръ безусловно поддерживавшія Шмерлинга, постепенно измѣняютъ свой тонъ. Вотъ отрывокъ изъ вѣнской корреспонденціи Times'a объ этой начинающейся перемѣнѣ въ мысляхъ вѣнской публики и объ основныхъ на томъ слухахъ:

«Въ настоящее время вы уже вѣроятно знаете, что здѣсь съ субботы вечера разнесся слухъ о министерскомъ кризисѣ. Электрическій телеграфъ, безъ сомнѣнія, уже сообщилъ вамъ эту вѣсть, и даже, можетъ быть, придалъ ей больше положительности, чѣмъ бы слѣдовало. Слухъ этотъ получилъ начало на биржѣ, въ субботу послѣ обѣда. Въ воскресенье о немъ было упомянуто только въ одной или въ двухъ газетахъ; потому что въ этотъ день все населеніе Вѣны разбѣзжается по окрестностямъ, и въ городѣ остаются только тѣ, которые уже вовсе не имѣютъ возможности уѣхать. Вслѣдствіе этого по воскресеньямъ обычныя мѣста сбора новостей пусты, и почти всѣ пути къ полученію достовѣрныхъ извѣстій закрыты. Въ понедѣльникъ выходитъ немного газетъ; тѣ, которыя появились, старались опровергнуть этотъ слухъ. Есть однако причины думать, что онъ не лишенъ основанія. Вчера уже почти положительно говорили, что г. фонъ-Шмерлингъ подалъ въ отставку и замѣненъ графомъ Белькреди, ретрограднымъ депутатомъ, не имѣющимъ значенія. Послѣдній пунктъ крайне невѣроятенъ; но объ отставкѣ Шмерлинга далеко нельзя этого сказать. Я замѣтилъ, что сомнѣнія въ долговѣчности нынѣшняго министерства стали нынче сильнѣе у людей всѣхъ возможныхъ политическихъ оттѣнковъ. Одинъ изъ значительныхъ членовъ оппозиціонной стороны имперскаго совѣта говорилъ мнѣ сегодня, что по его мнѣнію, министры держатся еще на своихъ мѣстахъ только потому, что ихъ мудрено замѣнить.

«Венгрія имѣ не подъ силу. Необходимость уступокъ со стороны Вѣны нынче признана вполне и проповѣдуется такими лицами, которыя ужь, конечно, сбились на эту мысль не вслѣдствіе пламенности своихъ желаній; такими даже, которыя до сихъ поръ поносили и ругали венгерцевъ, и съ радостью встрѣчали всякую небылицу, сочиненную на ихъ счетъ. Но никто не думаетъ, чтобы Шмерлингъ согласился на эти уступки. И вотъ источникъ предположенія о перемѣнѣ министерства. Очевидно, что мнѣніе это раздѣляется и такими лицами, «которыя бы не хотѣли признаться въ этомъ. Сегодняшній нумеръ Presse говоритъ, что этотъ слухъ есть выдумка отчаянныхъ спекуляторовъ, желающихъ упадка курса. Но во вчерашнемъ своемъ нумерѣ тотъ же журналъ, не упоминая объ этомъ слухѣ, помѣстилъ большую руководящую статью, которую нельзя не считать признакомъ перемѣны въ политическомъ направленіи журнала. Статья эта не только выражаетъ недостатокъ довѣрія къ судьбѣ нынѣшняго министерства, но даже предлагаетъ его преемникамъ пѣлюю программу дѣйствій. До сихъ поръ Presse усердно защищала февральскій патентъ; теперь же надъ журналомъ занялась новая заря. Статья его проникнута сомнѣніемъ и тревожнымъ ожиданіемъ золь; въ сущности она имѣетъ смыслъ капитуляціи. Она выражаетъ боязнь насчетъ раздѣленія конституціонной партіи на двѣ части, и объявляетъ, что масса публики уже потеряла симпатію къ февральской конституціи, которая до сихъ поръ не дала никакихъ результатовъ и была не въ силахъ превозмочь оппозицію обширной и важной части монархіи. Затѣмъ являются выходки противъ «фанатиковъ шмерлинговой конституціи», которые не только считаютъ ее хорошимъ узаконеніемъ, «но «смотрятъ на нее, какъ на догматъ, въ котораго уже нѣтъ спасенія, и который стоитъ выше всякихъ разсужденій. Окончательнаго приговора надъ партіей этой журналъ произнести не хочетъ; но онъ протестуетъ противъ маніи или предрасудковъ, или умственной слабости этой партіи. Онъ признается, «что самъ принадлежитъ къ другой части конституціонной партіи, къ той именно, «которая хотя и хвалитъ февральскую конституцію, но не можетъ не видѣть, «какъ трудно установить ее, какъ опасно стараться ввести ее силой и, наконецъ, какъ легко всѣ дѣйствія такого рода могутъ вызвать разрывъ между различными частями монархіи. Онъ полагаетъ, что непростительно подвергаться всѣмъ этимъ рискамъ.

«Можетъ быть (говоритъ Presse) и мы сами держимся этого мнѣнія, что «полное утвержденіе февральской конституціи дало бы Австріи высшую степень благополучія, на какую она можетъ рассчитывать. Но что значитъ полученію «лучшаго», когда для него нужно отказаться отъ «хорошаго». Развѣ «февральская конституція можетъ быть введена въ Венгрію иначе, какъ силой? «Если бы конституція эта была издана три года назадъ, Венгрія, конечно, «приняла бы ее съ радостью. Но благопріятная минута была пропущена, и «намъ остается только ждать, пока она вернется.»

Затѣмъ Presse настоятельно указываетъ, на пересмотръ конституціи, какъ на самый практическій исходъ изъ затруднительнаго положенія, и поддерживаетъ не разъ уже высказанную мысль о свободныхъ совѣщаніяхъ между членами различныхъ партій нижней палаты имперскаго совѣта и распущеннаго венгерскаго сейма. Журналъ считаетъ эту мѣру первымъ шагомъ къ примиренію

противорѣчащихъ интересовъ и притязаній, и полагаетъ, что она приготовила бы основанія для дальнѣйшаго пересмотра конституціи представителями всѣхъ частей монархіи. Статья очевидно внушена убѣжденіемъ, что теперешнюю оппозицію Венгріи не удастся превозмочь, что ни декреты, ни насильственные мѣры не установятъ тамъ февральской конституціи, и что упорство въ слѣдованіи шмерлинговой политикѣ приведетъ имперію къ бѣдствіямъ.

«Сегодня газета *Neueste Nachrichten*, выражая свое удовольствіе по случаю новаго свѣта, озарившаго *Presse*, сообщаетъ слухъ (по ея мнѣнію вѣроятный), будто назначены совѣщанія между нѣкоторыми депутатами имперскаго совѣта и предводителями венгерскаго движенія. Говорятъ, будто бы Визеръ хлопоталъ объ организованіи такого совѣщанія въ Пештѣ, и письмо отътуда утверждаетъ, что въ немъ со стороны австрійцевъ примутъ участіе Визеръ, Рехбауэръ, Бринцъ и Гаснеръ, а со стороны венгерцевъ—Деакъ, Этвешъ, Салай и еще одно лицо, до сихъ поръ еще не названное. Я полагаю, что слухъ этотъ по крайней мѣрѣ преждевремененъ. Письма, полученные мною «изъ Пешта, отъ вчерашняго числа, ничего не говорятъ о такого рода собраніи.»

Разумѣется, эти слухи преждевременны, а быть можетъ и навсегда останутся преждевременными. Въ господствующихъ кругахъ Вѣны до сихъ поръ нѣтъ и можетъ быть никогда не будетъ убѣжденія въ необходимости измѣнить прежнюю систему, и для перемѣны политики вѣроятно понадобится какое нибудь событіе, болѣе убѣдительное, чѣмъ говоръ публики, голосъ газетъ или брошюра Шузельки, бывшая одною изъ причинъ перемѣны тона вѣнскихъ газетъ. Шузелька—популярнѣйшій человѣкъ у австрійскихъ нѣмцевъ. Разумѣется, онъ не попалъ въ вѣнскій имперскій совѣтъ (изъ этого читатель можетъ заключить, служатъ ли представителями австрійскихъ нѣмцевъ тѣ почтенныя лица, которыя засѣдаютъ въ имперскомъ совѣтѣ и поддерживаютъ политику Шмерлинга). По распусcenіи венгерскаго сейма и одобреніи этой мѣры вѣнскимъ имперскимъ сеймомъ, Шузелька издалъ брошюру, въ которой доказываетъ гибельность принциповъ Шмерлинга для нѣмецкаго элемента Австрійской имперіи. По его словамъ, стремиться къ подчиненію всѣхъ частей имперіи вѣнскому министерству—значить вести дѣло вовсе не къ тому, чтобы нѣмецкая національность взяла въ имперіи перевѣсъ надъ всѣми другими національностями, а только къ тому, чтобы исчезла нѣмецкая національность, подавленная смѣшеніемъ съ славянскими національностями, которыя гораздо сильнѣе нѣмецкой числомъ людей. Шузелька доказываетъ, что австрійскіе нѣмцы для своей собственной цѣлости должны требовать прекращенія системы, стѣсняющей венгровъ и славянъ. Нельзя рассчитывать на то, чтобы подобный взглядъ немедленно достигъ политическаго господства въ Вѣнѣ. Прежняя система конечно будетъ держаться до послѣдней крайности. Но теперь мы по крайней мѣрѣ видимъ, въ какомъ духѣ произойдетъ раньше или позже развязка запутанныхъ австрійскихъ отношеній. Дѣло рѣшится тѣмъ, что австрійскіе нѣмцы сами станутъ поддерживать требованія венгровъ; а венгры повидимому уже уладили свои отношенія съ кроатами. Аграмскій сеймъ рѣшительно отказывается поддерживать Шмерлинга противъ венгровъ. Члены его дѣлаютъ предложенія о томъ, чтобы онъ требовалъ новаго собранія венгерскихъ депутатовъ. Большинство сейма находитъ эти предложенія пре-

ждевременными, но видимо сочувствуетъ имъ. Посмотримъ, разовьется ли это настроеніе умовъ, обещающее хорошій исходъ для національныхъ отношеній въ восточной части Австрійской имперіи.

Въ Америкѣ сгладились неблагопріятныя для сѣверныхъ штатовъ послѣдствія буллъ-ронскаго дѣла. Сепаратисты повидимому совершенно отказались отъ мысли о наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ Вашингтона. Тактика ихъ состоитъ, кажется, въ томъ, чтобы заманить федеральную армію къ новому нападенію на ихъ укрѣпленныя позиціи по южному берегу Потомака. Новый главнокомандующій вашингтонской арміи, Макъ-Клелландъ, думаетъ дѣйствовать иначе. Союзная армія, защищающая Вашингтонъ, вѣроятно будетъ оставаться въ своихъ позиціяхъ до тѣхъ поръ, пока произведутъ свой результатъ диверсіи, приготовляемыя другими отрядами союзныхъ войскъ. Первая изъ этихъ диверсій произведена отрядомъ генерала Ботлера, занимающаго фортъ Монро, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ оборонительной линіи союзныхъ войскъ: около четырехъ тысячъ войска отправилось моремъ изъ форта Монро на югъ, къ фортамъ Гаттерасъ и Кларкъ, на побережьѣ Сѣверной Каролины. Когда союзныя войска приблизились къ этимъ фортамъ, одинъ изъ нихъ (фортъ Кларкъ) былъ тотчасъ же покинутъ сепаратистами, а другой, болѣе сильный, сдался на безусловную капитуляцію послѣ недолгаго сопротивленія. Успѣхъ этотъ превзошелъ первоначальные расчеты союзаго правительства: оно думало только разрушить форты, но увидѣло возможность утвердиться въ нихъ. Чтобы понять значеніе этого факта, надобно познакомиться съ характеромъ побережья южныхъ штатовъ.

По всему берегу Атлантическаго океана и Мехиканскаго залива, отъ сѣверной границы Виргиніи до границы Мехиканской республики, материкъ сѣверной Америки отдѣляется отъ моря почти непрерывною цѣпью очень длинныхъ и узкихъ низменныхъ острововъ. Цѣпь эта, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подходящая довольно близко къ материку, въ другихъ отдаляющаяся отъ него на нѣсколько десятковъ верстъ, разорвана лишь очень немногими проливами, изъ которыхъ не больше пяти или шести удобны для прохода судовъ, да и то довольно мелкихъ. Такимъ образомъ, тянется по всему берегу отдѣлившихся штатовъ, какъ будто бы каналъ, защищенный отъ идущихъ съ моря военныхъ кораблей полосой земли. Каналъ этотъ служилъ убѣжищемъ для крейсеровъ, снаряженныхъ южными штатами. Форты Гаттерасъ и Кларкъ господствуютъ надъ самымъ сѣвернымъ изъ немногихъ проливовъ, черезъ которые выходили крейсеры въ открытое море. Овладевъ этими фортами, союзное правительство приобрѣло господство надъ всею частью канала по берегу Сѣверной Каролины и половиною берега Южной Каролины. Южные крейсеры въ этихъ мѣстахъ не могутъ теперь держаться. А тутъ находятся обѣ бухты, изъ которыхъ выходила большая часть ихъ: Арбемарльскій заливъ и Пимликскій заливъ. Такимъ образомъ теперь южные крейсеры могутъ наносить сѣверной торговлѣ уже гораздо менѣе вреда, нежели прежде. Сверхъ того, Сѣверная Каролина должна теперь опасаться высадокъ на своемъ берегу, который весь открылся для нападеній сѣверныхъ войскъ. Она принуждена будетъ отозвать часть своихъ полковъ съ береговъ Потомака на защиту собственного побережья.—Экспедиція противъ фортовъ Кларка и Гаттераса была только первымъ опытомъ подобныхъ дѣйствій. Въ Бостонѣ, въ Нью-Йоркѣ и въ Чизапикской бухтѣ снаряжаются теперь другія экспедиціи для овладѣнія другими проливами южнаго побережья. Надобно полагать,

что Вашингтонское правительство хочет прежде всего отвлечь на защиту южных берегов большую часть инсургентовъ, сосредоточившихся теперь около Вашингтона *). Когда ихъ армія будетъ ослаблена этимъ, то по всей вѣроятности она безъ боя отступить отъ Потомака далѣе на югъ, къ Ричмонду. Макъ-Клелландъ такъ увѣренъ теперь въ успѣхѣ, что обѣщаетъ покончить войну къ веснѣ.

Можно не раздѣлять такой надежды. Число войскъ у сепаратистовъ очень велико: въ одной главной арміи ихъ, стоящей подъ Вашингтономъ, полагаютъ отъ 150 до 200 тысячъ солдатъ. Кромѣ того они имѣютъ нѣсколько десятковъ тысячъ въ Кентукки и Миссури, не считая резервовъ, остающихся на Югѣ. Можно считать, что сила инсургентовъ простирается до 300 тысячъ. Содержаніе такого войска, конечно, очень обременительно для страны, имѣющей менѣе десяти милліоновъ жителей,—страны, часть которой въ мирное время получала значительную часть своего продовольствія изъ свободныхъ штатовъ. Но энергія господствующей на Югѣ партіи такъ велика, что несмотря на недостатокъ денегъ и продовольствія, она вѣроятно нашла бы средства продолжать войну гораздо болѣе одной кампаніи.

На этомъ сѣверные аболіціонисты основываютъ всѣ свои надежды. Мы видимъ, что война между сѣверными и южными штатами идетъ совершенно тѣмъ же порядкомъ, какимъ двѣсти лѣтъ тому назадъ шла война между Карломъ I и пуританами. Въ началѣ военные дѣйствія и тогда были очень нерѣшительны, потому что политическими дѣйствіями парламентской партіи руководили и войсками парламента начальствовали умѣренные люди, опасавшіеся крайнихъ мѣръ. Но постепенно выступали на первый планъ люди болѣе рѣшительнаго образа мыслей; въ самой арміи онѣ получилъ наконецъ перевѣсъ, и тогда противники были уничтожены очень легко. Такъ и теперь въ сѣверной Америкѣ свободные штаты начали войну подъ управленіемъ людей умѣренныхъ. Линкольнъ, Сьюардъ, главнокомандующій сѣверными войсками Скоттъ отклоняли всякую мысль объ освобожденіи невольниковъ, т. е. о коренномъ вопросѣ борьбы, а регулярная армія союзнаго правительства состояла изъ людей, гораздо болѣе сочувствующихъ сепаратистамъ, чѣмъ своему правительству. Офицеры этой арміи почти всѣ были уроженцы невольничьихъ штатовъ. При началѣ войны большая часть ихъ перешла на сторону инсургентовъ, и благодаря ихъ опытности, южныя войска организовались гораздо быстрѣе сѣверныхъ, обученіемъ которыхъ пришлось заниматься большею частью людямъ новымъ, едва начинавшимъ знакомиться съ военнымъ дѣломъ. Да и тѣ прежніе офицеры, которые остались вѣрны союзному правительству, служатъ ему безъ большаго усердія. Чтобы наши слова не показались преувеличенными, приведемъ отрывокъ изъ нью-йоркской корреспонденціи Times'a.

«Корпусъ офицеровъ регулярной арміи, какъ бы онъ тамъ ни любилъ Союзъ, «вовсе однако не любитъ настоящаго правительства. Напротивъ, онъ даже чувствуетъ отвращеніе къ большей части членовъ кабинета, и презираетъ ихъ принципы. Мудрено людямъ сражаться мужественно за какое нибудь дѣло, когда они «презираютъ тѣхъ, кто распоряжается этимъ дѣломъ. На дняхъ я говорилъ съ «однимъ офицеромъ, стоявшимъ впереди своей палатки, у которой собралось еще «шесть человѣкъ офицеровъ. Когда разговоръ коснулся прокламаціи генерала Фри-

*) Последнія телеграфическія депеши говорятъ, что сепаратисты начали отступление отъ Вашингтона къ Ричмонду, и что ихъ позиціи на Потомакѣ безъ боя заняты сѣверными войсками.

«монта, собесѣдникъ мой сказалъ: «если это должна быть война противъ невольничества, я подамъ въ отставку». Одинъ только изъ окружающихъ не присоединился къ нему, и не сказалъ: «и я тоже». Впослѣдствіи я узналъ, что офицеры «эти уроженцы Мериланда, Делавера, Виргиніи. Миѣ было также сказано, что всѣ «они вотировали противъ Линкольва. Противниковъ невольничества они не считаютъ порядочными людьми. Но довольно странно, что люди, посвятившіе себя «торговлѣ табакомъ, сахаромъ или рисомъ, приходятъ въ негодованіе при мысли, «что ими будутъ управлять публицисты, вышедшіе изъ низшихъ слоевъ общества. «Въ монархіи такое крайнее отвращеніе объясняется; но здѣсь оно ужъ кажется «вовсе неумѣстнымъ. Какъ бы ни было однакожъ, различные классы общества раздѣлены въ южныхъ штатахъ рѣзкими, глубоко вкорененными чертами. Законъ не «опредѣляетъ этихъ различій, они чисто условны; но тѣмъ не менѣе ихъ строго «охраняютъ. Всѣ люди равны, конечно, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы чело- «вѣкъ, торгующій табакомъ изъ-за прилавка, былъ равенъ чело- «вѣку, который «продаетъ табакъ, выращенный на собственныхъ поляхъ. Сѣверъ зараженъ лавоч- «нымъ запахомъ. Нѣжась среди широкихъ и доходныхъ полей своихъ, воздѣлыва- «емыхъ неграми, Югъ отвращаетъ свой утонченный носъ отъ запаха барышей, «хотя и равнодушенъ къ сущности этой неблаговоной вещи».

Натурально, что при такомъ характерѣ офицеровъ, военныя операціи союзныхъ войскъ велись до сихъ поръ вяло. Но мы видимъ, что сѣвернымъ населеніемъ овладѣваетъ раздраженіе, неминуемо развиваемое самымъ продолженіемъ войны. Массы прилепливаются къ словамъ аболіціонистовъ, говорящихъ, что вражда Юга къ Сѣверу прекратится только уничтоженіемъ невольничества. Это направленіе замѣтнымъ образомъ уже проникало въ конгрессъ во время прошлой сессіи. Палата представителей, повиная усилившемуся голосу народа, заставила президента подписать актъ, постановлявшій, что должны быть освобождены тѣ захваченные въ плѣнъ невольники, которые были употреблены своими владѣльцами на какія нибудь военныя работы,—напримѣръ, на возведеніе окоповъ, на службу въ обозѣ и такъ далѣе. При своей чрезвычайной умѣренности, Линкольнъ съ трудомъ согласился на этотъ актъ, казавшійся ему слишкомъ сильнымъ. Но теперь, черезъ два мѣсяца, уже возникаютъ попытки идти гораздо дальше. Особеннаго шума въ этомъ смыслѣ надѣлалъ приказъ генерала Фримонта, командующаго союзными войсками въ штатѣ Миссури. Онъ объявилъ, что будетъ освобождать всѣхъ невольниковъ, владѣльцы которыхъ дѣйствуютъ противъ вашингтонскаго правительства. Линкольнъ, Сьюардъ и другіе умѣренные вашингтонскіе правители испугались такого рѣшительнаго шага, и президентъ послалъ Фримонту «совѣтъ» взять назадъ эту прокламацію. Фримонтъ отвѣчалъ, что «онъ предпочитаетъ совѣтамъ формальныя приказанія», и Линкольнъ принужденъ былъ дать Фримонту оффиціальныя приказанія остановить распространеніе изданной имъ прокламаціи. Такимъ образомъ этотъ первый шагъ былъ нерѣшительный, но нѣтъ сомнѣнія, что если война не будетъ кончена весьма скоро, то освобожденіе невольниковъ явится необходимымъ ея результатомъ.

ПОЛИТИКА.

Октябрь 1861.

ПАЛОНСКОЕ СВИДАНІЕ. — КОРОНОВАНІЕ КОРОЛЯ ПРУССКАГО. — ПОЕЗДКА РАТТАЦИ ВЪ ПАРИЖЬ. — ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ВЪ ВЕНГРИИ. — СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКІЯ ВОЙСКА.

Вотъ опять прошелъ цѣлый мѣсяцъ и ни одной изъ западныхъ европейскихъ странъ не принесть никакого облегченія въ натянутомъ положеніи дѣлъ. Вездѣ все остается попрежнему: въ Италіи не сдѣлано знаменитымъ преемникомъ знаменитаго Кавура ни одного дѣйствительнаго шага къ развязкѣ римскаго или венеціанскаго вопросовъ; въ Австріи не сдѣлано либеральнымъ Шмерлингомъ ничего для успокоенія венгровъ, или венгерскыхъ славянъ; во Франціи безконечно тянется прежняя исторія. А впрочемъ нельзя же безъ новостей, — новости есть, и очень занимательныя для дипломатизирующихъ публицистовъ.

Очень заинтересованы были они свиданіемъ прусскаго короля съ императоромъ французовъ. Было множество догадокъ о чрезвычайно важныхъ цѣляхъ свиданія, и догадки оправдались: свиданіе было устроено императоромъ французовъ по дѣлу необыкновенно серьезному. Онъ хотѣлъ склонить короля прусскаго къ признанію Итальянскаго королевства. Разумѣется, нельзя же съ одного раза достигнуть такого громаднаго результата, и пока, еще не признано Пруссіей Итальянское королевство; но доводы и просьбы императора французовъ, конечно, не остались безъ послѣдствія: король прусскій въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ сказалъ, что подумаетъ объ этомъ дѣлѣ. Дипломатизирующіе публицисты въ двойномъ восторгѣ: догадки ихъ о цѣляхъ свиданія подтвердились, а Итальянскому королевству является надежда пріобрѣсти великій залогъ прочности черезъ появленіе прусскаго посланника въ Туринѣ, а итальянскаго — въ Берлинѣ. Важность этой приближающейся перемѣны въ официальныхъ отношеніяхъ Пруссіи къ Италіи совершенно ясна для публицистовъ, понимающихъ политическія тонкости. Но люди, неспособные къ воздушнымъ соображеніямъ, спрашиваютъ объясненія: чѣмъ же интересно для Италіи признаніе ея единства Пруссіей, которая не могла бы повредить этому единству, хотя бы не признавала его? Дойти въ Италію прусскія войска не могутъ; блокировать итальянскихъ гаваней прусскій флотъ не можетъ, уже и по тому одному, что не существуетъ. Какой же убытокъ итальянскому единству отъ непризнанія его Пруссіей? — Въ такомъ возрѣніи мы замѣчаемъ обыкновенную односторонность грубаго матеріализма. Будто бы надобно думать все только о

дѣйствительномъ вредѣ и дѣйствительной пользѣ? Развѣ ни во что нельзя ставить идеальную пріятность какой-нибудь будущей рѣчи Рикасоли, который съ наслажденіемъ объявить туринскому парламенту: «правда, что мы не достигли никакихъ успѣховъ матеріальныхъ, не сдѣлали ничего для освобожденія Рима и Венеціи; но мы одержали нравственную побѣду, побѣду болѣе значительную: возстановляются наши дипломатическія сношенія съ берлинскимъ дворомъ, благодаря великодушному посредничеству императора французовъ, который представилъ тѣмъ новое доказательство своей дружбы къ намъ». За этими словами послѣдуютъ аплодисменты на скамьяхъ министерской партіи. Развѣ это не важно? Свобода и единство Италіи основываются на довѣріи парламентскаго большинства къ министрамъ, каковы бы тамъ ни были они. Значить, очень полезна всякая рѣчь Рикасоли, возбуждающая аплодисменты на скамьяхъ большинства; значить, полезенъ и всякій поводъ произнести такую рѣчь.

Но еще больше, чѣмъ свиданіе прусскаго короля съ императоромъ французовъ, занимало собою дипломатизирующія газеты торжество, совершенное королемъ прусскимъ въ Кенигсбергѣ. Оно было для газетъ не только важнѣйшимъ событіемъ прошлаго мѣсяца, но и событіемъ безусловно великимъ. Очень давно, чуть ли не больше ста лѣтъ, короли прусскіе не считали нужнымъ совершать старинной церемоніи коронованія въ своемъ первопрестольномъ градѣ, Кенигсбергѣ. Не совершалъ этой церемоніи даже предшественникъ нынѣшняго короля, любившій пышные обряды. «Рѣшимость нынѣшняго короля возстановить старинный обрядъ, конечно, составила безъ глубокихъ государственныхъ расчетовъ», говорила дипломатизирующая часть публики:—«онъ, конечно, хотѣлъ показать этимъ, что считаетъ свои царственныя права истекающими изъ старинныхъ принциповъ, а не изъ новаго для Пруссіи конституціоннаго устройства». Публика не ошибалась; но напрасны были ея толки объ этомъ обстоятельствѣ: мысль, которую представляло оно собой, должна была быть и безъ того хорошо извѣстна прусской публикѣ. Ни нынѣшній король, ни его предшественникъ, при которомъ была введена въ Пруссіи конституціонная форма, никогда не скрывали отъ Пруссіи своего убѣжденія, что власть ихъ имѣетъ основаніе болѣе глубокое и разнѣрз болѣе высокій, чѣмъ конституціонное соглашеніе. Кромѣ нѣсколькихъ бурныхъ мѣсяцевъ 1848 г., прусскіе короли и министры постоянно объявляли государству, что конституціонная форма имѣетъ въ Пруссіи только второстепенное значеніе, вполнѣ подчиненное независимой отъ нея власти монарха. Потому на кенигсбергскую коронацію нынѣшняго короля надлежитъ смотрѣть собственно только какъ на торжество или празднество, а не какъ на политическое событіе, измѣняющее что нибудь пли служащее признакомъ желанія измѣнить что нибудь въ правительственныхъ воззрѣніяхъ. Тутъ были великолѣпныя процессіи, блистательныя пиршества, такъ что праздникъ надобно назвать устроеннымъ очень хорошо. Точно также мы не видимъ ничего грозящаго перемѣною правительственныхъ прусскихъ принциповъ въ торжественной рѣчи, произнесенной королемъ прусскимъ на этомъ праздникѣ. Король очень опредѣлительно и настойчиво выставлялъ на видъ въ своей рѣчи, что онъ «Король Божіею милостью», а не король, получившій свои права отъ конституціи. Прусскія, французскія, англійскія и всякія другія газеты чрезвычайно много толковали объ этомъ характерѣ рѣчи. Либеральныя газеты печалились, реакціонныя—торжествовали. Но что же особеннаго представляла мысль, столь сильно за-

нявшая ихъ? Мы уже говорили, что нынѣшній король и его предшественникъ постоянно высказывали убѣжденіе, выраженное въ нынѣшней кенигсбергской рѣчи короля. Надобно хвалить ся прямоу; надобно видѣть въ этой прямоѣ новое свидѣтельство честности прусскаго короля. Но онъ всегда былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ совершенно прямой и честный. А если такъ, то каждый могъ впередъ знать духъ рѣчи, какую онъ произнесетъ въ Кенигсбергѣ. Надобно также сказать, что король высказывалъ въ ней чистѣйшую правду. Конституціонная форма до сихъ поръ остается въ Пруссіи формальностью, не имѣющею вліянія на принципы дѣйствительнаго управленія и законодательства. Власть короля прусскаго сохраняетъ въ сущности тотъ же самый размѣръ, какой имѣла двадцать лѣтъ тому назадъ, до введенія конституціонной формы. Самое происхожденіе нынѣшней прусской конституціи таково, что король справедливо называетъ себя ея владыкою. Она составлена по распоряженію ея предшественника, министрами, которыхъ назначилъ онъ самъ, которые были отвѣтственны только передъ нимъ; не разнорѣчить съ происхожденіемъ нынѣшней прусской конституціи и вся исторія дѣйствительнаго ея существованія, и надобно сказать, что эта гармонія сохранялась расположеніемъ самого прусскаго населенія смотрѣть на свою конституцію совершенно одинаково съ взглядомъ короля на нее. Уже не разъ и не два съ 1849 г. производились, по повелѣнію короля, выборы новыхъ депутатовъ. Огромное большинство избирателей каждый разъ неуклонно держалось того убѣжденія, что характеръ палаты депутатовъ долженъ соответствовать желаніямъ короля. Избиратели ровностно разузнавали о этихъ желаніяхъ, о томъ, какихъ депутатовъ считаютъ нужнымъ король имѣть на этотъ разъ, и назначали депутатами людей, рекомендуемыхъ въ это званіе правительствомъ. Если бы тутъ было какое нибудь принужденіе, если бы рекомендація вызвала безпорядки или опасеніе безпорядковъ, для подавленія или предотвращенія которыхъ нужно бы было прусскому правительству принимать какія нибудь особенныя мѣры, то еще можно бы было сомнѣваться въ соответствіи искренняго желанія избирателей съ формальнымъ результатомъ выборовъ. Но съ самаго 1849 г. ничего подобнаго не бывало въ Пруссіи: выборы производились свободно. Конечно, правительство поддерживало рекомендуемыхъ имъ кандидатовъ нравственнымъ своимъ вліяніемъ; но самымъ крайнимъ аргументомъ было у него то, что король будетъ доволенъ выборомъ правительственнаго кандидата и недоволенъ выборомъ оппозиціоннаго депутата. Слѣдовательно свобода избирателей нисколько не стѣснялась, а только объяснялось имъ, какъ они должны поступить, если желаютъ выразить свое довѣріе и уваженіе къ волѣ короля. Этого мотива всегда было достаточно для склоненія избирателей на желаемую сторону. А мы собственно о томъ и говоримъ, что король прусскій былъ совершенно вѣренъ живой истинѣ,—когда повторилъ въ нынѣшней кенигсбергской рѣчи, что его воля—верховный законъ прусскаго королевства. Онъ только выразилъ этими словами несомнѣнный фактъ дѣйствительности, фактъ, основанный на глубокой преданности его подданныхъ къ нему, на томъ ихъ чувствѣ, что они далеки отъ мысли въ чемъ бы то ни было противиться желанію своего короля. Этотъ фактъ и до кенигсбергской рѣчи былъ извѣстенъ каждому. Король не только правъ, говоря и дѣйствуя въ духѣ, выраженномъ этой рѣчью,—ему не представлялось, и до сихъ поръ не представляется физической возможности дѣйствовать иначе. Его подданные не обнаруживаютъ никакой готовности къ самостоятельному участию въ

дѣлахъ, а надобно же управлять дѣлами. Было бы нарушеніемъ обязанности передъ государствомъ покидать какую бы то ни было часть прежнихъ правъ, когда нѣтъ въ обществѣ желанія принять эти права.

Пруссія, издавна, — съ самаго 1849 г., — наслаждавшаяся такимъ спокойствіемъ внутренней жизни, что нечего было и говорить о ней, занимала въ прошломъ мѣсяцѣ самое обширное мѣсто въ газетахъ, но занимала его описаніями путешествія или торжества короля, — вещами нимало не нарушавшими привычной скромной тишины ея преданнаго населенія. Намъ отрадно сказать, что порядокъ не нарушался и въ тѣхъ странахъ, которыя подають мирной публикѣ больше опасеній, чѣмъ вѣрная Пруссія. Напримѣръ, все идетъ очень смирно во Франціи, за которую вздумали было тревожиться умы слишкомъ робкіе и легковѣрные, по поводу столпленій, недавно происходившихъ на нѣкоторыхъ парижскихъ улицахъ.

Замѣчательнъ образъ дѣйствій парижскаго правительства во время этихъ столпленій, происходившихъ по поводу дороговизны хлѣба. Читатель знаетъ, что хлѣбъ въ Парижѣ продается по таксѣ. Нынѣшняя жатва во Франціи была неурожайна. Таксу хлѣба въ Парижѣ повысили. Бѣдняки, не имѣвшіе чѣмъ платитъ за хлѣбъ, стали собираться толпами и толковать, что таксу надобно понизить. Разумѣется, перехватать и наказывать «мятежниковъ» было бы не трудно, потому что «мятежники» были самые смирные люди, у которыхъ не было и мысли ни о сопротивленіи, ни о чемъ подобномъ. Но такимъ усмиреніемъ несуществующаго волненія было бы произведено дѣйствительное волненіе въ умахъ и не легко было бы оправиться правительству отъ нравственнаго угара, который нанесло бы оно себѣ неумѣстными распоряженіями. — Наполеонъ III и его министры поступили не такъ. Они прежде всего посмотрѣли, какъ держатъ себя собравшіеся толпы и разобрали, за чѣмъ онѣ собрались. Онѣ держали себя очень смирно, собрались онѣ не съ какими нибудь политическими требованіями или мыслями, а по частному случаю, не имѣющему никакихъ отношеній къ политической системѣ. Вотъ французское правительство и разсудило такъ, что оно ничего не потеряетъ, если согласится на просьбу; что этимъ оно предотвратитъ волненіе умовъ и возникновеніе ропота. Этотъ результатъ показался французскому правительству такъ драгоценъ, что оно не пожалѣло даже денежныхъ пожертвованій для него. Оно распорядилось понизить таксу на хлѣбъ, удостовѣрило толпу, что такса не будетъ вновь поднята и приняло на себя выплачивать булочникамъ, или хлѣбникамъ разницу между дѣйствительной цѣной хлѣба и пониженной таксой.

Мы не принадлежимъ къ панегиристамъ Наполеона III. Но должно сказать, что образъ его дѣйствій въ этомъ случаѣ самый выгодный для него, и что если есть у него во Франціи враги, то, конечно, доставилъ бы онъ имъ величайшее удовольствіе, когда бы поступалъ не такъ, а по примѣру туринскихъ правителей въ Неаполѣ.

Случай, нами рассказанный, самъ по себѣ неважонъ и мы упоминали о немъ только потому, что въ немъ заключается полный отвѣтъ на вопросъ: какимъ образомъ императоръ французовъ успѣлъ пріобрѣсти въ цѣлой Европѣ репутацію искуснаго правителя.

Переходи вновь къ неаполитанскимъ дѣламъ, о которыхъ упоминали мимоходомъ, мы должны замѣтить, что тревожная политика туринскаго министерства произвела результатъ, какого слѣдовало ждать отъ нея. Партія дѣйствія усиливается

въ Неаполѣ съ каждымъ днемъ. Но не скроемъ отъ читателя, что, при всемъ нашемъ сочувствіи къ довершенію и упроченію итальянскаго единства, не возлагаемъ мы большихъ надеждъ на неаполитанское племя, пріученное къ трусливости. Народъ, который, восхищаясь волонтерами Гарибальди и цалуя ноги его, выставилъ на помощь ему не больше пяти тысячъ волонтеровъ, дѣйствительно способныхъ сражаться,—да, не болѣе пяти тысячъ человѣкъ изъ десяти милліоновъ населенія страны,—такой народъ не скоро будетъ въ состояніи добиться чего нибудь собственной инициативою. Другое дѣло — центральная и сѣверная Италія, патріоты которой не ограничиваются криками и восторгами, а готовы сражаться за свои стремленія. Въ этихъ частяхъ Италіи находится настоящая сила партіи дѣйствія, хотя гораздо больше шума производятъ она въ неаполитанскихъ областяхъ.

Читатель знаетъ, что предводители партіи дѣйствія въ Италіи давно заключили нѣчто въ родѣ союза съ венгерскими эмигрантами, управляющими радикальною партіею венгровъ. Недавно напечаталъ Кошутъ письмо, которое надобно считать результатомъ совѣщаній между тѣми и другими и программу дѣйствій для итальянцевъ и венгровъ. Онъ говоритъ, что вопросъ о Римѣ итальянцы должны отложить до развязки своихъ отношеній съ Австріею,—когда Австрія будетъ побѣждена (или, по выраженію Кошута, распадется) и когда Франція потеряетъ возможность пугать ею Италію, то французы сами уйдутъ изъ Рима, потому что раздраженіе итальянцевъ станетъ тогда грозно для нихъ. А до той поры, по мнѣнію Кошута, напрасны будутъ всѣ дипломатическія хлопоты, которыми туринское правительство думаетъ склонить императора французовъ къ выводу его войскъ изъ Рима.

Не знаемъ, удастся ли партіи дѣйствія исполнить задуманное ею къ веснѣ дѣло: составить армію изъ 30, или больше, тысячъ волонтеровъ подъ командою Гарибальди, вторгнуться въ Венеціанскую область и тѣмъ подать Венгріи возможность къ поднятію давно готовящагося въ ней возстанія. Но нельзя спорить противъ той части изложеннаго нами письма, которая доказываетъ напрасность ожиданій, что французы могутъ быть склонены дипломатическими переговорами къ очищенію Рима. Рикасоли обѣщалъ туринскому парламенту, что достигнетъ этого результата въ теченіе полугода, къ концу нынѣшней осени. Конецъ осени пришелъ, а надежда Рикасоли не исполнилась. Видно, что и онъ также утопистъ, несмотря на то, что еще умѣреннѣе и положителнѣе Кавура. Приближается время новой сессіи итальянскаго парламента, а явиться въ немъ съ объявленіемъ, что въ теченіе лѣта совершенно ничего не сдѣлано для довершенія итальянскаго единства, было бы затруднительно для Рикасоли. Самые вѣрные члены консервативнаго большинства высказываютъ въ частныхъ разговорахъ недовольство такою безуспѣшною системою. Рикасоли рѣшился сдѣлать послѣднюю попытку, самую сильную, какую допускаетъ консервативная политика его: обратился съ просьбою къ предводителю такъ-называемой средней партіи, Раттацци, чтобы онъ съѣздили въ Парижъ и объяснили императору французовъ затруднительное положеніе консервативнаго министерства, которое держится только надеждою на снисходительность французскаго правительства къ желаніямъ итальянцевъ. Обратиться съ такою просьбою къ Раттацци, политическому противнику, конечно, было тяжело для надменнаго Рикасоли. Тяжело было и для Раттацци являться съ просьбою къ императору французовъ,

который не смотрѣлъ на него такъ благосклонно, какъ на людей болѣе умѣренныхъ. Раттацци возставалъ иногда противъ излишней уступчивости Кавура французскому правительству. Вѣроятно потому и выбранъ былъ для личнаго объясненія съ императоромъ французомъ онъ, а не какой нибудь членъ министерской партіи, что онъ могъ говорить настойчивѣе. Въ чемъ собственно состояли разговоры его съ императоромъ французомъ, это остается, по обыкновенію, дипломатической тайной, которая, по обыкновенію, не составляетъ ни для кого тайны. Раттацци излагалъ передъ императоромъ французомъ опасенія, что если Франція не сдѣлаетъ ничего для Италіи, то возьмутъ верхъ въ Италіи революціонеры. Что же можетъ сдѣлать Франція для удержанія власти въ Италіи за людьми консервативными? Легче всего для нея и лучше всего для нихъ было бы вывести французскій гарнизонъ изъ Рима. Онъ получилъ отвѣтъ, что Франція сама очень желала бы этого, но никакъ не можетъ сдѣлать ничего подобнаго въ настоящее время, не можетъ даже предвидѣть срока, когда можно было бы исполнить это желаніе итальянцевъ, совершенно согласное съ ея собственнымъ желаніемъ. Тогда Раттацци, хватаясь въ крайности за мысль Кошута, сталъ просить поддержки Франція для освобожденія Венеціи. Ему отвѣчали, что Франція очень сама желаетъ освобожденія Венеціи, но не можетъ содѣйствовать ему. Раттацци сталъ говорить, что если невозможно оказать матеріальную помощь, то нельзя ли ободрить туринское правительство хотя нравственною поддержкою, въ случаѣ войны съ Австріею за Венецію. Онъ получилъ отвѣтъ, что невозможно и это, что французское правительство при нынѣшнихъ обстоятельствахъ никакъ не одобритъ войны за Венецію. — Съ этимъ Раттацци и долженъ былъ возвратиться въ Туринъ. Но было бы напрасно опасаться за нынѣшній туринскій парламентъ. Члены министерскаго большинства могутъ, какъ имъ угодно, разсуждать о безуспѣшности консервативной политики Рикасоли, а произносить въ парламентѣ рѣчи и вотиловать будутъ они все-таки за министерство. Потому трудно вѣрить слухамъ, будто бы Рикасоли думаетъ выйти въ отставку по болзни, что не найдетъ поддержки въ парламентѣ. Слишкомъ много будетъ уже и того, если онъ для укрѣпленія себя въ парламентѣ найдетъ нужнымъ дать мѣсто въ своемъ кабинетѣ Раттацци, или другому члену средней партіи. Въ парламентѣ онъ достаточно силенъ и безъ этихъ союзниковъ. Если и произойдетъ подобная перемѣна въ составѣ кабинета, она будетъ слѣдствіемъ ропота публики, а не колебанія министерскаго большинства. А во всякомъ случаѣ она не произведетъ замѣтнаго измѣненія въ правительственной политикѣ, потому что разница мнѣній между Рикасоли и Раттацци невелика. Рѣшительныхъ дѣйствій нельзя ожидать отъ людей, никогда не имѣвшихъ инициативы, а всегда только слѣдовавшихъ, подобно Кавуру, за ходомъ событій, удерживать которыхъ всячески старались они.

Есть много признаковъ, предсказывающихъ сильное движеніе въ Италіи, Венгріи, а потомъ и въ другихъ странахъ Западной Европы на слѣдующую весну. Но подобные признаки существовали и въ прошлую осень, — однакоже весна и лѣто нынѣшняго года прошли безъ потрясеній существующаго порядка. Воспользуемся этимъ примѣромъ, чтобы не быть слишкомъ увѣренными въ заключеніяхъ, повидимому вытекающихъ изъ нынѣшняго положенія дѣлъ. Но все таки надобно сказать, что признаки перемѣнъ усилились въ теченіе года. Не смотря на вялость туринскаго министерства въ увеличеніи итальянской арміи и на неохоту его содѣй-

ствовать народному вооружению, боевая сила итальянцев увеличилась, а их нетерпение возросло. Еще больше сделано для приближения решительных попыток в Венгрии, и сделано это самим австрийским правительством. Читатель помнит, что еще во время прений пештского сейма об адресе, в конце нынешней весны, большинство венгерского населения уже думало о необходимости вооруженной борьбы. С той поры австрийским правительством принято было много мер, развивших такое убеждение. Пештский сейм был распущен, просьбы о созвании нового сейма были отвергнуты, протестовавшие против распускания сейма комитатские собрания и власти сначала получали выговоры, а теперь распущены, и Венгрия вновь подчиняется управлению по той системе, какая существовала от конца венгерской до конца итальянской войны. Последним поводом к открытому введению военного управления в Венгрии было решение венского правительства произвести в Венгрии набор по правилам, существовавшим перед итальянской войною и несогласным с законами 1848 г. Комитатским собраниям и другим венгерским властям было послано приказание содействовать производству набора и приглашение объяснить, какими средствами можно произвести его успешно. Когда комитаты отвечали, что не могут признавать законности распоряжения о наборе, венское правительство распустило комитатские собрания, отняло власть у администраций, избранных ими, и назначило для управления Венгрией своих чиновников, называющихся администраторами или комиссарами и действующих военным порядком. Венгерские власти, конечно, протестовали против этого. Таким образом положение дел совершенно разъяснилось. Венское министерство не хочет и не может управлять Венгрией иначе, как по прежней системе, видоизменить которую напрасно думало оно дипломом 20 октября и конституцией 26 февраля. Оно само убедилось теперь, что его существование несовместно с расположением умов в Венгрии, и что поэтому власть его над Венгрией должна поддерживаться исключительно военною силою.

Это убеждение начинает распространяться и в немецком населении Австрийской империи, которое будучи само еще слишком непривычно к политической жизни, долго не могло понять, что венгры в самом деле не удовлетворяются формальными уступками, провозглашенными 20 октября и 26 февраля. Австрийские немцы полагали, что неудовольствие в Венгрии не есть всеобщее чувство, что недовольны там лишь горячие головы, которые заглушали на время своими криками мнимо массы, готовой быть довольною и послушною. Но теперь, когда австрийские немцы убедились, что волнение в Венгрии было следствием всеобщего недовольства, они начали судить о венгерских делах не совершенно одинаково с своим правительством. Если Венгрия может быть управляема при нынешней системе только военною силою (начинают думать австрийские немцы), то и немецким провинциям Австрийской империи приходится очень плохо. Доходы страны, удерживаемой в повиновении только войском, никогда не бывают достаточны для покрытия издержек, которых стоит сохранение власти над ними, — так рассчитывают австрийские немцы. Из этого они заключают, что они сами обременяются налогами для сохранения нынешнего порядка дел в Венгрии; что дефицит возрастает все по той же причине, и что не будет никакого порядка в австрийских финансах, пока не отстранится она. — Уже в прошлом месяце мы упоминали об этой начинающейся перемене в чувствах австрийских нем-

цевъ. Разумѣется, не такъ скоро можетъ она развиться до того, чтобы истребить вредное вліяніе долгой надменной привычки австрійскихъ нѣмцевъ смотрѣть на себя, какъ на племя, призванное господствовать надъ всѣми землями нынѣшней Австрійской имперіи; а еще болѣе времени понадобится на то, чтобы возникающее направленіе общественнаго мнѣнія получило перевѣсъ въ правительствующей сферѣ. До той поры вѣнское министерство успѣетъ привести Австрію къ войнѣ съ венграми.

Въ Сѣверной Америкѣ не произошло въ октябрѣ ничего рѣшительнаго: въ обѣихъ арміяхъ предводители заняты тѣмъ, чтобы увеличить боевую годность своихъ солдатъ, и походныя дѣйствія все еще ограничиваются маневрами и небольшими стычками. Въ прошломъ мѣсяцѣ мы уже сообщили извѣстія, что сепаратисты отступили съ позицій подъ Вашингтономъ, занятыхъ послѣ булль-ронскаго сраженія. Передовою линіею ихъ по прежнему сдѣлалась въ центральной мѣстности театра войны укрѣпленная позиція при Манассасъ-Гапѣ, которую занимали они до своей побѣды. Причиной отступленія былъ, между прочимъ, недостатокъ тяжелыхъ орудій для серьезнаго укрѣпленія высотъ, на которыхъ стояли они подъ Вашингтономъ. Вѣроятно не хотѣли они брать артиллерію изъ баттарей при Манассасъ-Гапѣ, а артиллерійскія партіи не изобильны средствами, да и тѣ нужны были въ другомъ мѣстѣ—на востокъ отъ Вашингтона, для возведенія баттарей на виргинскомъ берегу нижней части рѣки Потомака. Устройствомъ ихъ хотѣли они достигнуть двухъ цѣлей: отрѣзать Вашингтонъ отъ сообщенія съ моремъ и приготовить себѣ возможность вторгнуться черезъ рѣку Потомакъ въ Мериландъ, главный городъ котораго Балтиморъ расположенъ въ ихъ пользу по своимъ торговымъ связямъ съ Югомъ. Въ Вашингтонѣ предполагаютъ, что значительная часть сепаратистской арміи, находившейся около Манассасъ-Гапа, передвинута на востокъ для этого вторженія.

Энергія, съ какою сепаратисты набирали войско, доставила имъ возможность вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ удерживать въ бездѣйствіи армію Сѣвера, которая, начавъ организоваться четырьмя мѣсяцами позднѣе, чѣмъ южныя войска, только въ послѣднее время начала получать перевѣсъ надъ ними въ числительности на театрѣ военныхъ дѣйствій. Лѣтомъ перевѣсъ числа былъ едва ли не на сторонѣ сепаратистовъ. Полагаютъ, что въ августѣ было у нихъ отъ 300 до 350 тысячъ войска. Все бѣлое населеніе отдѣлившись штатовъ не превышаетъ 6 милліоновъ человекъ. По пропорціи къ такому населенію 300,000 арміи равняется тому, какъ если бы Франція выставила 2 милліона солдатъ. Изъ этого можно видѣть, къ какому громадному развитію военнаго могущества, въ случаѣ дѣйствительной надобности, бываютъ способны тѣ страны, которыя не содержатъ многочисленныхъ армій, во время мира. При всей воинственности своего населенія Франція ни въ какомъ случаѣ не могла бы выставить двухъ-милліоннаго войска, потому что боевыя и финансовыя средства ея истощаются конскрипціею и огромными расходами на армію въ мирное время. Сѣверные штаты все продолжаютъ вооружаться и не вывели въ поле еще и половины тѣхъ силъ, какія думаютъ выставить, если война затянется. На театрѣ военныхъ дѣйствій имѣли они въ концѣ октября до 400,000 человекъ; къ нимъ шли десятки новыхъ полковъ, уже сформировавшихся, а нѣсколько сотъ полковъ начинали формироваться въ это время. Корреспондентъ Times'a, объѣзжавшій въ сентябрѣ Новую Англію и сѣверозападные штаты, по-

всюду встрѣчалъ военныя приготовленія въ громаднѣйшемъ размѣрѣ и не сомнѣвается, что Сѣверъ выставитъ до милліона солдатъ, если будетъ нужно. Будущій ходъ войны надобно опредѣлять этимъ обстоятельствомъ, а не тѣмъ отношеніемъ силъ, какое было въ теченіе лѣта. Югъ вывелъ уже всѣ силы, которыми можетъ располагать, и затруднительно ему будетъ—не то, чтобы увеличивать ихъ, а хотя бы содержать долгое время нынѣшнюю ихъ цифру. А силы Сѣвера только еще развиваются.—Военные писатели старинной школы, нерасположенные къ системѣ милиціи и волонтерства, говорятъ о томъ, что вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ прошло со времени начала военныхъ дѣйствій въ Соединенныхъ Штатахъ, а ни та, ни другая армія еще не готова къ большимъ рѣшительнымъ битвамъ. Они говорятъ, что въ этой медленности сборовъ видна невозможность выдержать натискъ регулярнаго войска государству, которое полагалось бы исключительно на милицію и на народное ополченіе. Но тутъ забывается одно обстоятельство: южные штаты начали думать о войнѣ только съ ноября прошлаго года, а сѣверные штаты—только съ апрѣля нынѣшняго года. Какъ бы ни было хорошо регулярное войско, государству также нужно очень долгое время, чтобы приготовить его къ бою. Напримѣръ, въ прошлую итальянскую войну французы начали сражаться не раньше іюня, хотя стали готовиться къ войнѣ съ предшествовавшаго сентября, если не раньше. Тотъ срокъ, какой нуженъ для перевода регулярнаго войска съ мирнаго положенія въ готовность къ большимъ сраженіямъ, достаточенъ, чтобы приготовить къ тому же и милицію.

Трудно сказать, что теперь дѣлается въ южныхъ штатахъ, потому что почти всѣ сношенія съ ними прекращены блокадою ихъ береговъ и затрудненіемъ пропусковъ черезъ сухопутную границу. Мы еще не имѣемъ вѣрныхъ свѣдѣній даже о томъ, каковъ былъ урожай хлѣба въ южныхъ штатахъ, въ обыкновенные годы получавшихъ значительную часть своего продовольствія съ Сѣвера. Но извѣстно уже, что сборъ хлопчатой бумаги былъ въ нынѣшнемъ году гораздо меньше прошлогодняго. Это произошло отъ того, что при невозможности получить хлѣбъ съ Сѣвера, надобно было обратить много рукъ отъ воздѣлыванія хлопчатой бумаги на хлѣбопашество. Читатель знаетъ также, что Англія, не надѣясь получить хлопчатой бумаги изъ Америки, позаботилась объ увеличеніи хлопчато-бумажныхъ плантацій въ Остѣ-Индіи, бумагою которой до сихъ поръ пренебрегала. Уже въ нынѣшнемъ году привезено будетъ въ Ливерпуль изъ Индіи слишкомъ въ два раза больше тюковъ, чѣмъ въ прежніе годы. Англичане рассчитываютъ, что если блокада въ южныхъ портахъ продлится, то въ слѣдующемъ году могутъ получить они изъ Индіи большую половину потребляемаго ими количества хлопчатой бумаги. Такимъ образомъ главное экономическое основаніе невольничества въ южныхъ штатахъ, воздѣлываніе хлопчатой бумаги, подрывается войною съ двухъ сторонъ. Южные землевладѣльцы принуждены уменьшать свои хлопчато-бумажныя плантаціи для расширенія хлѣбныхъ полей, а на англійскомъ рынкѣ, для котораго производилась большая часть американской бумаги, является сильное соперничество Остѣ-Индіи. Каковъ бы ни былъ ходъ войны, невольничество въ южныхъ штатахъ уже потрясено ею. Его упадокъ можно измѣрить цифрами. Цѣна невольника въ южныхъ штатахъ упала, среднимъ числомъ, на половину противъ того, какова была осенью прошлаго года.

ПОЛИТИКА.

Ноябрь 1861.

МИНИСТЕРСТВО ФУЛЬДА. — ШАТКОСТЬ МИНИСТЕРСТВА РИКАСОЛИ. — ДѢЛО ОБЪ АРЕСТѢ МЕ-
ЗОНА И СЛАЙДЕЛЛЯ. — БЬЮФОРТСКИЕ НЕГРЫ.

Когда оканчивалось печатаніе предыдущей книжки, явилась въ газетахъ телеграфическая депеша, говорившая о докладѣ Фульда императору французовъ, о совершенномъ согласіи Наполеона III съ этимъ документомъ и съ находившимся въ немъ требованіемъ возстановить политическую свободу во Франціи. Мы могли бы еще успѣть прибавить къ тогдашнему политическому обозрѣнію нѣсколько словъ объ этомъ извѣстіи; но не захотѣли хлопотать о томъ, не думая, чтобы дѣло стоило хлопотъ. Оно дѣйствительно такъ и вышло.

Но, какъ предметъ любопытства, докладъ Фульда—вещь неоцѣнимая. Вообразите себѣ, что всѣ органы французскаго правительства постоянно доказывали цвѣтущее благосостояніе французскихъ финансовъ; что малѣйшее сомнѣніе въ этомъ со стороны независимыхъ газетъ объявлялось злонамѣренною клеветою и подвергалось надлежащимъ взысканіямъ,—и вдругъ, безъ всякихъ прелюдій, «Мониторъ» представилъ глазамъ удивленной публики документъ въ слѣдующемъ родѣ. При существующемъ порядкѣ французскаго финансоваго управленія, говоритъ Фульдъ:

«Невозможно было законодательному корпусу съ точностью знать финансовое положеніе. Каждый бюджетъ представлялся оставляющимъ излишекъ доходовъ и каждый оказывался имѣющимъ дефицитъ. Въ восемь лѣтъ, съ 1851 до 1858 года, дополнительные и чрезвычайные кредиты, увеличивавшіе представляемый законодательному корпусу бюджетъ расходовъ, простирались не менѣе, какъ до 2,400 милліоновъ франковъ; если исключить отсюда издержки восточной войны, простиравшіеся до 1,350 милліоновъ, остается 1,050 милліоновъ франковъ дополнительнаго и чрезвычайнаго расхода за восемь лѣтъ, или, среднимъ числомъ, по 130 милліоновъ франковъ въ годъ. — Нашимъ финансамъ существенно опасно то, что правительство декретируетъ расходы безъ контроліи законодательной власти. — Конституція предоставила законодательному корпусу право вотиловать налоги; но это право было бы почти пустымъ словомъ, если дѣла останутся въ нынѣшнемъ своемъ положеніи. — Съ 1858 года факты стали, къ несчастію, еще болѣе серьезными. Дополнительные расходы въ 1861 году простираются почти до 200,000,000 фунтовъ. Изучая финансовый

вопросъ, легко предвидѣть, что если система не будетъ измѣнена, мы скоро увидимъ себя въ серьезнѣйшемъ затрудненіи.»

Фульдъ снова перечисляетъ расходы, произведенные съ 1851 года до нынѣшняго времени безъ контроля законодательной власти,—расходы, составлявшіе дефицитъ, и находитъ, что въ 10 лѣтъ они простирались до 2,800 милліоновъ франковъ. «Изъ этого мы видимъ, продолжаетъ онъ, какъ возросъ государственный долгъ. На покрытіе этихъ расходовъ призывалась помощь кредита во всѣхъ формахъ; но было бы очень опаснымъ обольщеніемъ безконечно расчитывать на кредитъ. Его состояніе тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманіе императора, что наше финансовое положеніе стало теперь главнымъ предметомъ общихъ разговоровъ. При разсмотрѣніи бюджета на нынѣшній годъ было высчитано, что въ концѣ его дефицитъ будетъ простирается до 1,000 милліоновъ франковъ, и эта цифра не преувеличена. Законодательный корпусъ и сенатъ уже выражали свое безпокойство объ этомъ предметѣ. Тоже самое чувство овладѣло всѣми коммерческими людьми, предсказывающими кризисъ. Истинное средство предупредить его—уничтожить источникъ зла, отказавшись отъ дополнительныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ. Намъ-реваясь посовѣтовать вашему величеству отказаться отъ власти располагать государственными средствами безъ предварительнаго одобренія законодательнаго корпуса, я разсматривалъ, каковы были бы послѣдствія такого отреченія; и чѣмъ глубже вникалъ я въ вопросъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что это право ставить васъ, государь, въ важное затрудненіе. Отрекшись отъ него, вы возстановите довѣріе Франціи къ правительству. Потому съ глубокимъ убѣжденіемъ я умоляю ваше величество возвратить законодательному корпусу его неоспоримыя права. Всеподданиѣйшій слуга вашего величества А. Фульдъ.»

Каждому понятенъ смыслъ этого доклада, приведеннаго нами въ извлеченіи. Фульдъ говоритъ, что правительство было расточительно, истощило средства Франціи, привело казну къ банкротству, котораго можно избѣжать только совершеннымъ измѣненіемъ правительственной системы; онъ говоритъ, что кредитъ правительства разстроены, что Франція не имѣетъ къ нему довѣрія и ждетъ кризиса.—Короче сказать, докладъ имѣлъ такое содержаніе, что не будь подъ нимъ подписи Фульда, надобно было бы его авторомъ считать какого нибудь непримиримаго противника наполеоновской династіи. Но «Мониторъ» обнародовалъ вмѣстѣ съ докладомъ письмо самого императора французовъ къ государственному министру, и въ письмѣ этомъ удивленная публика читала слѣдующія слова:

«Я вполне согласенъ съ мнѣніемъ г. Фульда о нашемъ финансовомъ положеніи. Я всегда желалъ удержать бюджетъ въ опредѣленныхъ границахъ; но непредвидѣнныя обстоятельства и постоянно возрастающія надобности, къ несчастію, не позволяли мнѣ достигъ этой цѣли. Будучи вѣренъ своему происхожденію, я не могу считать правъ короны ни священнымъ даромъ, до котораго нельзя касаться, ни наслѣдствомъ предковъ, которое долженъ былъ бы я въ цѣлости передать своему сыну. Будучи избранъ народомъ и служа представителемъ его интересовъ, я всегда безъ сожалѣнія покину всѣ права, ненужныя для общественной пользы.»

Что же такое обозначалось напечатаніемъ такого письма при такомъ докладѣ? Дѣло ясное: императоръ французовъ говорилъ, что до сихъ поръ пользовался правами, несогласными съ благомъ страны, и долженъ теперь отказаться отъ нихъ. Въ другомъ письмѣ, тутъ же напечатанномъ и обращенномъ къ Фульду, онъ гово-

рилъ автору сокрушавшаго прежнюю правительственную систему доклада, что просить его принять на себя управленіе финансами; потому что не может обойтись безъ его помощи, рѣшившись править отнынѣ по новой системѣ, не похожей на прежнюю.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что зрѣлище такой перемѣны должно было, по мнѣнію французскаго правительства, произвести впечатлѣніе серьезнаго факта. Но отзывы иностранныхъ газетъ не соотвѣтствовали ожиданію, столь основательному. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ статьи, какою встрѣтила возвѣщаемый переворотъ газета «Times».

«Мрачнымъ республиканцемъ надобно назвать человѣка, который не умиляется очаровательною искренностію императора французовъ. Наполеонъ III какъ будто даже радъ своимъ прежнимъ ошибкамъ, которыя даютъ ему случай показать, какъ мило онъ можетъ подвергать себя наказанію за нихъ. Французъ, конечно, не можетъ отказать въ своемъ довѣріи правителю, готовому, по голосу разума, явиться предъ лицомъ цѣлаго свѣта съ провозглашеніемъ, что десять лѣтъ онъ дѣлалъ вещи, которыхъ не слѣдовало дѣлать,— правителю, съ мужественнымъ прямодушіемъ исповѣдующемуся въ своихъ поступкахъ и съ любовью хвалящему рѣзкаго человѣка, избличающаго его. Не всякій государь допустилъ бы обнаруженіе документа, въ которомъ истина высказывается такъ рѣзко и неуклонно, что финансовый расчетъ имѣетъ характеръ сатиры.—Трудно рѣшить, которому изъ двухъ произведеній надобно отдать пальму первенства, когда о пальмѣ состязуются такія сочиненія, какъ докладъ г. Фульда и письмо императора. Они совершенно достойны другъ друга. Предостереженія смѣлаго совѣтника вызвали самый приличный отвѣтъ: императоръ назначилъ его министромъ финансовъ. Правда, можно это было сдѣлать и не подвергаясь публичному наказанію отъ него. Но императоръ французовъ не такой человѣкъ, чтобы сталъ подвергать себя покаянію безъ надобности.»

Само собою разумѣется, что мы нимало не одобряемъ тона этой статьи, которую переводимъ только для того, чтобы читатель видѣлъ, какое непредвидѣнное впечатлѣніе было произведено фактомъ, рассчитаннымъ на совершенно иной эффектъ, и чтобы никто не могъ назвать неосновательными наши слова о напрасности мѣры, принятой императоромъ французовъ.

Мы называемъ ее напрасною потому, что императоръ французовъ не въ состояніи совершить провозглашаемой перемѣны, а если кто не можетъ исполнить какого нибудь намѣренія, то не долженъ онъ и говорить о надобности такого дѣла.

Мы надѣемся, что читателю не покажется странна мысль наша о недостаточности могущества императора французовъ для совершенія реформы, надобность въ которой выставляется докладомъ Фульда. Не разъ и не два «Современникъ» уже говорилъ о томъ, что номинальная обширность власти еще неравнозначительна дѣйствительному размѣру ея. Люди, судящіе поверхностно, воображаютъ, что Наполеонъ III имѣетъ силу дѣлать во Франціи все, что находитъ нужнымъ. Это справедливо только относительно личныхъ его дѣлъ. Если, напримѣръ, лично ему непріятенъ какой нибудь сановникъ, онъ можетъ смѣнить его, какъ только вздумаетъ. Если ему вздумается сдѣлать какой нибудь расходъ, онъ можетъ бросать на него деньги. Но можетъ ли онъ ввести экономію въ государственные расходы? Онъ самъ въ своемъ письмѣ говоритъ, что никогда не былъ въ силахъ сдѣлать

этого, хотя постоянно желалъ. Если же не въ страхъ былъ онъ измѣнить даже и эту одну черту системы, по которой управлялъ, то какъ же достанетъ у него силы измѣнить всю систему?

Цѣль подвига, совершеннаго столь громко, была дѣйствительно важна: огромный дефицитъ кончающагося года съ неоплаченными расходами, оставшимися отъ прежнихъ годовъ, составляетъ, какъ видимъ изъ словъ Фульда, болѣе 1000 милліоновъ франковъ. Надобно было прибѣгнуть къ обыкновенному приему: консолидировать текущій долгъ, то есть сдѣлать процентный заемъ для его покрытія. Но въ мирное время сдѣлать такой огромный заемъ представлялось вещь очень компрометирующею: на биржѣ уже говорили, что нельзя имѣть довѣрія къ правительству, которое слишкомъ расточительно. Это обстоятельство указываеъ самъ Фульдъ, какъ мы видимъ. Вотъ и найдено было нужнымъ, какъ можно сильнѣе, увѣрить публику, что подобная операція дѣлается въ послѣдній разъ, и что не повторятся ошибки, приводившія прежде къ быстрому возрастанію государственнаго долга; потому что самъ императоръ твердо рѣшился отказаться отъ прежней системы управленія. — Это объявленіе принесло бы большую пользу задуманному финансовому обороту, если бы можно было исполнить его. Но невозможность проглядывала въ самомъ докладѣ Фульда и еще яснѣе обнаружилась обстоятельствами, связанными съ поступленіемъ въ должность новаго министра, обѣщающаго исправить неудовлетворительную прежнюю систему.

Фульдъ и самъ императоръ французовъ находили главную причину чрезмѣрности расходовъ въ слабости контроля со стороны законодательной власти, который названъ у Фульда существующимъ только на словахъ. Что же предлагалъ сдѣлать Фульдъ?—Законодательный корпусъ не можетъ самъ рѣшать, должна ли подвергнуться измѣненію какая нибудь часть проекта бюджета, составляемаго министрами при содѣйствіи государственнаго совѣта. Чтобы членъ законодательнаго корпуса могъ сдѣлать предложеніе о какой нибудь перемѣнѣ въ бюджетѣ, оно должно быть одобрено государственнымъ совѣтомъ. Фульдъ не предлагаетъ отмѣнить это правило, отнимающее всякую практическую важность у совѣщаній законодательнаго корпуса о бюджетѣ. Еще важнѣе другая черта нынѣшней французской конституціи: министры отвѣтственны только предъ императоромъ, и мнѣніе законодательнаго корпуса о подписываемыхъ имъ актахъ не имѣетъ никакого вліянія на ходъ правительственныхъ дѣйствій. Законодательный корпусъ не имѣетъ никакого голоса при назначеніи и отставкѣ министровъ, не можетъ давать имъ никакихъ инструкцій, — они стоятъ выше законодательнаго корпуса, исключительно подчиняеъ императору. Фульдъ ничего не упоминаетъ и объ этомъ фактѣ, при которомъ самое свободное обсужденіе бюджета въ законодательномъ корпусѣ оставалось бы чистою формальностію. Если министры не зависятъ отъ законодательнаго корпуса, пусть онъ одобряетъ или не одобряетъ какую нибудь статью расхода, министры все-таки будутъ продолжать этотъ расходъ по распоряженію императора. Наконецъ и формальная отвѣтственность министровъ передъ законодательнымъ корпусомъ равно ничего не значила бы при нынѣшнемъ составѣ законодательнаго корпуса и нынѣшней системѣ правительственнаго участія въ выборѣ депутатовъ. Читателю извѣстно, что огромное большинство въ законодательномъ корпусѣ составляютъ люди, лишенные всякой самостоятельности характера, не имѣющіе собственнаго образа мыслей и совершенно никакой опоры для себя въ себѣ самихъ, держащіеся только благо-

склонностью правительства, въ полное распоряженіе котораго они отдали себя. Читателю извѣстно, какимъ порядкомъ получаютъ они свои мѣста. Чтобы человѣкъ могъ предложить себя или быть предложенъ другими въ кандидаты на депутатство отъ извѣстнаго департамента, нужно получить разрѣшеніе отъ правительства; разрѣшенія этого почти никогда не дается людямъ, въ полной преданности которыхъ правительство не увѣрено. Исключеніе допускается только для немногихъ департаментовъ, въ которыхъ запрещеніе надѣлало бы слишкомъ большого шума на цѣлую Европу по особенной значительности городовъ, находящихся въ этихъ департаментахъ; такъ допускаются оппозиціонные кандидаты въ Парижѣ, въ Лионѣ и немногихъ другихъ мѣстахъ. Но получивъ формальное разрѣшеніе явиться кандидатами, эти лица бываютъ обыкновенно лишаемы средствъ объяснить избирателямъ свой образъ мыслей и причины, по которымъ не раздѣляютъ правительственной системы. Кромѣ того употребляется мѣстною администраціею всякія другія средства отнять у нихъ возможность успѣха. При такомъ порядкѣ выборовъ законодательный корпусъ не имѣлъ бы никакого желанія дѣйствовать самостоятельно, хотя бы на бумагѣ и пользовался всѣми правами англійскаго или бельгійскаго парламента. Огромное большинство его членовъ, находясь въ полной зависимости отъ правительства, не имѣетъ охоты сопротивляться ему ни въ чемъ. Объ этомъ обстоятельстве также ничего не упоминаетъ Фульдъ.

Если же законодательный корпусъ состоитъ изъ людей, впередъ готовыхъ соглашаться во всемъ съ министрами; если министры и по формѣ совершенно независимы отъ законодательнаго корпуса; если наконецъ онъ не можетъ безъ ихъ разрѣшенія (передаваемого ему черезъ государственный совѣтъ) предлагать никакой перемѣны въ проэктѣ бюджета: то очевидно, что онъ нисколько не можетъ служить преградою расширенію расходовъ, по какой бы формѣ ни проходило вотированіе бюджета. А Фульдъ предлагаетъ только перемѣну въ способѣ вотирования, и притомъ вовсе не важную. Бюджетъ расходовъ состоитъ изъ безчисленнаго множества отдѣльныхъ статей; статьи соединены въ главы, главы собраны въ большіе отдѣлы, большіе отдѣлы сгруппированы по министерствамъ. Единственная форма вотирования, дающая депутатамъ дѣйствительный контроль надъ расходами, состоитъ въ томъ, что парламентъ вотируетъ каждую статью расхода отдѣльно, и только для сбереженія времени удерживаетъ за собою право вотировать разомъ цѣлую главу или даже цѣлый отдѣлъ бюджета, если ни одна изъ отдѣльныхъ статей этой группы не подаетъ повода къ спорамъ. Таковъ способъ вотирования во всѣхъ парламентахъ, дѣйствительно контролирующихъ бюджетъ. Французскій законодательный корпусъ до сихъ поръ вотировалъ бюджетъ по министерствамъ; Фульдъ предлагаетъ дать ему право вотировать по отдѣламъ; до того, чтобы вотированіе шло по отдѣльнымъ статьямъ, или хотя по главамъ, Фульдъ и не думаетъ доводить свою уступку. Намъ совѣстно разсуждать съ читателемъ объ этихъ формальныхъ вопросахъ, не имѣющихъ никакого значенія при сохраненіи главныхъ принциповъ нынѣшней системы; но нельзя же не заботиться о томъ, чтобы хотя изрѣдка сравниваться мелочностью сужденій съ такъ-называемыми основательными людьми; потому мы и разсматриваемъ эту реформу въ способѣ вотирования, хотя ни онъ, ни она ровно ничего не значатъ для сущности дѣла. Формальное дѣло вотъ въ чемъ: если правительство не соглашается на перемѣну въ той части бюджета, о которой идетъ вотированіе, депутатамъ остается только одно изъ двухъ: или

отступиться отъ своего желанія, принимая эту часть, какъ она стоитъ въ проэктѣ или отвергнуть ее, т. е. отказать въ деньгахъ на эту часть. Но можно ли въ обыкновенное время отказать въ разрѣшеніи на всѣ расходы по цѣлому министерству? Разумѣется, нельзя; потому что есть въ этой части бюджета очень много статей расхода на дѣла необходимо-нужныя, которыхъ нельзя остановить. Отвергнуть цѣлый бюджетъ или часть его по цѣлому министерству — мѣра революціонная, равняющаяся требованію, чтобы правительство низверглось. Совершенно иное дѣло при вотированіи отдѣльных статей расхода: тутъ депутаты отвергають только статьи ненужнаго расхода, безъ котораго администрація легко обходится. Но большіе отдѣлы точно также не могутъ быть отвергаемы цѣликомъ, какъ и цѣлыя министерства, потому что въ каждомъ отдѣлѣ соединены расходы по огромной отрасли управленія, безъ которой нельзя обойтись. Напримѣръ, бюджетъ военнаго министерства состоитъ только изъ двухъ отдѣловъ: въ одномъ соединены всѣ расходы по содержанію войска, крѣпостей, арсеналовъ и такъ далѣе, въ самой Франціи, а въ другомъ всѣ военные расходы, дѣлаемые въ Алжиріи. Отвергнуть первый отдѣлъ значило бы сказать: «распустите всю армію, не оставляя во Франціи ни одного офицера, ни одного солдата; бросьте всѣ работы въ арсеналахъ», — это явная нелѣпость. Отвергнуть второй отдѣлъ значило бы сказать: «Франція должна отказаться отъ Алжиріи» — тоже явная нелѣпость. Точно тоже и по всѣмъ другимъ министерствамъ: всякій большой отдѣлъ совершенно необходимъ. Стало быть, замѣна вотированія по министерствамъ вотированіемъ по отдѣламъ нисколько не увеличиваетъ для законодательнаго корпуса возможности выражать свои требованія отказомъ въ деньгахъ на тотъ или другой предметъ излишняго расхода. Вся разница состоитъ въ томъ, что вмѣсто десяти разъ надобно будетъ собирать голоса разъ семьдесятъ.

Но мы видѣли, что самъ Фульдъ называетъ всякое вотированіе бюджета чистою иллюзіею, потому что до сихъ поръ императоръ французовъ декретировалъ подъ именемъ дополнительныхъ и чрезвычайныхъ кредитовъ такіе расходы, которыхъ вовсе не было въ бюджетѣ, представлявшемся законодательному корпусу. Фульдъ справедливо замѣчаетъ, что при такомъ порядкѣ вотированіе не имѣло никакого вліянія на дѣйствительный ходъ расходовъ, которые опредѣлялись исключительно волею императора и что отъ этого обстоятельства происходилъ дефицитъ. Такъ; но что же предлагаетъ самъ Фульдъ, убѣждая императора французовъ отказаться отъ этого права? Онъ говоритъ, что декретированіе дополнительныхъ и чрезвычайныхъ кредитовъ надобно замѣнить трансфертами, или переводами денегъ съ одной статьи расхода на другую, по усмотрѣнію императора, составляя бюджетъ такъ, чтобы по всѣмъ большимъ статьямъ его назначались лишніе деньги сверхъ дѣйствительной надобности расходованія по этимъ статьямъ; эти суммы, которыя превышаютъ дѣйствительную надобность, будутъ обращаемы на другіе расходы, непоименованные въ бюджетѣ. Но кто же не видитъ, что такая система ничѣмъ, кромѣ виѣшней формы, не отличается отъ прежней? Прежде, напримѣръ, законодательный корпусъ вотировалъ деньги на содержаніе арміи въ 400,000 человекъ, — положимъ, на это было дѣйствительно нужно 400 милліоновъ франковъ. Но императоръ содержалъ армію въ 470,000 человекъ и на содержаніе лишнихъ 70,000 человекъ декретировалъ добавочные кредиты въ 70 милліоновъ франковъ. По мнѣнію Фульда, это должно дѣлаться иначе: надобно, чтобы законода-

тельный корпус на содержаніе арміи въ 400,000 человекъ вотируютъ 470 миллионъ франковъ, хотя на такую армію дѣйствительно нужно только 400 миллионъ; тогда остающіеся въ излишкѣ 70 миллионъ могутъ быть употреблены на лишнихъ 70,000 солдатъ. Разумѣется, при такомъ порядкѣ составленія бюджета не нужно будетъ императору декретировать дополнительныхъ и чрезвычайныхъ кредитовъ.

Читатель видятъ, что перемѣны, предложенныя Фульдомъ, нисколько не касались дѣйствительнаго хода дѣла, а лишь замѣняли одну виѣшнюю форму другой формой, которая только словами разнилась отъ прежней. Фульдъ, повидимому, очень хорошо понималъ размѣръ реформъ, возможныхъ для него и для самого императора. Кажется, нельзя назвать Фульда мечтателемъ. Но что же—когда онъ вступилъ въ должность, оказалось, что и онъ былъ мечтателемъ при составленіи своего плана реформы. Газеты вотъ уже цѣлый мѣсяцъ наполняются слухами о жаркихъ спорахъ между Фульдомъ и его товарищами, особенно министромъ внутреннихъ дѣлъ Периньи. Изъ-за чего идутъ у нихъ споры, никакъ нельзя разобрать, если не вдаваться въ тонкія подразличенія, подобныя разницѣ вотированія по отдѣламъ отъ вотированія по министерствамъ, или различію трансфертовъ отъ дополнительныхъ кредитовъ. Периньи — министръ, имѣющій вліяніе на общій духъ управленія; Фульдъ сдѣланъ министромъ точно съ такимъ же назначеніемъ. Вотъ теперь и говорятъ, что Периньи никакъ не можетъ сойтись съ Фульдомъ въ принципахъ, по которымъ надобно управлять Франціею. О какихъ предметахъ думаютъ они неодинаково, опредѣлить этого никто не умѣетъ. Но какъ бы то ни было, распрія существуетъ; значитъ, должно же быть въ чемъ нибудь несогласіе. Очевиденъ для непосвященныхъ въ тайны только результатъ непоколебимости министра внутреннихъ дѣлъ въ его убѣжденіяхъ: новый министръ финансовъ не успѣлъ пріобрѣсти въ совѣтѣ министровъ того преобладанія, на которое рассчитывалъ. Онъ добивался предсѣдательства въ кабинетѣ—оно оставлено за Валуевскимъ, такъ-называемымъ «государственнымъ министромъ», который по своей незначительности не внушаетъ зависти министру внутреннихъ дѣлъ. Фульдъ добивался, чтобы въ его непосредственное завѣдываніе былъ отданъ «Мониторъ», которымъ завѣдывалъ «государственный министръ»; «Мониторъ» также оставленъ у Валуевского. Вотъ эти причины разногласія понятны и безъ тонкихъ разъясненій. Периньи, не находившій удобнымъ садиться на первое мѣсто и прямо распоряжаться въ редакціи «Монитера», не хочетъ, чтобы перешла эта честь и власть изъ рукъ кліента Валуевского въ руки Фульда, если Фульдъ не станетъ оказывать ему такой же подчиненности, какую оказывалъ Валуевскій; Фульдъ не хочетъ смириться передъ Периньи, потому не получаетъ желаемого, и натуральнымъ образомъ идутъ изъ-за этого интриги и ссоры. Проницательные публицисты, ломающіе головы надъ разрѣшеніемъ важнаго вопроса о томъ, кто полезнѣе для Франціи, Фульдъ или Периньи, предсказываютъ, что Периньи будетъ наконецъ побѣжденъ и удалится въ почетное изгнаніе на прежнюю свою должность лондонскаго посланника. Мы избавляемъ читателя отъ глубокомысленныхъ соображеній о вліяніи этой перестановки лицъ на духъ правительственной системы и отъ догадокъ о вѣроятности самой перестановки.

Споры съ Периньи и Валуевскимъ составляютъ живѣйшую непріятность для Фульда. Иное дѣло министры военной и морской, съ которыми Фульдъ уже пере-

сталъ спорить, не замедливъ убѣдиться въ невозможности опровергнуть ихъ слова, совершенно справедливыя, но разсѣявшія самую значительную изъ иллюзій Фульда. Выставляя громадность дефицита, Фульдъ, конечно, говорилъ о необходимости ввести экономію въ государственные расходы. Сократить ихъ онъ хотѣлъ преимущественно по двумъ статьямъ — по флоту и по арміи. Немедленно по вступленіи Фульда въ должность, морскою министръ объявилъ, что расходовъ по флоту нельзя уменьшить ни на одинъ сантимъ, и что разсуждать объ этомъ дѣлѣ онъ не намѣренъ. Фульдъ не сталъ спорить. Но военный министръ оказался человѣкомъ, съ которымъ можно спорить не безъ удовольствія и успѣха. Фульдъ толковалъ о сокращеніи арміи на цѣлую половину. Военный министръ сказалъ, что можно подумать о нѣкоторомъ сокращеніи расхода. Фульдъ вдвое сбавилъ свои требованія — рѣчь пошла объ увольненіи 100,000 солдатъ въ безсрочный отпускъ. Военный министръ сказалъ, что это пустяки. Фульдъ закнулся было, чтобы отпустить хотя 80,000 солдатъ, — военный министръ пожалъ плечами. Фульдъ, видя неосновательность своихъ мыслей, попросилъ военнаго министра самого рѣшить, нельзя ли сдѣлать чего нибудь въ такомъ родѣ, хотя въ какомъ нибудь размѣрѣ. Военный министръ сказалъ, что онъ, пожалуй, отпустить на нѣкоторое время тысячъ до двадцати солдатъ; но только не на годъ, а такъ на нѣсколько мѣсяцевъ, или быть можетъ на нѣсколько недѣль. Фульдъ остался доволенъ и тѣмъ.

Вотъ мы видимъ тутъ, какъ хорошо улаживаются благоразумные люди, когда несогласны бываютъ не въ личныхъ своихъ дѣлахъ, а въ общественныхъ вопросахъ. Военному и морскому министрамъ Фульдъ уступилъ безъ всякаго огорченія, потому что дѣло тутъ шло только о возможности или невозможности уменьшить дефицитъ. Нельзя, такъ и нельзя, обижаться и огорчаться тутъ нечему. Мы увѣрены, что и съ Перепнымъ Фульдъ поладилъ бы такъ же легко, если бы споръ относился къ какимъ нибудь общественнымъ надобностямъ. Но къ сожалѣнію, не столь уступчивы бываютъ самые достойнѣйшіе люди въ своихъ личныхъ требованіяхъ. Впрочемъ читатель не поколеблется въ надеждѣ, что никакія несогласія между французскими сановниками не испортятъ системы, по которой управляется Франція. Принципы этой системы выше всякихъ личныхъ неудовольствій, они вытекаютъ изъ необходимости вещей.

Дѣйствительно, пока французскія партіи не согласились между собою, или пока ни одна изъ нихъ не привлекла къ себѣ рѣшительнаго большинства во французской націи, необходимо существовать такому правительству, при которомъ находились бы все партіи въ искусственномъ перемиріи между собою. А для этого нужно, чтобы ни одна изъ нихъ не участвовала въ правительствѣ. Если же все партіи устранены взаимными своими отношеніями отъ правительственной власти, то, конечно, некому быть правителями, кромѣ людей чуждыхъ всемъ партіямъ. Нынѣшніе французскіе правители формально присвойваютъ себѣ это качество, — непринадлежность ни къ какимъ партіямъ, — и гордятся имъ.

Перемиѣна, приближеніе которой обнаруживается документами, подобными докладу Фульда, въ значительной степени замедляется тѣмъ, что вниманіе французскаго общества сильно отвлечено отъ внутреннихъ дѣлъ виѣшними политиками. Въ этомъ заключается главный расчетъ французскаго правительства мѣшать устройству итальянскихъ дѣлъ. Пусть лучше, чѣмъ о своихъ дѣлахъ, французы разсуждаютъ о томъ, какую пользу извлекаютъ итальянцы изъ покровительства

императора французовъ, или какой вредъ наносить имъ его враждебности; пусть идутъ споры о томъ, каковы истинныя отношенія парижскаго кабинета къ туринскому, думаетъ ли императоръ когда нибудь вывести французскія войска изъ Рима и такъ далѣе; развязка этихъ сомнѣній была бы вредна тѣмъ, что оставила бы французамъ больше времени думать о самихъ себѣ.

А въ Италіи усиливается неудовольствіе медленностью хода дѣлъ. Оно дошло до того, что министерство Рикасоли колеблется ропотомъ значительной части большинства, непоколебимо вотивовавшаго за Рикасоли въ предыдущую сессію парламента. Мы говорили прошлый разъ, что туринскіе министры дѣлали отчаянныя усилія выпросить у императора французовъ, если не дѣйствительную уступку, то по крайней мѣрѣ хотя какое нибудь обѣщаніе по римскому вопросу, чтобы не явиться передъ парламентомъ съ пустыми руками. Ходъ переговоровъ составлялъ дипломатическую тайну; тѣмъ не менѣе газеты очень вѣрно знали безуспѣшность ихъ. Теперь Рикасоли принужденъ былъ сознаться передъ парламентомъ, что римскій вопросъ ни на шагъ не подвинулся дипломатическимъ путемъ. Кромѣ этой неудачи, въ которой туринское министерство нимало не виновато,—никто бы не могъ добиться другаго результата, дѣйствуя по принципамъ, въ которыхъ министерство согласно съ парламентскимъ большинствомъ,—кромѣ этой безвинной неудачи, Рикасоли сильно потерпѣлъ отъ обстоятельства, въ которомъ уже самъ виноватъ. Читатель помнитъ о томъ, что неаполитанскій намѣстникъ Чальдини, лучший боевой генералъ прежней пьемонтской арміи, получалъ безпрестанныя непріятности за то, что не отталкивалъ отъ себя популярныхъ людей, безъ содѣйствія которыхъ не могли быть успокоены волненія въ южной Италіи. Онъ возстановилъ въ Неаполѣ популярность Виктора-Эммануэля, потрясенную дурными мѣрами прежнихъ намѣстниковъ, дѣйствовавшихъ по узкимъ инструкціямъ туринскаго кабинета и, заслуживъ привязанность населенія южной Италіи, прекратилъ въ ней бурбонскую агитацію, принимавшую опасныя размѣры. Но въ этомъ помогали ему люди, ненавидимые туринскому кабинету, въ качествѣ маццинистовъ или гарибальдійцевъ, и Рикасоли, вѣрный наслѣдникъ кавуровской нетерпимости, далъ, въ общихъ формахъ, отставку Чальдини. Такое неблагоприятное оскорбленіе человѣка, уважаемаго за военныя заслуги, а еще больше за честность характера, оттолкнуло отъ Рикасоли многихъ. Чальдини перешелъ на сторону оппозиціи, усилившейся значительнымъ числомъ голосовъ. Теперь разсчитываютъ, что если партія умѣренной оппозиціи, руководимая Фарини, соединится съ людьми нѣсколько побольше либеральными, предводителемъ которыхъ служить Раттацци, то Рикасоли будетъ низвергнутъ, и въ кабинетъ войдутъ Чальдини, Раттацци, Фарини. Очень можетъ быть, что это и случится. Но если перемѣна будетъ состоять только въ этомъ,—она не будетъ имѣть никакого вліянія на ходъ дѣлъ, которыя пойдутъ быстрѣе только въ томъ случаѣ, если Раттацци, сдѣлавшись первымъ министромъ, захочетъ опираться не на Фарини, ставшаго въ непримиримую вражду съ популярными людьми, а на этихъ людей, съ которыми легко ему сблизиться и по своимъ прежнимъ сношеніямъ съ ними и чрезъ Чальдини. Мы еще не знаемъ, какъ думаетъ дѣйствовать Раттацци: считаетъ ли онъ себя довольно сильнымъ, чтобы составить кабинетъ, или предпочтетъ по прежнему оставлять власть въ рукахъ Рикасоли; а если захочетъ низвергнуть Рикасоли, то захочетъ ли опираться на лѣвую сторону; намъ кажется, что теперь

еще неправдоподобенъ этотъ послѣдній шансъ; но къ нему постепенно ведетъ возрастающее неудовольствіе безуспѣшностью дипломатизированія, наслѣдованнаго нынѣшнимъ министерствомъ отъ Кавура.

Если бы Франція была совершенно свободна въ своей виѣшней политикѣ, неопредѣленное положеніе итальянскаго дѣла было бы очень быстро развязано вооруженнымъ вмѣшательствомъ Франціи, которая возстановила бы въ Италіи порядокъ, назначенный условіями виллафранкскаго договора. Королевство Обѣихъ Сицилій воскресло бы или съ прежнею бурбонскою, или съ новою мюратовскою династіею, а средняя Италія была бы опять какъ нибудь раздѣлена между папою и кѣмъ нибудь изъ прежнихъ владѣтелей, или припчемъ Наполеономъ. Французскій кабинетъ никогда не отказывался отъ желанія привести Италію въ такой видъ, благопріятный французскому господству надъ нею. Но для исполненія этой мысли нужна война съ итальянцами, а войны этой не хочетъ допускать Англія. Слѣдовательно французскому кабинету очень сподручно было бы запутать Англію въ какое нибудь дѣло, за которымъ не могла бы она останавливать французовъ ни въ итальянскихъ, ни въ нѣмецкихъ дѣлахъ (читатель знаетъ, что вмѣшательство въ германскія дѣла также очень привлекательно для Франціи). Недавно и блеснулъ было для Франціи лучъ надежды избавиться отъ англійскаго контроля въ Европѣ. Но по послѣднимъ извѣстіямъ, надежда оказывается разрушающеюся.

Она состояла въ томъ, что Англія объявитъ войну Соединеннымъ Штатамъ. Намъ скучно бываетъ разбирать дѣла, которые сами по себѣ не имѣютъ важности, а выставляются только предлогами, прикрывающими серьезный расчетъ, да и ведутся по формальнымъ тонкостямъ, изворачивающимся въ какую угодно сторону; тѣмъ скучнѣе толковать о подобныхъ дѣлахъ, что газеты съ необыкновенною охотою набрасываются на такой вздоръ и трубятъ о немъ гораздо больше, чѣмъ о серьезныхъ отношеніяхъ. Читатель не можетъ не знать мельчайшихъ подробностей англо-американскаго столкновенія, о которомъ собственно не стоило бы говорить ни одного слова. Посланные южныхъ штатовъ въ Англію и во Францію, Мезонъ и Слайделль, успѣли на пути своемъ въ Европу добраться до Гаванны и еѣли тамъ на англійскій почтовый пароходъ, дѣлающій рейсы между Гаванной и вестъ-индскимъ островомъ св. Томы, откуда ходятъ англійскіе почтовые пароходы прямо въ Англію. Сѣверо-американскій военный корабль подстергалъ этихъ агентовъ, остановилъ англійскій пароходъ, на которомъ они ѣхали, взялъ ихъ и отвезъ въ сѣверные штаты, гдѣ вашингтонское правительство содержитъ ихъ подъ арестомъ. Въ Англіи эта вѣсть пробудила сильнѣйшій гвалтъ объ оскорбленіи англійскаго флага, въ сѣверной Америкѣ такой же гвалтъ въ пользу смѣлости американскаго капитана, не остановившагося передъ англійскимъ флагомъ. Нѣсколько дней казалось, что вспыхнетъ война, и Франція очень усердно возбуждала къ ней Англію. Ни одна англійская газета не горячилась столько изъ-за чести англійскаго флага, какъ французскія полуофициальныя газеты. Но прошло недѣли полторы, и случай, надѣлавшій такой горячки, началъ представляться и американцамъ, и англичанамъ, въ свѣтѣ менѣе раздражительномъ. Англичане стали вспоминать, что сами они во всѣ войны поступали съ нейтральными кораблями точно также, какъ американцы съ ихъ почтовымъ пароходомъ, и что неприлично для нихъ слишкомъ много сердиться на своихъ подражателей. Американцы разсудили, что мало имъ пользы держать подъ арестомъ

двухъ южныхъ джентльменовъ, пока единомышленники этихъ двухъ джентльменовъ имѣютъ армію въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ; кромѣ того они узнали, что американскій командиръ, арестовавшій южныхъ посланниковъ, дѣйствовалъ по собственному соображенію, а не по инструкціи правительства, и стало быть, вашингтонскому правительству нѣтъ никакого униженія отказаться отъ отвѣтственности за горячій поступокъ капитана. Такимъ образомъ непріятность, вѣроятно, будетъ какъ нибудь улажена.

Но будетъ ли она улажена, или въ самомъ дѣлѣ начнется между Англіею и Америкою война, на которую подбиваетъ англичанъ французскій кабинетъ, это зависитъ вовсе не отъ истолкованій международного права англійскими и американскими юрисконсультами, а отъ вліянія расчетовъ болѣе существенныхъ. Въ Англіи очень многіе радуются распадению Соединенныхъ Штатовъ, то есть ослабленію державы, которая представлялась слишкомъ сильною соперницею. — Южные штаты объявляютъ себя приверженцами свободной торговли, а тарифъ сѣверныхъ штатовъ довольно высокъ; кромѣ того многіе англичане уже думаютъ, что надобно силою освободить отъ блокады южные порты, чтобы возстановился вывозъ хлопка въ Англію. Въ Америкѣ желаютъ войны съ Англіею тайные приверженцы плантаторовъ въ сѣверныхъ штатахъ; они рассчитываютъ, что раздраженіемъ противъ англичанъ заглушится въ сѣверныхъ штатахъ ненависть къ инсургентамъ, и можно будетъ возстановить союзъ уступками въ пользу плантаторовъ. Теперь пока еще не берутъ эти разносторонніе интересы перевѣса надъ отвращеніемъ массы народа и въ Англіи и въ сѣверныхъ штатахъ, отъ войны, которая была бы слишкомъ тяжела для обѣихъ сторонъ; вотъ почему и надобно полагать, что дѣло объ арестѣ южныхъ посланниковъ на англійскомъ пароходѣ кончится мирнымъ образомъ.

Наши замѣтки за прошлый мѣсяцъ оканчивались извѣстіемъ объ отплытіи сильной экспедиціи изъ сѣверныхъ штатовъ на югъ для овладѣнія какимъ нибудь важнымъ пунктомъ побережья, откуда можно было бы дѣйствовать въ тылъ главной арміи инсургентовъ, стоящей по южному берегу Потомака. Экспедиція безъ большаго труда овладѣла Портъ-рояльской гаванью, лежащею верстахъ въ шестидесяти на югъ отъ Чарлстона, главнаго города южной Каролины, и заняла городъ Бьюфортъ, лежащій близъ этой гавани. Не пускаясь въ догадки о томъ, каковы будутъ дальнѣйшія дѣйствія сѣвернаго флота на южномъ берегу и что будутъ дѣлать войска, высадившіяся въ Портъ-Рояль, мы приведемъ только слѣдующій отрывокъ изъ разсказа одного офицера экспедиціоннаго корпуса. Подробности, въ немъ сообщаемыя, важны тѣмъ, что показываютъ, какой быстрой гибели подвергнутся инсургенты, если продолженіе войны заставитъ союзное правительство призвать негровъ къ возстанію.

«Подъ вліяніемъ свѣжаго впечатлѣнія (говоритъ авторъ приводимаго нами разсказа) спѣшу описать вамъ сцену, видѣнную мною, — ничего болѣе печальнаго я не видывалъ. Какъ только вступили мы на берегъ, мы подверглись прискорбнымъ ощущеніямъ. Двери магазина, стоящаго на гавани, были разломаны, окна выбиты и все находившееся въ магазинѣ разграблено: остатки провіанта были разбросаны по землѣ; повсюду лежали пустые боченки, изъ которыхъ было разлито вино или масло людьми, думавшими только о разрушеніи. Далѣе встрѣчали мы на каждомъ шагѣ то же самое. Всѣ лавки и магазины были разграблены. Мы не видѣли ни одного бѣлаго — всѣ они бѣжали; капитанъ Роджерсъ тотчасъ же поставилъ караульныхъ и отдалъ строгое приказаніе не трогать ничего. Негры,

которыхъ мы видѣли съ моря, ушли съ награбленными вещами; но другія группы негровъ бродили около насъ и раскланивались съ нами. Мы спрашивали ихъ, куда дѣвались бѣлые. Повсюду былъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «всеѣ они убѣжали, какъ только началась стрѣльба; а насъ они бросили». Дѣйствительно, владѣльцы негровъ обратились въ поспѣшное бѣгство, какъ только началась бомбардировка Портъ-Рояля. Они старались убѣжденіемъ или силою заставить негровъ удалиться съ ними; но напрасно, негры остались; къ нимъ присоединились другіе негры изъ окружающихъ мѣстъ и начали грабить городъ.

«Мы входили въ обширные дома, въ которыхъ роскошно жили за нѣсколько дней владѣльцы ихъ, и находили богатую мебель переломанной, книги и бумаги разбросанными по полу, зеркала разбитыми, замки шкафовъ сломанными, фертельно опрокинутыми; даже изъ перинъ былъ выпущенъ пухъ. Это разрушеніе производилось не изъ одной корысти, а также и просто изъ желанія разрушать, потому что во многихъ случаяхъ пользы изъ него нельзя было извлечь грабителямъ. Бѣгство было очень поспѣшно, такъ что почти въ каждомъ домѣ мы находили забытыя письма и бумаги. Приглашенія къ обѣду лежали на столахъ комнатъ, тѣны которыхъ были оборваны, и почти вся мебель разбита и разломана неграми, о которыхъ владѣльцы ихъ утверждали передъ нами, что они совершенно покорны, смиренны, и готовы сражаться за своихъ господъ. Мы смотрѣли на все это и думали, какъ сильно и быстро наказаны эти люди, начавшіе возстаніе.

«Негры сказали намъ, что бѣлые возвращаются въ городъ небольшими отрядами каждую ночь передъ разсвѣтомъ. Они просили насъ преслѣдовать ихъ, обѣщая указывать намъ дорогу. Нѣтъ сомнѣнія, что всеѣ негры сосѣднихъ мѣстъ готовы бѣжать отъ своихъ господъ и уже бѣжали тысячами.»

8098